

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 3 • 2020

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

Машкевич И.М., Орлов В.Н., Зайцев О.А.

Издатель:

Издательство «Проспект»

Главный редактор

Машкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет

Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Гордиенко Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Сарсенбаев Талгат Есмилевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия

Абшилова Георгий Валерьянович, доктор юридических наук, профессор, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, почетный адвокат Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрэн Шакарпулы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильашенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия, г. Орел)

Монокон Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права, научный сотрудник ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Тунапчиев Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primum» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устюгова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нуруллович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, почетный работник МВД России (Россия, г. Казань)

Хельмман Уве, dr. jur. habil., профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия, г. Потсдам)

Хунянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор

Редникова Татьяна Владимировна

Помощники выпускающего редактора

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел Филиала Академии управления МВД России «Болшево», член Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Овчинникова Елизавета Олеговна, редактор-переводчик (Россия, г. Москва)

Почта журнала

skk_ykk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2020. — № 3

М.: ООО «Издательство Проспект», 2020. — 213 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 01 февраля 2018 г.

Подписано в печать 28.08.2020 г. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. XX п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2020-3-216

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 3 • 2020

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Zaytsev O.E.

Verleger:

Prospekt

Der Chefredakteur

Matskevich Igor Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Präsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zvyagintsev Aleksandr Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rechtsanwalt, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Vereidigter Rechtsanwalt der Russischen Föderation (Jekaterinburg, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhny Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Fillipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademiemitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Lehrstuhlinhaber für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender

der Pskower Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskov, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlleiter für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I.S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Nomokonov Vitaly Anatolevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladivostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhny Novgorod (Nyzhny Novgorod, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlleiterin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonosov Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skuratov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Präsident der Stiftung „Förderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts“ (Moskau, Russland)

Tupancevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät „Justinianus Primus“ der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Kasaner Föderalen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Privoljskij Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawische) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Victorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur Assistenten

Prikhodko Natalia Yuryevna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Lehrerin am Lehrstuhl für die Ausbildung der Leitung der Organe für Inneren Angelegenheiten in der Filiale der Akademie des Innenministeriums Russlands "Bolshovo", Mitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna, Redakteurin-Übersetzerin (Moskau, Russland)

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62 E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2020. — Nr. 3

Moskau: Gmbh "Verlag Prospekt", 2020. — 213 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbesccheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 01. Februar 2018.

Am 28.08.2020 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8, Offsetdruck Papier. Druckliste XX. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2020-3-216

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 3 • 2020

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Zaitsev O.E.

Publisher:

Prospekt

The Editor-in-Chief

Matskevich Igor Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksandr Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Ural Federal District of Russia, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Filippovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Head of the Chair of Criminal and Economic Criminal Law at the Faculty of Law of the University of Potsdam (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov

State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I.S. Turgenyev University (Orel, Russia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal and Criminal Executive Law at Nyzhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nyzhny Novgorod (Nyzhny Novgorod, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebila Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Iustinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at Kazan Federal University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Privolzhskiy Federal District of Russia, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Shamurzaev Taalibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belorussia)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Victorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor's Assistants:

Prikhodko Natalia Yuryevna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Training the Management Staff of Internal Affairs Bodies in the Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Bolshevo", Member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna, Editor-Translator (Moscow, Russia)

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2020. — No. 3

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2020. — 213 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 28.08.2020. Format 60×90¹/₈. Offset paper. Pr. Sheets XX. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2020-3-216

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ: ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Приветственное слово ректора Академии Государственного
управления при Президенте Азербайджанской Республики
Урхана Алакбарова 7

Приветственное слово ректора Московского
государственного юридического университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктора Владимировича Блажеева 8

Приветственное слово ректора Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Владимира
Александровича Мау 9

Трибуна вуза. АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ AZƏRBAYCAN RESPUBLİKASININ PREZİDENTİ YANINDA DÖVLƏT İDARƏÇİLİK AKADEMİYASI

Акберов Рахиб Абдулла оглы
Проблемы формирования национальных источников права
в период Азербайджанской Демократической Республики
(1918–1920 гг.) 10

Алиев Бахтияр Абдурахман оглы
Ахметзаде Назреддин Мурад оглы
Тактические особенности проведения
антитеррористических мероприятий на объектах морской
инфраструктуры 18

Алиев Назим Казым оглы
Дифференциации ответственности за профессиональные
преступления медицинских работников по законодательству
Азербайджанской Республики 24

Алиев Намик Гасан оглы
Некоторые соображения по поводу
«легитимности непризнанных государств» 31

Алиев Этибар Али оглы
Транспортная безопасность в международных перевозках 37

Велиев Исахан Вейсал оглы
О международно-правовом регулировании защиты прав
и свобод человека 43

Гулиев Эмин Рамиз оглы
Основная характеристика и классификация актов
уголовного законодательства Азербайджанской
Демократической Республики (1918–1920 гг.) 51

Гюльалиева Ромелла Алиевна
Криминологические аспекты обеспечения
продовольственной безопасности в Азербайджане 56

Курбанов Габил Сурхай оглы
Ответственность и наказание за международные
преступления в уголовном законодательстве Азербайджана 61

Мацкевич Игорь Михайлович
Криминологические взгляды Гейдара Алиева 68

Мирзоев Ага Керим Ага Салим оглы
Отдельные аспекты криминологического исследования
организованной преступности 76

Мустафаев Чингиз Фейруз оглы
Вопросы строительства социального государства 82

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы
Наказание в Священных Писаниях 90

Салимов Кямил Назим оглы
Глобальная контртеррористическая стратегия Организации
Объединенных Наций и необходимость совершенствования
работы по исправлению и перевоспитанию лиц,
осужденных за религиозный терроризм 102

Самедова Шахла Тофик кызы
Уголовная ответственность за измену государству
в уголовном праве Азербайджанской Республики 109

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Барциц Игорь Нязбеевич
Краковский Константин Петрович
Антикоррупционное законодательство России
в XVIII–XIX веках 117

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Бражин Юрий Юрьевич
Социально-правовая обусловленность уголовно-правовой
охраны общественных отношений в сфере реализации
национального проекта «Здравоохранение» 138

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Кравченко Олег Александрович
Проблемы определения места производства
предварительного расследования 144

КРИМИНОЛОГИЯ

Барков Алексей Владимирович
Взгляд на некоторые элементы системы профилактики
правонарушений в Российской Федерации через призму
социально-предпринимательского опыта 152

Маслакова Елена Александровна
Приходько Наталья Юрьевна
Российский и зарубежный опыт противодействия
криминальным банкротствам 158

Петрякова Антонина Васильевна
Противодействие апологии терроризма в глобальной сети
Интернет на европейском правовом пространстве 163

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Милич Д. Иван
Где исполняется наказание в виде лишения свободы в
Республике Сербия? 168

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

Корчагин Олег Николаевич
К вопросу об эффективности прокурорского надзора
за исполнением законодательства о противодействии
коррупции коммерческими организациями 174

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 183

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 185

ABOUT THE AUTHORS 187

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 189

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 201

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ
И КРИМИНОЛОГОВ» 212

INHALT

AUSLÄNDISCHE REPRÄSENTANZ DES VERBANDES DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN: REPRÄSENTANZ DES VERBANDES DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN IN ASERBAIDSCHAN

Begrüßungsrede von Urkhan Alakbarov, Rektor der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan..... 7

Begrüßungsrede von Victor Vladimirovich Blazheev, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität..... 8

Begrüßungsrede von Vladimir Aleksandrovich Mau, Rektor der Russischen Akademie für Volkswirtschaft und Öffentlichen Dienst beim Präsidenten Russlands..... 9

TRIBÜNE DER UNIVERSITÄT. AKADEMIE DER STAATLICHEN VERWALTUNG UNTER DEM PRÄSIDENTEN DER REPUBLIK ASERBAIDSCHAN

Akbarov Rahib Abdulla oğlu
Die Probleme der Bildung der nationalen Rechtsquellen während der Aserbaidschanischen Demokratischen Republik (1918–1920)..... 10

Aliyev Bakhtiyar Abdurakhman oglu, Ahmetzade Nazreddin Murad oglu
Taktische Merkmale der Anti-Terror-Tätigkeiten auf Gegenständen der Meeresinfrastruktur..... 18

Aliyev Nazim Kazim oglu
Differenzierung der Verantwortung für die Berufskriminalität von Medizinern nach der Gesetzgebung der Aserbaidschanischen Republik..... 24

Aliyev Namig Hasan oglu
Einige Überlegungen zur "Legitimität der nicht anerkannten Staaten"..... 31

Aliyev Etibar Ali oglu
Verkehrssicherheit im internationalen Verkehr..... 37

Veliyev Isakhan Veysal oglu
Über die völkerrechtliche Regelung von Schutz der Menschenrechte und Freiheiten..... 43

Guliyev Emin Ramiz
Das Hauptmerkmal und die Klassifizierung von Straftaten der Demokratischen Republik Aserbaidschan (1918–1920)..... 51

Gulaliyeva Romella Aliyevna
Kriminologische Aspekte der Gewährleistung der Ernährungssicherheit in Aserbaidschan..... 56

Gurbanov Habil Surkhay oglu
Verantwortung und Strafe für internationale Verbrechen in der Strafgesetzgebung der Republik Aserbaidschan..... 61

Matskevich I.M.
Heydar Aliyevs kriminologische Ansichten..... 68

Mirzoev Aga Kerim Aga Salim oglu
Einzelne Aspekte der Kriminologischen Untersuchung der organisierten Kriminalität..... 76

Mustafayev Chingiz Feyruz oglu
Fragen des Aufbaus des Sozialstaates..... 82

Ragimov Ilham Mammadgasan oglu
Strafe in den Heiligen Schriften..... 90

Salimov Kamil Nazim

Globale Anti-Terror-Strategie der Vereinten Nationen und die Notwendigkeit der Verbesserung der Arbeit zur Korrektur und Umerziehung von Personen, die wegen religiösen Terrorismus verurteilt wurden..... 102

Samadova Shahla Tofiq
Strafbarkeit wegen Hochverrats im Strafrecht der Republik Aserbaidschan..... 109

DIE THEORIE UND DIE GESCHICHTE DES RECHTES UND DES STAATES

Bartsits I.N., Krakovsky K.P.
Korruptionsstrafrecht in Russland in den 18.-19. Jahrhunderten..... 117

STRAFSRECHT

Brazhin Yu.Yu.
Soziale und rechtliche Konditionalität des strafrechtlichen Schutzes der Öffentlichkeitsarbeit bei der Durchführung des nationalen Projekts "Gesundheitswesen"..... 138

CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Kravchenko O.A.
Probleme bei der Standortbestimmung der Durchführung eines Voruntersuchungsverfahrens..... 144

KRIMINOLOGIE

Barkov A.V.
Ein Blick auf einige Elemente des Kriminalpräventionssystem in der Russischen Föderation durch das Prisma sozialer und unternehmerischer Erfahrung..... 152

Maslakova E.A., Prikhodko N.Yu.
Russische und ausländische Erfahrung von Widerstand gegen kriminelle Konkurse..... 158

Petryakova A.V.
Bekämpfung der Apologie des Terrorismus im globalen Internet im europäischen Rechtsraum..... 163

STRAFVOLLZUGSRECHT

Milić Ivan D.
Wo werden Gefängnisstrafen in der Republik Serbien vollzogen?..... 168

SICHERHEIT DER PERSON, DER GESELLSCHAFT, DES STAATES UND DER INTERNATIONALEN GEMEINSCHAFT

Korchagin O.N.
Zur Frage der Wirksamkeit der staatsanwaltschaftlichen Aufsicht über die Umsetzung der Antikorruptionsgesetze durch Handelsorganisationen..... 174

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN..... 185

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER..... 189

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN..... 212

CONTENTS

FOREIGN REPRESENTATION OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS: FOREIGN REPRESENTATION OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS IN AZERBAIJAN	
Welcoming speech by Urkhan Alakbarov, Rector of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan.....	7
Welcoming speech by Victor Vladimirovich Blazheev, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).....	8
Welcoming speech by Vladimir Aleksandrovich Mau, Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.....	9
PRESENTATION OF THE UNIVERSITY. ACADEMY OF PUBLIC ADMINISTRATION UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN	
<i>Akbarov Rahib Abdulla oğlu</i> The formation problems of national law sources during the Democratic Republic of Azerbaijan (1918–1920).....	10
<i>Aliyev Bakhtiyar Abdurakhman oglu, Ahmetzade Nazreddin Murad oglu</i> Tactical features of anti-terrorist activities at marine infrastructure facilities.....	18
<i>Aliyev Nazim Kazim oglu</i> Differentiation of responsibility for professional crimes of medical workers under the legislation of the Azerbaijan Republic.....	24
<i>Aliyev Namig Hasan oglu</i> Some views concerning the “Legitimacy of the unrecognized states”.....	31
<i>Aliyev Etibar Ali oglu</i> Transport safety in international transportation.....	37
<i>Veliyev Isakhan Veysal oglu</i> About international legal regulation of the protection of human rights and freedoms.....	43
<i>Guliyev Emin Ramiz</i> The main characteristic and classification of criminal legislation acts of the Democratic Republic of Azerbaijan (1918–1920).....	51
<i>Gulaliyeva Romella Aliyevna</i> Criminological aspects of ensuring food security in Azerbaijan.....	56
<i>Gurbanov Habil Surkhay oglu</i> Responsibility and punishment for international crimes in the penal legislation of Azerbaijan.....	61
<i>Matskevich I.M.</i> Heydar Aliyev’s criminological views.....	68
<i>Mirzoev Aga Kerim Aga Salim oglu</i> Some aspects of criminological research of organized crime.....	76
<i>Mustafayev Chingiz Feyruz oglu</i> Issues of social state building.....	82
<i>Ragimov Ilham Mammadgasan oglu</i> Punishment in the Scriptures.....	90
<i>Salimov Kamil Nazim</i> United Nations Global Counter-Terrorism Strategy and the need to improve the work to correct and re-educate persons convicted of religious terrorism.....	102
<i>Samadova Shahla Tofig</i> Criminal Liability for High Treason in the Criminal Law of the Republic of Azerbaijan.....	109
THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE	
<i>Bartsits I.N., Krakovsky K.P.</i> Anti-corruption legislation of Russia in the XVIII–XIX centuries.....	117
CRIMINAL LAW	
<i>Brazhin Yu.Yu.</i> Social and legal conditionality of the criminal law protection of public relations in the implementation of the national project “Healthcare”.....	138
CRIMINAL PROCEDURAL LAW	
<i>Kravchenko O.A.</i> Problems in determining the location of the conduct of a preliminary investigation.....	144
CRIMINOLOGY	
<i>Barkov A.V.</i> A look at some elements of the crime prevention system in the Russian Federation through the prism of social and entrepreneurial experience.....	152
<i>Maslakova E.A., Prikhodko N.Yu.</i> Russian and foreign experience of counteraction to criminal bankruptcies.....	158
<i>Petryakova A.V.</i> Countering the apology of terrorism on the global Internet in the European legal space.....	163
PENAL LAW	
<i>Milić Ivan D.</i> Where are prison sentences executed in the Republic of Serbia?.....	168
SECURITY OF THE PERSON, SOCIETY, THE STATE AND THE INTERNATIONAL COMMUNITY	
<i>Korchagin O.N.</i> On the issue of the effectiveness of prosecutorial supervision of the implementation of anti-corruption legislation by commercial organizations.....	174
ABOUT THE AUTHORS.....	187
ANNOTATIONS AND KEYWORDS.....	201
GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE “THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS”.....	212

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ: ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ УРХАНА АЛАКБАРОВА

Дорогие друзья – инициаторы, авторы и читатели российско-азербайджанского выпуска журнала «Союза криминалистов и криминологов»!

Вашему вниманию представляется специальный российско-азербайджанский выпуск журнала, который подготовлен и издан по инициативе Союза криминалистов и криминологов, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина.

Прежде всего позвольте выразить глубокую признательность инициаторам и руководителям этого проекта – всемирно известным ученым, организаторам науки и общественным деятелям – руководителю Союза криминалистов и криминологов России Игорю Михайловичу Мацкевичу, ректору Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Владимиру Александровичу Мау, ректору Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина Виктору Владимировичу Блажееву за сохранение и развитие доброй традиции непрерывного расширения сотрудничества и кооперации юристов – ученых и практиков Азербайджана и Российской Федерации в постоянном совершенствовании правовой базы устойчивого развития наших государств. Этот проект является очередным вкладом в политику дружбы и эффективного сотрудниче-

ства между нашими странами, которую успешно реализуют Президент Азербайджанской Республики Ильхам Гейдар оглы Алиев и Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин.

На современном этапе развития цивилизации человечество сталкивается со множеством различных глобальных и локальных экономических, социальных и гуманитарных вызовов. Успешное решение их возможно лишь в условиях объединения усилий ученых и специалистов различных стран и эффективного международного сотрудничества. Это касается всех отраслей науки и практики, в том числе правового обеспечения экономической, экологической и персональной безопасности людей и их практической деятельности в различных отраслях экономики и при проведении международной политики. Результаты исследований, представленные в настоящем издании, являются очень ценными и служат этим целям. Хочется выразить благодарность также авторам настоящего издания за их вклад в развитие научного и практического сотрудничества между нашими странами, решение практических правовых задач.

С наилучшими пожеланиями и уверенностью в том, что сотрудничество будет расширяться и углубляться.

*Урхан Алакбаров
Ректор Академии государственного управления
при Президенте Азербайджанской Республики
7 июня 2020 г.*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА) ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА БЛАЖЕЕВА

Дорогие друзья!

В 1992 году в МГЮА при активном содействии академика Олега Емельяновича Кутафина была создана общественная организация – Союз криминалистов и криминологов. С 2010 года ее возглавляет профессор И.М. Мацкевич.

Как известно, О.Е. Кутафин всегда поддерживал тесные отношения с Азербайджаном на официальном и неофициальном уровне. Эта замечательная страна подарила ему много близких друзей.

Результатом многолетних тесных отношений О.Е. Кутафина с Азербайджаном, которые имеют исторические корни еще со времен Советского Союза, стал официальный визит в МГЮА Президента Республики – Алиева Гейдара Ализара оглы, с именем которого справедливо связывают нынешнее поступательное развитие республики. Действующий Президент Азербайджана Алиев Ильхам Гейдар оглы более чем достойно продолжает дело своего отца – благодаря его усилиям традиционные дружественные связи между Азербайджаном и Россией постоянно укрепляются.

Отрадно, что традиции научного общения между российскими и азербайджанскими учеными-правоведами поддерживаются и развиваются в ведущих юридических вузах наших стран: Московском государственном юридическом университете имени академика О.Е. Кутафина и в Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, и не только в них. А традиции сотрудничества азербайджанских и российских юристов, заложенные Президентом Гейдаром Алиевым и академиком Олегом Кутафиным, сохраняются и приумножаются.

В Университете имени О.Е. Кутафина ежегодно обучаются сотни азербайджанских студентов, которые после его окончания работают в области юриспруденции как в своей стране, так и во многих других странах мира. Многие из них продолжают обучение в аспирантуре нашего университета и занимаются юридической наукой, которая, как известно, не знает границ.

Ряд успешно защищенных диссертаций соискателями из Азербайджана был посвящен сотрудничеству между нашими странами в борьбе с преступностью.

Круг областей для научного сотрудничества и молодых, и зрелых ученых-правоведов России и Азербайджана чрезвычайно широк. Об этом, в том числе, свидетельствует спектр правовых проблем, рассматриваемых авторами статей посвященного российско-азербайджанскому сотрудничеству тематического номера журнала «Союз криминалистов и криминологов». В нем представлены научные статьи о формировании национальных источников права в Азербайджане в 1918–1920 годах; об ответственности за профессиональные преступления медицинских работников; о легитимности непризнанных государств; об электронных технологиях определения оптимальной меры наказания; о международно-правовом регулировании защиты прав и свобод человека; об ответственности за международные преступления; о взглядах юриста на проблему наказания в Священных Писаниях, а также о многих других научных и практически значимых проблемах, актуальных и для Азербайджана, и для России, да и для всего остального мира.

Хочу еще раз поприветствовать наших азербайджанских друзей и коллег, пожелать нам успешной реализации многих совместных научных и практических проектов, а также выразить уверенность, что традиции дружбы и научного поиска помогут нам правильно решить те масштабные задачи, которые стоят сегодня перед всеми нами и которые без преувеличения сегодня называют глобальными вызовами человечеству.

Искренне надеюсь, что наше сотрудничество будет продолжаться и крепнуть!

Ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

*Заслуженный юрист России
Виктор Владимирович Блажеев*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА МАУ

Дорогие друзья – участники российско-азербайджанского выпуска журнала «Союз криминалистов и криминологов»!

Позвольте поприветствовать инициативу Союза криминалистов и криминологов – авторитетной общественной организации, объединяющей ведущих российских и зарубежных правоведов. Союз и журнал были созданы во время беспрецедентных трансформаций в общественной, политической, экономической жизни страны. Изменения происходили так быстро, были настолько разительными, что требовали глубокого осмысления и, можно сказать, правовой классификации.

Союз криминалистов и криминологов, возглавляемый известным российским ученым-юристом Игорем Михайловичем Мацкевичем, достойно развивает традиции, заложенные основателями организации, среди которых особая роль принадлежит Олегу Емельяновичу Кутафину, который поддержал инициативу ее создания и был ее первым и единственным почетным членом. Такие традиции предполагают активное сотрудничество с юристами других государств. Каждый совместный научный, издательский проект вносит свой вклад в это важное и полезное дело.

Журнал «Союз криминалистов и криминологов» объединил известных экспертов, специалистов разных отраслей права, стал площадкой для обсуждения ключевых вопросов развития значимых сфер правового регулирования. Он завоевывал доверие не только в научном мире, но и в среде специалистов-практиков, которые стали его постоянными читателями и авторами. Журнал внимательно следит за изменениями правовой системы, правоохранительной и правоприменительной практики России, за опытом зарубежных коллег, прежде всего из стран Содружества Независимых Государств.

Для всех нас исключительно важно сохранить отношения дружбы и понимания, которые на всех этапах истории характеризовали сотрудничество между Россией и Азербайджаном. Применительно к Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации основы такого взаимодействия были заложены знаковыми для советской, азербайджанской и российской науки деятелями: профессором Джангиром Аббас оглы Керимовым и профессором Чингизом Гусейн оглы Гусейно-

вым. Новое поколение профессуры Академии настроено на слаженную совместную работу со своими коллегами из азербайджанских университетов, в том числе и прежде всего из Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики.

То, что партнером Союза криминалистов и криминологов России по данному изданию выступила именно родственная нам Академия из Азербайджана, подтверждает взаимность этих устремлений. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить ректора Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики Урхана Кязим оглы Алакбарова за его участие в знаковом исследовательском и издательском проекте, инициированном РАНХиГС при Президенте РФ – «Эволюция государственного управления стран постсоветского пространства (1991–2021 гг.)».

Наша задача – всемерно способствовать научному сотрудничеству между университетской профессурой, студенческой мобильности, реализации совместных образовательных и профессиональных проектов. Например, для меня лично исключительно приятно, что в проводимом нами по поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина конкурсе «Лидеры России» неизменно успешно участвуют представители Азербайджанской Республики.

Здесь были кратко обозначены лишь некоторые практические дела, связывающие исследователей и практиков России и Азербайджана. Представляемый номер журнала «Союз криминалистов и криминологов» является интересным и значимым событием в этом перечне. Уверен, что за этим выпуском последуют другие, не менее яркие научные и издательские проекты.

Такие проекты вносят весомый вклад в политику добрососедства и дружбы, основы которой создают президенты наших стран – Владимир Владимирович Путин и Ильхам Гейдар оглы Алиев.

С самими искренними пожеланиями здоровья, активного научного сотрудничества и взаимопонимания,

*Владимир Мау
Ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Трибуна ВУЗА. АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ AZƏRBAYCAN RESPUBLİKASININ PREZİDENTİ YANINDA DÖVLƏT İDARƏÇİLİK AKADEMİYASI

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В ПЕРИОД АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1918–1920 ГГ.)

Акберов Рахиб Абдулла оглы

Цель: определить правовую базу и правовую природу становления и развития национальных источников права.

Методология: исторический метод, метод системного анализа, логический метод, формально-юридический метод, сравнительный метод.

Выводы: в результате плодотворной деятельности Азербайджанской Демократической Республики удалось выявить научные основы национальных правовых источников. Принятые Азербайджанской Демократической Республикой правовые акты укрепили формирование национального права, его правовые начала и обеспечили его дальнейшее развитие. Именно они определили правопреемство для эмпирических исследований. Определены принципы правовой деятельности государства и механизм власти, основы современной национальной правовой системы.

Научная и практическая значимость. В статье впервые были исследованы специфические особенности формирования и развития национальной правовой системы Азербайджанской Демократической Республики. Как известно, в Декларации Независимости Азербайджанской Демократической Республики (от 28 мая 1918 г.) закреплена основная правовая база национальной государственной системы и системы права. По своей сущности, учитывая национальные особенности, национальное право Азербайджанской Демократической Республики сформировалось как независимая национальная правовая система, имеющая специфические формы, методы и механизмы правотворчества и правоприменения. В то же время национальная правовая система сформировалась и развивалась с помощью формы и элементов Европейского континентального права.

По своей юридической природе азербайджанское право является парламентским и делегированным правом. Это связано с тем, что азербайджанская правовая система сформировалась в процессе деятельности правительственного делегированного права и парламентского законодательства. Парламент-

ское и делегированное право составляли основной источник права Азербайджанской Демократической Республики. Парламент Азербайджана при подготовке и принятии правовых актов учитывает делегированное право.

Делегированное право, в свою очередь, способствовало усилению отрасли административного права. В период Азербайджанской Демократической Республики делегированное и парламентское право обладало доминантным, приоритетным положением по отношению к другим источникам права. Так, гибкие реформы, проводимые в политических и экономических сферах, являлись одним из основных факторов, обуславливающих увеличение количества делегированных и парламентских актов.

Таким образом, национальная правовая система Азербайджанской Демократической Республики, закреплённая в делегированном праве и парламентском праве, укрепляясь с помощью принципов, доктрин и институтов права, обеспечила дальнейшую юридическую преемственность.

Ключевые слова: парламентское право, делегированное право, национальная правовая система, источники права, континентальное право, структура права, порядок правотворчества, правопреемство.

Исследование и историко-правовой анализ национальной правовой системы Азербайджанской Демократической Республики определяет ее основные черты, а также позволяет отслеживать и судить о процессе совершенствования правовой системы. С другой стороны, выявление сущности правовой системы играет очень важную роль в определении политики и правовой идеологии государства в целом. Исходя из общей системы принципов права, можно считать, что положения «Декларации независимости» (от 28 мая 1918 г.), отражающие государственную независимость Азербайджана, выполнили основную функцию правовой базы для отдельно взятых конкретных норм [1, с. 3–9]. Именно создание и деятельность Азербайджанской Демократической Республики как независимого государства создало благоприятное законодательное пространство для формирования единой правовой системы и источников права, охватывающих всю страну.

Изучение традиционных источников права в рамках национальной правовой системы позволяет определить, в первую очередь, уровень развития правоотношений, роль и конкретное применение отдельных источников права в формировании права Азербайджана, эффективность и целесообразность обеспечения правового наследия, а также теоретические основы выявления приоритетных правовых форм и особенностей конкретного развития национального права.

На территории Азербайджана веками не была создана система общего права, которая могла бы использоваться населением всей страны, существовало партикулярное право, в том числе местные обычаи, религиозно-правовые учения Авесты и Мани, законы сасанидов, албанское церковное законодательство, мусульманские правовые нормы, толкования и трактовки по фикху, юридические фетвы шариатских судов, доктринальные правовые взгляды выдающихся мыслителей раз-

личных школ, торговые обычаи на основе шариата, обычаи аснафов и аснафские суды, нормативно-правовые акты, регулирующие налоги и обязанности государства, нормы, регулирующие межрелигиозные отношения, обычаи и правовые указания, регулирующие отношения между селом и общиной. Царское законодательство, правовые нормы, относящиеся к отдельным ханствам, и, наконец, законы Российской империи, также принимали участие в урегулировании общественно-правовых отношений. Становление и развитие же правовых сфер обуславливалось, в соответствии с общественно-экономическими формациями, политико-правовыми особенностями существующего строя – рабства, феодализма и буржуазной структуры в целом [2, с. 12].

Естественно, возникшие на последующих этапах капиталистические отношения повлияли на сущность права, и его субсидирующая феодальная сущность была заменена буржуазной сущностью. С течением времени наряду с традиционными нормами права стали создаваться независимые сферы, относящиеся к новой системе правовых сфер. Так, быстрое развитие нефтяной промышленности в Баку актуализировало принятие законодательных актов в новых правовых сферах, в том числе в области труда, налогов, социального обеспечения, финансов, экологического права.

После объявления Азербайджанской Демократической Республики стали проводиться реформы в правовой системе, в основном из-за формы правления, объявленной в «Декларации независимости»; приоритетным вопросом стало совершенствование и развитие норм права, в первую очередь уголовного законодательства, приведение их в соответствие с новыми условиями и общественными отношениями для выполнения иных прав и обязанностей государства. Эти реформы охватывали выявление и решение существующих

правовых проблем в политической, экономической, культурной, социальной сферах.

Совершенствование существующего законодательства и разработка новых норм, установление верховенства права, систематизация законодательства, создание гибкого правового механизма, защита собственности, имущества, социального обеспечения граждан, создание правоохранительных органов, в которые входят национальные силы, реорганизация и укрепление судебной власти, повышение их профессионализма, в конечном итоге, должно было решить проблему формирования новой системы национального права в республике.

Чтобы определить правовую природу правовой системы Азербайджанской Демократической Республики, необходимо рассмотреть механизмы ее создания. Буржуазное право, мусульманское право и местные обычаи, основанные на романо-германской правовой системе, оказали влияние на различные принципы и создание отдельных институтов правовой системы Азербайджана. Правовая система формируется в комплексе согласованных и принятых для урегулирования общественных отношений связанных между собой правовых средств. Правовые системы выявляют различные противоречия как внутри объективных, так и субъективных условий, формирующихся в государстве и обществе и имеющих определенные задачи. В итоге, устранение этих противоречий возможно только при гармонизации правовых обычаев и локализации коллизий. Для правовых систем важно соблюдение требований юридической техники. Так как юридическая техника определяет динамизм и стабильность, правовые стандарты и процедуры. Именно характер и роль права в обществе позволяет определить сущность правовой системы.

Конгломератная сущность и содержание общезаказанского права до начала XX в. были обусловлены объективной направленностью истории. С объявлением Азербайджанской Демократической Республики были созданы благоприятные условия для определения основных приоритетов границ национального права и созданы широкие возможности для развития его принципов. Эти начала, в свою очередь, гарантируют изучение специфических особенностей формирования национальной правовой системы Азербайджана и его теоретико-методологических основ.

Методологическое детальное исследование источников права, участвующих в формировании национального права, является основой для достижения намеченного основного результата. Эти

источники охватывают самые различные формы права, включая обычаи. Именно систематизированное изучение источников законодательства помогает определить характер национального права. Рецепция и применение российского и закавказского права в правительстве Азербайджанской Демократической Республики были официально приняты в качестве источника права. Консолидация существующего законодательства (Российской империи и Закавказского Сейма) требовала провести «изменения и усовершенствования» в действующих законах [3, с. 193].

Правовая система Азербайджана относится к романо-германскому праву по сходным (аналогичным) правовым признакам. Эти признаки находят свое отражение в структуре права, ведущих правовых институтах, источниках права, разделении права на отрасли, отношении к правовой культуре и менталитету. В системе континентального права признается наличие теоретических пробелов в нормах права, разработанных законодательным органом, но практически эти пробелы считались незначительными. Приоритет закона как источника права заключается в том, что в его основе лежат фундаментальные ценности исторических, социальных, правовых, национальных обычаев в рамках сформировавшейся веками общей правовой культуры.

Отсутствие профессиональных теоретиков в период Азербайджанской Демократической Республики, а также юристов в действующем в тот период парламенте и составе правительства, не позволило подготовить и усовершенствовать существующее законодательство на основе европейской континентальной правовой системы. Напротив, представители Азербайджана в Государственной Думе России, а также государственные служащие, люди, имеющие юридическое образование и в целом выдающаяся просветительская интеллигенция вложили все свои усилия, знания и навыки в развитие этой сферы. Этот процесс также должен был быть воспринят как «запрос», исходящий от природы правового государства Азербайджанской Демократической Республики. Именно юристы и интеллигенция, активно участвовавшие в создании республики, ознакомились с положениями идеального политико-правового документа США «Декларации независимости» и французской «Декларации прав и свобод человека и гражданина». Это сыграло немаловажное значение в подготовке и принятии законодательных норм государственного строя нового светского, демократического, основанного на верховенстве закона государства.

Как политическая хартия «Декларация независимости» Азербайджанской Демократической Республики, также определяла основы государственного права страны. Декларация была правовым документом со статусом Конституции. Декларация, отражающая идею естественного права и общественного договора, имела статус официального государственного акта, определившего правовые основы государства, полномочия органов власти, права и обязанности граждан. В отличие от аналогичных деклараций, впервые в мире в положениях национального правового документа был ликвидирован не только избирательный ценз, применяемый к женщинам, но также и другие ограничивающие участие в выборах цензы, применяемые к иным социальным группам (имущественный, залоговый, возрастной цензы, ценз социального статуса и др.), которые были характерны многим правовым системам того времени.

Развитие национального права за счет рациональных источников осуществлялось путем обеспечения правопреемства. В отличие от обычаев, нормы права применяются в пределах полномочий, установленных государством. Именно в границах определенных правовыми системами выделяются основные виды правовых актов, их группы, принципы правового регулирования, цели и особенности создания системной базы.

Обычай (бытовые и правовые обычаи), являющийся императивным и безусловно первым источником права, имеет важное значение для каждой национальной правовой системы. С этой точки зрения Азербайджанское право должно начинаться с изучения содержания обычного права. Обычаи – простая юридическая форма выражения «народного духа». Вместе с тем, в современном праве обычаи утратили первоначальную природу и значение, адаптировались к новым условиям, подверглись естественной модернизации.

Следует учитывать, что характер каждой правовой системы важен в контексте выявления преимуществ правоприменения. Национальное право Азербайджанской Демократической Республики, исходя из признаков правовой системы основанное на континентальном законе (закон права), является продолжением многовековой исторической традиции. Закон, являющейся формой выражения права, играет важную роль в регулировании правовых отношений. Именно закон играет ключевую роль в понимании права. Процессы, которые произошли в новую эру, привели к введению новых правовых систем в качественно новый этап и определили новую улучшенную правовую

систему. Наследование было включено в национальную правовую систему в обновленном виде. Хорошо известен тот факт, что закон состоит из прецедентов, и тем самым ставит правоприменителя в сложное положение. Это потому, что правительство, которое может легко изменить законы, не может изменить прецеденты.

Являющиеся важным источником права доктрины представляют собой субсидируемый источник, к которому обращаются вышестоящие суды при разрешении споров. Доктрины считаются мнением известных юристов относительно характера и содержания правовых актов. Прямое и существенное влияние доктрин на процесс легализации и правоприменения становится еще более актуальным в условиях, когда судьи сталкиваются с пробелами в законе. Обычно доктрины применяются к общетеоретическим или конкретным областям. В целом, доктрины носят философско-правовой и теоретический характер.

Мусульманское право напрямую связано с историей развития азербайджанского права. Наиболее сложным для национального права было урегулирование юриспруденции в светском праве на основе исламской доктрины. Государственные «полномочия» закона были ограничены мусульманским законодательством. Это связано с тем, что мусульманское право не разделяет религиозные и правовые обязательства, а скорее определяет их как дополняющие друг друга нормы. С другой стороны, мусульманское право действует по-разному в отношении субъективных прав и определяет обязательства, которым должен следовать каждый. Смещение религиозных и правовых норм создает потенциальные коллизии для национальной правовой системы Азербайджана. Следует отметить, что правовые доктрины всегда играли значительную роль в мусульманском праве. Современное право, конечно, усовершенствовалось, обновилось на основе новых общественных отношений, с целью закрепить исторические и культурные корни. Мусульманское право занимало ведущее положение в Азербайджане с VIII до середины XIX в., и по этой причине внедрилось в традицию правовой мысли, формировавшейся азербайджанцами на протяжении веков.

Мусульманское право на протяжении всего своего существования в Азербайджане «присвоило» правовые и регулирующие полномочия государства и «остранило» государство из этих процессов. Например, в мусульманском праве считалось, что семейное право более развито и доминирует. В то же время соблюдение уголовных норм в отношении лиц, причастных к ростовщи-

честву, являлось ярким примером воздействия чисто мусульманского права. Вообще в восточных патриархально-семейных отношениях право на брак и наследство считались наиболее приоритетными. Одним из факторов, способствующих пониманию элементов континентального права в национальном праве Азербайджана, который долгое время находился под влиянием мусульманского права, стало включение его в состав Российской империи. Именно вступление Азербайджана в российское правовое пространство облегчило процесс устранения пробелов, которые могли возникнуть для светского государства во время Азербайджанской Демократической Республики.

Правовая система каждого государства как неотъемлемая часть правовой культуры выступает в качестве важного элемента социальной системы государства наряду с историческими и географическими факторами. Одной из особенностей национальной правовой системы Азербайджанской Демократической Республики был ее унитарный характер. Это связано с тем, что в национальном законодательстве нет политических и правовых факторов, способствующих применению дуалистического права. Трансформация как государственного механизма, так и правовой системы была важной задачей, стоящей перед национальным правительством. Реализация политических, правовых и судебных реформ также требует включения новых элементов в содержание закона.

Правовые акты, принятые Азербайджанской Демократической Республикой, усилили формирование национального права, его правовое начало и укрепили основы его более раннего «правового строя». Однако национальное законодательство, вступая в новую фазу развития, разработало новую политическую и правовую систему, изложенную в Декларации, отделив ее от своей прежней политической структуры и права. Система правоотношений и система государственных органов, сформированная в Азербайджанской Демократической Республике, состоит из существующих источников права, правосознания, правовых знаний, правовой культуры, юридической практики в контексте реальных процессов.

Способность государства принимать законы и формировать необходимый правительственный механизм была определена как важная задача правительства. Именно Декларация укрепила государственную и общественно-политическую структуру и заложила правовые основы ее (государственного) развития [4, с. 213]. Независимость также открыла новые возможности для развития национальной правовой системы. Идея республи-

канизма и идея национального права сформировали правовую систему и ее сущность. Истоки западного буржуазно-демократического права стали постулатом формирования общей правовой культуры Азербайджана. Создание и развитие национальной правовой системы Азербайджанской Демократической Республики органически связано с континентальным правом. По сути, воздействие континентального права на азербайджанское право следует рассматривать как методологическую и правовую основу для национального права. Следует отметить, что Россия сыграла значительную роль в обеспечении правовых отношений, хотя рецепция имперских законов являлась временной.

Декларация, которая является основным правовым и политическим документом государства, определяла основные государственно-правовые принципы, систему органов государственной власти, политические институты, ветви власти, права и свободы, и черты национальной правовой системы в целом. Иными словами, «Декларация независимости» определила юридическое выражение демократических идей. Декларация независимости обеспечивала основные правовые рамки для системы государственного управления и правовой системы. Логическая структура азербайджанского права, его деление на общую и особенную части, основные понятия и правовые структуры дублирует унификацию континентального права. Точное определение правовых границ полномочий между ветвями власти, хотя и имело большое значение, было невозможно из-за имеющихся социально-политических трудностей. Проведение систематизированной кодификации было, конечно, одной из основных задач Азербайджанской Демократической Республики. Совет министров, наделенный полномочиями Национального совета, верховного легитимного органа, также имеет право издавать акты (акты делегирования) по вопросам, находящимся под юрисдикцией законодательного органа. Развитие правовой жизни в республике, динамизм в законодательной сфере, в свою очередь, привел к демократизации нормативных актов. Азербайджанская Демократическая Республика ввела интенсивную процедуру правового регулирования в области военного законодательства и внесла в нее улучшения. Однако правительство не смогло провести серьезную правовую реформу из-за политических трудностей.

Известно, что государственное право обладает особенностями фундаментального права при определении общих принципов для отдельно взятых областей права. Декларация Азербайджанской Демократической Республики, первый

правовой документ, отражающий содержание, природу и практическую значимость национального права и определяющий его демократическую и гуманистическую направленность. Национальная правовая система отдает приоритет обеспечению общих государственных интересов. Право делегирования является неотъемлемым условием технического развития национальной правовой системы. Национальная правовая система, основанная на деятельности законодательной власти (парламента) и общих правовых принципах, обеспечивает важное и динамичное звено в правовом совершенствовании новых политических и социально-экономических отношений в развитии капиталистических отношений [5, с. 73]. Парламент отказался от старых, архаичных (обычное, мусульманское право) норм противоречащих новому праву и работал над созданием модернизированных правовых актов (избирательное право, закон о гражданстве, закон о печати и т.д.).

Государственно-территориальное устройство Азербайджанской Демократической Республики было унитарным, форма государственного режима была демократической, а формой политического правления была парламентская республика. Создание единой системы государственного управления и национальной правовой системы республики, несомненно, является атрибутом государства, как если бы оно имело сущность самоутверждения. Основу системы политических отношений в Азербайджанской Демократической Республике составляли государственные институты – высшие институты власти, в состав которых входили Национальный совет, Кабинет Министров и Меджлис-Мабусан (Парламент). Отсутствие основного нормативно-правового акта (конституции), прямо регулирующего правовой статус основных субъектов высшей государственной власти, вызвало задержки в определении правовых функций государственных учреждений. Это связано с тем, что основными принципами политической системы являются конституционные нормы. «Нехватка» иных правовых актов, которые гармонизируют взаимодействие ветвей власти в Азербайджанской Демократической Республике и определяют границы полномочий, усугубили эту проблему. Поскольку нормы государственного права («Декларация независимости») хоть и определяли основные направления деятельности высшей власти Азербайджанской Демократической Республики, но все-таки не могли полностью заменить правовое регулирование, так как только посредством принятия конкретных законов об отдельных структурных институтах можно было бы решить эту

проблему. Конечно, решение этого вопроса стало бы возможным после принятия конституции (основной закон).

Таким образом, содержание некоторых нормативно-правовых актов субъектов высших органов власти Азербайджанской Демократической Республики (например, о парламентских депутатах и чиновниках, о деятельности исполнительных советов, регулирующих деятельность правительства, о гражданстве, о выборах в советы предприятий и т.д.) позволяет прийти к определенным выводам и дает основания для размышления об организации деятельности, полномочиях и функциях каждой ветви власти. Правовой статус Национального Совета Азербайджана являлся полностью легитимным и регулировал свою деятельность в качестве Учредительного Собрания. Решение о роспуске Национального Совета носило конъюнктурный характер, уменьшив количество его членов до минимума, можно было воспользоваться опытом этого органа.

Азербайджанская Демократическая Республика по юридической природе являлась национально-правовым государством. Первым юридическим документом, сформулировавшим его национально-правовую природу, была «Декларация независимости» (основной государственный закон) Национального Совета Азербайджана. Впервые выражение Национального Совета «Азербайджан» было провозглашено от имени государства. Именно, принятый правительством закон об азербайджанском языке, описание государственного флага (три цвета – тюркизм, модернизация, исламская вера), военный гимн республики, военно-государственные символы, атрибуты, учреждение золотого полумесяца, олицетворяющего гуманитарную деятельность, особая государственная структура безопасности парламента и др., определяющие сущность государства, дополнили специфическую национально-правовую природу государства.

Изучение и анализ специфических и отличительных особенностей формирования и развития национальной правовой системы Азербайджанской Демократической Республики позволяет сформулировать некоторые теоретико-правовые выводы об институциональной структуре права. Известно, что различные правовые системы в рамках развития и изменения общественных отношений выявляют разные противоречия, как в объективных, так и в субъективных условиях, которые устанавливаются и функционируют (носят определенные обязанности) в государстве и обществе. Устранение этих конфликтов возможно только через урегулирование коллизий путем

гармонизации правовых норм. Таким образом, для правовых систем необходимым является условие соблюдения требований юридической техники. Изучение традиционных правовых институтов и источников в контексте национальной правовой системы должно выявить, в первую очередь, уровень развития правовых отношений, роль и конкретное применение различных правовых источников в формировании азербайджанского права, эффективность и целесообразность обеспечения правопреемства, и в конечном итоге особенности национальной правовой системы. Задачами правового регулирования общественных отношений являются, прежде всего, систематизация комплекса средств правовой защиты, обеспечивающих надлежащее поведение.

Таким образом, правовая система каждого государства формируется на основе объективных общих законов общественно-политической жизни. Появление политической независимости и функционирования независимого государства, а также формирование единой правовой системы, охватывающей всю страну, завершает процесс становления правовой системы государства путем определения ключевых руководящих начал (принципов). Суть этого образования связана с существующей политической, экономической, социальной, культурной и правовой идеологией государства.

В дополнение к положениям государственного права в Азербайджанской Демократической Республике парламентские законы и акты о делегировании были основными источниками и правовыми руководящими принципами развития институциональных областей права. Положения государственного права («Декларация независимости») юридически закрепляют государственную власть и социально-политическую структуру, а также определяют политико-правовую конструкцию для ее развития. Однако за короткий период времени сложное и систематическое формирование национального права Азербайджанской Демократической Республики во всех областях права было, конечно, невозможным. В то же время принятые подзаконные акты и разработка действующего законодательства стали основной нормативно-правовой базой для всей системы национального законодательства Азербайджана. Именно, национальная правовая система Азербайджанской Демократической Республики, сформированная в рамках объективных отношений, основывается на своих специфических особенностях развития. Отлаженная правовая база и система управления играют незаменимую роль в обеспечении послед-

ствующего правопреемства национальной правовой системы и определяют ключевые особенности правового управления, национального правового мышления, правовой мысли и правовой культуры в Азербайджане.

В Азербайджанской Демократической Республике совершенствование и возможности практического применения существующих в сфере государственного строительства законов о государстве, гражданских правах и правах человека являлось приоритетной задачей, и этот процесс обусловлен правопреемством. Таким образом, наделение в начале 20-го века избирательным правом женщин наравне с мужчинами должно считаться уникальным актом. Именно демократические, гражданские, светские и правовые основы современного Азербайджана были заложены Азербайджанской Демократической Республикой, и после восстановления государственной независимости эти высокие ценности успешно развиваются и в настоящее время. Обобщая результаты об особенностях институционального развития национальных источников права и теоретических основ источников права, можно выделить следующие признаки:

- система национального права сформировалась в процессе деятельности права делегирования правительства и законодательной деятельности парламента;
- национальное право Азербайджана по своей правовой природе является правом, закрепленным в парламентском законодательстве и актах делегирования;
- парламентское право и акты делегирования составляют основу права Азербайджанской Демократической Республики;
- парламент Азербайджана учитывает право делегирования при разработке и принятии правовых актов;
- делегированное и парламентское право превалируют над другими источниками права;
- прецеденты судов чужды праву Азербайджана и, по сути, право делегирования и парламента обусловлено не созданием, а предотвращением создания судебных прецедентов;
- национальная правовая система регулирует делегированное и парламентское право, совершенствует их, переводя в судебную практику, и превращает в правовую основу для будущей кодификации;
- делегированные акты, в пределах делегированных полномочий охватывают решения, принимаемые Правительством в различных сферах общественной жизни;

– Кабинет министров как делегированный орган принимает акты и обладает статусом властного механизма, проводя целенаправленные реформы в политической и экономической сферах, способствует увеличению числа актов делегирования, включая парламентские акты;

– унификация полномочий в системе управления имеет важное значение для обеспечения гибкости конкретных задач, и институты, обеспечивающие эти механизмы, представлены Советом министров в делегированном праве и Меджлисом-Мабусан в парламентском праве;

– национальная правовая система Азербайджанской Демократической Республики, которая воплощена в делегированном и парламентском праве, укрепляется правовыми принципами, доктринами и институтами, и обеспечивает собственную систему права и последующую правопреемственность;

– национальная правовая система формирует с помощью юридической техники и компонентов континентальной правовой системы;

– право Азербайджана, входящее в континентальную правовую семью, по организационной деятельности придает особую роль и значение

материальному праву по сравнению с процессуальным правом;

– и правовое поле Азербайджанской Демократической Республики развивается своеобразным специфическим путем, сохраняя при этом традиции, сложившиеся до и после независимости.

Наконец, стоит отметить, что исследование опыта и изучение проблем в области построения демократического государства и права в Азербайджане позволяет сделать вывод о том, что изучение государственных и правовых институтов Азербайджанской Республики сегодня не только не утратило своей актуальности, а наоборот, имеет еще большее значение с точки зрения реальности современного, гражданского и глобализирующегося мира. Это обусловлено тем, что в деятельности органов государственной власти очень важно овладеть прогрессивными чертами национальных государственных традиций нашего исторического прошлого. На мой взгляд, при построении правового государства традиции национальной государственности и современной демократии важны для выявления и применения их при необходимости, для укрепления и сохранения наследия государства и правовых традиций.

Литература

1. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920 гг.). Законодательные акты. Баку: Азербайджан, 1998. 560 с.
2. Акберов Р.А. История государства и права Азербайджанской Демократической Республики (28 май 1918 – 27 апрель 1920): монография. Баку, 2018. 400 с.
3. Векилов Р.А. Азербайджанская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Баку: Элм, 1998. 616 с.
4. Исмаилов Х.Д. История государства и права Азербайджанской Демократической Республики. Баку, 2018. 332 с.
5. Кадымалиев А.Р. Традиции парламентаризма в Азербайджанской Республике и современность. Баку, 2013. 200 с.

References

1. Azerbajdzhanskaja Demokraticeskaja Respublika (1918–1920 gg.). Zakonodatel'nye akty [The Azerbaijan Democratic Republic (1918–1920). Legislative acts]. Baku, Azerbajdzhan Publ., 1998. 560 p. (In Russian)
2. Akberov R.A. Istorija gosudarstva i prava Azerbajdzhanskoj Demokraticeskoy Respubliki (28 maj 1918 – 27 aprel' 1920): Monografiya [History of state and law of the Azerbaijan Democratic Republic (28 May 1918 – 27 April 1920): Monograph]. Baku, 2018. 400 p. (In Russian)
3. Vekilov R.A. Azerbajdzhanskaja Respublika (1918–1920 gg.). Dokumenty i materialy [The Republic of Azerbaijan (1918–1920). Documents and materials]. Baku, Jelm Publ., 1998. 616 p. (In Russian)
4. Ismailov H.D. Istorija gosudarstva i prava Azerbajdzhanskoj Demokraticeskoy Respubliki [History of state and law of the Azerbaijan Democratic Republic]. Baku, 2018. 332 p. (In Russian)
5. Kadymaliev A.R. Tradicii parlamentarizma v Azerbajdzhanskoj Respublike i sovremennost' [Traditions of parliamentarism in the Republic of Azerbaijan and Modernity]. Baku, 2013. 200 p. (In Russian)

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ОБЪЕКТАХ МОРСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Алиев Бахтияр Абдурахман оглы
Ахметзаде Назреддин Мурад оглы

***Цель:** определить алгоритм действий антитеррористических подразделений силовых структур при возникновении угроз проведения морского разбоя (террористической акции) в отношении морской инфраструктуры (морское судно, морской шельф, морской порт и т.п.).*

***Методология:** дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** При организации связи в предполагаемой зоне проведения антитеррористической операции (АО) для обеспечения оперативного развертывания средств связи рекомендуется заблаговременно определить место дислокации и подготовить условия для их развертывания.*

***Научная и практическая значимость.** Авторами впервые подробно исследуется вопрос алгоритма действий антитеррористических подразделений силовых структур при возникновении угроз проведения морского разбоя (террористической акции) в отношении морской инфраструктуры (морское судно, морской шельф, морской порт и т.п.).*

***Ключевые слова:** морской разбой, захват заложников, террористический акт, эмоциональная напряженность, переговорщик, личность террориста.*

При возникновении угроз проведения морского разбоя (террористической акции) в отношении морской инфраструктуры (морское судно, морской шельф, морской порт и т.п.) на место происшествия прибывают антитеррористические подразделения силовых структур.

В общем виде при проведении антитеррористических мероприятий по пресечению морского разбоя (морского терроризма) в отношении морской инфраструктуры можно выделить два этапа:

– I этап реализуется при поступлении информации о возможном совершении террористического акта на объекте, т.е. при получении информации из оперативных (негласных) и официальных источников о террористических устремлениях к какому-либо объекту. При этом необходимо учитывать степень полноты данных и степень достоверности информации. Следует отметить, что данные о подготовке морского разбоя (террористической акции) в отношении конкрет-

ного объекта могут быть получены на различных стадиях его подготовки, а именно на стадии замысла террористической акции, на стадии подготовительных мероприятий и сбора информации об объекте, на стадии выдвижения преступной группы к объекту, на стадии непосредственного подхода к морскому объекту;

– II этап проводят в случае поступления информации о захвате морского объекта с целью совершения террористического акта, в том числе с захватом заложников, т.е. по факту захвата ОПО.

На начальном этапе проведения антитеррористической операции (АО) во время развертывания сил и средств, привлекаемых к операции, зоной проведения АО можно считать территорию морской инфраструктуры в пределах его внешнего ограждения, морской акватории, а также места дислокации задействованных сил и средств. В дальнейшем, исходя из складывающейся оперативной обстановки, зону проведе-

ния АО определяет руководитель оперативного штаба (ОШ).

При захвате преступной группой морской инфраструктуры чрезвычайно важно в кратчайшие сроки обеспечить:

- выдвижение из мест постоянного базирования подразделений, задействованных в проведении КО, и занятие ими боевых позиций вблизи объекта, развертывание ОШ, командных пунктов управления, узла связи и другой специальной техники;

- оцепление объекта и расстановку блокпостов для изоляции места расположения террористов от внешнего окружения, недопущение физического контакта террористов с возможными сообщниками, обеспечение собственной безопасности участников АО и третьих лиц (незахваченного персонала морского объекта, пассажиров морского судна и т.д.);

- формирование ОШ осуществляется с учетом действующего законодательства. В целях подготовки и проведения АО, формируются следующие группы: группа обеспечения дорожного движения; группа оцепления; группа разведки; группа захвата; информационно-аналитическая группа; группа ведения переговоров [1, с. 391]; следственно-оперативная группа; группа взаимодействия со средствами массовой информации; группа материально-технического обеспечения и т.п.

На этапе формирования плана проведения АО на конкретном морском объекте необходимо определить требуемое количество сил и средств, задействованных в операции.

При планировании и проведении специальной операции следует придерживаться следующих основных тактических принципов: наступательное мышление; профессионализм; концептуальное планирование операций.

Под концептуальным планированием следует понимать точный расчет сил и средств, необходимых для проведения специальной операции, а также четкую последовательность выполнения позиций плана.

Морские разбойники (террористы), используя современные технологии, объединяются в преступные организации, международные террористические объединения, охватывая при этом значительные территории и группы лиц. В своей подготовительной деятельности лидеры таких группировок прежде всего используют передовые компьютерные технологии, спутники непосредственного телевидения и связи, сотовые радиотелефоны и мобильные телефоны, которые позволяют большинству из них эффективно и безопасно

общаться между собой, усиливать действенность захвата морской инфраструктуры.

Члены этих групп через компьютеры обмениваются информацией со своими единомышленниками, проживающими в разных точках страны или за рубежом. Они насыщают общедоступные компьютерные базы данных и тем самым распространяют подстрекательскую риторику, способную повлиять на умы людей и развить экстремизм в их мышлении. В других базах данных члены преступных группировок могут обнаружить «рецепты» изготовления взрывных устройств, информацию об оружии массового поражения или компьютерные вирусы.

Данный этап формируется как из открытых действий (в отдельных случаях), так и из действий, совершаемых в условиях строжайшей конспирации. Среди них можно назвать такие действия, как:

- постановка программной цели совершения акта захвата объектов морской инфраструктуры;

- подбор и принятие в преступную организацию бойцов, исполнителей, пособников; создание в структуре организации специализированной группы бойцов;

- разработка плана дальнейшей деятельности (отражение в плане мотивов, целей, сроков и средств реализации, а также исполнителей и приемов конспирации);

- выработка норм поведения в сфере взаимоотношений членов такой группы между собой и с окружающим миром (ознакомление с этими правилами всех членов группы, закрепление факта согласия с этими правилами через клятву, дача расписки или иной ритуал).

В одной ситуации, когда имеется самостоятельное финансирование группировки, осуществляется политико-боевая подготовка террористов, накопление огнестрельного оружия, ВВ и ВУ, а в другой – когда такое финансирование отсутствует, совершаются корыстно-насильственные преступления с целью получения денежных и технических средств для основного финансирования и технического оснащения преступной деятельности. Примером обеспечительной деятельности группы является совершение таких преступлений, как сбыт наркотиков или части имеющегося оружия, разбойные нападения, в том числе и на воинские склады, с целью хищения оружия или ВВ И ВУ, захват заложников для получения выкупа и т.д.

Многие нападения на объекты морской инфраструктуры, как показывает анализ международной практики, совершаются преступниками после тща-

тельной предварительной подготовки. Наиболее часто подготовительными действиями бывают:

- подбор объекта для нападения, изучение этого объекта (получение сведений о наличии и времени на палубе корабля членов экипажа, подъезд к объекту, о входах и выходах, средствах связи, охране, возможностях нахождения на объекте посторонних лиц во время нападения и др.);

- подбор соучастников преступления (часто для совершения такого рода преступлений подбираются другие «посторонние» участники);

- предварительная договоренность о времени, месте и способах совершения нападения, выработка конкретного плана совершения преступления;

- приобретение или изготовление оружия, приспособленного для совершения конкретного преступления;

- подбор приспособлений или специальное изготовление различных орудий, необходимых для проникновения на намеченный морской объект и вскрытия (взлома) запоров;

- заблаговременное устранение препятствий для совершения нападения;

- предварительная подготовка транспортных средств для подъезда к объекту и отъезда от него по окончании преступления, а также для вывоза похищенного имущества или людей (заложников);

- подыскивание места для последующего личного укрытия (непосредственно после совершения нападения) либо лиц, которые смогли бы спрятать преступников, орудия преступления или имущество, добытое преступным путем;

- предварительная договоренность с конкретными лицами о продаже им в дальнейшем похищенного имущества, горюче-смазочных материалов, нефти, или подбор лиц, которые смогли бы реализовать добытые преступным путем;

- отработка версий поведения и дачи показаний следственным органам в случае задержания кого-то из членов группы, подбор адвокатов для них в случае провала, выработка линии поведения в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства;

- заблаговременное нарушение сигнализации и средств связи с целью затруднения передачи в дежурные части полиции или специализированные охранные подразделения сообщений о нападениях и т.д.

Информация о плане проведения АО в отношении морской инфраструктуры носит секретный характер. Поэтому для предотвращения ее «утечки» и необходимо план разбить на блоки по числу ведомств, привлекаемых к операции, и заполнять соответствующие блоки (исходя из общих вво-

дных) отдельно по каждому ведомству, отдельно, независимо друг от друга.

Таким образом, в основе структурного построения типового плана заложены два основных принципа: концептуальное планирование; блочная структура.

В вопросах обеспечения собственной безопасности сотрудников задействованных подразделений при организации и проведении АО, следует отметить, что угрозой собственной безопасности, которая может иметь как внешний, так и внутренний характер, является неудовлетворительное решение вопросов материально-технического, финансового и иного обеспечения деятельности органов безопасности, их сотрудников, лиц, оказывающих содействие таким органам. При организации связи в предполагаемой зоне проведения АО для обеспечения оперативного развертывания средств связи рекомендуется заблаговременно определить место дислокации и подготовить условия для их развертывания.

Известно, что успешность проведения специальной операции по освобождению заложников зависит от целого ряда факторов, среди которых, по мнению специалистов, основным является ведение переговоров. Причем роль переговорщика является исключительной, так как именно от его действий во многом зависит исход специальной операции, начиная от полного отказа от преступления (соответственно, спасение жизни, как заложников, так и сотрудников специальных подразделений, осуществляющих контртеррористическую операцию по освобождению заложников и нейтрализации (задержанию) террористов), с одной стороны, и проведением штурма с минимальным ущербом, указанным выше лицам – с другой.

Актуальность разработки целостной системы требований к переговорщику, в том числе требований к его личностным характеристикам и способностям, не вызывает сомнения. Подтверждением этого тезиса является, как показывает практика, тенденция к популяризации преступлений, связанных с захватом заложников. Диапазон последних колеблется от преступлений уголовного характера (захват заложников от «безысходности» лицами, пытающимися избежать задержания силами правопорядка) до крупномасштабных террористических актов (захват заложников с целью влияния на социально-политическую ситуацию, как в своей стране, так и за ее рубежами). Таким же широким представляется и перечень требований, которые выдвигаются лицами, захватившими заложников – от возможности избежать правосудия, до выдвигения заведомо невыполнимых

требований (вывести военный контингент из какой-либо страны, области и т.п., смена политической власти и прочее), причем, естественно, в кратчайшие сроки.

Возвращаясь к теме данной статьи, следует, на наш взгляд, выделить ряд условий и задач процесса ведения переговоров с лицами, захватившими заложников, которые в своем единстве и будут определять психологические требования [2, с. 28], предъявляемые непосредственно к личности переговорщика. При этом среди условий ведения переговоров можно выделить следующие:

- реальная опасность здоровью и жизни переговорщика;
- возлагаемая на переговорщика ответственность за сохранность здоровья и жизни заложников с одной стороны, и выполнение поставленной штабом антитеррористической операции задачи — с другой;
- непредсказуемость и неопределенность поступающей информации;
- дефицит времени на принятие решений и лимитированность действий переговорщика, как законодательством, так и принимаемыми решениями штаба специальной операции;
- чрезмерная психоэмоциональная напряженность;
- «социальная изоляция», индивидуальная ответственность за процесс ведения переговоров или их срыва;
- отсутствие, в случае непредвиденных обстоятельств, помощи со стороны сил, осуществляющих специальную операцию.

Среди основных задач, решение которых возлагается на переговорщика в рамках специальной операции по освобождению заложников, можно выделить следующие:

- снятие психоэмоциональной напряженности начальной стадии процесса ведения переговоров;
- выяснение (уточнение) обстоятельств и обстановки в зоне ведения специальной операции по освобождению заложников;
- выяснение личности (личностей) террористов, их количества, возрастных, физических, психических и других особенностей, сведений об их намерениях, связях с другими преступными формированиями (лицами) включенными (участствующими) в террористическом акте, видах и количестве вооружения;
- выяснение количества и категорий заложников, их физического состояния (здоровья и т.п.);
- выбор наиболее удобной (целесообразной) формы ведения переговоров (устно «лицом

к лицу», письменно, с использованием технических средств связи, опосредовано (через заложника или переводчика).

Так, по мнению Ю.С. Горбунова, если одна сторона (в нашем случае — лица, удерживающие заложников) использует деструктивные приемы обсуждения некоей проблемы, такие как: запугивание и угрозы, унижения партнера и оскорбления в его адрес, ссылка на свою доминантную позицию (оружие, смерть заложников, вероятность подрыва стратегического объекта и др.), уклонение от обсуждения проблемы, то в противовес вторая сторона (парламентер) вынужден противопоставлять следующие приемы: конкретность высказываний, их доступность пониманию, информативность ответов (или возражений, реплик), вовлеченность в продолжение диалога [3, с. 72]. Из указанной выше модели можно сделать вывод, что основным требованием к личности парламентаря (лица ведущего переговоры) будут требования к его коммуникативным способностям, знаниям психологии общения, а также знаниям способов и приемов преодоления (нейтрализации) конфликтных ситуаций, возникающих в ходе переговорного процесса.

В основу следующей модели легла работа Д.В. Ольшанского [4, с. 57] и др. Суть этой модели заключается в том, что в основе конструктивного взаимодействия двух конфликтующих сторон лежат способности к распознаванию и адекватной интерпретации эмоциональных состояний лиц, удерживающих заложников, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать поведение террористов, реальность их угроз здоровью и жизни заложников. Выбирая из всего многообразия состояний человека в качестве объекта исследования состояние эмоциональной напряженности, в котором, безусловно, находятся лица, удерживающие заложников, исследователи руководствуются, как правило, следующими соображениями. Эмоциональные состояния — той или иной степени интенсивности — сопровождают практически любую деятельность человека, так как отражают, согласно распространенной в психологии концепции отношений между мотивами и успехом, или возможностью успешной реализации, отвечающей им деятельности субъекта. Таким образом, представители указанной выше модели склоняются к мнению, что основными требованиями к личности переговорщика выступают характеристики его эмоциональной сферы и способностей к распознаванию эмоциональных состояний партнера по общению.

Еще одной, достаточно распространенной, моделью конфликтного общения, и, соответственно, выдвигаемых требований к участникам такого общения, есть такая, которая предполагает доминирование интеллектуальных и волевых качеств участников процесса общения [5, с. 158]. Таким образом, парламентар, вступая в диалог с лицом (лицами) удерживающим заложников, оперирует, в первую очередь, такими мыслительными операциями, как сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, систематизация в формах размышления, умозаключения и т.п., другими словами, апеллирует к когнитивной оценке предмета общения (переговоров).

Рассмотренные выше модели конфликтного общения и опора участников переговорного процесса на различные личностные качества и способности позволяют в определенной мере решать поставленные перед переговорщиком задачи. Переговорщику, не зависимо от избранной тактики ведения переговорного процесса, требуются знания и практические умения для преодоления специально создаваемых барьеров общения, диктуемых, в первую очередь, ультимативной формой выдвижения требований.

После окончания переговоров переговорщик совместно с психологом спецподразделения дает характеристику личности преступника на основе таблицы [6, с. 267–271].

Подводя итог, следует, на наш взгляд, проанализировав условия и задачи ведения переговорного процесса с лицами, удерживающими заложников, основными психологическими требованиями к личности переговорщика признать такие:

Мобильность мышления, которая позволит переговорщику выбирать такой стиль общения и аргументы, которые будут, с одной стороны, способствовать решению поставленных перед ним задач штабом антитеррористической операции по

освобождению заложников и нейтрализации террористов, а с другой, – способствовать созданию ситуации, при которой проведение силовой фазы специальной операции по освобождению заложников и задержанию террористов будет максимально эффективным и безопасным.

Эмоциональная устойчивость (в течение длительного времени) позволит нейтрализовать воздействия условий ведения переговорного процесса, и, соответственно, продолжать их, не снижая эффективности.

Толерантность к неопределенности. Ситуация ведения переговоров с лицами, захватившими заложников, характеризуется отсутствием четко определенных условий ее разрешения. В таком случае парламентарю необходимо адекватно реагировать на отсутствие «обратной связи» с террористами.

Умение вести торги и затягивать время. Уметь предлагать обмениваться за любое из исполняемых требований преступника – путь к успешным переговорам [7, с. 159].

Сегодня основными методами, применяемым психологами кадровых аппаратов в структуре правоохранительных органов при работе с личным составом в «процессе проведения профессионального отбора, изучения индивидуальных особенностей и профессиональной деятельности сотрудников» являются: метод психолингвистики; метод психологического моделирования ситуаций и действий; комплексный метод и др. [8, с. 208–209].

Таким образом, на наш взгляд, поднятая проблема психологических требований к личности переговорщика является комплексной и такой, которая выходит за рамки одной статьи и требует всестороннего, междисциплинарного подхода, что составляет отдельную перспективную линию исследований.

Литература

1. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: монография / под общ. ред. А.В. Возженикова. М.: изд-во РАГС, 2005. 526 с.
2. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М.: изд-во «Юрлитинформ», 2002. 559 с.
3. Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему: монография. М.: Молодая гвардия, 2008. 459 с.
4. Ольшанский Д.В. Психология терроризма: монография. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
5. Литвинов Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ): монография / под ред. С.Е. Вицина. М.-Воронеж: ВИ МВД России, 1999. 219 с.
6. Лерой Т. Антитеррор: руководство по освобождению заложников / пер. с англ. К. Ткаченко. М.: Фаир-Пресс, 2005. 270 с.

7. Марьин М.И., Касперович Ю.Г. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 202 с.
8. Ивахин А.Е., Прыгунов П.Я. Оперативная деятельность и вопросы конспирации в работе спецслужб (по материалам открытой печати и литературы): в 6 т. Т. 1. Киев: КНТ. 408 с.
9. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М.: Юрид. литература, 1970. 223 с.
10. Луценко В.В., Моторный И.Д. Антибомбинг – гражданские технологии противодействия бомбовому терроризму. М.: Шумилова, 2000. 150 с.

References

1. Mezhdunarodnyi terrorizm: bor'ba za geopoliticheskoe gosподstvo: Monografiya [International terrorism: the struggle for geopolitical domination: Monograph]. Ed. A.V. Vozzhenikov. Moscow: Izd-vo «RAGS» Publ., 2005. 526 p. (In Russian)
2. Ustinov V.V. Mezhdunarodnyi opyt bor'by s terrorizmom: standarty i praktika [International experience in the fight against terrorism: standards and practice]. Moscow: izd-vo «Yurlitinform» Publ., 2002. 559 p. (In Russian)
3. Gorbunov Yu.S. Terrorizm i pravovoe regulirovanie protivodeistviya emu: Monografiya [Terrorism and legal regulation of counteraction to it: Monograph]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2008. 459 p. (In Russian)
4. Olshansky D.V. Psikhologiya terrorizma: Monografiya [The psychology of terrorism: Monograph]. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. (In Russian)
5. Litvinov N.D. Terroristicheskie organizatsii: formirovanie i deyatel'nost' (politiko-pravovoi analiz): Monografiya [Terrorist organizations: formation and activity (political and legal analysis). Monograph]. Ed. S.E. Vitsin. Moscow-Voronezh: VI MVD Rossii Publ., 1999. 219 p. (In Russian)
6. Leroy Thompson. Antiterror: Rukovodstvo po osvobozhdeniyu zalozhnikov [Anti-Terror: A Guide to the Release of the Hostages]. Translated from English by K. Tkachenko, Moscow: Fair-Press Publ., 2005. 270 p. (In Russian)
7. Maryin M.I., Kasperovich Yu.G. Psikhologicheskoe obespechenie antiterroristicheskoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Psychological support of anti-terrorism activities: Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Academy» Publ., 2007. 202 p. (In Russian)
8. Ivakhin A.E., Prygunov P.Ya. Operativnaya deyatel'nost' i voprosy konspiratsii v rabote spetssluzhnb (Po materialam otkrytoi pechati i literature) [Operational activities and issues of conspiracy in the work of special services (Based on materials from the open media and literature)]. In 6 volumes, vol.1. Kiev: KNT Publ. 408 p. (In Russian)
9. Larin A.M. Rassledovanie po ugovolnomu delu. Planirovanie, organizatsiya [Criminal Investigation. Planning, organization]. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1970. 223 p. (In Russian)
10. Lutsenko V.V., Motor I.D. Antibombing – grazhdanskii tekhnologii protivodeistviya bombovomu terrorizmu [Antibombing – civilian counterterrorism technology]. Moscow: Shumilova Publ., 2000. 150 p. (In Russian)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Алиев Назим Казым оглы

Цель: изучение проблем классификации профессиональных преступлений медицинских работников. Анализ законодательного регулирования дифференциации ответственности за эти деяния в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики.

Методология: формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, синтез, историческое правоведение, системный подход.

Выводы: справедливая и правильная дифференциация уголовной ответственности является одним из оптимальных путей в успешной борьбе с преступностью. Поэтому удачная дифференциация ответственности по всем видам преступлений всегда стоит как приоритетная задача перед законодательным органом. В нормах действующего уголовного закона дифференциация уголовной ответственности за преступления медицинских работников произведена в общей форме, и этот процесс не носит регулярный и полный характер. Используя различные критерии, автор представляет несколько вариантов классификации профессиональных преступлений медицинских работников по законодательству Азербайджанской Республики. Отмечается, что дифференциация ответственности должна выступать в качестве основного направления национального уголовного законодательства, так как справедливость наказания и его адекватность к совершенному деянию в первую очередь зависят от этого. Поэтому определение критериев и средств дифференциации уголовной ответственности за профессиональные преступления медицинских работников, подготовка конкретных предложений по их формулировке в уголовном законе являются современными задачами уголовного права.

Научная и практическая значимость. Исследования способствуют углублению научно-теоретических знаний в вопросах, связанных с профессиональными преступлениями медицинских работников, а также дифференциацией уголовной ответственности за рассмотренными общественно опасными деяниями. Представленная статья может создать условия для прогрессирования правового мышления в указанном направлении.

Ключевые слова: жизнь и здоровье человека, уголовное законодательство, профессиональные преступления, пациент, медицинские работники, дифференциация ответственности.

Все другие ценности в обществе определяются относительно жизни и здоровья человека. Суждения Стива Джобса, одного из основателей огромной корпорации «Apple», который сражался с беспощадной неизлечимой болезнью, высказанные им в своем выступлении под названием «Три истории моей жизни» в Стейнфордском Университете, еще раз доказывают, что жизнь это незаменяемое

человеческое благо: «...Никто не хочет умирать, даже те, кто хочет и могли попасть в рай...» (См.: Речь Стива Джобса перед выпускниками Стэндфордского университета – легендарные 3 истории // URL: <http://steven-jobs.ru/rech-stiva-dzhobsa-pered-vypusknikami-stendfordskogo-universiteta-legendarnye-3-istorii> (дата обращения: 16.04.2020)). И без здоровья большинство социальных благ теряет свой

смысл. Поэтому охрана человеческой жизни и здоровья считается одним из основных условий общественной жизни. За их нарушение предусмотрены различные виды правовой ответственности, одним из них является уголовно-правовая ответственность. При совершении преступления против жизни и здоровья, они, как правило, либо теряются, либо подвергаются вредному последствию, восстановление при котором не является возможным.

Жизнь, здоровье человека – одно из важнейших благ, гарантированных Конституцией Азербайджанской Республики. В ст. ст. 27 (право на жизнь), 31 (право на безопасное проживание) и 41 (право на охрану здоровья) первой Конституции независимой Азербайджанской Республики, разработанный под руководством общенационального лидера Гейдара Алиева, и принятый в 1995 году путем всенародного голосования – референдума, была закреплена неприкосновенность общественных отношений, связанных с человеческой жизнью, безопасностью и здоровьем. Согласно ст. 12 Конституции, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики, является высшей целью государства.

Наряду с созданием новой системы общественных отношений, процесс интеграции в Европейское сообщество, построение правового государства и демократического общества, проведение политико-экономических, социально-культурных и правовых реформ после восстановления независимости республики обусловили принятие новых законов, соответствующих международным стандартам и обеспечивающих надежную защиту прав и свобод человека. Действующий Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [10], утвержденный законом от 30 декабря 1999 г. и вступивший в действие с 1 сентября 2000 г. (далее – УК), относится именно к таким законодательным актам, так как он основан на общечеловеческих принципах и научно обоснованных положениях. В VIII Разделе действующего Уголовного кодекса АР предусмотрены преступления против личности. Этот раздел начинается с «Преступлений против жизни и здоровья» (глава 18). Впервые в истории уголовного законодательства страны преступления против личности были размещены впереди всех преступлений в Особой части УК, за исключением только преступлений против мира и человечества. Охрана общественных отношений, связанных с человеческой жизнью и здоровьем, оцениваемая в качестве общечеловеческой со-

циальной ценности, является одним из основных задач уголовного закона.

Несмотря на сравнительную стабильность норм уголовного закона, регулирующие преступления против жизни и здоровья, следует отметить, что в новом УК вопросы уголовной ответственности за упомянутые деяния в определенной степени отличаются от предыдущего УК, принятого в 1960 году. Тенденция постепенного роста в динамике преступности является одним из основных признаков, характеризующих ее в современном мире. Такая ситуация характерна почти для всех стран мира. В последнее время все чаще встречаются случаи причинения вреда жизни и здоровью при оказании медицинской помощи. Криминологический анализ преступности традиционно осуществляется на основе следственно-судебной практики и статистических данных. Особенностью криминальных ятрогений является тот факт, что вышеуказанные материалы по данному виду преступности практически отсутствуют. Фактическое представление о состоянии преступности в сфере оказания профессиональной медицинской помощи можно получить преимущественно из материалов, публикуемых в средствах массовой информации, либо из обращений граждан [5]. Но согласно статистическим данным Всемирной организации здравоохранения, каждый год в больницах умирает гораздо больше людей из-за врачебных ошибок, чем людей погибших в ДТП. По данным Минздрава РФ, ежегодно совершаются от 40 до 50 тысяч врачебных ошибок. Но это лишь зафиксированные ошибки, в действительности их гораздо больше [6, с. 3]. Криминологическими исследованиями установлено, что в развивающихся и в постсоветских странах число профессиональных преступлений медицинских работников значительно выше, чем в развитых странах мира. А также в последние годы рассматриваемые преступления имеют тенденцию к росту во всех странах [1, с. 14]. Отмеченные обстоятельства обуславливают необходимость усиления уголовно-правовой борьбы с общественно-опасными деяниями, совершенными в этой сфере. Поэтому охрана общественных отношений, связанных с человеческой жизнью и здоровьем, является одним из основных задач уголовного закона.

Вдобавок, следует отметить, что проблемы ответственности медицинских работников за профессиональные преступления сами по себе являются сложными проблемами уголовно-правовой доктрины. Следственно-судебная практика свидетельствует об объективной сложности таких дел. В определенной степени это связано с проблема-

ми поиска, закрепления и оценки доказательств по уголовным делам о профессиональных преступлениях. В то же время наиболее существенные трудности вызывает оценка состава преступления в действиях медицинского работника [2, с. 105]. В силу доверительных отношений между врачом и пациентом криминальные ятрогении обладают высокой степенью латентности. Несмотря на то, что в развитых зарубежных государствах указанным проблемам посвящено немало работ и исследованы различные аспекты данных проблем, в теории уголовного права вопросы классификации указанных преступлений все еще остаются актуальными.

Оказание медицинской помощи является одним из самых социально важных и полезных. Такая помощь должна оказываться на должном профессиональном уровне. Безусловно, человеку свойственно ошибаться и этого невозможно избежать полностью. Неисполнение или ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей врачами не только приносит вред жизни и здоровью граждан, но и вызывает соответствующую ответственность. Фактическим причинителем вреда здоровью пациента является врач. Профессия врача — это особая миссия для общества. В функции врача входит организация своевременного и квалифицированного обследования и лечения пациента. Во все времена на разных этапах истории существовала ответственность врачей. В Шумере врач мог быть заживо похоронен с больным, которого он не смог вылечить. В Древней Греции врачи освобождались от ответственности только тогда, когда их больные были неизлечимы, и они ему ничем не могли уже помочь [8].

При советской власти регулирование оказания медицинской помощи носило исключительно административный характер, взаимоотношения между участниками данных отношений регулировались в большей степени не законодательными предписаниями, а ведомственными инструкциями и правилами. Плановый характер оказания государственной медицинской помощи не допускало частнопроводных способов защиты нарушенных прав пациентами. Профессиональная ответственность медицинских работников является одной из наиболее актуальных проблем современной здравоохранения. Она продиктована насущной необходимостью повысить уровень правовой и социальной защиты как пациентов, так и лиц, оказывающих медицинскую помощь. Поэтому в действующем Уголовном Кодексе Азербайджанской Республики установлено соответствующая ответ-

ственность за незаконные действия медицинских работников.

Для того чтобы мы могли дать общую уголовно-правовую характеристику общественно опасных деяний, совершенных в медицинской сфере, нам необходимо определить классификацию этих видов преступлений. Потому что системный подход позволяет видеть изучаемые явления в научно обоснованном и структурированном виде, выявлять их взаимосвязи и соподчинения, понять их как части целого. Классификация преступлений по группам учитывает общую для определенного рода преступлений защищаемую ценность. Внутри каждой группы преступлений могут выделяться подгруппы составов по общему непосредственному объекту, характеризующемуся различием объективной или субъективной стороной [9, с. 5]. Одним из основных правил классификации является то, что выделенная группа является самостоятельной по определенным критериям. В теории права по классификации названных преступлений и для определения их критериев проведены некоторые исследования. Например, некоторые ученые предположили, что нарушение требований медицинской этики и медицинской деонтологии является отличительным признаком таких преступлений [4, с. 34]. А другие предположили, что эти действия способны нанести значительный ущерб жизни или здоровью человека [7, с. 13].

Надо отметить, что ответственность за преступления, совершенные в сфере медицинской деятельности, предусмотрена не в отдельной главе УК Азербайджанской Республики, а в разных главах. Причина этого понятна, потому что деление Особенной части уголовного закона Азербайджанской Республики на главы осуществлялось по родовому объекту преступлений. А в теории уголовного права выделяют общий, родовой и непосредственный объекты. Общий объект — это вся система общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Родовой объект соотносится с общим объектом, как общее и особенное, а с непосредственным — как особенное и отдельное. Непосредственный объект преступления — это составная часть родового и общего объекта, в качестве его могут быть признаны лишь конкретные общественные отношения, которые находятся под охраной определенной уголовно-правовой нормы [3, с. 126–128]. Родовым объектом преступления является группа однородных, тождественных общественных отношений, которая защищена уголовным законодательством. Они взаимодействуют между собой и конкретизируют общий объект криминальных деяний. В статье 2.1 действующего УК Азербайджанской

Республики, предусмотрены родовые объекты преступлений. Система Особенной части строится на основе родового объекта преступлений. Несмотря на то, что преступления, совершаемые в области медицины, как правило, наносят ущерб жизни или здоровью человека, или же имеется угроза наступления таких последствий, в качестве уголовно-правового объекта этих деяний выступают и другие виды общественных отношений.

В основу определения понятия профессиональные преступления медицинских работников обычно закладывают дефиницию «ятрогенная», которая была введена немецким психиатром О. Бумке в 1925 г. Отличительным признаком ятрогенных преступлений является их субъект. В уголовном праве принято выделять общих и специальных субъектов. Ответственность медицинских работников, как специальный субъект, предусмотрена в ст. 136 (незаконное искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона, медицинская стерилизация), ст. 137 (купля-продажа и принуждение к изъятию для трансплантации органов или тканей человека), ст. 138 (незаконное проведение биомедицинских исследований или применение запрещенных способов диагностики и лечения, а также лекарственных средств), ст. 141 (незаконное производство аборта), ст. 142 (неоказание помощи больному), ст. 146 (незаконное помещение в психиатрическую больницу) и в других нормах УК АР.

В уголовном законе существуют и другие группы норм, определяющие ответственность за деяния медицинского характера и содержания. Например, убийство, совершенное из корыстных побуждений или по найму, а равно в целях использования органов или тканей потерпевшего (ст. 120.2.5), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в целях использования органов или тканей потерпевшего (ст. 126.2.5), умышленное причинение менее тяжкого вреда здоровью, в целях использования органов или тканей потерпевшего (ст. 127.2.4), заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих служебных обязанностей (ст. 140.4), подмена чужого ребенка в медицинских учреждениях, совершенная из корысти,мести или иных низменных побуждений лицом, на которое возложена обязанность охраны ребенка или заботы о нем (ст. 172), незаконная выдача либо подделка рецептов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 239) и др.

Каждый вид человеческой деятельности, в том числе медицинская помощь (деятельность) долж-

на быть организована, управляема и контролируется. В государственных и в частных медицинских учреждениях со стороны соответствующих должностных лиц контролируется организация медицинских услуг, их качество и выполнение. Хотя те, кто непосредственно выполняют эти функции, могут и не являться медицинскими работниками. Но в данной ситуации они осуществляют профессиональную деятельность в медицинской сфере, выполняют организационно-распорядительные (руководство коллективом, трудоустройство, расстановка кадров, организация труда, дисциплина и т.д.) или административно-хозяйственные функции (управление и распоряжение собственностью и денежными средствами предприятия, урегулирование вопросов заработной платы, вознаграждений, материальной помощи и др.). Поэтому они несут ответственность не как медицинские работники, а как должностные лица по соответствующим нормам Особенной части УК АР. Тем не менее, независимо от того, считается ли медицинский работник должностным лицом в соответствии со ст. 308 УК АР, деяния, совершенные при оказании медицинских услуг пациентам следует рассматривать как профессиональное преступление.

Как видно, нормы, определяющие ответственность за общественно опасные действия, совершенные работниками здравоохранения (медицинским персоналом) при исполнении своих профессиональных обязанностей, предусмотрены не только в главе 18 УК АР (преступления против жизни и здоровья), но и в других главах. Следовательно, объекты преступлений, совершенных в сфере медицинской деятельности, отличаются друг от друга в соответствии с главами УК АР, на которых они размещены (например, глава двадцать вторая – преступления против несовершеннолетних и семейных отношений; глава двадцать шестая – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и др.). С этой точки зрения, объект преступления, совершенного в сфере медицинской деятельности, можно рассматривать как в узком, так и в широком аспекте. Объектом этих преступлений в узком аспекте являются общественные отношения, связанные с защитой жизни и здоровья пациента, его психологические и соматические расстройства. А в широком аспекте объектом являются не только потеря пациентом здоровья или какой-либо ущерб в этом направлении, но и общественные отношения, возникающие в результате совершения преступлений против интересов службы, повлекших за собой материальный

и моральный ущерб в сфере медицинских услуг и так далее.

Тем не менее, в Особенной части УК Азербайджанской Республики можно разграничить уголовно-правовые нормы, относящиеся к медицинской деятельности или тому подобное. Например, в соответствии с критерием, согласно которому медицинский работник является ли специальным субъектом, можно выделить следующие группы этих преступлений:

1) преступления, совершаемые только медицинским персоналом (ст. 142 – неоказание помощи больному, ст. 172 – подмена чужого ребенка и др.);

2) преступления, совершаемые как медицинским персоналом, так и другими лицами (ст. 136 – незаконное искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона, медицинская стерилизация, ст. 138 – незаконное проведение биомедицинских исследований или применение запрещенных способов диагностики и лечения, а также лекарственных средств, ст. 140 – заражение ВИЧ-инфекцией, ст. 141 – незаконное производство аборта, ст. 146 – незаконное помещение в психиатрическую больницу и др.);

3) преступления, совершаемые общими субъектами (ст. 120.2.5 – убийство, совершенное из корыстных побуждений или по найму, а равно в целях использования органов или тканей потерпевшего, ст. 126.2.5 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в целях использования органов или тканей потерпевшего, ст. 137 – купля-продажа и принуждение к изъятию для трансплантации органов или тканей человека).

Согласно этой классификации, преступления, совершенные в сфере медицинской деятельности, можно разделить по группам: предусматривающие специальные субъекты, предусматривающие специальные и общие субъекты и предусматривающие общие субъекты.

На основе объекта посягательства рассматриваемых преступлений, можем предлагать нижеследующую классификацию:

1) преступления против жизни (ст. 120.2.5 – убийство, совершенное из корыстных побуждений или по найму, а равно в целях использования органов или тканей потерпевшего, ст. 124 – убийство по неосторожности, ст. 135 – эвтаназия, ст. 136.3 – незаконное искусственное оплодотворение или имплантация эмбриона, проведение медицинской стерилизации, повлекшие по неосторожности смерть человека, ст. 142.3 – неоказание помощи больному, если оно повлекло смерть потерпевшего и др.);

2) преступления против здоровья (ст. 126.2.5 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в целях использования органов или тканей потерпевшего, ст. 127.2.4 – умышленное причинение менее тяжкого вреда здоровью, в целях использования органов или тканей потерпевшего, ст. 131 – причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, ст. 136.2-1 – незаконное искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона, медицинская стерилизация, если это повлекло по неосторожности тяжкого или менее тяжкого вреда здоровью человека, ст. 138.2 – применение запрещенных в установленном порядке способов диагностики и лечения, а также лекарственных средств, если это повлекло по неосторожности тяжкого или менее тяжкого вреда его здоровью, ст. 142.1, 142.2 – неоказание медицинской помощи больному без уважительных причин медицинским работником, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальными правилами, если это повлекло причинение менее тяжкого или тяжкого вреда здоровью больного и др.);

3) преступления против свободы личности (ст. 144-1.2.9 – торговля людьми, в целях использования органов или тканей потерпевшего, ст. 146 – незаконное помещение в психиатрическую больницу);

4) преступления против несовершеннолетних и семейных отношений (ст. 172 – подмена чужого ребенка);

5) преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ст. 239 – незаконная выдача либо подделка рецептов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ).

В медицинской практике наряду с врачебной ошибкой различается и понятие несчастный случай. В отличие от врачебных ошибок, несчастный случай не зависит от действий или бездействия врача. Это неблагоприятный исход, связанный со случайными обстоятельствами, которые врач не может предвидеть и предотвратить. К несчастным случаям следует относить такие неудачные исходы лечения, при которых создается объективная невозможность предвидеть последствия, при этом неудача не зависит от чьих-либо упущений или ошибок, а является следствием трудности случая [11, с. 88]. Лицо не привлекается к уголовной ответственности в силу невиновного причинения вреда, т.е. при отсутствии умысла или неосторожности (ст. 7.2 УК АР). Причинение вреда возможно в форме умысла и неосторожности. На наш взгляд, следует больше уделить внимание причинению вреда с неосторожной формой вины, кото-

рая вызывается ошибкой по отношению субъекта к пациенту. Это связано с тем, что умышленного причинения вреда жизни и здоровью пациента практически не наблюдается. По признаку причинения вреда жизни и здоровью человека, можно выделить три группы преступлений, совершенных в сфере медицинской деятельности:

1) преступления, предусматривающие причинение вреда жизни и здоровья человека (ст. 120.2.5 – убийство, совершенное из корыстных побуждений или по найму, а равно в целях использования органов или тканей потерпевшего, ст. 126.2.5 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в целях использования органов или тканей потерпевшего, ст. 127.2.4 – умышленное причинение менее тяжкого вреда здоровью, в целях использования органов или тканей потерпевшего, ст. 136 – незаконные искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона, медицинская стерилизация, ст. 137 – купля-продажа и принуждение к изъятию для трансплантации органов или тканей человека, ст. 138 – незаконное проведение биомедицинских исследований или применение запрещенных способов диагностики и лечения, а также лекарственных средств, ст. 140 – заражение ВИЧ-инфекцией, ст. 141 – незаконное производство аборта, ст. 142 – неоказание помощи больному и др.);

2) преступления, не предусматривающие причинения вреда жизни и здоровью человека (ст. 172 – подмена чужого ребенка, ст. 239 – незаконная выдача либо подделка рецептов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ и др.);

3) преступления, причиняющие и не причиняющие вреда жизни и здоровью человека (ст. 146 – незаконное помещение в психиатрическую больницу и др.).

На основании вышеизложенного можно выделить следующие общие аспекты преступлений, совершаемых в сфере медицинской деятельности:

1) эти преступления не имеют одного и того же объекта посягательства и посягают на различные виды общественных отношений в соответствии главами Особенной части УК, в которых размещены нормы, предусматривающие ответственность за них (в одном случае общественные отношения, связанные с защитой жизни и здоровья человека, в другом случае с защитой свободы личности, а в третьем связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и др.);

2) некоторые из этих преступлений предусматривают только лишь специальный субъект, некоторые как специальный, так и общий, а третьи – общий субъект.

Литература

1. Боков С.Н. Актуальные проблемы расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 2. С. 14–16.
2. Воропаев А.В., Воропаева И.В., Исаев Ю.С. Ответственность медицинских работников за неоказания помощи больному // Сибирский медицинский журнал. 2006. № 3. С. 105–107.
3. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть. М.: Издательство НОРМА, 2001. 560 с.
4. Новоселов В.П. Ответственность работников здравоохранения за профессиональные правонарушения. Новосибирск: Наука, 1998. 232 с.
5. Огнерубов Н.А. Специфика преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 31 с.
6. Пятанова А.С. Возмещение вреда, причиненного вследствие врачебной ошибки: выпускная квалификационная работа бакалавра. Красноярск: СФУ, 2016. 49 с.
7. Сергеев Ю.Д., Ерофеев С.В. Неблагоприятный исход оказания медицинской помощи. М.: Иваново, 2001. 288 с.
8. Сучкова Т.Е. К вопросу об истоках формирования института юридической ответственности медицинских работников // Медицинское право. 2012. № 4 (44). С. 40–47.
9. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М.: Издательство НОРМА, 2000. 816 с.
10. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (на азерб. языке). Баку: Юридическая литература, 2018. 700 с.
11. Шевчук Е.П. «Врачебная ошибка» и «несчастный случай» в обязательствах по возмещению вреда при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2 (57). С. 88–92.

References

1. Bokov S.N. Aktual'nye problemy rassledovaniya prestuplenii, sovershennykh meditsinskimi rabotnikami [Actual problems of the investigation of crimes committed by medical workers]. Aktual'nye problemy meditsiny i biologii [Actual problems of medicine and biology], 2018, no. 2, pp. 14–16. (In Russian)
2. Voropaev A.V., Voropaeva I.V., Isaev Yu.S. [Responsibility of medical workers for failure to provide assistance to the patient]. Sibirskii meditsinskii zhurnal [The Siberian medical journal], 2006, no. 3, pp. 105–107. (In Russian, abstract in English)
3. Ignatov A.N., Krasikov Yu.A. Kurs rossiiskogo ugolovnogo prava: V 2 t. T. 1. Obshchaya chast' [The course of Russian criminal law: In 2 vols. Vol. 1. General part]. Moscow: NORMA Publ., 2001. 560 p. (In Russian)
4. Novoselov V.P. Otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov za neokazaniya pomoshchi bol'nomu [Responsibility of health workers for professional offenses]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1998. 232 p. (In Russian)
5. Ognerubov N.A. Spetsifika prestuplenii, sovershaemykh meditsinskimi rabotnikami v sfere professional'noi deyatelnosti [Specificity of crimes committed by medical workers in the field of professional activity]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2014. 31 p. (In Russian)
6. Pyatanova A.S. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo vsledstvie vrachebnoi oshibki [Compensation for harm caused as a result of a medical error]. Vypusk. kvalif. rab. bak. 40.03.01. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2016. 49 p. (In Russian)
7. Sergeev Yu.D., Erofeev S.V. Neblagopriyatnyi iskhod okazaniya meditsinskoi pomoshchi [Adverse outcome of medical care]. Moscow: Ivanovo Publ., 2001. 288 p. (In Russian)
8. Suchkova T.E. K voprosu ob istokakh formirovaniya instituta yuridicheskoi otvetstvennosti meditsinskikh rabotnikov [To the question of the origins of the formation of the institution of legal responsibility of medical workers]. Meditsinskoe pravo [Medical law], 2012, No. 4 (44), pp. 40–47. (In Russian)
9. Ugolovnoe pravo Rossii: Uchebnik dlya vuzov. V 2 t. T. 2. Osobennaya chast' [Criminal law of Russia: Textbook for universities. In 2 t. T. 2. Special part]. Ed. A.N. Ignatov and Yu.A. Krasikov. Moscow: NORMA Publ., 2000. 816 p. (In Russian)
10. Ugolovnyi kodeks Azerbaidzhanskoi Respubliki [The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan]. Baku: Yuridicheskaya literature Publ., 2018. 700 p. (In Azerbaijani)
11. Shevchuk E.P. «Vrachebnaya oshibka» i «neschastnyi sluchai» v obyazatel'stvakh po vozmeshcheniyu vreda pri okazanii meditsinskikh uslug [“Medical error” and “accident” in liability for damages in the provision of medical services]. Sibirskii yuridicheskii vestnik [Siberian law herald], 2012, no. 2 (57), pp. 88–92. (In Russian)

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ «ЛЕГИТИМНОСТИ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ»

Алиев Намик Гасан оглы

Цель: на примере армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта показать нелегитимность государственных образований, созданных в результате этно-территориальных конфликтов на постсоветском пространстве.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. 1) В современном мире возникновение новых государств – процесс и явление, не поощряемые мировым сообществом, а потому далеко не частые на практике. 2) В основе образования новых независимых государств лежал правовой договор (в той или иной легитимной форме), т.е. соглашения о создании этих государств, которые были признаны мировым сообществом. Это позволило цивилизованным путем перейти от государственных образований, созданных силой оружия, путем насилия, завоевания и порабощения (СССР, СФРЮ, ЧССР), к независимым государствам, созданным на основе добровольного договора, а потому и признанным другими демократическими государствами. 3) Современное мировое сообщество не рассматривает насилие в качестве способа или метода создания нового государства. Создание нового государства в сегодняшнем демократическом мире возможно лишь при наличии правового договора, когда к добровольному согласию пересмотра границ приходят все заинтересованные стороны. 4) Принцип *uti possidetis* представляет собой крайне важную доктрину, лежащую в основе процесса приобретения государственности новым образованием согласно международному праву. 5) Факт международного признания государства, созданного путем оккупации территорий другого государства, может быть расценен в мире как прецедент, и повлечет за собой непредсказуемые последствия для мирового сообщества.

Научная и практическая значимость. Найти пути для разрешения конфликтов, выхода из сложившейся ситуации в ряде государств-членов СНГ.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, Республика Армения, армяно-азербайджанский нагорно-карабахский конфликт, легитимность, оккупация, принципы признания новых государств, принцип территориальной целостности, принцип *uti possidetis*.

Vim vi repellere licet (Digesta)
Силу следует отражать силой (Дигеста)

Несколько банальных мыслей о «легитимности непризнанных государств на постсоветском пространстве». В основе легитимности любого государства лежит его правовая система. Легитимный процесс формирования волеизъявления народа, основанный на нем законодательный процесс являются необходимыми и определяющими условиями государственного строительства. Лишь после этого можно говорить о леги-

тимности государства. Попробуем разобраться с «правовыми системами» непризнанных государств постсоветского пространства. Мы докажем, что в них сегодня не существует ни права, ни правовой системы, а соответственно и их мнимая «легитимность» лишь миф.

Для обоснования первого тезиса нам придется обратиться к сути права вообще. В Древней Греции и в Древнем Риме содержание прав человека связывали с античным полисом, который позволил выработать и затем передать поколениям огромные духовные богатства, идеи гражданства

и демократии [1, с. 41]. Право вообще и права отдельных людей — членов полиса восходят, согласно античным представлениям, не к силе, а к божественному порядку справедливости.

Как право вообще, так и права отдельных людей невозможны без общей нормы поведения, выражающей одинаковую для всех субъектов меру дозволенного и запрещенного, равную меру свободы. Там, где нет равной меры (общей нормы, единого масштаба), нет и права [2, с. 9].

Знаменитый государственный деятель и законодатель, один из «семи мудрецов» Древней Греции Солон (ок. 638 — 559 гг. до н.э.) понимал закон (и его власть) как сочетание права и силы. Наряду с различием права и закона такая конструкция включала в себя и понимание полисного закона как всеобщей формы и общезначимой меры официального признания и выражения прав членов полиса. Такая всеобщность закона выражает требование правового равенства: все граждане в равной мере находятся под защитой закона и подчиняются его общеобязательным нормам [3, с. 17–18].

Что же мы наблюдаем, например, в так называемой «НКР»? Армянская община численностью 120 тысяч человек из 180-ти тысячного населения НКАО (находящейся в составе Азербайджанской Республики) отказывается подчиняться законам признанного мировым сообществом государства — Азербайджанской Республики; при поддержке вторгшихся на территорию Азербайджанской Республики вооруженных сил Республики Армения изгоняет с территории НКАО азербайджанскую общину численностью в 60 тысяч человек; захватывает прилегающие к Нагорному Карабаху другие территории, изгоняет с них сотни тысяч азербайджанцев, а затем принимается строить «демократическое» государство с «демократической правовой и избирательной системой»? Какова же суть этой правовой системы, распространяющейся на территории, с которых изгнана большая часть коренного населения? Кстати, размер этой большей части коренного населения шестикратно превышает оставшуюся там армянскую общину. Как мы видим, «формирование права» в «НКР» нарушает сущностные принципы права: справедливость, равенство и свободу, без которых — невозможно формирование демократической правовой системы.

Обратимся ко второму тезису. Любому студенту юридического факультета с первых дней учебы становится известным, что право не существует без государства, а государство без права. Очевидно, что для того, чтобы нормы, регулирующие

жизнедеятельность в непризнанных государствах, были признаны правовыми, прежде всего государством следует признать сами эти «образования». В теории и истории государства и права существует множество научных учений о происхождении и природе государства. В этом многообразии современная наука выделяет две основные, наиболее популярные теории: естественно-правовая теория (иначе в литературе ее называют договорной теорией или теорией договорного происхождения государства и права) и теория насилия, усматривающая основную причину возникновения государства в завоевании, насилии, порабощении другими [4, с. 23–39; 5, с. 38–41]. Следует подчеркнуть, что историко-правовой анализ позволяет убедиться в силе аргументов сторонников той и другой теорий.

В современном мире *возникновение новых государств — процесс и явление, не поощряемые абсолютным большинством мирового сообщества*, а потому далеко не частые на практике. Подобное имело место в первой половине 90-х годов прошлого тысячелетия, когда на 15 независимых государств развалился Советский Союз, образовались новые государства вместо Социалистической Федеративной Республики Югославии и Чехословацкой Социалистической Республики, произошло объединение Германии. Несмотря на драматизм сопровождавших эти процессы событий, в основе образования новых независимых государств лежал правовой договор (в той или иной относительно легитимной форме), т.е. соглашения о создании этих государств, которые были признаны мировым сообществом. Это позволило цивилизованным путем перейти от государственных образований, созданных силой оружия, путем насилия, завоевания и порабощения (СССР, СФРЮ, ЧССР), к независимым государствам, созданным на основе добровольного договора, а потому и признанным другими демократическими государствами.

Даже независимость Республики Южный Судан была достигнута на основе согласия соответствующих сторон и в рамках заключенного между ними Всеобъемлющего мирного соглашения. Предвидя возможные неверные толкования в этой связи, Совет Безопасности ООН в заявлении своего Председателя от 9 февраля 2011 г. ясно дал понять, что «этот предусмотренный Всеобъемлющим мирным соглашением процесс представляет собой исключительный случай и сам по себе не создает прецедента» (См.: <http://Inews.az/politics/20111015035253450.html> (дата обращения: 12.03.2020)).

Так, Европейским Сообществом в связи с необходимостью регламентации происходящих процессов на основе норм международного права 16 декабря 1991 г. было принято две Декларации: «О руководящих принципах (критериях) признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе» и «О Югославии». Этими документами Европейское Сообщество, подтверждая свою приверженность Хельсинкскому Заключительному Акту 1975 г. и Парижской Хартии для новой Европы 1990 г., выразило готовность признать государствами субъекты, которые отвечают стандартам международной практики, созданы на демократических основах, выполняют международные обязательства. При этом в Декларации «О руководящих принципах (критериях) признания новых государств в Восточной Европе и на территории Советского Союза» для признания перед новыми государствами были поставлены следующие условия (требования):

1) уважение положений Устава ООН и обязательств, вытекающих из Хельсинкского Заключительного Акта и Парижской Хартии, прежде всего, касающихся демократии и прав человека;

2) гарантирование прав этнических и национальных меньшинств;

3) уважение принципа нерушимости границ, которые могут быть изменены мирными средствами и путем согласия;

4) с целью безопасности и региональной стабильности принятие всех соответствующих обязательств о разоружении и нераспространении ядерного оружия;

5) решение всех вопросов о правопреемстве и региональных споров путем согласия [6, с. 1487].

Через несколько дней после утверждения Критериев, 23 декабря 1991 г., в Заявлении «двенадцати» (членов ЕС – Н.А.) о будущем статусе России и других бывших республик сказано, что они готовы признать бывшие советские республики, входящие в СНГ, как только они получат гарантии от этих республик о готовности выполнить требования, содержащиеся в Критериях.

В этот же период имели место другие события. Определенные силы, используя демократические процессы на вышеобозначенных территориях, попытались создать, под прикрытием демократических и националистических лозунгов, насильственным путем, посредством перекройки границ (т.е. нарушая принцип территориальной целостности и нерушимости границ) новые государства (Нагорный Карабах в Азербайджане, Абхазия и Южная Осетия в Грузии, Приднестровье в Молдове, Чечня в России). Однако ни в одном

из этих случаев мы не имеем место с правовым договором, который был бы признан мировым сообществом. Причина очевидна: современное мировое сообщество не рассматривает насилие в качестве способа или метода создания нового государства. Создание нового государства в современном демократическом мире возможно лишь при наличии правового договора, когда к добровольному согласию пересмотра границ приходят все заинтересованные стороны. В этом контексте было бы уместно обратиться к Декларации Европейского Сообщества от 16 декабря 1991 г. о руководящих принципах признания новых государств Восточной Европы и Советского Союза, подтверждающих среди прочего «уважение неприкосновенности всех границ, которые могут быть изменены только мирными средствами и по взаимному согласию» [6, с. 1487]. 23 декабря 1991 г. в Брюсселе состоялось заседание ЕС на уровне министров иностранных дел, где было обсуждено положение в СССР и некоторых странах Восточной Европы. В принятом на этом заседании Заявлении «Двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик было подчеркнуто, что не будут признаваться государства, возникающие в результате агрессии [7; 8, с. 159–161].

Опыт последующих нескольких лет привел авторов доклада «Наше глобальное соседство» («Our Global Neighborhood»), подготовленного Комиссией по глобальному управлению (Commission on Global Governance) к выводу, что процесс расчленения государств делает мир хуже и значительно усилит нестабильность и опасность в мире [9, с. 74].

Свод норм права Соединенных Штатов в области внешних сношений (третье издание) устанавливает, что «государство обязано не признавать и не рассматривать как государство территориальное образование, которое достигло условия получения права государственности в результате угроз или использования вооруженной силы в нарушение Устава Организации Объединенных Наций» [10, § 202].

Важным является свидетельство члена Подкомиссии ООН по защите прав человека А. Эйде, который пишет, что «...в рамках ООН был достигнут широкий консенсус в отношении того, что границы союзных республик как в бывшем СССР, так и бывшей Югославии должны быть установлены не на основе этнического расселения, а на основе принципа *uti possidetis juris*, означающего, что новыми должны считаться границы, которые ранее существовали как границы союзных республик федерации» [10, с. 282].

В международном праве, по компетентному мнению Райна Мюллерсона, принцип *uti possidetis* означает, что «после обретения независимости, существующие границы защищаются международным правом и любые изменения должны происходить мирно без угрозы силой или ее применения» [11].

Таким образом, принцип *uti possidetis* представляет собой крайне важную доктрину, лежащую в основе процесса приобретения государственности новым образованием согласно международному праву. По существу, он предусматривает, что новые государства получают независимость с теми же границами, которые они имели, когда они были административными единицами в пределах территории или территорий либо колониальной державы, либо уже независимого государства. Основная цель этой доктрины заключается в подчеркивании принципа стабильности государственных границ, но одновременно она также наделяет новое государство легитимностью. Эта легитимность может вытекать из границ, которые первоначально были международными границами, или из границ, которые первоначально были внутренними разграничительными линиями. В первом случае будет, разумеется, применяться норма, касающаяся правопреемства государств в отношении границ, установленных договорами. Однако норма относительно преемственности международных границ представляет собой общий принцип и будет также применяться, независимо от того, как были установлены эти границы, например, посредством признания или посредством международного арбитражного решения. Как было ясно заявлено Международным Судом в деле Буркина-Фасо/Мали по поводу спора о границе, «нет никаких сомнений в том, что обязательство уважать ранее существовавшие международные границы в случае правопреемства государств вытекает из общей нормы международного права» [12, с. 554, 566; 13, с. 18, 65–66]. Таким образом Международный Суд ООН в своем решении отнес принцип *uti possidetis* к числу принципов общего международного права.

На практике это означает, что принцип *uti possidetis* действует в контексте передачи суверенитета и создания нового независимого государства и обуславливает этот процесс. Как только новое государство становится независимым, в действие вступает норма территориальной целостности в целях обеспечения защиты территориальных пределов такого государства.

Комиссия международного права (КМП) в своем комментарии к проекту текста Венской

конвенции о праве международных договоров 1969 г. отметила, что закрепленный в Уставе запрет на применение силы в отношениях между государствами является «одним из показательных примеров» *jus cogens* [14]. Этот тезис Комиссии был процитирован с явным одобрением Международного Суда в решении по делу о Никарагуа [15, с. 14]. Это означает, что любой договор, вступающий в прямое противоречие с запретом на применение силы, будет недействительным в силу статей 53 или 64 Венской конвенции [16]. Если этого недостаточно, то статья 52 Венской конвенции, касающаяся принуждения государства, предусматривает следующее: «Договор является ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций» [17]. Уже в 1973 г. в решении по делу «Об юрисдикции над рыбными промыслами» Международный Суд постановил следующее: «Не вызывает сколь-нибудь сильных сомнений, что, как это подразумевается в Уставе Организации Объединенных Наций и признается в статье 52 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно современному международному праву соглашение, заключенное в результате угрозы силой или ее применения, является ничтожным» [18]. Из этого следует, что любой договор об уступке территории, согласно которому государство-агрессор предполагает получить законный титул над территорией в результате обретения ее с помощью незаконной силы, является ничтожным *ab initio*. Большинство ученых, цитируя статью 2(4) Устава ООН, делает акцент на словах «против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства». Вместе с тем необходимо отметить, что другая часть этого же предложения гласит: «так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Организации Объединенных Наций». Вывод заключается в том, что этот запрет является всеобъемлющим и охватывает все случаи межгосударственного применения силы в «международных отношениях» между государствами – членами Организации Объединенных Наций, за исключением случаев, предусмотренных в Уставе.

Мы можем со всей уверенностью подчеркнуть, что не может иметь правовой силы договор, когда к изменению границ принуждают одну из сторон силой оружия; подобный договор является юридически ничтожным и рано или поздно он будет нарушен и расторгнут. Подобный договор

постоянно будет являться потенциальным источником нестабильности в том или ином регионе. Факт международного признания государства, созданного путем оккупации территорий другого государства, может быть расценен в мире как прецедент, и повлечет за собой непредсказуемые последствия для мирового сообщества.

Поскольку общеизвестно, что право создается полномочными на то органами государства, то из вышеизложенного с неизбежностью вытекает, что нормы, принимаемые в непризнанных незаконных образованиях, не являются по своей сути правовыми и, следовательно, не могут образовывать в совокупности с другими факторами правовую систему.

Литература

1. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М.: Наука, 1977. 256 с.
2. Права человека в международном и внутригосударственном праве / отв. ред. Р.М. Валеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 300 с.
3. Аристотель. Афинская политика. М.: Тривола, 1996. 96 с.
4. Теория государства и права: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. М.: Изд. фирма «ТЕИС», 1996. 475 с.
5. Основы теории государства и права: учеб. пособие / отв. ред. С.С. Алексеев. М.: Юридическая литература, 1971. 408 с.
6. International Legal Materials, 1992, no. 31, pp. 1486–1487.
7. Действующее международное право: в 3 т. Т. 1 / сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. М.: МНИМП, 1996. 864 с.
8. Our Global Neighborhood. The Report of the Commission on Global Governance. Oxford University Press, 1996. 432 с.
9. Свод норм права Соединенных Штатов в области внешних сношений. 3-е изд. Вашингтон, 1986.
10. Eide A. Territorial integrity of States, minority protection and guarantees for autonomy arrangements: approaches and roles of the United Nations. Local self-government, territorial integrity and protection of minorities. Strassburg: Council of Europe Publ., 1996. 339 с.
11. Mullerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia // The international Comparative Law Quarterly, 1993, vol. 42, part 3, pp. 473–493.
12. Reports of the International Court of Justice, 1986.
13. Reports of the International Court of Justice, 1982.
14. Report of the International Law Commission to the General Assembly, 18th Session, [1966] II Yearbook of the International Law Commission 172, 247.
15. Case Concerning Military and Paramilitary activities in and against Nicaragua (Merits), [1986] Reports of the International Court of Justice.
16. Vienna Convention on the Law of Treaties, 1969, [1969] United Nations Juridical Yearbook 140, 154.
17. Vienna Convention on the Law of Treaties, 1969, [1969] United Nations Juridical Yearbook 153.
18. Fisheries Jurisdiction case (Jurisdiction of the Court) (UK v. Iceland), [1973] Reports of the International Court of Justice 3, 14.

References

1. Utchenko S.L. Politicheskie uchenija Drevnego Rima [Political teachings of Ancient Rome]. Moscow: Nauka Publ, 1977. 256 p. (In Russian)
2. Prava cheloveka v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave [Human rights in international and domestic law]. Ed. R.M. Valeev. Kazan: Izd-vo Kazan. un-t Publ., 2004. 300 p. (In Russian)
3. Aristotel'. Afinskaja politika [Athenian politics]. Moscow: Trivola Publ., 1996. 96 p. (In Russian)
4. Teorija gosudarstva i prava: Kurs lekcij [Theory of state and law: Course of lectures]. Ed. M.N. Marchenko. Moscow: Izd. firma "TEIS" Publ., 1996. 475 p. (In Russian)
5. Osnovy teorii gosudarstva i prava: Uchebnoe posobie [Fundamentals of the theory of state and law: Textbook]. Ed. S.S. Alekseev. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ., 1971. 408 p. (In Russian)
6. International Legal Materials, 1992, no. 31, pp. 1486–1487. (In English)
7. Dejstvujushhee mezhdunarodnoe pravo [Current international law]. In 3-h volumes. Vol. 1. Ed. Ju.M. Kolosov i Je.S. Krivchikova. Moscow: MNIMP Publ., 1996. 864 p. (In Russian)

8. Our Global Neighborhood. The Report of the Commission on Global Governance. Oxford University Press, 1996. 432 p. (In English)
9. Svod norm prava Soedinennyh Shtatov v oblasti vneshnih snoshenij [The Restatement (Third) of the Foreign Relations Law]. The 3rd edition. Washington, 1986. (In Russian)
10. Eide A. Territorial integrity of States, minority protection and guarantees for autonomy arrangements: approaches and roles of the United Nations. Local self-government, territorial integrity and protection of minorities. Strassburg: Council of Europe Publ., 1996. 339 p. (In English)
11. Mullerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia. The international Comparative Law Quarterly, 1993, vol. 42, part 3, pp. 473–493. (In English)
12. Reports of the International Court of Justice, 1986. (In English)
13. Reports of the International Court of Justice, 1982. (In English)
14. Report of the International Law Commission to the General Assembly, 18th Session, [1966] II Yearbook of the International Law Commission 172, 247. (In English)
15. Case Concerning Military and Paramilitary activities in and against Nicaragua (Merits), [1986] Reports of the International Court of Justice. (In English)
16. Vienna Convention on the Law of Treaties, 1969, [1969] United Nations Juridical Yearbook 140, 154. (In English)
17. Vienna Convention on the Law of Treaties, 1969, [1969] United Nations Juridical Yearbook 153. (In English)
18. Fisheries Jurisdiction case (Jurisdiction of the Court) (UK v. Iceland), [1973] Reports of the International Court of Justice 3, 14. (In English)

От главного редактора

Редакция с уважением относится к мнению авторов научных статей, которые публикуются в журнале, рассматривая различные точки зрения, как необходимый и составляющий элемент дискуссии по всем поднимаемым, в том числе наиболее болезненным и острым, правовым проблемам международного характера, которые неизбежно несут в себе политическую подоплеку происходящих событий.

В свете вышесказанного хотелось бы поблагодарить уважаемого автора настоящей статьи профессора Алиева Намик Гасан оглы за честную и открытую позицию.

К большому сожалению, распад любых государств неизбежно сопровождается массовыми нарушениями прежде всего прав обычных людей, которые мирно занимаются своим делом, растят детей, дружат с соседями и не интересуются политикой. Распад Советского Союза, который называют глобальной политической (и правовой – добавим мы от себя) катастрофой конца 20 века, словно круги по воде от брошенного камня сопровождает жизнь людей бывшей единой страны. Грамотное, правовое разрешение возникающих проблем – одна из задач юристов и их ответствен-

ность перед собственным народом и народами мира, которые должны жить в мире и согласии, а не в страхе за себя и своих близких.

Геополитические изменения, которые произошли и происходят в мире за последние 30 лет, порождают огромное число проблем, которые требуют осмысления вообще и правового, наверное, в первую очередь.

Вмешательство третьих стран во внутренние дела других государств, как это происходило и происходит в странах Ближнего Востока, где официальные руководители этих стран объявляются вдруг нелегитимными, бомбардировка военным блоком центра Европы и провозглашение лидерами этого блока на территории одного, подвергнутого бомбардировке государства, нового государственного образования, решения судов в Лондоне, по которым действующий президент страны, находящийся на другом континенте, объявляется не президентом, эти, а также многие другие вопросы требуют тщательного правового анализа и соответствующих юридических выводов.

Игорь Михайлович Мацкевич

ТРАНСПОРТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕВОЗКАХ

Алиев Этибар Али оглы

Цель: сравнить и проанализировать вопросы транспортной безопасности в международных перевозках на практике Азербайджана и некоторых зарубежных государств.

Методология: дедукция, формально-логический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Выводы. На основе нормативных и доктринальных источников рассматриваются особенности обеспечения транспортной безопасности в международных перевозках.

Современное международное транспортное право в эпоху глобализации — это одно из основных направлений многостороннего регулирования межгосударственных экономических отношений.

Не случайно именно этот расширяющийся спектр отношений играет решающую роль в формировании и развитии отрасли современного международного права — международное транспортное право. В современных условиях транспортная деятельность государств, непосредственно транспорт, играют исключительную роль в международных интеграционных процессах. Кроме того, международные транспортные перевозки являются одним из связующих звеньев между экономиками государств, отдельных регионов и континентов, обеспечивая активное развитие международной торговли, их внешнеэкономических связей.

В этих условиях особое значение приобретает проблема развития и укрепления нормативно-правового содержания понятия экономического суверенитета, особенно для постсоветских государств. Для таких государств, как Азербайджанская Республика, первостепенное значение имеет не только содержание суверенного права свободно распоряжаться своими природными ресурсами, естественными богатствами, осуществлять все аспекты экономической деятельности, но и реализация этого права на взаимовыгодной и цивилизованной основе, в соответствии с требованиями современного международного права.

Автор отмечает, что международные транспортные отношения, по своей сути, являются отношениями, возникающими в связи с экономической деятельностью государств.

Научная и практическая значимость. Изучение опыта зарубежных стран в области обеспечения транспортной безопасности в международных перевозках позволяет решить ряд проблем, связанных с совершенствованием транспортного законодательства Азербайджанской Республики.

Ключевые слова: транспортная безопасность, международные перевозки, транспортное законодательство, международное сотрудничество, международные транспортные отношения.

В современную эпоху обеспечение транспортной безопасности при международных перевозках является одной из ключевых проблем современного международного транспортного права (далее — СМТП), решение которой является не только важной задачей для международных транспортных организаций, но рассматривается как составная часть политики государств в транспортной сфере.

В классификации данных источников транспортное средство отнесено в группе физической

опасности к механическим видам. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики также относит транспортные средства к роду деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих (ст. 1108) и предусматривает соответствующую ответственность за возникающее в результате подобной деятельности гражданско-правовое нарушение. Обеспечение транспортной безопасности в процессе транспортировки (перевозки) всегда рассматривалось как один из актуальных

вопросов во внешнеэкономических связях государств.

В СМТП под понятием транспортной безопасности принято считать состояние, отражающее степень защищенности участвующих в перевозке лиц от транспортных происшествий и их негативных последствий [3, с. 118].

Главными принципами обеспечения международной транспортной безопасности являются:

- приоритетность жизни и здоровья участвующих в международной транспортировке (перевозке) лиц над экономическими результатами хозяйственной деятельности;
- превалирование государственной ответственности над ответственностью лиц, участвующих в транспортировке (перевозке);
- соблюдение сбалансированности интересов людей, общества и государства;
- целенаправленный и комплексный подход, касающийся деятельности заинтересованных лиц.

Как правило, обеспечение транспортной безопасности при международных перевозках осуществляется по следующим направлениям:

- обеспечение безопасности при организации любой транспортировки;
- создание выгодных и удобных условий для движения различных транспортных средств;
- обучение населения правилам безопасного поведения и просветительской работы;
- разработка и применение правил, стандартов, технических норм и других нормативно-правовых документов о транспортной безопасности с учетом научных достижений современной технологии;
- гарантированный допуск транспортных средств к перевозке и упорядочение их движения;
- организация подготовки управляющих транспортными средствами кадров (водитель, машинист, капитан, пилот и пр.) и повышения их квалификации;
- реализация связанных с медицинским обеспечением транспортной безопасности комплексных мероприятий, включая вопросы по охране окружающей среды;
- определение компетенций и объема ответственности соответствующих органов исполнительной власти в области транспортной безопасности;
- материальное и финансовое обеспечение мер транспортной безопасности;
- предотвращение транспортных происшествий (аварий) и согласование деятельности соответствующих органов в целях уменьшения тяжести их последствий;

– осуществление государственного надзора над эффективным соблюдением требований законодательства в области обеспечения транспортной безопасности.

В эпоху глобализации становление и развитие СМТП невозможно без формирования правового института «транспортной безопасности» и его принципов [7, с. 34–46].

Транспортная безопасность является одним из необходимых факторов для международных транспортных перевозок, осуществляемых между двумя и более государствами на основе определяемых условиями заключенных между ними договоров [6, с. 29–38, с. 70–76].

Несмотря на то, что принцип безопасности транспортных перевозок обладает производным характером от общих принципов транспортного права, он гармонирует, согласуется с требованиями императивных международно-правовых норм, в частности, с положениями Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров. В ее ст. 53 указывается, что «императивная норма публичного международного права является нормой, принимаемой и признаваемой международным сообществом государств в целом и отклонение от нее недопустимо» [1, с. 10–11].

Характерно и то, что, принимая во внимание важность принципов современного международного права, Азербайджанская Республика, как и другие страны постсоветского пространства, закрепила в своем Основном законе верность этим принципам. Можно отметить и то, что реализация принципа организации перевозок, обеспечение их безопасности, стало одной из конституционных задач для деятельности государственных органов в транспортной области.

Вместе с тем, общепризнанные принципы и нормы современного международного права оказывают большое воздействие на транспортную безопасность государств, что определяет возможность ее организации при перевозке пассажиров, грузов и багажа, а также характер претворяемых с этой целью в жизнь необходимых мер. Указанное обстоятельство приобретает важное значение и в том смысле, что при международной перевозке опасных и особо опасных грузов, предопределена не только первостепенная обязанность вступать во взаимовыгодные экономические отношения, но и задача равноправного их регулирования.

Таким образом, при безопасных транспортных перевозках и общие, и специальные международно-правовые принципы выполняют свою регулируемую функцию, а с другой стороны, вместе

с положениями СМТП трансформируются в его единую правовую систему.

Как видно, в настоящую эпоху принцип транспортной безопасности стал одним из основных (специальных) принципов СМТП, приобрел особую значимость в частности для перевозки пассажиров и грузов транспортной деятельности субъектов в целом [9, с. 22–40].

Как для любого вида безопасности, главной в международной перевозке является приоритетность человеческой жизни при неукоснительном соблюдении транспортной безопасности.

Транспортная безопасность должна обеспечиваться не только международно-правовыми средствами и мерами, но и правового регулирования и исполнения в отношении любых международных транспортных операций. Вместе с тем, необходимо не наносить какой-либо ущерб состоянию окружающей среды, не допускать нанесения вреда интересам субъектов или возникновения негативных для них последствий.

Международно-правовая гарантия транспортной безопасности. Одной из главных задач, возложенных на международное транспортное право в период глобализации, является создание правовой гарантии не только для лиц, на которых распространяется транспортная безопасность, но и для всей ее системы. Определяя правовые основы обеспечения транспортной безопасности в международном масштабе, СМТП защищает жизнь, здоровье и имущество участвующих в процессе перевозки субъектов, их законные права и интересы, а также интересы общества и государства.

Решение проблемы создания международно-правовых гарантий обеспечения транспортной безопасности имеет ключевое значение для поступательного развития взаимовыгодных внешнеэкономических связей государств [2, с. 519]. На наш взгляд, она должна быть урегулирована нормами международных транспортных конвенций (соглашений) и положениями внутригосударственных законодательных актов. При этом, в правовой литературе, некоторые авторы называют соглашения по обеспечению международной транспортной безопасности правоохранительными [5, с. 48; 3, с. 121].

Относящиеся к транспортным вопросам соглашения (конвенции) делятся на несколько видов (групп), одним из которых считаются правоохранительные соглашения, главной целью которых является защита и обеспечение интересов различных субъектов в деятельности международного транспорта.

Интенсификация транспортной деятельности государств способствовала увеличению количества соглашений правоохранительного характера, которые были заключены, в основном, в 60–70 гг. XX в. Активизация международной транспортной деятельности субъектов ускорила необходимость в проведении важных мероприятий, направленных на обеспечение их транспортной безопасности. Данные мероприятия касались главным образом разработки правовых норм и положений, направленных на обеспечение защиты интересов грузовладельцев, пассажиров, третьих лиц, которые могли быть нарушены в результате международной транспортной деятельности.

Международное сотрудничество и партнерство в области транспортной безопасности. Проблема обеспечения безопасности международных транспортных перевозок является одной из глобальных проблем внешнеэкономических связей государств, решение которой требует не только объединения усилий членов международного сообщества на различных уровнях, но и тесного сотрудничества и партнерства [10, с. 45–57] между ними. Человеческая жизнь, окружающая среда и другие глобальные факторы все более актуализируют необходимость обеспечения безопасности в международных транспортных перевозках.

Поэтому очевидно, что международное сотрудничество и партнерство в этой области должно осуществляться как на основе общепризнанных норм и принципов современного международного права, не только положений межгосударственных, межправительственных соглашений (контрактов), но и требований норм внутригосударственного законодательства. Кроме того, большое значение имеют и межведомственные и иные договоры, заключаемые между транспортными предприятиями, перевозчиками и иностранными юридическими и физическими лицами различных государств.

Подобная постановка вопроса и практика должна способствовать формированию институциональной базы экономического сотрудничества и партнерства государств, как это зафиксировано в задачах и целях СМТП.

В конкретном плане международное сотрудничество и партнерство в безопасности транспортных перевозках может включать следующие направления:

– разработка и эффективное применение соответствующих единых норм, стандартов, правил и рекомендаций безопасности;

– мониторинг, оценка состояния окружающей среды и внедрение экологического контроля;

– координация совместных усилий государств в обеспечении транспортной безопасности и повышения ее уровня;

– сотрудничество и партнерство государств в научно-технической и иных областях, связанные с укреплением транспортной безопасности;

– оказание технической помощи и др.

В обеспечении и эффективности транспортной безопасности важное значение имеет деятельность таких авторитетных международных организаций, как ВТО (Всемирная торговая организация), ММО (Международная морская организация), ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения), ИКАО (Международная организация гражданской авиации), МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии), МОДПТ (Международная организация дорожной полиции и транспорта) и др., результатом последовательных усилий которых, как известно, явились принятые многосторонние конвенции, отдельные кодексы, правила, руководящие документы и другие рекомендательные акты.

Решение проблемы транспортной безопасности тесно связано с инициативами государств в их взаимовыгодном международном сотрудничестве и партнерстве на двухсторонней и многосторонней основе. Координирующая и ключевая роль принадлежит в вопросах обеспечения транспортной безопасности современному международному транспортному праву. Его эффективность, активная функциональность в первую очередь зависит от соблюдения требований, имеющих в системе современных международных отношений [8, с. 319].

Заинтересованность международного сообщества в обеспечении транспортной безопасности как составной части экономической безопасности, нового международного экономического порядка и другие факторы способствуют активизации деятельности государств в этой области, а также необходимости постоянного сотрудничества и стратегического партнерства друг с другом.

С целью обеспечения транспортной безопасности и развития международных перевозок Азербайджан, как и другие постсоветские страны, присоединился к ряду международных конвенций и соглашений, утвержденных законами, среди которых, например:

– Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства;

– Конвенция о борьбе с незаконными действиями, направленными против безопасности гражданской авиации и Протокол о борьбе с незаконными насильственными действиями в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий эту конвенцию;

– Конвенция о возмещении ущерба, нанесенного третьим лицам на поверхности Земли иностранными воздушными судами и Протокол об изменении этой конвенции;

– Конвенция о борьбе с актами незаконного захвата воздушных судов;

– Европейская конвенция о международных результатах лишения прав управлением автотранспортными средствами;

– Европейское соглашение о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ);

– Соглашение о введении глобальных технических правил для колесных транспортных средств, предметов оборудования и частей, которые могут быть установлены и(или) использованы на колесных транспортных средствах и др.

В соглашениях, заключенных Азербайджанской Республикой с другими государствами в области международных перевозок, вопросу обеспечения транспортной безопасности уделяется особое внимание. Например, ст. 16 и 17 Соглашения между правительством Азербайджанской Республики и правительством Кореической Республики о воздушных сообщениях (*Свод законодательства Азербайджанской Республики. 2006. № 10*) посвящены обеспечению безопасности авиации. Другим примером является ст. 15 Соглашения между правительством Азербайджанской Республики и правительством Болгарской Республики о торговом судоходстве (*Свод законодательства Азербайджанской Республики. 2005. № 3*), касающееся вопроса регулирования транспортной безопасности. В пункте «q» ст. 2 Соглашения о международном транспортном коридоре «Север-Юг» (*Свод законодательства Азербайджанской Республики. 2005. № 9*) особое внимание придается таким вопросам, как обеспечение безопасности транспортных средств в международных перевозках, сохранность товаров и грузов, обеспечение защиты окружающей среды и др.

Как видно, Азербайджанская Республика прилагает последовательные усилия в решении проблем транспортной безопасности, осуществляет эффективную деятельность в расширении и углублении взаимовыгодных, равноправных внешнеэкономических связей.

Характерно и то, что за последние десятилетия накоплен позитивный опыт в области обеспечения транспортной безопасности, решены некоторые ее проблемы и на уровне внутригосударственного законодательства. Такая практика должна способствовать не только установлению еще более тесных экономических связей между государствами, но и созданию эффективной и универсальной системы международной транспортной безопасности [4], укреплению нового международного экономического порядка.

Вместо заключения. Современное международное транспортное право в эпоху глобализации – это одно из основных направлений многостороннего регулирования межгосударственных экономических отношений, представляющее собой сложный комплекс внутринациональных и международно-правовых норм, обычаев, призванный регулировать широкий спектр (хозяйственных) отношений субъектов в их транспортной деятельности.

Не случайно именно этот расширяющийся спектр отношений играет решающую роль в формировании и развитии отрасли современного международного права – международного экономического права, которое, в свою очередь, свидетельствует о том, что такое его развитие за последние десятилетия отчетливо выделяет его экономическое направление. Другой принципиальный фактор в этом развитии – поступательное расширение, упорядочение самой международной транспортной деятельности, ее правового регулирования, а также регионально-интеграционный, экономический характер деятельности международных организаций.

Одной из особенностей является то, что в современных условиях транспортная деятельность государств, непосредственно транспорт, играют исключительную роль в международных интеграционных процессах. Кроме того, международные транспортные перевозки являются одним из связующих звеньев между экономиками государств, отдельных регионов и континентов, обеспечивая активное развитие международной торговли, их внешнеэкономических связей. Транспортная составляющая является неременным элементом не только постоянно развивающейся внешнеэкономической деятельности государств, но и международных транспортных соглашений, коммерческих контрактов. Поэтому не случайно при осуществлении международных перевозок возникают различные правовые проблемы, требующие их нормативного регулирования.

К таким проблемам относится, в первую очередь, порядок пересечения государственных

границ при соблюдении суверенитета каждого государства. Во-вторых, установление и выполнение унифицированных правил использования транспортных маршрутов, соблюдение требований к транспортным средствам, их техническому состоянию, экологической и иной безопасности при их эксплуатации.

Важными являются и вопросы регулирования международными конвенциями и соглашениями правовых отношений между участниками международных перевозок, каковыми являются перевозчики, пассажиры, грузоотправители, грузополучатели и некоторые другие субъекты этих правоотношений.

В этих условиях особое значение приобретает проблема развития и укрепления нормативно-правового содержания понятия экономического суверенитета, особенно как для «старых» развивающихся стран, так и для вновь образовавшихся на постсоветском пространстве государств. Для таких государств, как Азербайджанская Республика, первостепенное значение имеет не только содержание суверенного права свободно распоряжаться своими природными ресурсами, естественными богатствами, осуществлять все аспекты экономической деятельности, но и реализация этого права на взаимовыгодной и цивилизованной основе, в соответствии с требованиями современного международного права.

Правоотношения, складывающиеся между субъектами транспортной деятельности, являются одним из существенных факторов, который влияет на глобализационные процессы в целом. Они также непосредственным образом воздействуют не только на формирование политики суверенных государств, в том числе Азербайджанской Республики, но и на формирование нового экономического миропорядка, развитие современного международного транспортного права.

Можно заключить, что международные транспортные отношения, по своей сути, являются отношениями, возникающими в связи с экономической деятельностью государств, которые не только возникают между субъектами главным образом международного экономического права. Они упорядочиваются и регулируются специальными нормами международного права, система или совокупность норм, образующих современное международное транспортное право, одной из основных целей которого является обеспечение международного правового регулирования, возникающего именно в сфере транспортно – экономических отношений государств.

Литература

1. Курс международного (публичного) права: учебник. Т. 2: Особенная часть / под общ. ред. Э.А. Алиева. Баку: Гюнешь-В, 2018. 704 с.
2. Алиев Э.А. Международное экономическое право: учебник. Баку: Гюнешь-В, 2016. 690 с. (на азербайджанском языке)
3. Алиев Э.А. Международное транспортное право: учебник. Баку: Изд-во QHT, 2013. 614 с.
4. Алиев Э.А. Международные транспортные правоотношения в эпоху глобализации. М.: Р-СТИЛЬ, 2006. 340 с.
5. Алиев Э.А. Международные транспортные перевозки в эпоху глобализации: правовые аспекты. Баку, 2006.
6. Алиев Э.А. Конвенционное закрепление международных транспортных перевозок. Баку, 2002.
7. Алиев Э.А. Транспорт в международной договорной практике Азербайджанской Республики (международно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Баку, 2002.
8. Ковалев А.А. Современное международное морское право и практика его применения. М.: Научная книга, 2003. 415 с.
9. Гафаров З.М. Применение современного международного транспортного права в Азербайджанской Республике: учеб. пособие / отв. ред. С.Р. Зейналов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 350 с.
10. Эфендиев О.Ф. Азербайджан и Евросоюз: проблемы путей сближения партнерских отношений // Транспортное право. Баку. 2014. № 1. С. 45–57.
11. Свод законодательства Азербайджанской Республики. Баку: Изд-во «Азербайджан», 2000–2019.

References

1. Kurs mezhdunarodnogo (publichnogo) prava: Uchebnik. II tom: Osobennaja chast' [Course of international (public) law: Textbook. Vol. II: Special part]. Ed. E.A. Aliev. Baku: Gunesh-V Publ., 2018. 704 p. (In Azerbaijani)
2. Aliev E.A. Mezhdunarodnoe jekonomicheskoe pravo: Uchebnik [International economic law. Textbook]. Baku: Gunesh-V Publ., 2016. 690 p. (In Azerbaijani)
3. Aliev E.A. Mezhdunarodnoe transportnoe pravo: Uchebnik [International transport law: Textbook]. Baku: QHT., 2013. 614 p. (In Azerbaijani)
4. Aliyev E.A. Mezhdunarodnye transportnye pravootnoshenija v jepohu globalizacii [International transport relations in the era of globalization]. Moscow: R-STIL Publ., 2006. 340 p. (In Azerbaijani)
5. Aliyev E.A. Mezhdunarodnye transportnye perevozki v jepohu globalizacii: pravovye aspekty [International transport in the era of globalization: legal aspects]. Baku, 2006. (In Azerbaijani)
6. Aliyev E.A. Konvencionnoe zakreplenie mezhdunarodnyh transportnyh perevozok [Conventional consolidation of international transport]. Baku, 2002. (In Azerbaijani)
7. Aliyev E.A. Transport v mezhdunarodnoj dogovornoj praktike Azerbajdzhanskoj Respubliki (mezhdunarodno-pravovoj analiz) [Transport in the international treaty practice of the Republic of Azerbaijan (international legal analysis)]. Diss. kan. jur. nauk. Baku, 2002. (In Russian)
8. Kovalev A.A. Sovremennoe mezhdunarodnoe morskoe pravo i praktika ego primenenija [Modern international law of the sea and the practice of its application]. Moscow: Nauchnaja kniga Publ., 2003. 415 p. (In Russian)
9. Primenenie sovremennogo mezhdunarodnogo transportnogo prava v Azerbajdzhanskoj Respublike: Uchebnoe posobie [Application of modern international transport law in the Republic of Azerbaijan: Textbook]. Ed. S.R. Zeynalov. Moscow: OLMA-PRESS, 2002. 350 p. (In Russian)
10. Efendiev O.F. Azerbajdzhan i Evrosouz: problemy putej sblizhenija partnjorskih otnoshenij [Azerbaijan and the European Union: problems of ways of rapprochement of partnerships]. Transportnoe pravo [Transport Law], Baku, 2014, no. 1, pp. 45–57. (In Russian)
11. Svod zakonodatel'stva Azerbajdzhanskoj Respubliki [The Code of Legislation of the Republic of Azerbaijan]. Baku: Azerbaijan Publ., 2000–2019. (In Russian)

О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Велиев Исахан Вейсал оглы

Цель: обзор истории защиты прав и свобод человека, анализ логической связи этой истории с современным международным правом, выявление ее роли в формировании национального законодательства.

Методология: дедукция, исторический анализ, сравнительное право.

Вывод: большинство международных норм не носят императивного характера, а для норм императивного характера не определены механизмы их функционирования. Для этого должны быть созданы новые международные структуры, наделенные полномочием заставить государства-члены соответствующих структур соблюдать положения международных документов, или существующие международные органы должны иметь возможность призвать государства, не соблюдающие международные правила, к дисциплине, вплоть до применения силы к ним.

Научная и практическая значимость. Совершается экскурс в историю законодательства о правах человека, проводится анализ правовых актов, принятых в этой области на различных этапах истории, предлагается применять позитивные аспекты соответствующих актов к национальному законодательству.

Ключевые слова: права человека, международно-правовое регулирование, Большая Хартия свободы, Билль о правах, Декларация независимости США, Экономический и Социальный Совет ООН, Комиссия по правам человека, Факультативный протокол.

На современном этапе развития общества в различных областях права, включая теорию международного права, высоко ценится человек, его права и свободы. Эксперты считают, что в условиях постоянного роста вооруженных конфликтов такие ценности, как свобода, достоинство и справедливость, находятся на переднем крае иерархии ценностей, а уровень защиты прав человека стал ключевым показателем демократии в каждом государстве [1, с. 202].

В наше время проблемами поиска различных особенностей прав и свобод человека, выявлением механизмов их формирования занимаются философы, историки, социологи, юристы и другие исследователи, изучающие правовые компоненты общественного сознания. Тем не менее, анализ правовых аспектов отражения этого феномена в международно-правовых документах имеет большее значение, и поэтому для получения достоверных результатов целесообразно провести обзор истории защиты прав человека.

Права человека – это совокупность норм, определяющих правовой статус человека по отношению к государству и обществу, его/ее возможности и потребности в экономической, социальной, политической и культурной областях. В теории права основные права человека сгруппированы следующим образом: личные права (право на жизнь, право на свободу, неприкосновенность частной жизни, право на жилище, право на самооборону, право на ношение оружия, право на национальную идентичность, право на свободу); политические права (свобода слова, избирательное право, свобода собраний (митинги и демонстрации)); социально-экономические права (право на свободное предпринимательство, право на личную собственность, право на труд, право на социальное обеспечение); культурные права (свобода творчества, право на проведение исследований, право на образование). Кроме того, права человека делятся на абсолютные права, ограничение или прекращение которых недопустимы ни при

каких условиях, и относительные права, которые могут быть ограничены или прекращены во время войны и других чрезвычайных ситуаций [2, с. 16].

Идея прав человека, основанная на различных представлениях о естественных правах человека, прошла долгий путь становления. Первым шагом на этом пути является Великая Хартия Свободы, принятая в 1215 г. в Англии. Этот документ, состоящий из 63 статей, регулирует налоговое и пошлинное право, феодальные повинности, судебную систему и судопроизводство, английское церковное право, городское право, купеческое право, наследственные права и вопросы опекунов. Ряд статей Хартии определяет правила, ограничивающие королевскую власть. Эти ограничения нашли свое выражение в создании в политической системе страны новых государственных органов — генерального совета королевства, комитета дворян, состоящего из 25 членов, уполномоченного заставить короля восстановить нарушенные права человека.

Основной причиной принятия Хартии стало серьезное противостояние между сторонниками короля и британскими баронами, которых поддерживали независимые группы населения. Однако Хартия осталась невыполненной, хотя король Иоанн Безземельный (1199–1216) одобрил ее. Тем не менее, впоследствии ряд английских монархов в своей практической деятельности применяли некоторые положения этого документа. Четыре статьи Хартии до сих пор остаются в силе и поэтому она считается одной из самых старых частей некодифицированной Конституции Британии (См.: *Великая хартия вольностей* // URL: <http://lib.ru/INOOLD/ENGLAND/hartia.txt> (дата обращения: 08.04.2020)).

Одним из первых правовых документов по правам человека стал Билль о правах, принятый английским парламентом в 1689 г. Принятием Билля была значительно ограничена королевская власть в пользу парламента, но в нем не использовался термин «права человека» и фактический эффект этого документа распространялся только на достаточно обеспеченных граждан Англии.

Термин «права человека», как нормативно закрепленная юридическая категория, впервые использовался в конце восемнадцатого века во Франции во время Великой буржуазной революции и в Соединенных Штатах во время освободительной борьбы против английского вторжения.

Декларация независимости США, принятая 4 июля 1776 г. Вторым Континентальным конгрессом, была одним из важнейших документов международного права, посвященных вопросам

прав человека, а также первым законодательным актом в этой области, принятым на государственном уровне. Декларация была единогласно принята всеми 13 штатами, входящими в то время в состав США.

В первом разделе Декларации впервые провозглашались «естественные права» народов на политическую независимость и на отделение от других народов. Указывалось, что в истории человечества наступает момент, когда один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению.

Во втором разделе Декларации, где речь идет об «самоочевидной истине, не нуждающейся в доказательствах», утверждается, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Далее добавляется, что для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье.

В Конституции Соединенных Штатов Америки права человека отражены не только как правовая категория. В этом документе закреплены нормы экономического, политического и правового содержания, а также право на личную собственность. (См.: *Конституция США* // URL: https://www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution_Russian.pdf (дата обращения: 08.04.2020)).

В Конституции 1787 г. речь идет о некоторых политических правах человека и гражданина (например, право быть избранным). Однако основные права и свободы человека и гражданина отражены в дополнениях и изменениях к Конституции. Поскольку первые 10 поправок к Конституции, внесенные в 1791 г. (например, свобода слова, свобода вероисповедания, свобода прессы, частная собственность и т.д.), были напрямую связаны с правами человека, они вошли в историю как Билль о правах.

Особую роль в совершенствовании идеи прав человека сыграла Французская буржуазная революция 1789 г. В результате этой революции 26 августа 1789 г. Национальное собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина. В статье 1 Декларации говорится, что люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе. Однако вскоре отказались от этой прогрессивной идеи, и в Конституции Франции 1791 г. был закреплен ценз на право голоса. Привлекает внимание еще один важный момент: положения, предусмотренные в статьях 7 и 8 Декларации, впоследствии были признаны в качестве принципов науки уголовного права и сыграли исключительную роль в обеспечении прав и свобод человека. Никто не может подвергаться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом и в предписанных им формах. Тот, кто спрашивает, отдает, исполняет или заставляет исполнять основанные на произволе приказы, подлежит наказанию; но каждый гражданин, вызванный или задержанный в силу закона, должен беспрекословно повиноваться: в случае сопротивления он несет ответственность. Закон должен устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые; никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного (См.: *Декларация прав человека и гражданина* // URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> (дата обращения: 09.04.2020)).

Конституционная норма под названием презумпции невиновности, впоследствии закрепленная в конституциях большинства государств мира, включая Конституцию Азербайджанской Республики, также была заимствована из этой Декларации. Статья 9 Декларации гласит, что каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишне суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом.

Как видно, согласно Декларации, обязанность доказать вину лежит на обвинителе. Определение вины выдвигается на передний план в качестве одной из функций суда, и сомнительные вопросы решаются в пользу обвиняемого.

Статьи 10 и 11 Декларации посвящены свободе совести, свободе слова и печати: никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не

нарушает общественный порядок, установленный законом. Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом. Впоследствии и эти положения стали лейтмотивом раздела конституций ряда государств, посвященного основным правам и свободам человека и гражданина.

В соответствии со ст. 12 Декларации государство и его аппарат принуждения рассматриваются как ключевой показатель гарантии прав человека. Отмечается, что для гарантии прав человека и гражданина необходима сила государства; эта сила создается в интересах всех, а не для личной пользы тех, кому она вверена.

В ст. 13 и 14 Декларации закреплены положения об общественном контроле за формированием государственного бюджета (сбором налогов) и его расходованием. Закрепление этих положений в Декларации является реальным показателем ее соответствия современным требованиям. В документе провозглашается необходимость общих взносов на содержание вооруженной силы и на расходы по управлению; эти расходы должны быть равномерно распределены между всеми гражданами сообразно их возможностям. Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения, добровольно соглашаться на его взимание, следить за его расходованием и определять его долевого размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

Есть основание полагать, что актуальный сегодня вопрос прозрачности образа жизни должностных лиц, в конце восемнадцатого века тоже был одной из главных проблем, беспокоящих людей. Наверное, не будет ошибкой утверждать, что текст статьи 14 Декларации вытекает из этой озабоченности.

В этом контексте статья 15 Декларации представляет особый интерес, где отмечается, что общество имеет право требовать у любого должностного лица отчета о его деятельности вверенной ему области управления.

Проблема реализации принципа справедливого разделения властей всегда была в центре внимания классиков теории государства и права, а проблемы баланса различных ветвей власти долгое время были предметом исследования. Статья 16 Декларации сформулирована на основе взглядов классиков на проблему разделения властей и гласит: общество, где не обеспечена

гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции.

Особый интерес представляет ст. 17 Декларации о праве собственности. Утверждается, что поскольку собственность есть право неприкосновенное и священное, никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом явной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения.

Некоторые авторы, говоря о противоречивости этой статьи, утверждают, что статья узаконивает имущественное неравенство, а это противоречит общим принципам Декларации о равноправии людей [3, с. 16]. Между тем, в дальнейшем развитии человеческого сообщества права собственности полностью согласованы, и принцип неприкосновенности права собственности стал конституционным принципом во многих странах, включая Азербайджан.

Статья 29 Конституции Азербайджанской Республики посвящена вопросу неприкосновенности имущественных прав. В соответствии с поправкой к этой статье от 18 марта 2019 г., принятой всенародным голосованием (референдумом), положение о допустимости отчуждения собственности для целей «общественных нужд» исключено из текста части 4 данной статьи и закреплено положение о допустимости отчуждения собственности для нужд государства и при условии предварительного справедливого возмещения ее стоимости. С этой точки зрения, положения этой статьи Конституции Азербайджанской Республики являются более совершенными и разумными, чем статья 17 Декларации.

Следует отметить, что Декларация о правах человека и гражданина была встречена далеко неоднозначно как во Франции, так и за ее пределами. Это, прежде всего, объясняется тем, что сами французские революционеры, провозглашающие права человека, не стали соблюдать положения Декларации в отношении своих противников. Тем не менее, популярность Декларации не уменьшилась, с ней стали считаться как сторонники новой структуры, так и ее противники. По словам А. Собыла, «Декларация о правах человека и гражданина со дня ее стала Евангелием новых правил и моральной основой переустройства общества, опирающейся на катехизис: согласно Барнаву это был национальным катехизисом, а согласно Мирабо – политическим Евангелием» [4, с. 67].

Историческое, политическое и правовое значение Декларации заключается в том, что она выступила в качестве направляющего фактора при принятии конституций ряда развитых стран.

Например, Декларация является неотъемлемой частью действующей французской конституции: речь идет о высшей юридической силе конституции, суверенитете народа, равенстве граждан перед законом, о выборности и ответственности высших представителей государства, а также о принципе разделения властей. Однако, в отличие от Декларации, в поправке к Конституции Франции 1791 г. конкретно отмечено, что перечень прав человека, закрепленных в Конституции не является окончательным и может быть дополнен.

Впоследствии в мировой политике произошли важные позитивные изменения в контексте гуманизации права. Известно, что до Второй мировой войны по различным аспектам прав человека заключались, как правило, двусторонние договоры между государствами. В качестве примеров таких договоров можно назвать Парижский мирный договор 1856 г., Берлинский договор 1878 г., Версальский договор об учреждении Международной организации труда и др.

После создания в 1945 г. Организации Объединенных Наций в деле обеспечения прав и свобод человека стал наблюдаться значительный прогресс. Основная задача организации состоит в реализации таких высших принципов, как «содействие установлению более высоких стандартов жизни», «решение экономических, социальных, медицинских и связанных с ними проблем» и «обеспечение всеобщего блага и уважения прав и основных свобод каждого человека, независимо от расы, пола, языка и религии».

В 1946 г. Комиссия ООН по правам человека по поручению Экономического и Социального Совета ООН приступила к разработке пакета международно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере прав человека. В этот пакет входят: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах. Эти три международных документа и Факультативные протоколы к Международному пакту гражданских и политических прав объединены под названием «Международная хартия прав человека». При принятии Всеобщей декларации прав человека Комиссия столкнулась с некоторыми трудностями. В частности, многие европейские страны, ссылаясь на Конституцию США 1787 г. и Декларацию прав человека и граждан 1789 г., требовали, чтобы в окончательном варианте документа отражались только гражданские и политические права. А некоторые государства выдвигали на передний план требование об отражении в Декларации широкого спектра соци-

альных и экономических прав, положений о праве народов на самоопределение, а также о равноправии людей и каждой нации в рамках государства [5]. В итоге государства не смогли достичь консенсуса по тексту Декларации и остановились на одном согласованном варианте, который и был принят. Поэтому ряд статей Декларации носят общий характер и не имеют четкой правовой границы. Вместе с тем, Декларация от 10 декабря 1948 г. является первым универсальным международно-правовым документом, принятым мировым сообществом, который систематизирует и провозглашает основные права и свободы, которые должны быть предоставлены каждому человеку на Земле.

После принятия Всеобщей декларации прав человека начался процесс ее признания на международном и национальном уровнях. На международном уровне Декларация стала ядром всей системы универсальных правозащитных актов ООН (около 200 документов).

Этот документ также сыграл направляющую роль правового стандарта для десятков и сотен региональных и международных договоров, в том числе для Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Американской конвенции о правах человека (1969 г.), Африканской хартии народов и прав человека (1981 г.) и др. [1, с. 203].

По словам Yagawick, фундаментальные права, закрепленные в национальных конституциях более 90 стран, принятых после 1948 г., либо отражены точно так же, как они закреплены в Декларации, либо сформированы под ее влиянием [6].

Важность Декларации неоднократно была отмечена в итоговых документах международных конференций и совещаний. Например, в Хельсинкском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) говорится, что в сфере прав человека и основных свобод государства-участники будут действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека.

Несмотря на существование многочисленных международных документов о защите прав и свобод человека и их многоспектрный характер, степень соответствия прав человека, существующих в современной правовой науке, действующей системе нормативно-правовых актов остается предметом полемики среди исследователей. Это связано, прежде всего, с грубым нарушением прав человека в некоторых странах. И.А. Кацапова справедливо указывает, что европейское

право прав человека, с одной стороны, отражает международные стандарты, установленные для национального права и принятые государствами; а с другой стороны, нормы, охватываемые этими стандартами, не носят императивный характер. Поэтому международные нормы в области прав человека являются рекомендуемым источником международного права. Далее он отмечает, что европейское право, регулирующее международную защиту прав и свобод личности, не может осуществлять контроль над этими правами в ситуации, когда все зависит от геополитических и региональных условий в разных странах [7, с. 25]. Автор справедливо отмечает, что поскольку международные нормы в области прав человека носят рекомендательный характер и их исполнение возложено на государство, в котором человек живет и является гражданином, в некоторых регионах мира не абстрактный, а конкретный «человек» или «субъект права» борется между жизнью и смертью [7, с. 27]. А в некоторых случаях, хотя международные нормы формально носят императивный характер, механизмы их реализации не разработаны. Государства, которые злоупотребляют этим, игнорируют международное право, и поэтому эти нормы остаются фактически невыполненными. Например, резолюции Совета Безопасности ООН по Нагорно-карабахскому конфликту № 822 от 30 апреля 1993 г., № 853 от 29 июля 1993 г., № 874 от 14 октября 1993 г. и № 884 от 11 ноября 1993 г. до сих пор не выполнены государством-агрессором – Республикой Армения.

Основой международного права в области прав человека являются международные конвенции, обязательные для подписавших стран. Примерами таких конвенций являются Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятые ООН в 1966 г. Азербайджанская Республика, подписав 29 июня 2001 г. второй Факультативный протокол от 16 декабря 1966 г., присоединилась к Международному пакту о гражданских и политических правах, а 11 декабря 1998 г., с подписанием второго Факультативного протокола, присоединилась к разделу этого Пакта об отмене смертной казни. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах был подписан нашей страной 21 июля 1992 г. Несколько лет спустя, 25 сентября 2009 г., в Нью-Йорке, во время 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Факультативный протокол к этому Пакту был подписан в рамках традиционного ежегодного договорного мероприятия ООН.

Вскоре после обретения независимости в конце XX века, Азербайджанское государство начало менять законы советского режима о правах и свободах человека. По сути, принятие новых законов было велением времени. Конституция Азербайджанской Республики, принятая 12 ноября 1995 г. путем всенародного голосования (референдума), провозгласила, что единственным источником государственной власти в Азербайджанской Республике является народ Азербайджана. Неслучайно, что в процессе принятия Конституции многонациональный народ Азербайджана объединился в единую нацию и проголосовал за конституцию страны, которая заложила основы для создания своего национального государства. В Конституции Азербайджанской Республики отведено достаточно широкое место правам человека, полностью соблюдены международные стандарты классификации прав человека (гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права). При этом были учтены национальные особенности азербайджанского народа. Как отмечает академик Рамиз Мехтиев, «восприятие роли индивида (личности) в традиционной правовой культуре Азербайджана существенно отличается от понимания этой же проблемы в правовой культуре Запада. Во-первых, конституционное закрепление получил приоритет естественных прав человека, во-вторых, приоритетной является его обязанность служить государству, которое представляет собой духовно-нравственное единение отдельных личностей в одно целое». (См.: Мехтиев Р. *Сильное Азербайджанское государство как отражение национальной идеи в условиях глобализации* // Народная газета. 05.06.2016.)

После принятия Конституции в стране был принят ряд новых нормативно-правовых актов по правам человека, и были внесены значительные изменения в действующие законодательные акты. В этой связи следует особо упомянуть Указ Президента Азербайджанской Республики от 22 февраля 1998 г. о мерах по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Одна из главных особенностей этого Указа, подписанного в преддверии 50-летия принятия Всеобщей декларации ООН о правах человека от 10 декабря 1948 г., сыгравшей особую роль в формировании совершенной законодательной базы, заключалась в том, что с целью дальнейшего развития демократии и расширения мер по защите прав человека в нашей стране, Кабинету министров Азербайджанской Республики и Администрации Президента Азербайджанской Республики было поручено подготовить проект «Государственной программы по защите прав человека».

Государственная программа по правам человека, утвержденная Указом Президента от 18 июня 1998 г., стала основополагающим документом для разработки новых механизмов в этой области. В ней ставились следующие задачи: проведение законодательных и институциональных реформ, создание новой судебной системы, основанной на принципах демократического правосудия, органа конституционного надзора, института омбудсмена, совершенствование правоохранительной деятельности, расширение деятельности неправительственных организаций, средств массовой информации и другие вопросы. Учитывая, что обеспечение прав человека определено как одно из основных направлений государственной политики, в соответствии с Распоряжением Президента Азербайджанской Республики № 2231 от 2007 г., день принятия Государственной программы – 18 июня объявлен Днем прав человека в Азербайджане.

Особое значение в сфере обеспечения прав и свобод человека имеет Конституционный закон от 24 декабря 2002 г. «О регулировании осуществления прав и свобод человека в Азербайджанской Республике». Закон был принят для приведения реализации прав и свобод человека в Азербайджанской Республике в соответствие с «Конвенцией о защите прав человека и основных свобод». Положительным аспектом закона является то, в нем уточнен круг прав человека, ограничение которых запрещено, и отмечено, что права, предусмотренные статьей 27 (Право на выживание) Конституции Азербайджанской Республики (исключая случаи смерти в результате военных действий, осуществляемых в соответствии с законами проведения войн), частью I статьи 28 (право на свободу), частью III статьи 46 (право на защиту чести и достоинства), статьей 63 (презумпция невиновности), статьей 64 (недопустимость повторного осуждения за одно и то же преступление) и частью VIII статьи 71 (обеспечение прав и свобод человека и гражданина), не могут быть ограничены и не могут быть установлены никакие иные условия, связанные с этими правами и свободами.

Еще одно преимущество данного закона заключается в том, что в нем впервые предусмотрено право лица имеет обжаловать в Конституционный суд решения законодательных, исполнительных и судебных органов, а также муниципальных акты, нарушающие права и свободы человека. Кроме того, в законе закреплено право судов обратиться в Конституционный Суд Азербайджанской Республики с просьбой толковать положения Конституции Азербайджанской Республики, связанные с осуществлением прав и свобод человека.

28 декабря 2006 г. был утвержден «Национальный план действий по защите прав человека в Азербайджанской Республике», ставший успешным продолжением реформ в области прав человека. Этот документ, как логическое продолжение «Государственной программы защиты прав человека», продемонстрировал новое видение прав человека и помог наладить партнерские отношения между государством и гражданским обществом. «Национальный план действий по защите прав человека» является одним из важнейших успехов, достигнутых в последние годы сфере прав человека, отражающим новый этап защиты прав человека в нашей стране и успех мер поощрения прав человека, одного из национальных интересов страны в политической сфере. Начало нового этапа в совершенствовании защитных механизмов, усилении защиты прав различных групп населения.

Поскольку дальнейшее развитие общества сопровождалось формированием новых общественных отношений, возникла необходимость рассмотреть проблему защиты прав и свобод человека под новым углом зрения. Поэтому глава государства своим Указом от 27 декабря 2011 г. утвердил «Национальную программу действий по повышению эффективности прав и свобод человека в Азербайджанской Республике». В программе определены направления повышения эффективности мер по обеспечению прав беженцев и вынужденных переселенцев, заключенных, военнослужащих, женщин, детей, престарелых, инвалидов и других уязвимых групп населения. В документе закреплены важные положения, направленные на укрепление нормативно-правовой базы, защиту прав различных групп населения, совершенствование деятельности государственных органов, образовательной, научно-аналитической и просветительской деятельности в сфере прав человека, координацию сотрудничества с международными правозащитными организациями, мониторинг и оценку реализации Программы, подчеркнута необходимость осуществления совместных проектов с различными институтами ООН, специализирующимися в сфере прав человека, включая Верховного Комиссариата по делам беженцев, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, а также

Совет Европы, Европейский Союз, ОБСЕ, Организацию исламского сотрудничества и другие региональные организации. (См.: *Распоряжение Президента Азербайджанской Республики «Об утверждении Национальной программы действий по повышению эффективности защиты прав и свобод человека в Азербайджанской Республике»* // URL: <https://president.az/articles/4017> (дата обращения: 08.04.2020)).

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что вопрос обеспечения прав и свобод человека является одним из приоритетных направлений политики, проводимой Азербайджанским государством, и постоянно ведется работа над совершенствованием этой политики. История появления прав и свобод человека в качестве самостоятельной ценности и основы функционирования государства и общества насчитывает более двух столетий. За это время концепция прав и свобод человека и гражданина прошла долгий путь и превратилась из декларативного в конституционный принцип. Однако современные реалии свидетельствуют о том, что международное право демонстрирует свою слабость в сфере защиты прав и свобод человека, что обусловлено следующими причинами: неточности принятых нормативно-правовых актов, которые могут привести к двойным стандартам; стремление более могущественных государств по перераспределению мира или использованию методов и средств, приводящим к любому нарушению прав и свобод человека путем доступа к углеводородным ресурсам; в последнее время публичное право стало более популярным, чем, частное право, в связи с этим наблюдается недостаточно высокие темпы переквалификации юристов, специализирующихся в сфере публичного права.

На мой взгляд, для изменения положения к лучшему необходимо придать международным документам статус императивных документов. Для этого, в свою очередь, необходимо создать новую международную структуру, которая вынудит государства-члены соблюдать положения международных документов, или наделена полномочиями призвать к дисциплине государства, не соблюдающие международные правила, вплоть до применения силы.

Литература

1. Жулева М.С., Лазутина Т.В. Человек и его права в контексте современной реальности // Вестник Томского государственного университета. Томск: НИ Томский гос. ун-т, 2017. № 418. С. 202–207.
2. Петухов А.В., Демьянов Е.А. Права человека: их декларирование и практика реализации // Мир науки и образования. Саранск: МГИ, 2016. № 1(5). С. 16.

3. Болдырева О.М. Защита прав человека в истории международного права // Вестник Прикамского социального института. Пермь: ПСИ, 2018. № 1 (79). С. 14–20.
4. Соболев А.О. О принципах восьмидесяти девятого года // Великая французская революция и Россия. М.: Прогресс, 1989. С. 65–77.
5. Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, 2011. 288 с.
6. Yagawick W. Hong Kong and the International Politics of Human Rights. Human Rights in Hong Kong / Ed. by R. Wacks. China: Oxford University Press, 1992. 542 p.
7. Кацапова И.А. Современные проблемы правоведения в контексте социальной роли права // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1. С. 24–31.

References

1. Juleva M.S., Lasutina T.V. Chelovek i ego prava v kontekste sovremennoi real'nosti [The person and their rights in the context of modern reality]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal], 2017, no. 418, pp. 202–207. (In Russian)
2. Petukhov A.V., Demianov E.A. Prava cheloveka: ikh deklarirovanie i praktika realizatsii [Human rights: their declaration and practice of implementation]. Mir nauki i obrazovaniya [World of science and education], 2016. № 1(5), p. 16. (In Russian, abstract in English)
3. Boldireva O.M. Zashchita prav cheloveka v istorii mezhdunarodnogo prava [Protection of human rights in the history of international law]. Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta [Bulletin of Prikamsky social institute]. 2018. № 1 (79), pp. 14–20. (In Russian, abstract in English)
4. Sobul A.O. O printsipakh Vosem'desyat devyatogo goda [On the principles of the eighty-ninth year]. In Sbornik «Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya i Rossiya» [The collection “The Great French Revolution and Russia”]. Moscow, 1989. pp. 65–77. (In Russian)
5. Kartashkin V.A. Prava cheloveka: mezhdunarodnaya zashchita v usloviyakh globalizatsii [Human rights: international protection in the context of globalization]. Moscow: Norma, 2011. 288 p.
6. Yagawick W. Hong Kong and the International Politic of Human Rights. Human rights in Hong Kong / Ed. by R. Wacks. China: Oxford University Press, 1992. 542 p. (In English)
7. Catzapava I.A. Sovremennye problemy pravovedeniya v kontekste sotsial'noi roli prava [Modern problems of jurisprudence in the context of the social role of law]. Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian journal of legal studies], 2015, no. 1, pp. 24–31. (In Russian, abstract in English)

ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ АКТОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1918–1920 ГГ.)

Гулиев Эмин Рамиз оглы

Цель: исследование основных признаков и классификации нормативно-правовых актов, входящих в уголовное законодательство Азербайджанской Демократической Республики (АДР). Общая характеристика содержания уголовных законов АДР путем указания наиболее важных признаков диспозиций и санкций их статей, и тем самым определение основных направлений уголовно-правовой политики государства того периода.

Методология: дедукция, формально-юридический и сравнительно-юридический методы.

Выводы. Уголовное законодательство Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920 гг.) состояло из разнообразных по своей форме, содержанию и назначению актов. Это позволяет провести их классификацию по самым различным критериям. Для уголовного права АДР была характерна преемственность, когда законодатель продолжил заложенные Февральской революцией 1917 года тенденции к демократизации и либерализации, но уже в рамках новой политической и правовой системы Азербайджанской Демократической Республики.

Научная и практическая значимость. Изучение особенностей и классификации актов уголовного законодательства Азербайджанской Демократической Республики обогатит историко-правовую науку, позволит более глубоко и всесторонне охватить проблемы политического и правового развития на территории бывшей Российской империи после революции 1917 года, выявить отдельные особенности правовой системы и отрасли уголовного права в переходный период. Это также может послужить надежным историко-теоретическим подспорьем в деле совершенствования и дальнейшей демократизации уголовного законодательства страны.

Ключевые слова: уголовное законодательство, состав преступления, санкции, постановление, Демократическая Республика, Учредительное Собрание, выборы, классификация актов, преемственность, политическое развитие.

Несмотря на свое недолгое существование, Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920 гг.) функционировала на основе принципов законности и разделения властей. В стране были созданы республиканские политические институты, отвечающие требованиям времени – парламент и ответственное правительство, правоохранительные органы и независимая судебная система. Здесь государственное строительство проводилось на определенной нормативно-правовой базе, и за короткий период времени были приняты многочисленные законодательные акты,

охватывающие различные сферы общественной жизни [3, с. 29–47; 5, с. 321–330].

Одним из вопросов, находящихся в сфере интересов законодателя того времени, являлся вопрос правового определения преступности и наказуемости деяний. Полная и всесторонняя характеристика уголовного законодательства Азербайджанской Демократической Республики (АДР) возможно только на основе оценки его развития как по форме, так и по содержанию. Для этого необходимо подчеркнуть, в первую очередь, основные отличительные признаки уголовно-

правовых актов, включенных в соответствующее законодательство, а затем основные положения уголовного законодательства и наказания, содержащиеся в нем.

Основным фактором, повлиявшим на развитие уголовного законодательства после провозглашения Азербайджанской Демократической Республики, стала Декларация независимости (*Мисаги-Милли*), принятая Национальным Советом Азербайджана 28 мая 1918 г. Хотя на первый взгляд Декларация не имела свойств нормативно-правового акта, она сыграла незаменимую роль в создании независимой государственной и правовой системы Азербайджанской Республики.

Ввиду того, что в Декларации определяются основы государственной и общественной жизни, отражаются базовые, конституционные общественно-политические вопросы, справедливым является предположение, что она является конституционным актом, составляющим основу законодательства АДР. Правовые акты, принятые позднее высшими органами государственной власти страны, были направлены на реализацию изложенных в ней демократических принципов и положений.

Можно также добавить, что принципы, изложенные в Декларации от 28 мая 1918 г., также сыграли свою ключевую роль в развитии уголовного законодательства страны. Их роль прежде всего в том, что демократическое государственное устройство, парламентаризм, обеспечение и защита прав и свобод граждан определили необходимость большей уголовно правовой охраны указанных государственных институтов от преступных посягательств.

Известно, что уголовное законодательство того периода состояло в основном из нормативных актов, принятых Российской империей, Временным правительством и Закавказской демократической федеративной республикой (Закавказским Сеймом). Их юридическая сила на территории республики регулировалась в соответствии с постановлением правительства от 23 июня 1918 г., согласно которому, нормативно-правовые акты старого режима оставались в силе до по этому вопросу принятия специального закона и только в части, не противоречащей как государственному устройству АДР, так и документам, принятым высшестоящими органами республики [2, с. 193]. В условиях нового, демократического государственного устройства они использовались в качестве активного инструмента в уголовно-правовой политике республики и подвергались корректировкам в соответствии с требованиями времени.

Например, законом, принятым Парламентом Азербайджана от 29 сентября 1919 г., были внесены изменения в ст. 372, 373 и 378 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Позднее уже другим законом от 13 октября 1919 г. были внесены определенные поправки в главу III Уголовного Уложения 1903 г.

Одним из важных особенностей развития уголовного права и уголовного законодательства АДР является расширение круга общественных отношений, подпадающих под уголовно-правовую охрану. Это в большей степени было связано с тем, что органы власти республики, пытаясь внедрить в социальную жизнь прогрессивные, демократические новшества и принимая все необходимые меры к укреплению основ государственности, осознавали вместе с тем шаткость правопорядка и необходимость борьбы с анархией и разгулом революционного насилия в стране.

Особую роль здесь сыграли принятые парламентом и правительством новые нормативно-правовые акты, которые составляют вторую группу актов уголовного законодательства АДР. Эти акты были направлены на защиту республиканского строя, ее политической и экономической основ, обеспечение нормального функционирования высших и местных органов власти, неприкосновенности личности, частной жизни и собственности. Сюда относятся, прежде всего, Положение о выборах в Учредительное Собрание АДР 1919 г. и Положение о печати 1919 г., с помощью которых были созданы необходимые правовые рамки для создания соответственно демократической избирательной системы, нормальной и беспрепятственной деятельности политических союзов, свободы выражения мнений и свободы выражения. Одновременно в этих Положениях были предприняты важные шаги для защиты политических прав граждан, свободы слова и прессы от преступных посягательств путем закрепления в рамках отдельной главы перечня запрещенных под страхом наказания деяний.

Конечно, следует отметить, что вовлечение в сферу уголовно-правовой охраны новых групп отношений и соответственно расширение сферы криминализируемых деяний не составляет исключительную особенность законодательной деятельности в АДР. Это, как известно, было характерно и для правовой царской России начала XX в. и особенно законодательства Временного правительства. При этом если проводить параллели с уголовно-правовой политикой всех трех государств (царская Россия, Временное правительство и АДР), то, конечно же, можно установить замет-

ное сходство законодательства АДР и Временного правительства. Сходство проявляется как в форме криминализации, внешних технико-юридических особенностях, закрепляемых правоположений, так и в целях и задачах такого рода криминализации.

Кроме того, акты, входящие в уголовное законодательство АДР, можно классифицировать и по другим основаниям:

1) *чрезвычайное законодательство* — например, постановления правительства республики от 23 июня 1918 г. «О введении законов военного времени»; от 27 января 1919 г. «О происшествии на ст. Аляты»; постановления Государственного Комитета Обороны от 11 июня 1919 г. и 13 августа 1918 г. и т.д.;

2) *текущие акты* — законы парламента от 29 сентября 1919 г. «Об изменениях и дополнениях статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и Устава уголовного судопроизводства»; Положения о выборах в Учредительное Собрание Азербайджана, Положение о печати т.д.

Чрезвычайное законодательство было призвано обеспечить государственную, военную дисциплину, общественный порядок в условиях анархии и революционного разброда. Соответственно, это законодательство не носило чисто уголовно-правового характера, а являлось смежным — объединяло в себе элементы уголовного права, уголовного процесса, административного права.

Субъектом принятия такого рода актов являлись в основном либо центральные органы исполнительной власти (Совет Министров, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции), или органы чрезвычайные органы военно-административной власти (Государственный Комитет Обороны). Кроме того, предусматривалось, что они носят строго временный характер. Как правило, уголовное преследование деяний, закрепленных в этих актах, осуществлялось через органы военной юстиции. Как показывает анализ такого рода актов, закрепленные в них преступные деяния обеспечивались более строгими санкциями (вплоть до смертной казни).

Несмотря на свое название, применение такого рода актов имело четкое формальное основание и осуществлялось в рамках реализации уголовно-правовой политики правительства. В частности, формальным основанием для разработки и применения чрезвычайных уголовных законов было постановление правительства от 19 июня 1918 г., согласно которому на всей территории республики объявлялось военное положение, а министру внутренних дел поручалось совместно с главно-

командующим Кавказской мусульманской армии разработать общеобязательные постановления.

Следует отметить, что после принятия решения от 23 июня 1918 г. правительством Азербайджана было принято два нормативных акта, предусматривающих внесение в него определенных изменений. Речь идет о постановлениях от 15 июля и 18 июля 1918 г. [2, с. 213] (См.: *Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики*, ф. 100, оп. 2, д. 7, л. 23).

Что касается текущих актов, то следует отметить, что они также носили временный характер. Однако предусматривалось их более длительное применение вплоть до окончательного разрешения в перспективе насущных социально-политических и экономических проблем страны (форма правления, рабочий вопрос, аграрный вопрос и т.д.). Такого рода акты принимались, как правило, парламентом в рамках обычной законотворческой процедуры. Если чрезвычайные уголовно-правовые акты затрагивали вопросы привлечения к ответственности за государственные или воинские преступления, реже за преступления против порядка управления, то текущие акты в основном затрагивали уголовно-правовую охрану прав и свобод личности. Текущие акты снабжались более умеренными санкциями (самым жестким из них было помещение в тюрьму), многие из которых носили альтернативный характер.

В период существования АДР уголовно-правовые нормы закреплялись как в отдельных специальных нормативных актах, так и в так называемых «комплексных» актах, где уголовно-правовые нормы составляли лишь часть из них. Поэтому все акты уголовного законодательства АДР можно подразделить и еще на две группы:

1) *относящиеся только к сфере уголовного права* — например, указанные выше законы парламента от 23 сентября и 13 октября 1919 г.;

2) *носящие комплексный характер* — например, постановление правительства от 23 июня 1918 г., где закреплялись положения как уголовного, так и уголовно-процессуального права, или Положение о выборах в Учредительное Собрание Азербайджана от 1919 г., где в основном закреплялись положения избирательного права и процесса, а уголовно-правовые нормы, как было указано выше, были сгруппированы лишь в отдельную главу.

В целом, следует отметить, что уголовно-правовая политика в период АДР выражалась в наделении парламента страны преимущественным правом установления, изменения или отмены уголовно-правовых норм. Все это свидетельствует о том, что уголовное законодательство того пе-

риода было ориентировано на развитие принципа законности, недопущение актов массового террора, политического, административного произвола в сфере уголовного права.

Большинство положений уголовного законодательства АДР касались ее Особой части. В то время как положения Общей части, установленные еще законодательством Российской империи, оставались неизменными. Все эти положения применялись в судебной и правоохранительной практике.

Большинство применяемых в АДР норм и институтов уголовного права были отражены в Уложении 1845 года (часть I). Прежде всего, речь идет о формах вины, стадиях совершения преступления, видах соучастия, перечне отягчающих и смягчающих обстоятельств, а также обстоятельств, исключающих уголовную ответственность и т.д. [6, с. 346]. Например, опираясь на положения о стадиях совершения преступления в некоторых нормативных актах АДР была закреплена уголовная ответственность за покушение на преступление, как, например, в ст. 97, 99 и 101 Положения о выборах в Учредительное Собрание Азербайджана [2, с. 86].

В актах уголовного законодательства АДР в ряде случаев отдельные составы преступлений закреплялись в абстрактной форме, в то же время большинство из них носило описательный характер. Например, ст. 98 и 99 Положения о выборах в Учредительное Собрание Азербайджана от 21 июля 1919 г., устанавливающие уголовную ответственность за нарушение избирательных прав граждан. Таким образом, для уголовного законодательства АДР были характерны простые или описательные диспозиции. При этом в некоторых законодательных актах наряду с основными, в той статье закреплялись и квалифицированные составы, относящиеся к одному и тому же деянию. Каждая из такого рода составов была снабжена соответствующими санкциями.

Применительно к санкциям, закрепленным в уголовном законодательстве АДР, следует отметить, что в целом для рассматриваемого периода было характерно сохранение системы наказаний дореволюционной России, что было связано конечно же с сохранением в силе соответствующих законодательных актов. Примечательно, что некоторые из нормативных актов Российской империи, вступление в силу которых по определенным политическим мотивам было отложено на неопределенное время, начали полностью без всяких ограничений применяться на территории АДР. Речь идет, прежде всего, о судебных уставах 1864 г. (которые ранее не применялись полностью на тер-

ритории южно-кавказских губерний Российской империи) и об Уголовном Уложении 1903 г. В то же время система наказаний, доставшаяся в наследство республике, подвергалась определенным изменениям.

В частности, постановлением правительства от 12 августа 1918 г. была восстановлена смертная казнь. Как видно из текста самого постановления, смертная казнь была восстановлена за преступные деяния, за которые таковая была определена гражданскими, военными и военно-морскими законами, действовавшими до 12 марта 1917 г. (то есть до издания соответствующего постановления Временного правительства). Здесь также указывалось, что это рассматривалось как временное мероприятие вплоть до восстановления общественного и государственного порядка в стране [1, с. 32].

В актах уголовного законодательства АДР каждый вид преступного деяния был снабжен своей самостоятельной, конкретной, соответствующей ему санкцией. Санкции в основном были простыми или альтернативными. В то же время они не отличались своей жесткостью. Например, здесь преимущество отдавалось аресту на определенный срок или штрафам. Однако в ряде случаев санкции носили неопределенный характер. Например, в ст. 93–95, 97–98 Положения о выборах в Учредительное Собрание Азербайджана были указаны такие виды наказаний, как помещение в исправительный дом или арест без указания срока [2, с. 87].

Следует также отметить, что уголовно-правовая политика АДР должна быть охарактеризована не только с точки зрения криминализации или декриминализации определенных деяний. Здесь высшими органами власти страны принимались также нормативные акты, направленные на профилактику ряда преступлений. В качестве примера можно указать на постановления правительства АДР от 10 февраля и 25 апреля 1919 г., где предусматривались определенные мероприятия по очистке города Баку от преступных элементов [2, с. 273, 304]; (См.: *Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики*, ф. 894, оп. 1, д. 23, л. 13).

За исключением случаев восстановления смертной казни по причине сложности военно-политической ситуации, уголовное законодательство периода АДР развивалось в соответствии с принципами гуманизма, законности и в целом соответствовало тенденциям прогрессивного развития данной отрасли права в новейшее время. Как справедливо отмечают современные исследователи, красноречивым свидетельством тому яв-

ляются, прежде всего, принимаемые парламентом страны акты амнистии [4, с. 185–186].

Таким образом, на основе изучения особенностей актов уголовного законодательства периода Азербайджанской Демократической Республики можно, прежде всего, прийти к выводу о том, что данное законодательство состояло из разнообразных по своей форме, содержанию и назначению

актов. Это позволяет провести их классификацию по самым различным критериям. Для уголовного права АДР была характерна преемственность, когда законодатель продолжил заложенной Февральской революцией 1917 г. тенденции к демократизации и либерализации, но уже в рамках новой политической и правовой системы Азербайджанской Демократической Республики.

Литература

1. Адрес-Календарь Азербайджанской Республики на 1920 год (1-й год издания) / под ред. А.И. Ставровского. Баку: Правительственная типография «Азербайджан», 1920. 335 с.
2. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920 гг.). Законодательные акты (Сб. документов). Баку: Изд-во «Азербайджан», 1998. 560 с.
3. Дамиров М.А. Организация государственной власти в Азербайджане. 1918–1920 гг. (Историко-правовое исследование). Одесса: Астропринт, 1998. 160 с.
4. Dəmirli M.Ə., Ələsgərli Ə.R Azərbaycanın hüquq tarixi. Cinayət hüququ. (Qədim zamanlardan 1920-ci ilədək). Bakı: Azərənəşr, 1999. 204 s.
5. Əkbərov R. Azərbaycanın dövlət və hüquq tarixi. Bakı: Qanun, 2009. 532 s.
6. İsmayılov X.C. Azərbaycanın dövlət və hüquq tarixi, Bakı: Nurlan, 2006. 720 s.

References

1. Adres-Kalendar' Azerbajdzhanskoj Respubliki na 1920-j god (1-j god izdaniya) [Address-Calendar of the Republic of Azerbaijan for the 1920th year (1st year of publication)] / Ed. A.I. Stavrovskij. Baku: Pravitel'stvennaya tipografiya «Azerbajdzhan» Publ., 1920. 335 p. (In Russian)
2. Azerbajdzhanskaya Demokraticeskaya Respublika (1918–1920 gg.) [Azerbaijan Democratic Republic (1918–1920)]. In Zakonodatel'nye akty (Sbornik dokumentov). [Legislative acts (Collection of documents)]. Baku: Izdatel'stvo «Azerbajdzhan» Publ., 1998. 560 p. (In Russian)
3. Damirov M.A. Organizaciya gosudarstvennoj vlasti v Azerbajdzhane. 1918–1920 gg. (Istoriko-pravovoe issledovanie) [Organization of state power in Azerbaijan. 1918–1920 (Historical and legal research)]. Odessa: «Astroprint» Publ, 1998. 160 p. (In Russian)
4. Demirli M.A., Ələsgərli Ə.R Azərbaycanın hüquq tarixi. Cinayət hüququ. (Qədim zamanlardan 1920-ci ilədək) [History of law in Azerbaijan. Criminal Law. (From ancient times until 1920)]. Bakı: “Azərənəşr” Publ., 1999. 204 p. (In Azerbaijani)
5. Akbarov R.A. Azərbaycanın dövlət və hüquq tarixi [History of state and law of Azerbaijan]. Bakı: “Qanun” Publ., 2009. 532 p. (In Azerbaijani)
6. Ismailov X.Dg. Azərbaycanın dövlət və hüquq tarixi [History of state and law of Azerbaijan]. Bakı: “Nurlan” Publ., 2006. 720 p. (In Azerbaijani)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Гюльалиева Ромелла Алиевна

***Цель:** проанализировать состояние продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике и обеспечение ее не только путем общего и специального предупреждения преступлений в сфере экономической деятельности и экологической безопасности, но и в результате повышения продовольственной грамотности населения.*

***Методология:** межотраслевые юридические исследования, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический, диалектический, системный методы.*

***Выводы.** По мнению автора, уголовное законодательство Азербайджана о преступлениях в сфере экономической деятельности и экологических преступлениях нуждается в совершенствовании. Дальнейшего изучения и постоянного внимания требует осуществляемая в республике продовольственная политика, а также воспитание у населения продовольственной грамотности.*

***Научная и практическая значимость.** Автором исследуются решения высших органов государственной власти и управления по рассматриваемой проблеме, отдельные нормативные акты. Выявляются недостатки в сфере продовольственной политики. Также предлагаются возможные способы их устранения, что может способствовать повышению продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике.*

***Ключевые слова:** безопасность, продовольствие, криминология, обеспечение.*

Проблема обеспечения населения продовольствием всегда представляла особую важность и актуальность. В то же время в последнее время наблюдается ее обострение, объясняющееся не только ростом народонаселения, но и возникновением новых экономических и экологических проблем. Продовольственная безопасность представляет собой одну из важных составляющих не только политической, экономической, но и экологической и общественной, а также, в конечном счете, национальной безопасности [1].

В международном обороте термин «продовольственная безопасность» получил распространение после зернового кризиса 1972–1973 гг. Дальнейшему развитию мирового производства продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья начал препятствовать ряд факторов. Для обеспечения гарантий достаточного продовольственного обеспечения населения Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция «Международные обязательства по обеспечению

продовольственной безопасности в мире». Комплексные мероприятия осуществляемые в области снабжения населения продовольствием представляют собой один из главных структурных блоков национальной безопасности любой страны. Они рассматриваются как одно из условий сохранения суверенитета, экономической независимости и стабильности, социальной устойчивости государства. Все указанное объясняет приоритетность вопросов производства продовольствия и развития сельского хозяйства.

Выделяют международный и национальный уровни безопасности проблемы продовольственной безопасности. В настоящее время международно-правовое регулирование продовольственной безопасности основывается на нормах Всеобщей декларации о ликвидации голода и недоедания, одобренной резолюцией 3348 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1974 г., Римской Декларации Всемирного саммита по продовольственной безопасности, прошедшего

16–18 ноября 2009 г., и других международных документах, в том числе подготовленных Организацией Объединенных Наций Продовольственной и сельскохозяйственной программ (ФАО) (См.: *Организация Объединенных Наций* // URL: <https://www.un.org/> (дата обращения: 25.03.2020)).

Наряду с этим важное значение имело создание в 1994 г. Всемирной продовольственной программы, осуществление которой предусмотрено для нескольких регионов мира по принципу предоставления всем людям, живущим в мире, равного доступа к достаточной пище для ведения активной и здоровой жизни. На IX Всемирном продовольственном саммите 1996 года было утверждено определение продовольственной безопасности – это состояние, при котором все люди той или иной страны в каждый момент времени имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточной в количественном отношении и питательной пище, отвечающей их потребностям и необходимой для ведения активной и здоровой жизни.

Наряду со 173 странами-участницами в 1996 г. к документу, получившему название «Римская декларация о мировой продовольственной безопасности», присоединился Азербайджан. В документе говорится, что население нашей страны будет продолжать предпринимать глобальные усилия по обеспечению продовольственной безопасности.

Согласно данным о рейтинге стран по уровню продовольственной безопасности за 2016 г. рейтинг Азербайджана составляет 56,6 балла, тогда как индекс США – 89,0, Сингапура – 88,2, Ирландии – 85,4, Австрии – 85,1, Нидерландов – 85,0, России – 63,8, Беларуси – 63,5, Казахстана – 56,8, Украины – 56,1, Узбекистана – 53,6 (См.: *Рейтинг стран по уровню продовольственной безопасности за 2016 год* // URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-food-security-index/info> (дата обращения: 25.03.2020)). Азербайджан оказался на 58-м месте среди 109 стран, опередив такие развитые сельскохозяйственные страны как Украина, и практически сравнялась с Казахстаном. Вместе с тем, в сфере продовольственной безопасности в Азербайджане имеется немало слабых мест, среди них – недостаток расходов на научные исследования в сельском хозяйстве, ограниченность программ продовольственной безопасности, рост расходов на продукты питания и ведение домашнего хозяйства по сравнению с другими товарами и малый размер валового внутреннего продукта на душу населения.

В целях реализации задачи обеспечения здоровья населения необходимо осуществление

государственными органами здравоохранения контроля за состоянием питания и снабжением качественными продовольственными товарами различных групп населения, выявления и периодического пересмотра потребностей людей в продуктах питания, разработка и внедрение необходимых рекомендаций. Потребляемая продукция не только должна соответствовать потребностям человеческого организма в соответствующих веществах, но и содействовать реализации лечебных и профилактических функций. Особое внимание должно уделяться разработке государственных программ питания детей и подростков, а также многодетных и малообеспеченных семей.

Достижению задачи роста объемов производства будет способствовать создание аналогичной действующей в развитых странах системы государственного регулирования АПК и поддержки сельскохозяйственных производителей. Одним из факторов, послуживших подрыву государственного агропромышленного комплекса, стало быстрое заполнение рынка дешевыми импортными продуктами питания, сделавшими продовольствие некачественным и физически доступным. Поставки продовольственных товаров осуществляются странами-экспортерами по сниженным по сравнению с реальной стоимостью ценам за счет скидок для крупных оптовиков, путем экспортных субсидий, а также дешевых распродаж излишков сельхозпродукции из продовольственных запасов в результате государственной скупки. Внутренние кредиты ввиду их дороговизны оказались недоступными для многих отечественных товаропроизводителей, тогда как импортеры получили доступ к внешним кредитам.

Необходимым компонентом обеспечения продовольственной безопасности любого государства является показатель ввоза продовольствия в общем объеме его потребления, который не должен превышать 20%. В Азербайджане этот показатель составляет 40%, тогда как в России он равен 25% (См.: *Эфендиев М., Алиев Э. Продовольственная безопасность Азербайджана под угрозой* // URL: <https://haqqin.az/news/101883> (дата обращения: 26.03.2020)).

Как уже отмечалось, одной из причин роста импорта продовольствия является низкая конкурентоспособность отечественного сельского хозяйства, что в первую очередь обусловливается тем обстоятельством, что биоклиматический потенциал сельскохозяйственных угодий в стране в среднем в 2,5 раза ниже, чем в Западной Европе и США. Существенно отстают от западных стран по уровню технологического развития производ-

ства и технического оснащения не только сельское хозяйство, но и пищевая и перерабатывающая промышленность.

Негативные тенденции в виде роста цен на продукты питания, усиление различий в уровне развития сельского хозяйства, сокращение товарных запасов характерны не только для государств СНГ, но и мирового продовольственного рынка в целом. Тенденции заражения почв вредными элементами, эрозии земель, истощения водных источников ограничивают потенциальные возможности увеличения производства продовольствия. По прогнозам компетентных источников, к общему снижению биоклиматического потенциала мирового сельского хозяйства ведут происходящие глобальные изменения климата, периодические засухи и наводнения. Необходимо учитывать также рост населения, нехватку продовольствия и продуктов питания в слаборазвитых государствах, то есть тот фактор, который все в большей степени будет становиться рычагом экономического и политического воздействия в международных отношениях.

Все указанное вызывает необходимость глобального совместного изучения зарубежных и отечественных специалистов. Для аграрной политики развитых западных государств, являющихся основными импортерами продовольствия, характерна поддержка и регулирование сельскохозяйственного производства с использованием государственных дотаций, займов, кредитов, а также контроля за внешней торговлей и сбытом продукции. В качестве средства выхода из экономического кризиса с 30-х годов система регулирования аграрного сектора со стороны государства установлена в США. Для преодоления отсталости сельского хозяйства и решения проблем обеспечения стран продовольствием ее начали осуществлять в послевоенный период в Европе и Японии. В современный период, ввиду достижения прогресса в данном вопросе методы и принципы внутренней и внешней продовольственной политики значительно изменились. Основными направлениями продовольственной политики становятся в одной стороны, ослабление мер по защите внутреннего рынка от конкуренции импортных продовольственных товаров со стороны стран-импортеров, а с другой стороны — сокращение бюджетной поддержки сельского хозяйства.

Еще одной угрозой продовольственной безопасности государства является сокращение размеров стратегических запасов, составляющих необходимый резерв для восполнения ущерба, наносимого различными чрезвычайными обстоя-

тельствами, вроде землетрясений, наводнений и других стихийных бедствий.

Существенную роль в создании устойчивой системы продовольственного обеспечения могут сыграть эффективный мониторинг и дальнейшие научные исследования. Методы генной инженерии начали применять для производства продуктов питания и создания искусственной пищи (в продуктах США), то есть создания ГМП, безопасность которых вызывает сомнения. Всерьез изучением влияния ГМО на организм человека никто не занимался. Ряд независимых экспертов, в том числе российских провели собственные эксперименты на животных о влиянии на их организм продуктов питания, содержащих ГМО, результаты которых оказались неоднозначными [2, с. 188–197].

Основными направлениями в криминологическом обеспечении продовольственной безопасности, на наш взгляд, могут быть определены следующие. Первое направление представляет собой изменение ориентиров процессов производства и потребления продовольственной продукции. Современный период характеризуется превращением продовольствия в один из ведущих факторов международных отношений. Широкомасштабная деятельность, обеспечивающая непрерывное функционирование технологического процесса по производству и реализации конечному потребителю продовольствия, на фоне роста потребностей населения и в условиях развивающейся торговли пришла на смену существовавшим ранее и исторически сложившимся отношениям по производству продуктов питания. Для обеспечения предпринимателям добросовестной конкуренции и защиты конституционных прав граждан на здоровье, качественные и отвечающие требованиям безопасности продукты питания, эта деятельность должна жестко регулироваться государством [3, с. 6].

Вторым направлением следует признать возникновение ряда проблем, связанных с безопасностью и качеством продуктов питания, регулируемых и регламентируемых различными нормативными требованиями, особенно во время осуществления различных правовых и экономических реформ и преобразований в системе и структуре ведомств и организаций, осуществляющих контроль за осуществлением продовольственной политики в стране.

Третье направление состоит в объективном росте масштабов непосредственной опасности для жизни и здоровья населения, потребителя продовольствия, связанный с поступлением на рынок опасной для жизни и здоровья продукции, что требует повышения эффективности государственного

контроля и надзора, в том числе с использованием уголовно-правовых средств [3, с. 6]. И четвертое состоит в осуществлении тесного международного сотрудничества не только в сфере обеспечения населения необходимыми продуктами питания, но и для обеспечения эффективной продовольственной безопасности в стране.

Одним из средств предупреждения негативных тенденций в деятельности по обеспечению населения качественными продуктами питания немаловажная роль принадлежит правовым средствам. В то же время, отсутствие методики квалификации преступлений, отвечающей современным угрозам в данной сфере, действенных предупредительных уголовно-правовых мер и системы организации контроля безопасности пищевых продуктов, включая создание современной криминологической научно-методической базы, способствует росту совершения преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности. Существующие нормы уголовного и административного законодательства, устанавливающие ответственность за совершение преступлений в данной сфере, требуют совершенствования с точки зрения правовой практики.

В соответствии с Указом Президента Азербайджанской Республики «О дополнительных мерах по усовершенствованию системы продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике» от 10 февраля 2017 г. № 1235 было разработано Положение об Агентстве продовольственной безопасности Азербайджанской Республики, утвержденное Указом Президента Азербайджанской Республики от 13 ноября 2017 г.

В целях обеспечения продовольственной безопасности Агентству продовольственной безопасности Азербайджанской Республики предоставлены широкие полномочия, в частности, вести государственную регистрацию и реестр производимых в стране и импортируемых в страну продуктов питания, а также их упаковочных материалов в плане обеспечения продовольственной безопасности; проводить проверку импортируемых в страну продуктов питания совместно с таможенными органами на пропускных пунктах государственной границы в плане обеспечения продовольственной безопасности; проводить в установленных законом случаях и порядке проверки продуктов питания на всех этапах производства пищевой продукции в соответствии с уровнем риска продукции, принимать решения (давать предписания) об устранении выявленных в данной сфере правонарушений и (или) применении ограничительных мер; в случае невыполнения

решений (предписаний) об устранении правонарушений, обращаться в суд об их принудительном исполнении; принимать решения об изъятии, обезвреживании, переработке или уничтожении непригодных к употреблению продуктов питания в установленных законом случаях и порядке; рассмотреть относимые к полномочиям Агентства дела по административным правонарушениям и применять меры административного взыскания; контролировать совместно с Министерством здравоохранения Азербайджанской Республики прохождение в установленном порядке и сроках обязательного медицинского обследования лиц, работающих в сфере производства, заготовки и оборота продуктов питания, до их приема на работу и в период их непосредственной работы (См.: *Положение о Институте продовольственной безопасности* // URL: http://ecoreform.az/store//media/ishlahat_icmali/oktyabr_/QT%C6%8F_ru.pdf (дата обращения: 26.03.2020)).

Новая структура будет отвечать за научно-практические исследования в области безопасности продуктов питания и оказанием услуг по исследованию показателей безопасности продуктов питания. В подчинении Агентства продовольственной безопасности создается публичное юридическое лицо «Институт продовольственной безопасности Азербайджана».

Указом определяется, что Институт продовольственной безопасности Азербайджана будет проводить научно-практические исследования в области безопасности продуктов питания и оказывать услуги по исследованию показателей безопасности продуктов питания (См.: *В Азербайджане создан Институт продовольственной безопасности* // URL: <https://az.sputniknews.ru/economy/20171113/412736530/azerbaijan-institut-prodovolstvennoy-bezopasnosti-ukaz.html> (дата обращения: 26.03.2020)). Одним из наиболее дискуссионных вопросов в этом отношении является вопрос о критериях продовольственной безопасности. Определен ряд факторов, определяющих продовольственное снабжение страны, среди которых можно считать наиболее важным следующее: текущий уровень производства продуктов питания; состояние запасов продовольствия; рентабельность производства продуктов питания; цены на продукты питания; реальные доходы и покупательная способность населения.

Наряду с этим, Президентом Азербайджанской Республики Ильхамом Алиевым было подписано Распоряжение об утверждении «Государственной программы по обеспечению продовольственной безопасности в Азербайджане на 2019–2025 годы»

(См.: *Распоряжение об утверждении «Государственной программы по обеспечению продовольственной безопасности в Азербайджане на 2019–2025 годы»* // URL: <https://1news.az/mobile/news/il-ham-aliev-utverdil-gosprogrammu-po-obespecheniyu-prodovolstvennoy-bezopasnosti-na-2019-2025-gody> (дата обращения: 26.03.2020)).

Полагаем, что предпринимаемые в последние годы в республике общие и специальные профилактические меры обеспечения продовольственной безопасности приведут к положительным

результатам. При этом для обеспечения продовольственной безопасности, прежде всего, необходимо добиться высокой производительности как в производстве сельскохозяйственной продукции, так и животноводстве. Еще одним важным фактором специальной профилактики в сфере обеспечения продовольственной безопасности является внедрение здорового образа жизни, отказ от пагубных привычек и вредных продуктов питания, а также воспитание продовольственной грамотности населения.

Литература

1. Журова В.Г. Продовольственная безопасность – важнейшая составляющая национальной безопасности России // Проблемы безопасности российского общества. 2013. № 4. С. 22–25.
2. Криминологические аспекты использования генно-модифицированных продуктов // Современные проблемы уголовной политики: материалы 4–й Международной научно-практической конференции. Т. 3 (27 сентября 2013 г.). Краснодар: КрУ МВД России, 2013. С. 188–197.
3. Кузнецов С.А. Уголовно-правовая защита продовольственной безопасности (по материалам города Москвы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.

References

1. Zhurova V.G. Prodovolystvennaya bezopasnost – vazhneyshaya sostavlyauyshaya natsionalnoy bezopasnosty Rossiy [Food Security is the most important component of Russian national security]. Problemy bezopasnosti rossiiskogo obshchestva [Security problems of Russian society]. 2013, no. 4, pp. 22–25. (In Russian)
2. Kriminologicheskiye aspekty ispolzovaniya geneticheski modifitsirovannich produktov [Criminological aspects of the use of genetically modified products]. In *Sovremennyye problemy ugovolnoi politiki: materialy 4i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Contemporary Problems of Criminal Policy: Materials of the IV international research and practice conference]. Vol. 3. Krasnodar, KrU MVD Rossii Publ., 2013, pp. 188–197. (In Russian)
3. Kuznetsov S.A. Ugolovno-pravovaya zashchita prodovol'stvennoi bezopasnosti (po materialam goroda Moskvyy) [Criminal legal protection of food security (according to the materials of the city of Moscow)]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2007. 25 p. (In Russian)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НАКАЗАНИЕ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Курбанов Габил Сурхай оглы

Цель: рассмотреть международно-правовые акты и проанализировать особенности законодательной регламентации преступлений против мира и безопасности человечности в уголовном законодательстве Азербайджанской Республики.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. В главах 16 и 17 УК Азербайджана 1999 г. предусмотрено двадцать преступлений, посягающих на международное и международное гуманитарное право. Из них четырнадцать – против мира и безопасности человечности и шесть – военных преступлений. Автор считает вполне обоснованным помещение норм о данных преступлениях в начале Особенной части, так как это соответствует предписаниям статьи 12 Конституции Азербайджанской Республики о примате международного права над внутригосударственным, общественной опасности международных преступлений (она выступает критерием классификации Особенной части Кодекса), долговременной перспективе развития международного уголовного права. За все преступления против мира в УК АР предусматривается наказание в виде лишения свободы, однако в одном случае возможно применение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 101.2). По мнению автора статьи, такое дополнительное наказание следует предусмотреть и в санкции статьи 114.2 УК АР, поскольку данное преступление совершается лицом с использованием своего служебного положения.

Научная и практическая значимость. Изучение вопросов дифференциации ответственности и наказаний за их совершение позволяет вносить отдельные предложения, направленные на уточнение их законодательных признаков и предусмотренных за них санкций.

Ключевые слова: ответственность, мир, человечность, безопасность, наказание, международное право, преступление.

Ввиду неуклонного роста международной преступности, нарушающей интересы нескольких государств, возростала необходимость в их правовой взаимопомощи в борьбе с ней. Одним из первых документов в этом направлении стала Декларация о борьбе с рабством и работорговлей, принятая Венским конгрессом в 1815 г. Учрежденный в 1889 г. Международный союз уголовного права призвал все государства к сотрудничеству в разработке международного уголовного права. Вслед за этим в XIX и XX вв. были приняты международно-правовые акты о борьбе с пиратством, фальшивомонетничеством, торговле детьми и женщинами

в целях разврата, международным терроризмом и другие [1, с. 453].

Состоявшаяся в 1927 г. в Варшаве I Международная конференция по унификации уголовного права отнесла к числу международных преступлений ряд деяний, ответственность за которые предусматривалась международными конвенциями, в частности работорговлю, а также торговлю детьми и женщинами, фальшивомонетничество, пиратство и некоторые другие. Усилия по унификации международного уголовного законодательства предпринимались на последующих трех конференциях, в частности о выдаче преступ-

ников и борьбе с международным терроризмом. Впервые был поставлен вопрос о разграничении всех международных правонарушений на преступления международного характера и международные преступления [3, с. 11–12]. Принятие Устава Международного военного трибунала в 1945 г. и вынесение в 1946 г. в Нюрнберге приговоров главным военным преступникам, считается официальным началом кодификации международного уголовного права [6, с. 102]. Нормы Устава Международного военного трибунала, реализованные в его приговорах в качестве общепризнанных норм международного права, были подтверждены в специальной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в декабре 1946 г. Согласно статье 6 Устава Международного военного трибунала все международные преступления делятся на три группы с их исчерпывающим перечнем, который впоследствии уточнялся и дополнялся: преступления против мира, преступления против человечности и военные преступления [8].

Нормативную регламентацию международное уголовное право в настоящее время получило в актах ООН. Так, в частности, Резолюция ООН 45/107 14 декабря 1990 г. «Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития» содержит рекомендации государствам не только укреплять и соблюдать в международных отношениях законность и правопорядок путем выполнения в полном объеме обязательств, вытекающих из международных соглашений, развивать и дополнять международное уголовное законодательство, но и путем систематического пересмотра национального законодательства приводить его в соответствие с требованиями международного уголовного права (*Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/107 «Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития» // URL: <http://base.garant.ru/12123825/> (дата обращения: 06.05.2020)*).

Более подробная регламентация ответственности за международные преступления началась в уголовном законодательстве различных государств с 50-х годов прошлого века. В УК Азербайджана 1960 г. в главе о государственных преступлениях предусматривались две статьи: о террористическом акте против представителя иностранного государства (ст. 67) и о пропаганде войны (ст. 71). Отдельные нормы о международных военных преступлениях содержались также в главе о воинских преступлениях, в частности, воинские преступления, нарушающие между-

народные конвенции о преступном обращении с населением в районе военных действий, о преступлениях в плену. Однако по своему характеру и общественной опасности воинские преступления трудно сопоставить с международными военными преступлениями.

В новом Уголовном кодексе Азербайджана 1999 г. нормы о международных преступлениях выделяются в самостоятельные главы и разделы. Особенная часть УК АР начинается разделом «О преступлениях против мира и безопасности человечности», в котором содержатся две главы — о преступлениях против мира и человечности (глава 16) и о военных преступлениях (глава 17).

В Особенной части УК Азербайджанской Республики по-иному определена значимость для азербайджанского государства объектов уголовно-правовой охраны. На первое место в Уголовном кодексе переместился раздел о преступных деяниях против мира, человечности и военных преступлениях.

Глава о преступлениях против мира и безопасности человечности, наряду с известными преступными деяниями (планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны, геноцид, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой), содержит ряд положений, имеющих в своей основе нормы международного права. Наличие в этой главе статей, предусматривающих ответственность за уничтожение населения (ст. 105), рабство (ст. 106), расовая дискриминация (ст. 111), применение пыток (ст. 113), явилось следствием имплементации в национальное азербайджанское законодательство международно-правовых норм и стандартов [8].

Положения Женевской конвенции 1949 г., Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. и других международно-правовых актов, реализованы в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики в главе о военных преступлениях, в которой предусмотрены такие составы, как наемничество (ст. 114), нарушение законов и обычаев войны (ст. 115), нарушение норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов (ст. 116), бездействие или отдача преступных приказов во время вооруженного конфликта (ст. 117), военный грабеж (ст. 118), злоупотребление знаками, находящимися под охраной (ст. 119) [4].

Включение данной главы в УК АР вытекает из требований ч. 2 ст. 148 Конституции Азербайджанской Республики, предусматривающей, что общепризнанные положения международного

права, международно-правовые договоры Азербайджана являются частью внутреннего права [2]. Разумеется, это вовсе не означает их дословное воспроизводство, тем не менее, во внутреннем законодательстве должен быть сохранен их смысл на основе сложившихся в стране особенностей законодательной техники. Объем соответствующих уголовно-правовых положений может быть расширен во внутреннем законодательстве, поскольку международные договоры, как правило, основываются на согласии сторон на основе минимума. Кроме того, санкции за международные преступления также определяются внутренним законодательством самостоятельно.

Следовательно, одной из важных особенностей данной главы является конвенциональный характер предусмотренных в ней преступлений, что означает обусловленность соответствующих уголовно-правовых запретов международно-правовыми обязательствами страны. Упомянем также о том, что преступления, предусмотренные ст. 100 – 119, как наиболее тяжкие из всех преступлений, влекут ответственность и наказание независимо от давности их совершения (ст. 75.5 УК АР).

В главах 16 и 17 УК Азербайджана 1999 г. предусмотрено двадцать преступлений, посягающих на международное и международное гуманитарное право. Из них четырнадцать – против мира и безопасности человечности и шесть – военных преступлений. Преступления против мира и безопасности человечности классифицируются на две группы: преступления против мира (ст. 100–104) и преступления против безопасности человечности (ст. 105–113). Помещение норм о данных преступлениях в начале Особенной части вполне обоснованно, так как это соответствует предписаниям статьи 12 Конституции Азербайджана о примате международного права над внутригосударственным, общественной опасности международных преступлений (она выступает критерием классификации Особенной части Кодекса), долговременной перспективе развития международного уголовного права.

Из всех преступлений, предусмотренных в данной главе одним из наиболее опасных следует признать планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 100 УК АР). Еще в 1923 г. Лигой Наций, агрессивная война была признана международным преступлением. Одно из наиболее удачных определений агрессии содержится в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечности 1994 г. как «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной целост-

ности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН» (*Проект Международного уголовного кодекса*. URL: [https://ru.glosbe.com/ru/en/проект%20кодекса%20преступлений%20против%20мира%20и%20безопасности%20\(дата%20обращения%2011.05.2020\)](https://ru.glosbe.com/ru/en/проект%20кодекса%20преступлений%20против%20мира%20и%20безопасности%20(дата%20обращения%2011.05.2020))). При определении агрессии помимо Устава ООН и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Об определении агрессии», необходимо учитывать также такие важные международно-правовые источники, как Уставы Международных военных трибуналов 1945 и 1946 гг. и Уставы Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде 1991 и 1994 г. Согласно ч. 4 ст. 2 Устава ООН, в международных отношениях все государства – члены ООН воздерживаются как от применения силы, так и угрозы ее применения не только против политической независимости или территориальной неприкосновенности любого другого государства, но и каким-либо иным несовместимым с целями ООН образом [9]. Согласно определению агрессии, содержащейся в резолюции ООН, «агрессией признается применение вооруженной силы одним государством против политической независимости, территориальной неприкосновенности или суверенитета другого государства либо каким-либо иным несовместимым с Уставом ООН образом» (*Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года «Об определении агрессии»* // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtm (дата обращения: 11.05.2020)). Следовательно, при определении агрессии основным признаком служит инициатива или первенство нападения, то есть признак совершения акта агрессии. Не носят международного характера внутригосударственные вооруженные конфликты, поэтому совершаемые в процессе этих конфликтов преступления – диверсии, убийства, террористические акты, захваты заложников и т.д. – квалифицируются как общеуголовные внутригосударственные преступления. В то же время, специфика отдельных межгосударственных конфликтов такова, что они выходят за пределы обычных преступлений и приобретают международный характер. В этом отношении вызывает интерес отнесение к преступлениям против мира, акта международного терроризма (см. *Уголовный кодекс Российской Федерации*).

Практически всегда агрессия сопровождается грубейшими военными посягательствами на такие важные объекты жизнеобеспечения граждан, как промышленные предприятия, аэродромы, желез-

нодорожные вокзалы, больницы, а также другие хозяйственные объекты.

Ответственность за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны предусмотрена в ст. 101 УК Азербайджана. Международная опасность данного преступления состоит в том ущербе психологического, политического и идеологического характера, который наносится системе мирного разрешения межгосударственных конфликтов. По своей сути такие призывы выступают в качестве поджигательства войны, психологической подготовки агрессии. В отличие от подготовки агрессивной войны, призывы к развязыванию агрессии имеют иное информационное и психологическое содержание, преследуя прежде всего цели формирования идеи правомерности и необходимости агрессивной войны для решения межгосударственных проблем, а впоследствии и внедрения ее в общественное сознание.

В статье 102 УК Азербайджана установлена ответственность за нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой. Виды нападений, предусмотренные в данной статье, преследуют цели провокации войны или осложнения международных отношений. Преступления против лиц, пользующихся международной защитой, считаются также одним из проявлений международного терроризма. Выделение данного деяния в самостоятельный состав преступления объясняется тем особым положением, которое занимают дипломаты и иные лица, пользующиеся международной защитой. Как правило, данное преступление совершается различными экстремистскими группировками и террористическими организациями с целью оказания давления на органы государственной власти и достижения таким образом своих преступных намерений – обмена дипломатов на каких-либо лиц, с целью выезда за пределы страны, освобождения заключенных и т.д.

О запрете данного преступления говорится в Конвенции 1994 г. о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала, а также Конвенции 1973 г. о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой. Указанная Конвенция была ратифицирована и вступила в силу в СССР с 20 февраля 1977 г. В уголовном законодательстве Азербайджана 1960 г. в ст. 67 предусматривалась ответственность за «Террористический акт против представителя иностранного государства», целью совершения которого указывалась провокация войны или международных осложнений.

Согласно общепринятому международному принципу «или выдай, или суди» («qui declare qui

judicare»), лицо, виновное в совершении данного преступления либо выдается межправительственной международной организации, которую представляет потерпевший либо заинтересованному государству, или осуждается по национальному уголовному законодательству.

Принятие Конвенции о безопасности персонала ООН от 9 декабря 1994 г., объясняется недостаточностью мер предупреждения и наказания для обеспечения безопасности и защиты персонала ООН, предусмотренных Конвенцией 1973 г., поскольку нападения на представителей этой международной организации участились.

Вторую группу преступлений против мира и безопасности человечности, предусмотренных в главе 16 Уголовного кодекса Азербайджана, составляют преступления против человечности, названные таким образом в Уставе Международного трибунала по Руанде, принятом Советом Безопасности ООН 8 ноября 1994 г.

Преступлениями против человечности в соответствии со статьей 3 Устава по Руанде, назывались такие бесчеловечные акты, как истребление, убийство, порабощение, пытки, изнасилования и некоторые другие. Кроме того, в Уставе наряду с преступлениями против человечности содержалась норма о геноциде, сформулированная в соответствии с соответствующей нормой о наказании преступления геноцид, Конвенции ООН 1948 г.

Различие между геноцидом и «систематическими и массовыми нарушениями прав человека» проводится и в Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечности 1994 г.

При этом систематические и массовые нарушения прав человека трактуются как убийства, пытки, установление или поддержание в отношении лиц положения рабства, подневольного состояния или принудительного труда, депортация или принудительное перемещение населения, преследование по социальному, политическому, расовому, религиозному или культурному признаку, и иные нарушения прав человека, совершаемые систематически или в массовом масштабе. Все перечисленные деяния предусмотрены в УК Азербайджана в виде самостоятельных составов преступлений.

Расширение круга преступлений против человечности, является очевидной тенденцией в международном уголовном праве. К числу таких преступлений отнесены, помимо традиционных апартеида, экоцида, биоцида и геноцида, еще и массовые систематические и широкомасштабные нарушения прав человека. При этом появились культурные, политические и социальные

мотивы совершения этих правонарушений, то есть мотивация таких нарушений, гораздо шире по сравнению с мотивацией геноцида.

По вопросу о понятии «международного гуманитарного права», дискуссия среди специалистов международников постепенно сводится к более широкому его пониманию [6, с. 502]. Таким образом, оно охватывает не только военные преступления, связанные с правилами и обычаями ведения войны и обстановкой вооруженных конфликтов, но и при условии совершения широкомасштабных, массовых и постоянных нарушений основных прав человека в мирное время.

Геноцид отграничивается от иных преступлений против человечности в Римском статуте Международного уголовного суда, принятом 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН. При этом согласно указанному документу, действия, относящиеся к преступлениям против человечности, лишь в том случае подпадают под юрисдикцию суда, если они совершены в рамках широкомасштабных или систематических нападения на любых гражданских лиц [6, с. 100].

Уголовный кодекс Азербайджана в примечании к ст. 105 к преступлениям против безопасности человечности, относит умышленные деяния, предусмотренные ст. 105–113, являющиеся составной частью широкомасштабных или систематических нападений на гражданское население как в мирное, так и в военное время. К указанным преступлениям относятся – уничтожение населения (ст. 105), рабство (ст. 106), депортация или принудительное переселение населения (ст. 107), половое насилие (ст. 108), принудительная беременность (ст. 108-1), преследование (ст. 109), насильственное удерживание человека (ст. 110), расовая дискриминация (апартеид) (ст. 111), лишение свободы в нарушение норм международного права (ст. 112), применение пыток (ст. 113).

К военным преступлениям глава 17 УК Азербайджана относит шесть деяний: наемничество (ст. 114); нарушение законов и обычаев ведения войны (ст. 115); нарушение норм международного гуманитарного права во время вооруженного конфликта (ст. 116); бездействие или отдача преступных приказов во время вооруженного конфликта (ст. 117); военный грабёж (ст. 118); злоупотребление знаками, находящимися под охраной (ст. 119).

Азербайджанское уголовное законодательство употребляет термин и понятие «военные преступления», широко используемый в международном праве. Такая позиция представляется нам наиболее удачной.

В статье 114 УК Азербайджана предусмотрены несколько видов наемничества. Прежде всего, в зависимости от субъекта преступления выделяют наемничество, совершенное лицом, использующим, вербуящим, обучающим, финансирующим или любым иным путем материально обеспечивающим наемника (ст. 114.1) либо использующим для этих целей несовершеннолетнего (ст. 114.2), во-вторых, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ст. 114.2), в-третьих, совершенное самим наемником в виде участия в вооруженном конфликте или военной операции (ст. 114.3) [9].

Поскольку наемничество причиняет ущерб международным отношениям, мирному сосуществованию и сотрудничеству государств, оно признается военным преступлением и подлежит уголовному наказанию в соответствии с Дополнительными протоколами 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. «О защите жертв войны» (*Женевские конвенции «О защите жертв войны» 1949 г. и дополнительные протоколы к ним 1977 г.* // URL: <https://slovar.wikireading.ru/1733401> (дата обращения: 11.05.2020)).

УК Азербайджанской Республики не предусматривает нормы о производстве или распространении оружия массового поражения. Тем не менее, в статье 116.0.1 УК АР говорится об использовании способов ведения войны, способных причинить большие разрушения, а в статье 116.0.2 – об умышленном причинении широкомасштабного, продолжительного и серьезного ущерба окружающей среде.

До настоящего времени, несмотря на существование в международном праве общепризнанной нормы, запрещающей использование войны как способа решения международных споров, а тем более с применением ядерного оружия и иных средств массового поражения, все еще нет общепризнанной международной нормы, запрещающей применение либо угрозу использования ядерного оружия. По вопросу о запрещении ядерного оружия мнения специалистов-международников расходятся. Согласно первой точке зрения, содержащийся в ряде международных документов (Декларации 1868 г., Гаагских конвенциях 1899 и 1907 г. и Женевском протоколе 1925 г.), запрет применения оружия массового поражения включает и ядерное оружие. В соответствии с другим мнением, поскольку нет нормативного запрета данного вида оружия в международном праве, оно должно признаваться дозволенным средством и может использоваться в военных действиях. Согласно третьей позиции, в данном случае до-

пустимо использование института аналогии и распространить данный запрет на этот вид оружия [7, с. 108–115].

Для консультативного заключения по вопросу о законности угрозы применения и использования ядерного оружия Генеральная Ассамблея ООН обратилась в Международный суд. Принятое 8 июля 1996 г. Международным судом консультативное заключение по данному вопросу является противоречивым. Тем не менее, в принципе была признана незаконность применения ядерного оружия. Вместе с тем было отмечено, что с учетом нынешнего состояния международного права и тех материалов дела, которыми Суд располагает, Суд не может сделать окончательный вывод о том, будет ли угроза ядерным оружием или его применение законными или незаконными в чрезвычайном случае самообороны, когда под угрозу поставлено само дальнейшее существование государства [4, с. 110].

Статья 116.0.16 УК Азербайджана распространяет свое действие на «оружие, средства и способы ведения войны, запрещенные межгосударственными соглашениями Азербайджанской Республики», следовательно, если такого вступившего в законную силу соглашения нет, отсутствует и уголовная противоправность угрозы и применения ядерного или иного вида оружия. Поскольку процедура заключения и вступления в законную силу такого соглашения достаточно долгая, в случае создания и ис-

пользования такого вида оружия против Азербайджанской Республики возникнут сложности в применении данной нормы. В этой связи полагаем возможным внести изменения в данную норму заменив в ней слова «запрет межгосударственными соглашениями», словами «запрет нормами международного права».

Все преступления против мира и безопасности человечности, предусмотренные в УК Азербайджана, относятся к категории тяжких и особо тяжких. Минимальное наказание, возможное за их совершение составляет пять лет, а максимальное — двадцать лет лишения свободы. Только два преступления признаются не представляющими большой общественной опасности — публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 101) и злоупотребление знаками, находящимися под охраной (ст. 119). За десять преступлений из двадцати возможно применение наказания в виде пожизненного лишения свободы (ст. 100.2, 103, 105, 108, 108-1, 110, 111, 115.4, 116, 117). За все преступления против мира предусматривается наказание в виде лишения свободы, однако в одном случае возможно применение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 101.2). Полагаем, что такое дополнительное наказание следует предусмотреть и в санкции статьи 114.2, поскольку данное преступление совершается лицом с использованием своего служебного положения.

Литература

1. Есаков Г.А., Грачева Ю.В., Корнеева А.В. Уголовное право. Особенная часть: учебник. М.: Проспект, 2019. 512 с.
2. Конституция Азербайджанской Республики. Баку: Издательство «Hüquq Yayın Evi», 2016.
3. Лебединец И.Н. Международное уголовное право: учеб. пособие. М., 2017. 112 с.
4. Международные акты о правах человека. Сб. документов. М.: Издательство Норма; Инфра-М, 2000. 911 с.
5. Международное право / под ред. А.Н. Вылегжанина, Ю.М. Колосова: учебник. М., 2009. 1012 с.
6. Наумов А.В., Кибальник А.Г. Международное уголовное право. М.: Юрайт. 2014. 510 с.
7. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.И. Гладких. Ростов н/Д: Издательство «Феникс», 2017. 508 с.
8. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Баку: Издательство «Hüquq Yayın Evi», 2018.
9. Устав Организации Объединенных Наций // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

References

1. Esakov G.A., Gracheva Ju.V., Korneeva A.V. Uголовное право. Osobennaja chast'. Uchebnik [Criminal law. The special part]. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 512 p. (in Russian)
2. Konstitucija Azerbajdzhanskoj Respubliki [Constitution of the Republic of Azerbaijan]. Baku: «Hüquq Yayın Evi» Publ., 2016. (in Russian)

3. Lebedinec I.N. Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo. Uchebnoe posobie [International criminal law. Textbook]. Moscow, 2017. 112 s. (in Russian)
4. Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka. Sbornik dokumentov [International human rights instruments. Collection of documents.]. Moscow: Izdatel'stvo Norma, Infra-M Publ., 2000. 911 p. (in Russian)
5. Mezhdunarodnoe parvo. Uchebnik. [International Law. Textbook]. Ed. A.N. Vylegzhanin, Ju.M. Kolosova. Moscow, 2009. 1012 p. (in Russian)
6. Naumov A.V., Kibal'nik A.G. Mezhdunarodnoe ugovolnoe parvo [International Law]. Moscow: Jurajt Publ., 2014. 510 p. (in Russian)
7. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaja chast'. Uchebnik [The criminal law of Russia. The special part]. Ed. V.I. Gladkih. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 2017. 508 p. (in Russian)
8. Ugolovnyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki [Criminal Code of the Republic of Azerbaijan]. Baku: «Hüquq Yayın Evi» Publ., 2018. (in Russian)
9. Ustav Organizacii Ob#edinennyh Nacij [Charter of the United Nations]. In Sbornik dejstvujushhih dogovorov, soglashenij i konvencij, zakljuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami [Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign States]. Issue XII. Moscow, 1956, pp. 14–47. (in Russian)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГЕЙДАРА АЛИЕВА

Мацкевич Игорь Михайлович

Цель: проанализировать идеи Гейдара Алиева, направленные на борьбу с преступностью, и сопоставить их с практическими мерами, которые он реализовывал в этом направлении в своей практической деятельности.

Методология: использованы методы исторического, диалектического и сравнительного анализа.

Выводы.

1. Гейдар Алиев много внимания уделял борьбе с преступностью.
2. Реализацию его идей в направлении борьбы с преступностью можно назвать практической криминологией.
3. Отдельного изучения требуют идеи Гейдара Алиева в области молодежной политики.
4. Модель развития правоохранительных органов Азербайджана может быть использована в других странах, в том числе в России.
5. Особенно важны взгляды Гейдара Алиева на международное сотрудничество в борьбе с преступностью.

Научная и практическая значимость. Настоящая статья должна представлять интерес для тех, кто стремится изучить позитивный опыт борьбы с преступностью в других странах.

Исследование позволит непредвзято посмотреть на возможности профилактической работы в России, исходя из того, как эта деятельность построена в Азербайджане. Опыт практического снижения преступности в несколько раз и ликвидации де факто уличной преступности не может оставить равнодушным никого.

Ключевые слова: президент, политика, кадры, религия, молодежь, правоохранительные органы, преступность, практическая криминология, профилактика, контроль, коррупция, организованная преступность.

Название представленного материала, я уверен, озадачило тех, кто собрался с ним ознакомиться. Разумеется, Гейдар Алирза оглы Алиев, личность во всех смыслах этого слова легендарная, никогда не занимался криминологией. Это с одной стороны. Однако, с другой стороны, почти всю свою жизнь он решал задачи практической криминологии.

В данном случае под практической криминологией я понимаю не только и даже не столько борьбу с преступностью, сколько решение проблем, направленных на устранение социальных причин, порождающих наиболее опасные социальные негативные явления, к которым прежде всего относится преступность. Но не только преступность. Совершение преступлений, вызванных социальными противоречиями, накопившимися в обществе, является крайним проявлением тех самых противоречий. Огромное число нерешен-

ных социальных проблем приводит к большому числу больших и малых конфликтов, в том числе к межличностным конфликтам, которые мешают позитивному развитию общества и государства. В том случае если от этих, казалось бы, незначительных конфликтов отмахиваться и не замечать их, эти конфликты усугубляются и развиваются. С течением времени происходит их накопление и, наконец, критическая масса мелких конфликтов перерастает в большую социальную проблему общегосударственного масштаба.

Понимание количественного выражения этой критической массы малых социальных конфликтов — задача, которая становится политической, и решение которой является проявлением мастерства государственного политика.

Гейдар Алиев, несомненно, был таким политиком. При этом он большую часть своей жизни

посвятил непосредственно борьбе с преступностью, причем борьбе с наиболее опасными и серьезными ее видами.

Гейдар Алиев с 1944 г. был сотрудником органов государственной безопасности. Нет необходимости напоминать, какие это были сложные времена для в то время единого советского государства. Гейдар Алиев ответственно занимался порученным ему делом, защищал, несмотря ни на что, в первую очередь интересы людей и благодаря этому сумел завоевать доверие не только своих руководителей, но и простых граждан. В 1948 г. Гейдар Алиев стал начальником управления Министерства государственной безопасности Азербайджанской ССР. Его работа в правоохранительных органах всегда была связана с Азербайджаном, и в то же время он отстаивал интересы большой единой великой страны. Известно, что Гейдар Алиев защищал государственные интересы, находясь в Иране, Турции, Пакистане и Афганистане. Примечательно, что везде, где он работал, Гейдар Алиев оставил о себе теплые воспоминания местных чиновников и местных жителей. Он умел находить контакты с людьми, потому что искренне интересовал их жизнью и искренне им верил.

В 1956 г. Гейдар Алиев получил назначение на должность заместителя начальника Бакинского отдела Комитета государственной безопасности СССР. В 1960 г. Гейдар Алиев стал начальником контрразведывательного отдела КГБ, а в 1964 г. — заместителем председателя КГБ при Совете Министров Азербайджанской Республики.

На этой должности Гейдару Алиеву было поручено начать борьбу со взяточничеством, и многие тогда считали, что с этой задачей он не справится. Даже сегодня, спустя многие десятилетия, я нахожу разные точки зрения о том, как боролся со взяточничеством в советском Азербайджане Гейдар Алиев, и диаметрально противоположные мнения о том, к каким результатам эта борьба привела. Однако, кто бы что не говорил, в результате решительных действий Гейдара Алиева несколько чиновников и знаковых деятелей партийной советской номенклатуры лишились своих должностей, а в отношении некоторых из них были вынесены приговоры судов, и они получили заслуженное уголовное наказание.

О том, что Гейдар Алиев сумел остановить наиболее одиозные проявления взяточничества в стране, свидетельствует тот факт, что 21 июня 1967 г. он был назначен председателем КГБ при Совете Министров Азербайджана и получил звание генерал-майора.

Сейчас многие утверждают, часто глубоко не вникая в суть дела, что в Советском Союзе была плохо поставлена кадровая работа. Однако в подавляющем большинстве случаев, когда в то время люди становились чиновниками большого масштаба, я совершенно точно могу это утверждать, это не было случайностью. Подобные назначения не были спонтанными. Человек, который занимал руководящую должность в советских государственных органах управления, проходил естественный и трудный путь по служебной лестнице. Если говорить проще — тогда люди без опыта, без хорошей подготовки на руководящие должности не попадали.

Таким образом, карьерный путь Гейдара Алиева непосредственно связан с успехами в борьбе с наиболее опасными проявлениями социальной несправедливости, разрушающими самые основы государственной и общественной системы, которые сегодня называются коррупцией.

В 1969 г. Гейдар Алиев становится Первым секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Азербайджана, что соответствовало должности руководителя республики. Под руководством Гейдара Алиева Азербайджан стал одной из самых динамично развивающихся республик, составлявших единый Советский Союз.

Что касается преступности, то Гейдар Алиев покончил с уличной преступностью и ему удалось в основном поставить под необходимый социальный контроль остальные, в том числе наиболее опасные криминальные проявления, включая убийства и терроризм. Азербайджан справедливо считался оплотом стабильности и одной из самых спокойных советских республик. Баку был самым интернациональным городом Советского Союза. Существовало даже такое примечательное словосочетание — национальность бакинцев.

На посту руководителя республики Гейдар Алиев занялся повышением качества юридического образования. Справедливо упрекая тех, кто учил будущих азербайджанских юристов, в непрофессионализме, он пошел на такие радикальные меры, как закрытие в отдельных учебных заведениях юридических школ и факультетов. Такая непопулярная временная мера способствовала контролю за получением элитного образования в лучших высших учебных заведениях СССР. В конечном итоге это дало Азербайджану возможность подготовить прекрасные научные педагогические юридические кадры, которые сегодня составляют цвет нации и которые сегодня представляют известные юридические научные школы Азербайджана.

Интересно, что при этом в 1971 г. по инициативе Гейдара Алиева и при его непосредственном участии в Азербайджане было создано военное училище. В 1973 г. училище получило статус общереспубликанского. 24 ноября 1997 г. распоряжением Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева училище было переименовано в военный лицей имени Дж. Нахичеванского.

К деятельности Гейдара Алиева во главе советского Азербайджана в 1970-е гг. сегодня, естественно, относятся по-разному. Те, кто находится в оппозиции к личности Гейдара Алиева и к действующему руководству современного Азербайджана отмечают промахи и недостатки в его работе. Мне, как человеку в некоторой степени отстраненному от политических процессов, происходящих вокруг Азербайджана, но и как человеку, относящемуся с огромной симпатией к этой стране, к азербайджанскому народу, имеющему друзей и даже учеников здесь, а также человеку, ностальгирующему об уникальном Советском Союзе, конечно с позиций сегодняшнего исторического опыта нельзя не признать, что в советском Азербайджане далеко не все было идеально. Впрочем, как и в любой советской республике тех времен. Советский Союз не был страной изобилия, большинство людей жили трудно, добываясь собственного относительного благополучия и развития всей страны, ценой повседневного тяжелого труда. Наверное, какие-то социальные проблемы не столько решались, сколько скрывались, какие-то вопросы откладывались, как говорится, на потом, много было демагогии и заведомо невыполнимых обещаний (как будто сегодня всего это не так в большинстве стран мира).

Однако в советском Азербайджане при Гейдаре Алиеве не было межнациональных противоречий, не было сепаратизма, не было крайних проявлений преступности (в отличие от других союзных республик, отдельные представители которых совершали террористические акты, в том числе в Москве в 1970-х гг.). Говоря обобщенно, в советском Азербайджане при Гейдаре Алиеве было спокойно. При этом, в отличие от современных критиков советской плановой экономики, хочу отметить, что это спокойствие отнюдь не означало стагнации. Даже теперешние критики Гейдара Алиева вынуждены признать, что экономическое развитие советского Азербайджана было всегда поступательным и одним из самых успешных по сравнению с другими советскими республиками.

Что касается борьбы с преступностью, то Гейдар Алиев последовательно продолжал бороться с коррупцией. Только в течение первых пяти лет,

как говорят исторические данные, после того, как Гейдар Алиев стал во главе советского Азербайджана, были сменены две трети министров, 8 из 10 членов бюро Центрального комитета коммунистической партии республики, 37 из 45 секретарей районных комитетов коммунистической партии (речь идет о фактических руководителях разного уровня). Кто мне сегодня покажет подобные примеры кадровой ротации чиновников, уличенных в злоупотреблениях служебным положением? Конечно, оппоненты возразят, что это были так называемые кадровые чистки тех чиновников, кто не устраивал Гейдара Алиева по тем или иным политическим и даже личным соображениям. Но это могут говорить только те, кто совершенно не знаком с советской системой кадрового назначения. Каждому снятию с должности советского партийного руководителя всегда предшествовала работа специальной комиссии, которая приезжала из Москвы из центрального аппарата. Каждое снятие партийного функционера с должности это было чрезвычайное происшествие союзного масштаба, и каждый необоснованный случай такого снятия был чреват самыми тяжелыми последствиями для того, кто инициировал подобное решение. Кадровых ошибок советская система не прощала. Я уже не говорю о том, что у каждого уволенного члена коммунистической партии всегда оставалась возможность написать жалобу в Центральный комитет коммунистической партии и на Съезд коммунистической партии, который являлся высшим исполнительным органом. В свою очередь, каждое подобное письмо рассматривалось партийными комиссиями и автоматически превращалось в персональное дело коммуниста, результаты рассмотрения которого докладывались на коллегиальных совещаниях. Говорю об этом со знанием дела, поскольку застал разбирательство подобных писем в середине 1980-х гг., и ответственно заявляю, что по каждому такому письму человек, разбиравшийся с указанными в нем фактами и готовивший ответ на письмо, нес личную ответственность.

Повторю, я не идеализирую то время и не утверждаю, что смена руководителей разного уровня в Азербайджане в 1970-е гг. не могла быть в определенной степени политической борьбой, но и представлять происходящие тогда события исключительно в этом свете считаю большим упрощением и даже наивностью (если не глупостью) со стороны тех, кто это делает. Уверен, что руководители, которых снял со своих должностей Гейдар Алиев, не были ни в чем не повинными чиновниками. В конечном счете, что весьма характерно, мало кто из них даже стал писать жалобы.

Другим достижением Гейдара Алиева в борьбе с преступностью было налаживание тесной взаимосвязи между правоохранительными органами. В Азербайджане в отличие от других советских республик была минимизирована искусственная конкуренция между милицией, комитетом государственной безопасности и прокуратурой. В этом заслуга прежде всего Гейдара Алиева. Наверное, ему в какой-то мере помогло то, что он возглавлял то самое специфическое ведомство, которому в Советском Союзе приписывали реальные и мифические возможности. Но в первую очередь налаживанию взаимодействия руководителей правоохранительных органов Азербайджана способствовала политическая дальновидность руководителя республики и личные деловые качества (чувство меры, такт, личное обаяние, умение корректно использовать методы убеждения и принуждения).

24 ноября 1982 г. Гейдар Алиев был назначен первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Его переводу в Москву и назначению на одну из руководящих должностей Советского Союза способствовал Председатель КГБ СССР Юрий Андропов.

У меня нет задачи написать заметки о биографии Гейдара Алиева, поэтому о его работе на руководящих должностях в Москве в Советском Союзе я скажу исключительно в виде констатации фактов. Гейдар Алиев в советском правительстве курировал машиностроение, легкую промышленность, транспорт, культуру и образование. Кроме того, Гейдар Алиев занимался завершением строительства Байкало-Амурской магистрали. (Кстати, именно тогда стали говорить, что строительство этой магистрали было стратегической ошибкой и что эта железная дорога никому не нужна. Гейдар Алиев вопреки этим наветам завершил строительство БАМа, и сегодня дорога успешно функционирует.) Помимо повседневного функционала Гейдар Алиев занимался расследованием наиболее тяжелых техногенных катастроф, которые одна за другой случались в стране в 1980-е гг. В 1983 г. Гейдар Алиев возглавлял работу по ликвидации последствий катастрофы теплохода «Александр Суворов» (погибли более 200 человек). В 1986 г. Гейдар Алиев занимался расследованием катастрофы в результате столкновения парохода «Адмирал Нахимов» с балкером «Петр Васев» (погибли 423 человека).

Как видно, Гейдар Алиев возглавлял ключевые и наиболее важные направления развития СССР. Не думаю, чтобы с позиций сегодняшнего дня кто-то из здравомыслящих людей смог бросить ему упрек в том, что хотя бы одно из этих

направлений он провалил. Как минимум это не так. В действительности на всех участках работы, которыми руководил Гейдар Алиев, он добивался успеха.

Среди прочего Гейдар Алиев имеет отношение к судьбе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина. В середине 1980-х гг. из-за управленческого кризиса в ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт), как тогда называлось будущее знаменитое МГЮА, стал вопрос о его либо преобразовании, либо ликвидации. Гейдар Алиев, вопреки возможно ложно понятому мнимому его личному скепсису о необходимости юридического образования и подготовки юридических кадров (такое впечатление могло ошибочно сложиться из вышесказанного мною по поводу решения о юридическом образовании в советском Азербайджане), не только не позволил уничтожить ВЮЗИ, но сделал все возможное, чтобы институт получил дальнейшее развитие. В результате тогда ректором ВЮЗИ стал будущий академик О.Е. Кутафин (он был лично знаком с Гейдаром Алиевым), который вскоре превратил институт в один из флагманов юридического образования уже в России (после развала СССР).

Характерно, что, когда в середине 1990-х годов Гейдар Алиев приехал в МГЮА и О.Е. Кутафин напомнил ему историю про ВЮЗИ, он ответил, что не помнит об этом (я присутствовал при этом разговоре). Уверен, это не было лукавством. В потоке многих дел эпизод с ВЮЗИ действительно не был знаковым для одного из руководителей Советского Союза. Но в этом как раз проявляется величие подлинного руководителя, когда судьбоносное правильное решение принимается как естественное продолжение выполнения повседневных обязанностей.

Гейдар Алиев поддержал Михаила Горбачева, когда тот стал новым (увы, последним) руководителем единой большой страны под названием СССР. Впрочем, вскоре он был сильно разочарован. Черда политических и экономических ошибок Михаила Горбачева привела, в том числе к отставке Гейдара Алиева, в результате чего один из самых опытных и эффективных политиков, который еще был полон сил и энергии, вынужден был уйти на пенсию. Не потому ли, помимо прочего, рухнул Советский Союз, что Михаил Горбачев и его молодые помощники и советники так необдуманно расправлялись с опытными кадровыми работниками?

В течение некоторого времени Гейдар Алиев не был на виду. В это время Азербайджан стал

независимым государством и оказался в череде кризисов.

3 октября 1993 г. в независимой Азербайджанской Республике прошли президентские выборы, победу на которых одержал Гейдар Алиев, набрав 98,8% голосов. После этого началась непростая и трудная работа по возвращению страны к спокойствию и благополучию. Говоря коротко и упрощенно, Гейдару Алиеву пришлось начинать все едва ли не с самого начала. Заслуги Гейдара Алиева на этом поприще известны, и оценить их в первую очередь должны сами азербайджанцы.

Я остановлюсь на том, что было сделано Гейдаром Алиевым в очень сложных 1990-х гг. в борьбе с преступностью. Начну с конца. 10 февраля 1998 г. в Азербайджане была отменена смертная казнь. Отмена смертной казни, несомненно, смелый политический шаг. Однако это было хорошо продуманное и обоснованное решение. Оно стало результатом громадного количественного сокращения преступности в стране. В то же время отмена смертной казни была обусловлена философскими и правовыми представлениями Гейдара Алиева, к которым он пришел на протяжении всей своей жизни, в том числе на посту руководителя одной из самых сильных правоохранительных структур Советского Союза – КГБ. «Всесторонне проанализировав уголовно-правовую политику, будучи приверженным таким высоким идеям, как справедливость, свобода, гуманизм и человеколюбие, я пришел к выводу об отмене смертной казни в нашей стране...» – заявил Гейдар Алиев.

После этого 10 февраля 1998 г. смертная казнь как мера наказания была исключена из Уголовного кодекса Азербайджана. При этом в разделе VI УК Азербайджана закреплено, что «в военных условиях или же при опасности войны может быть путем принятия специального закона в исключительном случае допущено применение смертной казни за тяжкие преступления» [1].

Еще когда страна находилась в состоянии фактической гражданской войны, Гейдар Алиев призвал сотрудников правоохранительных органов объявить беспощадную войну организованной преступности. И это в то время, когда по оценкам криминологов Азербайджан занимал первые места среди соседних стран, включая прежде всего страны Содружества Независимых Государств, по числу совершенных преступлений на 100 тыс. населения. При этом в уголовной статистике Азербайджана огромное число фактических данных приходилось на те преступления, которые не удалось раскрыть и тем самым изобличить виновных в их совершении лиц.

В 1993 г. Гейдар Алиев собрал сотрудников правоохранительных органов и заявил, что без создания общественно-политической стабильности и налаживания работы по предотвращению преступлений невозможно добиться никаких успехов, в том числе успехов в социально-экономической сфере и повышении благосостояния азербайджанцев.

9 августа 1994 г. Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев подписал Указ «О мерах по усилению борьбы с преступностью, укреплению законности и правопорядка» (*Опубликовано в «Ведомостях Верховного Совета Азербайджанской Республики», 1994 год, № 15 статья 202*). В указе были определены основные направления борьбы с преступностью, в частности: 1) организация открытых выездных судебных процессов по фактам коррупции; 2) истребование в установленном законодательством порядке от должностных лиц документов об их финансово-хозяйственной деятельности; 3) масштабные меры по противодействию организованной преступности; 4) инвентаризация всего хранящегося оружия и боеприпасов; 5) раскрытие тяжелых преступлений и предупреждение совершения новых тяжелых преступлений; 6) обеспечение сотрудников правоохранительных органов современными техническими средствами; 7) составление списка городов, в которых бандитизм и организованная преступность получили широкое распространение, и проведение в них специальной оперативной работы; 8) создание в составе Министерства внутренних дел Управления по борьбе с организованной преступностью, терроризмом и бандитизмом; 9) внесение в нормативные правовые акты необходимых изменений, предоставляющих сотрудникам правоохранительных органов при наличии серьезных данных о готовящемся преступлении права на осмотр зданий и строений, принадлежащих учреждениям, предприятиям и организациям, независимо от формы собственности и подчинения; 10) учреждение специального фонда Президента Азербайджанской Республики с целью сконцентрирования дополнительных средств для поощрения отличившихся в деле борьбы с преступностью граждан, сотрудников органов внутренних дел, национальной безопасности, полиции и прокуратуры.

Кроме того, в соответствии с указом была разработана Государственная программа по борьбе с преступностью.

Сразу после этого Гейдар Алиев инициировал разработку, принятие и вступление в законную силу нового современного во всех смыслах слова Уголовно-процессуального кодекса, а также за-

конов «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности».

При этом Гейдар Алиев не забыл о тех, кто непосредственно должен был выполнять эти, а также все другие нормативные правовые акты. Было принято основное положение «О прохождении службы в органах внутренних дел». 29 апреля 1994 г. на совещании с участием руководящих работников МВД Азербайджана Гейдар Алиев подчеркнул: «Мы должны обеспечить социальную защиту каждого сотрудника МВД. Эти сотрудники в первую очередь должны достойно выполнять свои обязанности, а во вторую очередь, должен быть защищен их интерес». 11 марта 1996 г. был принят Указ Президента Гейдара Алиева, в соответствии с которым должностные оклады в системе МВД были увеличены в 1,2 раза. В последующие годы должностные оклады сотрудников правоохранительных органов постоянно росли: а) по распоряжению от 25 июля 1997 г. должностные оклады определенной категории сотрудников были увеличены в 1,5 раза; б) по распоряжению от 30 мая 1998 г. оклады военнослужащих Внутренних Войск были увеличены в 3,5 раза; в) по распоряжению от 17 мая 2000 г. должностные оклады сотрудников органов внутренних дел были увеличены в 2 раза, а заработная плата рядовых служащих младшего управленческого состава — в 1,5 раза; г) по распоряжению от 30 июня 2003 г. ежемесячные должностные оклады сотрудников органов внутренних дел и гражданских работников были вновь увеличены еще в 1,5 раза.

Неудивительно, что сегодня Азербайджан обладает самыми лучшими статистическими данными о показателях преступности, которые свидетельствуют о том, что здесь совершается самое небольшое количество преступлений на каждые 100 тыс. человек населения по сравнению не только со всеми странами СНГ, но и также по сравнению со странами Восточной Европы (*Интервью Министра внутренних дел Азербайджанской Республики, генерал-полковника Рамиля Усубова газете «Азербайджан». URL: <https://mia.gov.az/?/ru/speech/view/3/> (дата обращения: 11.03.2020)*).

Правоохранительные органы современного Азербайджана в течение относительно долгого времени обеспечивали соблюдение порядка и законности в основном карательными средствами. Хотя Гейдар Алиев, как было показано выше, ориентировал сотрудников правоохранительных органов, чтобы они занимались профилактической (предупредительной) работой.

Гейдар Алиев прекрасно понимал, что в борьбе с преступностью в стратегическом плане особое

место должно быть отведено молодежи Азербайджана. Один из первых форумов молодежи независимого Азербайджана был проведен в соответствии с Указом Президента Гейдара Алиева 2 февраля 1996 г. В форуме участвовало более двух тысяч молодых людей, представляющих самые разнообразные категории населения: от студентов и курсантов военных училищ, до молодых журналистов и лидеров политических партий и молодежных общественных и политических организаций. По настоянию Гейдара Алиева в форуме непосредственное участие приняли все руководители органов государственной и исполнительной власти. Президент Азербайджана Гейдар Алиев выступил на форуме с программным докладом. Он подчеркнул, что перед молодежью стоят грандиозные задачи, среди которых главной является напряженная работа и применение своих талантов на благо развития независимого Азербайджанского государства. Гейдар Алиев настоятельно рекомендовал молодежи неуклонно соблюдать принципы Конституции страны. Важной задачей молодежи, по словам Гейдара Алиева, должно стать обеспечение территориальной целостности страны и восстановление государственных границ. С целью достижения намеченных целей Гейдар Алиев заявил о необходимости усиления среди молодежи военно-патриотического воспитания. Гейдар Алиев подчеркнул, что основной задачей позитивных молодежных организаций должна являться подготовка к армии каждого юноши. «Каждый молодой человек должен быть готовым к мобилизации в армию и к службе в ее рядах, это он должен считать для себя великой честью».

По итогам молодежного форума распоряжением Гейдара Алиева от 1 февраля 1997 г. 2 февраля было объявлено Днем азербайджанской молодежи.

Спустя три года, 2–3 марта 1999 г. был проведен II Форум молодежи Азербайджана. На форуме вновь выступил Гейдар Алиев. По итогам форума Президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым 29 июля 1999 г. был подписан Указ «О Государственной молодежной политике». В этом нормативном правовом документе были отражены основные этапы развития молодежного движения в Азербайджане и определены главные направления государственной молодежной политики. В частности, в соответствии с указом при Министерстве молодежи и спорта Азербайджанской Республики были созданы: а) научно-исследовательский центр по проблемам молодежи; б) республиканский центр отдыха и здоровья детей; в) патриотические молодежные организации; г) спортивные организации для представителей

молодежи, которые остро нуждаются в социальной защите.

В результате реализации мер, определенных в указе, в 1997–2000 гг. в Азербайджане были подготовлены следующие государственные программы: а) молодая семья; б) усиление у молодежи патриотических и гражданских чувств; в) решение проблем занятости молодых ребят, вернувшихся из рядов Вооруженных Сил; г) решение социальных, экономических и других проблем талантливых подростков и творческой молодежи [2, с. 239].

6 мая 2002 г. был принят Закон Азербайджанской Республики «О государственной молодежной политике» (*Закон Азербайджанской Республики О молодежной политике*. URL: https://azertag.az/ru/xeber/Z_A_K_O_N_AZERBAIDZHANSKOI_RESPUBLIKI_O_molodezhnoi_politike (дата обращения: 11.03.2020)). Закон состоит из 14 статей, в которых закреплены цели, принципы, основные направления, организационно-правовые основы молодежной политики в Азербайджане. В законе определены возрастные границы молодежи: это люди от 16 до 35 лет. (Кстати, возрастные границы молодежи сегодня постоянно отодвигаются. Сейчас молодежь, согласно оценкам экспертов, это люди от 16 до 45 лет). В криминологии эта возрастная категория считается наиболее криминогенно активной, и молодые люди именно в этом возрасте во всем мире чаще всего оказываются вовлеченными в противоправные действия. В законе дано легальное определение молодежной политике – это система мероприятий, направленных на создание государством общественно-политических, организационно-правовых условий и гарантий для молодежи с целью обеспечения ее всестороннего развития и активного участия в жизни общества. Молодежная государственная политика, как следует из закона, охватывает обширный спектр общественной и государственной жизни Азербайджана: образование, здоровье, интеллектуальное и нравственное развитие, организацию свободного времени. Главной задачей молодежной политики является государственное обеспечение решения проблем молодых людей и защита их прав [3, с. 55].

Гейдар Алиев очень точно и очень вовремя акцентировал внимание азербайджанского общества на необходимости пристального внимания к молодежи. Государственная молодежная политика оказалась чрезвычайно эффективной, и меры, которые были в нее заложены, несомненно, способствовали снижению уровня преступности. При этом Гейдар Алиев, осуществляя государственную молодежную политику, заложил

основы предупреждения преступности на многие годы вперед.

Еще одним важным направлением практической криминологии в деятельности Гейдара Алиева были его взгляды на религию и на соотношение религии и государства в современном мире. Несмотря на очевидность позитивного влияния общечеловеческих гуманитарных ценностей наиболее массовых современных религий на умы и сердца людей, вопрос о взаимоотношении государства, права, общества и религии совсем непрост. Гейдар Алиев говорил: «Безусловно, мы строим в Азербайджане светское государство, но не должны отдаляться от национальных моральных ценностей, так как обязаны не допустить распространения безнравственности и бездуховности. Мы уважаем религию, общечеловеческие ценности, отражающие высокую культуру, мораль на основе которой нужно воспитывать народ. Мы не отделены от религии. Религия и государство тесно сотрудничают, так как ислам, прививая свои прекрасные нравственные ценности азербайджанцам, морально еще больше возвысит азербайджанское общество». При этом Гейдар Алиев подчеркивал тесную связь религий с общепризнанными человеческими ценностями: «Отличие всех нравственных ценностей людей от религии состоит в том, что они, независимо от религиозной принадлежности, всегда призывали людей к дружбе, солидарности, единству». Поэтому Гейдар Алиев утверждал, что никогда и никто в Азербайджане не призывал к религиозному фанатизму. Более того, Гейдар Алиев говорил о необходимости противодействовать распространению религиозного фанатизма, экстремизма из-за рубежа или изнутри [4].

Действующий Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев успешно продолжает и развивает начинания своего предшественника, наставника, учителя и отца.

30 июня 2004 г. была утверждена Государственная программа по совершенствованию деятельности органов полиции Азербайджана. В программе предусматривается решение таких важных задач, как периодическое повышение заработной платы сотрудников органов внутренних дел, улучшение их жилищных условий и условий труда, расширение информационной и пропагандистской работы о роли полиции в демократическом обществе, укрепление материально-технической базы полиции и ее постоянная модернизация.

Аналогичные программы принимались позже, например, Государственная программа по совершенствованию деятельности национальных органов безопасности в Азербайджане. (Го-

сударственная программа по усовершенствованию деятельности национальных органов безопасности в Азербайджане в 2013–2016 годах. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/2103345.html> (дата обращения: 12.03.2020)).

В последние годы значительно расширились и укрепилась международные связи МВД Азербайджана. Более 100 сотрудников органов внутренних дел Азербайджана получили образование в полицейских высших образовательных организациях за рубежом, в том числе в России. Все они после этого вернулись на родину и продолжили службу в полиции в Азербайджане.

В результате совместной деятельности с правоохранительными органами других стран полицейские Азербайджана успешно борются с проявлениями международного терроризма, контрабандой наркотиков и оружия, торговлей людьми, незаконной миграцией и другими видами транснациональных преступлений, многие из которых совершаются международными преступными группировками и более серьезными криминальными объединениями, входящими в транснациональную организованную преступность.

При этом действующий Президент Азербайджана Ильхам Алиев требует от сотрудников полиции соблюдения прав простых граждан. В Указе «Об утверждении Государственной программы социально-экономического развития регионов

Азербайджанской Республики от 11 февраля 2004 г. № 24 (Указ Президента Азербайджанской Республики от 11 февраля 2004 г. «Об утверждении Государственной программы социально-экономического развития регионов Азербайджанской Республики». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=15416 (дата обращения: 12.03.2020)), который подписан Президентом Ильхамом Алиевым, подчеркивается, что руководители центральных и местных исполнительных органов власти обязаны не только обеспечить своевременное рассмотрение заявлений и жалоб граждан в соответствии с определенным графиком, но и реализовать справедливое разрешение требований, содержащихся в этих жалобах (Интервью Министра внутренних дел Азербайджанской Республики, генерал-полковника Рамиля Усубова газете «Азербайджан». URL: <https://mia.gov.az/?/ru/speech/view/3/> (дата обращения: 12.03.2020)). Для реализации справедливого разрешения жалоб граждан в случае необходимости привлекаются сотрудники правоохранительных органов. Государственная программа социально-экономического развития Азербайджана постоянно совершенствуется и модернизируется.

Гейдар Алиев много раз говорил, что на земле ничего дороже человеческой жизни нет. Свою жизнь Гейдар Алиев посвятил азербайджанскому народу и своей стране.

Литература

1. Алекперова Д. 22 года со дня отмены смертной казни в Азербайджане // URL: <https://media.az/politics/1067764375/otkazu-ot-smertnoy-kazni-meshalo-obschestvennoe-mnenie-kotoroe-stabilno-bylo-za-ee-sohranenie-22-goda-spustya/> (дата обращения: 12.05.2020)
2. Алиев В. Гейдар Алиев и современная молодежь // История и ее проблемы. 2003. № 3. С. 235–246.
3. Джафаров Х. Гейдар Алиев и государственная молодежная политика / Х. Джафаров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2 (26). С. 50–57.
4. Атаев Т. Гейдар Алиев о религии и исламских ценностях // URL: <https://www.trend.az/life/culture/1467707.html> (дата обращения: 12.05.2020)

References

1. Alekperova D. 22 goda so dnya otmeny smertnoj kazni v Azerbajdzhane [22 years since the abolition of the death penalty in Azerbaijan]. URL: <https://media.az/politics/1067764375/otkazu-ot-smertnoy-kazni-meshalo-obschestvennoe-mnenie-kotoroe-stabilno-bylo-za-ee-sohranenie-22-goda-spustya/> (In Russian)
2. Aliev V. Gejdar Aliev i sovremennaya molodezh' [Heydar Aliyev and Modern Youth]. Istoriya i ee problemi [History and its Problems], 2003, no. 3, pp. 235–246. (In Russian)
3. Dzhaфарov H. Gejdar Aliev i gosudarstvennaya molodezhnaya politika [Heydar Aliyev and State Youth Policy]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki [News of higher educational institutions. Volga region. Social science], 2013, no. 2 (26), pp. 50–57.
4. Ataev T. Gejdar Aliev o religii i islamskih cennostyah [Heydar Aliyev on Religion and Islamic Values]. URL: <https://www.trend.az/life/culture/1467707.html>

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Мирзоев Ага Керим Ага Салим оглы

Цель: сравнить и проанализировать опыт законодательного регулирования института квалификации преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору или организованной преступной группой, предусмотренных в Уголовных кодексах Азербайджана, России, Украины, а также существующие термины коррупция, взяточничество и проблемы в этой сфере.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой.

Выводы. В соответствии со ст. 34 УК АР преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой, состоящей из двух или более лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Именно совершение одного преступления порождает сомнения о реальности его квалификации как совершенное организованной преступной группой, поскольку при этом отсутствует изначальное предназначение организованной преступной группы, а именно отсутствие устойчивости. По мнению автора статьи, изложенная позиция законодателя является весьма дискуссионной.

Законодательно закреплено понятие коррупции (ст. 1 Закона АР «О борьбе с коррупцией»), однако это определение носит неопределенный характер содержания и не раскрывает реальной сущности коррупции, а лишь фактически отображает несколько диспозиций статей Уголовного кодекса (взятка, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий и т.д.). Автором статьи рассматриваются некоторые из существующих проблем в этой сфере и, с учетом криминологических и уголовно-правовых особенностей, предлагается внесение изменений в Закон АР и предлагается новое определение коррупции.

Научная и практическая значимость. Изучение законодательного регулирования квалификации совершения преступления группой лиц по предварительному сговору либо организованной преступной группой позволит совершенствовать уголовное законодательство, а также нейтрализовать сложности в процессе доказывания деяния, что, в конечном счете, благотворно повлияет на справедливое избрание мер наказания и эффективность борьбы с преступлениями данной категории.

Расследование коррупционных преступлений, выявление максимального количества участников и их привлечение к уголовной ответственности является одним из основных направлений предотвращения коррупционных преступлений.

Ключевые слова: предварительный сговор, организованная преступность, коррупция, квалификация коррупционных преступлений, преступные связи, покровительство.

Начиная с 1991 г. Азербайджанская Республика, восстановив свою государственную независимость, систематически осуществляет основополагающие реформы, в том числе и в сфере борьбы с преступностью, поскольку преступность является одним из основных факторов, отрицательно влияющих на экономические

и политические основы любого цивилизованного государства. Правовые и структурные реформы, их своевременное принятие и реализация имеет существенное значение в предупреждении правонарушений в целом. В качестве примера следует отметить Указ Президента Азербайджанской Республики от 9 августа 1994 г. № 181 «О мерах по

усилению борьбы с преступностью, укреплению законности и правопорядка» (*URL: <https://mia.gov.az/index.php?/ru/content/229> (дата обращения: 19.04.2020)*).

В тоже время организация борьбы с любыми негативными явлениями предусматривает, прежде всего, их всестороннее изучение, определение правового понятия и анализ. Это в полной мере относится и к преступности, а именно, организации и осуществлению борьбы с этим негативным явлением, которое требует достоверного правового определения преступности, изучение и анализ ее количественных и качественных показателей, причин и условий, способствующих их совершению, личности преступников в целях выявления наиболее распространенных видов преступлений для последующего определения основных направлений организации борьбы по их предотвращению, разработки мер по нейтрализации причин и условий их совершения в сфере экономики, социальной жизни, в политике и так далее, воздействие на лиц, склонных к совершению преступлений, и, главное, выработки конкретных профилактических мер по их предупреждению. Таким образом, без полного, всестороннего изучения содержания и анализа преступности с помощью криминологических исследований невозможно проведение эффективных мер борьбы с преступностью, а равно и достижения положительных результатов.

Из изложенного выше следует, что изучение и анализ региональной преступности составляет основу профилактических мер, направленных на предупреждение преступности. В свою очередь, возникает необходимость проведения исследований отдельных видов преступлений. Одним из таких видов являются преступления совершенные организованными преступными группами, которые в общей структуре преступности занимают особое место, поскольку они посягают на экономические, правовые, нравственные и другие устои общества.

В Азербайджане за годы своей службы в МВД АР полковник-лейтенант Гаджи Мамедов стал, без всякого сомнения, настоящим оборотнем в погонах, создав и возглавив преступную группировку, которая целых 10 лет (с 1995 г. по 2005 г.) терроризировала Баку и совершила 17 похищений и 12 убийств. Вымогательство, шантаж и угрозы были основными инструментами группировки. Члены банды убили начальника аналитического отдела Главного управления по борьбе с наркотиками МВД Азера Исмаилова, заместителя начальника Следственного управле-

ния по тяжким преступлениям Генпрокуратуры Ровшана Алиева и вице-президента Ассоциации федерации футбола Азербайджана (АФФА) Фатуллу Гусейнова. За время преступной деятельности группировка получила более 45 миллионов долларов в виде выкупов и откатов.

Наличие организованной преступности в обществе, являясь одной из наиболее значимых проблем, требует проведения серьезных криминологических исследований, на основе которых могут быть разработаны меры по ее предупреждению. Известно, что в Италии, США и других странах, где организованная преступность имеет более глубокие корни, изучение этого негативного явления началось еще в конце 20-х годов XX в. В рамках же международного сотрудничества проблема организованной преступности, будучи впервые обсужденной на V Конгрессе ООН (Женева, 1975), нашла свое правовое подтверждение на международном уровне. Впоследствии эта проблема становится объектом обсуждения практически на всех конгрессах ООН, на которых подчеркивалось наибольшая опасность этой категории преступности. При этом особое внимание было обращено на опасность посягательств организованной преступности на экономические, политические и социальные институты общества, определена необходимость международного сотрудничества для организации и проведения эффективной борьбы с организованной преступностью, приняты основополагающие принципы.

Однако следует отметить, что в советском государстве лишь в 1987 г. на II-ом Съезде народных депутатов СССР официально была признана реальность наличия организованной преступности. Ранее было принято считать, что на территории СССР нет и не может быть причин и условий для существования этого негативного явления, отсюда нет явления, нет его научно-теоретического исследования и, естественно, нет и не может быть работы по предупреждению этого вида преступности. В дальнейшем появление различных концепций, связанных с исследованиями организованной преступности, предопределило возникновение различных мнений о содержании понятия этого явления:

– организованная преступность – совокупность всех преступлений, совершенных организованными преступными группами;

– организованная преступность – устойчивое объединение преступных групп, созданное с целью взятия определенной сферы под влияние преступной деятельности;

– организованная преступность – направленные деятельности преступных групп и объединений [1].

С учетом изложенного, под организованной преступностью понимается не совершение преступления определенной группой, а широкомасштабная, коллективная преступная деятельность. Основным субъектом данной деятельности является *устойчивое* организованное преступное объединение, действующее как единый организм.

Систематическое занятие криминальной деятельностью является частью образа жизни организованных преступных группировок. Объектом организованной преступной деятельности могут быть различные сферы общественных отношений. Ими совершаются, как правило, такие преступления, как незаконный оборот наркотиков, контрабанда, терроризм, убийства, торговля оружием, проституция и другие тяжкие преступления.

В юридической литературе дается следующее определение организованной преступности: «функционирование устойчивых управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции» [4, с. 258].

Из этого определения следует сделать вывод, что одним из основных признаков организованной преступности является наличие высокой иерархической структуры, предназначенной для *систематического* совершения преступлений (*не одного – автор*). Однако при таком подходе возникает противоречие в нормах действующего Уголовного кодекса Азербайджанской Республики.

В частности, согласно ст. 34³ УК АР «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой, состоящей из двух или более лиц, заранее объединившихся для совершения *одного или нескольких* преступлений». Аналогичные и весьма схожие определения предусмотрены в уголовном законодательстве Российской Федерации (ст. 35³ УК РФ), Украины (ст. 28³ УК Украины) и некоторых других постсоветских республик.

Необходимо отметить, что при совершении преступной группой *одного* преступления усматриваются явные противоречия между указанным пунктом и предыдущим (34² УК АР), предусматривающим совершение преступления по предварительному сговору группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два и более

лица, заранее договорившихся о совместном совершении преступления.

В этой связи Конституционный Суд Азербайджанской Республики на основании запроса Верховного Суда Азербайджанской Республики, о разъяснении предусмотренного Уголовным Кодексом АР понятия «организованная группа» Постановлением от 20 апреля 1999 г. указал основные признаки организованной преступной группы, в частности: наличие *устойчивых* преступных групп; распределение ролей при совершении преступлений; создание материальной базы и ее использования для увеличения нажитых преступным путем денежных средств и т. д. В то же время, несмотря на то что этот термин часто употребляется в Уголовном кодексе АР, это понятие ни в одном законодательном акте республики не раскрывается.

Совершенно очевидно возникает вопрос: в чем, при таком положении, заключается разница между сущностью совершения преступления группой лиц по предварительному сговору (34² УК АР) и совершения *одного* преступления организованной группой (34³ УК АР). Полагаем, что при совершении одного преступления квалификация его как совершенное организованной группой не соответствует указанной ранее криминологической характеристике этой категории преступности, поскольку при этом нет и не может быть речи о совершении преступления *устойчивой* преступной группой. В подобных случаях очевидно, что речь может идти лишь по пункту 34² УК АР о преступлении, совершенном по предварительному сговору группой лиц.

Вполне очевидно, что в стадиях предварительного следствия и судебного разбирательства квалификация преступлений, совершенных организованной преступной группой в соответствии со ст. 34³ УК АР, зачастую создает значительные сложности в процессе доказывания и установления факта совершения данного деяния группой лиц, по предварительному сговору или же организованной преступной группой, назначения законных и справедливых мер уголовного наказания, что в конечном счете негативно влияет на эффективность борьбы с преступлениями данной категории.

Полагаем, что в подобном случае необходимо исключить из содержания ст. 34³ УК АР слова «одного или нескольких» и представить данную норму в следующей редакции: «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой преступной

группой, состоящей из двух и более лиц заранее объединившихся для *систематического* совершения преступлений».

Представляет особый интерес такой признак, как коррупция, отмеченный в юридической литературе как третий признак организованной преступности.

В современных условиях коррупция представляет собой глобальную международную проблему. В связи с чем, не случаен факт создания «Transparency International» – неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру, более 100 отделений которой занимаются исследованием причин и условий, порождающих взяточничество и коррупцию и разработки механизма по их нейтрализации.

Организация публикует различные исследования коррупции, в том числе Барометр мировой коррупции и Индекс восприятия коррупции.

Следует отметить, что данная проблема была предметом обсуждения на международных форумах – Париж (май 1996), большой «восьмерки» – Лион (сентябрь 1996 г.), на которых было отмечено, что для успешной борьбы с коррупцией и взяточничеством необходимо создание усовершенствованной базы национального законодательства.

В современных условиях существуют многочисленные суждения об определении термина «коррупция». Зачастую законодательство, а также многие ученые отождествляют понятие коррупция с взятками и другими должностными преступлениями. В подобном случае в первую очередь необходимо обратить внимание на доподлинное толкование смысла термина «коррупция». Этот термин происходит от латинского *corruptio*, а в словарях иностранных слов приводится термин «коррумпировать» (*лат. «corrumpere»*) – подкупать кого-либо деньгами или иными материальными благами [2, с. 250]. Из этого следует, что взятка здесь выступает лишь как средство для достижения подкупа должностного лица в целях создания коррупционных связей и этот подкуп является основным процессом купли-продажи.

А.И. Долгова отмечает, что: «Коррупция – явление таких подкупа-продажности, когда один субъект, занимающий определенное служебное положение, наделенный определенными служебными полномочиями, подкупается другим субъектом ради того, чтобы соответствующее служебное положение и полномочия были использованы в интересах подкупающей стороны»

[3, с. 708]. Разделяя данную точку зрения, следует отметить, что для организованных преступных групп коррупционные связи преследуют цель, прежде всего, покровительства («крышевания») их преступной деятельности, защиты интересов в правоохранительных органах и т.д.

В этой связи необходимо отметить, что, успешно продолжая строительство цивилизованного общества, опираясь на закон и справедливость, Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев систематически расширяет масштабы мероприятий по борьбе с коррупцией. И не случаен тот факт, что одним из первых подписанных им законов был именно Азербайджанской Республики от 13 января 2004 г. № 580-ПГ «О борьбе с коррупцией» ([URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7426](https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7426) (дата обращения: 05.04.2020)).

В соответствии с названным Законом АР: «Коррупция – незаконное получение должностными лицами материальных и прочих благ, льгот или привилегий с использованием своего статуса, статуса представляемого ими органа, должностных полномочий или возможностей, вытекающих из данного статуса и полномочий, а также привлечение физическими и юридическими лицами данных должностных лиц на свою сторону путем незаконного предложения или обещания либо передачи им отмеченных материальных и прочих благ, льгот или привилегий».

Полагаем, что это определение с одной стороны носит неопределенный характер и, в первую очередь, не раскрывает реальную сущность коррупции, а во вторую, фактически отображает несколько диспозиций статей Уголовного Кодекса (взятка, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий и т.д.), поскольку взятка, получение должностными лицами материальных и других благ, льгот и привилегий является лишь средством для достижения, создания коррупционных связей между организованными преступными группами и государственными чиновниками. При этом должностное лицо, игнорируя нормы права, используя свое служебное положение, решает те или иные вопросы в пользу преступных групп или преступной деятельности отдельных подчиненных. Поэтому, говоря о субъектах коррупции, следует понимать только лиц, занимающих определенные должности и обладающие полномочиями. Так в декабре 2019 г. служба госбезопасности (СГБ) Азербайджана задержала главу исполнительной власти Агстафинского района (на западе страны) Низамеддина Гулиева по подозрению в коррупции. Низамеддин Гулиев

и другие задержаны в качестве подозреваемых в рамках уголовного дела, возбужденного Службой госбезопасности по фактам злоупотребления служебными полномочиями, взяточничества в крупных размерах, присвоения, в частности, Гулиев подозревается в вымогательстве под разными предложениями взяток у должностных лиц местных государственных органов, предпринимателей, присвоении бюджетных средств, выделяемых на содержание медицинских учреждений, учебных заведений, а также зарплат малоимущих лиц, привлеченных к оплачиваемым общественным работам. При досмотре рабочих кабинетов Гулиева и его заместителя Рамиза Татарова обнаружены составленные ими списки различных должностных лиц и предпринимателей, у которых они получили деньги, а также денежные средства, документы и другие улики.

В июле 2018 г. уволен прокурор Исмаиллинского района Азербайджана, его помощник арестован. Основанием послужило проведенное Главным управлением по борьбе с коррупцией при Генпрокуратуре АР, расследование на основании жалобы на незаконные действия старшего помощника прокурора Исмаиллинского района Фаига Гулиева. Было установлено, что Ф. Гулиев 14 июля 2018 г. в административном здании прокуратуры Исмаиллинского района взял взятку в крупном размере у председателя правления ОАО «İsmayilli Tikinti 27» Азада Алиева, владельца собственного карьера песка и щебня. В отношении Гулиева было возбуждено уголовное дело по статье 311.3.3 (получение взятки в крупном размере). В ходе обыска в служебной комнате Ф. Гулиева в районной прокуратуре в сейфе была обнаружена крупная сумма денег (*размер не указывается – автор*), которая была изъята в качестве вещественного доказательства. Решением суда в его отношении была избрана мера пресечения в виде ареста.

В результате проведенной служебной проверки было установлено, что прокурор и старший помощник, вступая в непроцессуальные отношения с гражданами, злоупотребили служебными полномочиями, грубо нарушив законы Азербайджанской Республики.

За последнее время на территории Российской Федерации выявлено и привлечено к уголовной ответственности большое количество государственных чиновников, сколотивших огромные состояния (2017 г. – министр экономического развития РФ Алексей Улюкаев – за получение взятки в 2 миллиона долларов США, 2015 г. – губернатор Сахалина Александр Хорошавин, у которого при обыске квартиры были обнаружены 1 млрд руб., 800 ювелирных изделий, ручка стоимостью 36 млн руб. и др.). Возникает вопрос за какой промежуток времени возможно сколотить такое состояние и совершить какое количество преступлений? Ясно одно, что, во-первых, в этом процессе участвовало значительное число как должностных лиц, так и преступных групп, и, во-вторых, этими средствами были не честно заработанные деньги, а добытые преступным путем, причем частично осевшие в карманах у соучастников. К месту будет вспомнить слова французского писателя О. Бальзака, что «за каждым крупно нажитым состоянием стоит преступление» (*«Отец Горюо»*).

Полагаем, что при расследовании коррупционных преступлений необходимо выявлять всех участников этого преступления, привлекая их к уголовной ответственности, и это будет основным направлением предупреждения коррупционных преступлений.

Таким образом, представляется, что основными признаками коррупции являются:

Коррупция – это связь, покровительство («крышевание») преступной деятельности.

Коррупция – система защиты от социального контроля.

Субъект коррупционного преступления – должностное лицо, злоупотребляющее своими служебными полномочиями в целях личного обогащения.

С учетом вышеизложенного, полагаем, что коррупция можно дать следующее определение: «Коррупция – это преступное покровительство должностным лицом преступной деятельности, как преступных групп, так и отдельных должностных лиц, обеспечивая им систему защиты от социального контроля».

Литература

1. Иншаков С.М. Криминология: учебник. М., 2000. 432 с.
2. Новый словарь иностранных слов / под ред. Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева. М., 2003. 783 с.
3. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2019. 1008 с.
4. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология: учебник. М.: Юристъ, 1997. 303 с.

References

1. Inshakov S.M. Kriminologiya. Uchebnik [Criminology. Textbook]. Moscow, 2000. 432 p. (In Russian)
2. Novyi slovar' inostrannykh slov [The new dictionary of foreign words] // Ed. E.N. Zakharenko, L.N. Komarova, I.V. Nechaeva. Moscow, 2003. 783 p. (In Russian)
3. Kriminologiya. Uchebnik [Criminology. Textbook] // Ed. A.I. Dolgova. Moscow, 2019. 1008 p. (In Russian)
4. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Kriminologiya. Uchebnik [Criminology. Textbook]. Moscow: «Yurist'» Publ., 1997. 303 p. (In Russian)

ВОПРОСЫ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Мустафаев Чингиз Фейруз оглы

Цель: проанализировать опыт зарубежных стран в области строительства социального государства и сформулировать конкретные предложения по строительству социального государства на постсоветском пространстве.

Методология: исторический и сравнительно-правовой методы.

Выводы. Автор считает, что страны постсоветского пространства должны развиваться по пути строительства социального государства. В условиях капитализма социальные проекты осуществляются прежде всего для обеспечения безопасности собственности имущих, предотвращения революционных ситуаций. Самым приемлемым обществом для строительства социального государства является социалистическое общество. Будущее не только стран постсоциалистического пространства, но и всего человечества зависит от развития идей социального государства в контексте социалистического общества. Что касается особенностей строительства социального государства в странах СНГ, то автор полагает, что для этого необходимо дать объективную оценку некоторым историческим событиям и процессам в истории СССР. Более того, по мнению автора, страны постсоциалистического пространства должны развиваться по пути строительства социальных государств и создания их добровольного союза, чтобы противостоять мировому империализму.

Научная и практическая значимость. Анализ различных моделей, признаков и функций социального государства, выявление причин ошибок в строительстве социализма в СССР, геополитических особенностей процесса глобализации, определение угроз в будущем и т.п. имеют принципиально важное значение для эффективного строительства социального государства.

Ключевые слова: социальное государство, модели государства, функции государства, признаки государства.

Говоря о социальном государстве, нельзя не обратить внимание на историю развития этого понятия. Прежде всего, хотелось бы отметить, что предпосылки идей о социальном государстве в той или иной степени наблюдались во взглядах философов древнего мира. Например, социальное государство у Платона – это воплощение в управлении и в устройстве общества совершенных гармоний космоса. По его мнению, справедливое государство заботится о том, чтобы внести в частный и общественный быт людей то, что философ-политик усматривает наверху; он не ограничивается собственным совершенствованием, потому что он мастер по части рассудительности, справедливости и всей вообще добродетели, полезной народу. Аристотель же, подвергавший

критике учение Платона о совершенном государстве, считал, что государство создается не ради того, чтобы жить вообще, а жить преимущественно счастливо. Он различает правильные и неправильные государственные устройства: правильный строй – тот, при котором преследуется общее благо, независимо от того, правит ли один, немногие или многие [4].

Элементы социальной политики имеют место и в священном Коране. В частности, в суре «Женщины» явлено такое обращение к мусульманам: «И поклоняйтесь Аллаху, и не придавайте Ему со товарищей, а родителям – делайте добро, и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу, близкому по родству, и другу по соседству, и путнику, и тому, кем овладели десницы ваши (невольникам)». В этой

связи важное значение имеет вопрос о том, как рассматривает Ислам социальное обеспечение в масштабе большого общества – на международном уровне. Имамом Муслимом передан хадис следующего содержания: *«Пророк, обращаясь к сподвижникам, говорил: «У кого лишняя маркаб (лошадь, лодка и т.д.), пусть даст его тому, у кого его нет. У кого в избытке продукты питания, пусть поделится с теми, кто нуждается в них». Он перечислил также другие вещи, и мы пришли к мнению, что никто из нас не имеет права на излишние блага»*. Из этого вытекает, что помогать нуждающимся является фардом (долгом, обязательным) для каждого состоятельного человека. *Вот что пишется об этом в книге Кашиф ал-Кина («Открытый покров»): «Отвращение ущерба от мусульман является фард кифайа (обязательным предписанием), которое должно исходить не от большинства, а от конкретного лица. И сильное человеку дело является для него фардом. Например, одевать оборванцев, кормить голодных, освободить пленных – фард для мусульман, которые способны на это»*. Более того, в Исламе осуществление права каждого на социальное обеспечение возложено на совместно живущих с ними собратьев. В связи с этим авторы, ссылавшиеся на вышеуказанные положения Ислама, совершенно справедливо утверждают, что если бы как следует они соблюдались, то в мире не было бы никаких проблем в вопросах социальной защиты людей [9, с. 100–103].

Понятие «социальное государство» впервые появилось в научной литературе в середине XIX в. в трудах немецких ученых. Сам термин впервые предложил государствовед и экономист Лоренц фон Штейн, который считал, что задача государства заключается в становлении общественного равенства и личной свободы, в поднятии низших, обездоленных классов до уровня богатых и сильных, что государство должно осуществлять экономический и общественный прогресс всех своих членов, при котором развитие одного является условием и следствием развития другого [3, с. 46].

Ретроспективный анализ истории некоторых государств свидетельствует о том, что идея о социальном государстве появилась не на пустом месте. Например, под давлением рабочего движения в Германии во времена Бисмарка и кайзера Вильгельма II правительства шли на социальные уступки. Например, в те времена в Германии были разработаны нормативные акты об обязательном социальном страховании профессиональных групп работников, что позволяло мобилизовать финансовые ресурсы как

гарантии качественной медицинской помощи, высокий уровень страховых выплат. Эта система действовала под названием «модель Бисмарка». В XIX веке социальное страхование от несчастных случаев было введено в таких странах Европы, как Германия, Австрия, Франция. Позднее эта идея была распространена и в Норвегии, Новой Зеландии, Швеции.

В этом направлении были реализованы соответствующие программы и в США, и Великобритании. Например, большое значение имели меры по обеспечению социальной защиты, принятые правительством Ф. Рузвельта в контексте «нового курса» в связи с Великой депрессией в США. В 1964 г. в США президент Джонсон провозгласил начало бескомпромиссной войны с бедностью и т.п.

Понятие «социальное государство» в свое время в Великобритании представлялось как «государство благосостояния». Основой появления этой идеи являлась модель социальной защиты Бевериджа, согласно которой ответственность распределялось между государством (базовые гарантии соцзащиты для всего населения с ориентацией на прожиточный минимум), работодателем (страхование наемных работников с их частичным участием) и работником (дополнительное личное страхование).

Проследивание истории развития идеи «социального государства» показывает, что отношение к нему было неоднозначно. Например, после Второй мировой войны в Европе симпатии к социальному государству усиливались, под которым понимался умеренный демократический социализм. Это было связано с приходом к власти социал-демократов и национализацией различных отраслей экономики. То есть в то время в экономике господствовало кейнсианство – макроэкономическое течение, сложившееся как реакция экономической теории на Великую депрессию в США (См.: *Социальное государство* // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальное_государство (дата обращения: 11.05.2020)).

Большое значение для теории и практики социального государства имело учение английского экономиста Дж. Кейнса. Именно под влиянием его теории сформировалась концепция «государства всеобщего благоденствия» [7].

Однако, в 70-80 годы XX в. идея социального государства пережила кризис, и это было обусловлено победой тэтчеризма и рейганомии в Великобритании и США. А в 2013 г. король Нидерландов объявил о конце государства всеобщего благосостояния. Вместо него появилась

идея об «обществе участия», предполагающая сокращение социальных расходов государства и перенос социальных расходов на население.

После распада СССР некоторые страны постсоветского пространства также были ориентированы на построение социального государства. Так, например, в 1993 г. Россия официально провозглашена социальным государством (ст.7 Конституции), перед которым стоят следующие задачи:

- каждый гражданин должен иметь достойный человека прожиточный минимум;
- каждый трудоспособный человек должен иметь возможность зарабатывать на себя и на содержание всей семьи;
- нетрудоспособные или граждане, не имеющие по каким-либо причинам возможности трудиться (дети, больные, инвалиды, пенсионеры, безработные, беженцы и переселенцы), должны иметь возможность поддерживать обычный жизненный стандарт за счет перераспределения государством средств, накопленных субъектами, участвующими в экономической жизни [5, с. 573].

В Конституции Азербайджанской Республики отмечается, что азербайджанское государство является демократической, правовой, светской, унитарной республикой (ст.7). А в ст. 12 Конституции говорится о том, что обеспечение прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики является высшей целью государства. Аналогичные нормы предусмотрены в Конституциях и других стран СНГ. Однако, одной из важных проблем настоящего времени является как раз то, на каком уровне реализуются указанные и другие нормы, касающиеся прав и свобод человека и гражданина, предназначенные для обеспечения достойного уровня жизни для них.

В политологической науке и в теории государства и права существуют различные определения социального государства. Например, А.В. Дахин и С.А. Воробьев утверждают, что под социальным государством понимается форма организации власти, опирающаяся на ту или иную модель социального общежития (социальный конфликт, социальное отчуждение или социальное партнерство) и ориентированная на цели устойчивого социального совершенствования общества. Под формой организации власти они понимают в одних случаях концентрацию власти у должностных лиц государственных институтов, в других – у лидеров гражданских объединений (наиболее ярко это проявилось в ходе революций

1917 г. в России, «цветных революций» в постсоветском пространстве в 2000-е гг., «исламских революций» в Египте, Ливии в 2010-х гг. и др. или в руках слабо организованной толпы (проявляется в форме погромов) и пр. Что касается характеристики современного социального государства, то под ним они понимают такую форму политической организации, при которой власть распределена между институтами государства и негосударственными гражданскими объединениями. По их утверждению, для социального государства наиболее органична партнерская модель организации власти, позволяющая формировать и использовать ресурсы власти на основе взаимодействия институтов государства и институтов гражданского общества [4, с. 26–27].

По мнению В.Н. Бибило, «под социальным государством понимается зависимость государства от гражданского общества, его подчиненность интересам граждан, причем не только чисто экономическим, которые входят в понятие социальных интересов, а всеобъемлющим интересам» [1, с. 53]. П.К. Гончаров же под социальным государством подразумевает «наиболее целесообразный способ соединения начал свободы и власти в целях обеспечения благополучия личности и благоденствия общества, обеспечения социальной справедливости и солидарности в распределении продуктов труда. Социальное государство знаменует высокий уровень сближения целей и гармонизации отношений государственных институтов и общества» [2].

Специалисты определяют следующие признаки социального государства:

- высокий уровень экономического развития страны, что позволяет перераспределять доходы населения, не ущемляя крупных собственников;
- социально-ориентированная структура экономики;
- формирование гражданского общества;
- разработка государством разнообразных социальных программ;
- утверждение целей государства, обеспечивающих каждому достойные условия жизни, социальную защищенность и равные стартовые условия для самореализации личности;
- социальная ответственность перед гражданами.

Некоторые авторы к признакам социального государства относят и следующее:

- наличие правовых основ социального регулирования и социального порядка;
- направленность на устойчивое социальное совершенствование общества не только в отно-

шении перераспределения материальных благ, но и в направлении целенаправленного формирования определенного качества человека и системы общественных отношений;

– ответственность государства за состояние качества жизни человека [6, с. 88 – 99].

Нам представляется, что важнейшим признаком социального государства должно быть обеспечение конституционной безопасности государства, общества, личности и легитимности политической власти, служения последней экономическим интересам не находящимся у власти политических лиц и олигархов, а всего общества.

Не менее важное значение имеет точное определение функций социального государства.

Российский исследователь, бывший министр труда Российской Федерации С.В. Калашников же выделяет следующие функции социального государства:

– первичные социальные функции – регулирование трудовой деятельности, отношений членов общества, обеспечение общедоступности естественных благ и т.п.;

– экономические функции, направленные на достижение социальных целей, – создание благоприятных экономических условий, регулирование природопользования, повышение уровня личного потребителя и др.;

– общие социальные функции – обеспечение доступного здравоохранения и образования, удовлетворение культурных запросов и т.п.;

– социальные функции социального государства – обеспечение занятости, социальное обеспечение и пр.

Более того, указанный автор полагает, что в качестве тактических (кратко- и среднесрочных) интегральных функций социального государства следует назвать две: функцию объединения граждан страны на основе обеспечения социального (классового) мира и функцию обеспечения экономического роста и развития на основе повышения платежеспособного спроса населения. А стратегической (долгосрочной) интегральной функцией социального государства является сохранение качества природности, культурности и социального человека, и общества [6, с. 88–99].

Думается, к функциям социального государства должны быть отнесены и следующее:

– обеспечение сочетания интересов государства и личности в политической и экономической жизни общества;

– обеспечение мультикультурализма в обществе;

– обеспечение повышения уровня правовой культуры людей, политической активности населения и развития институтов самоуправления;

– полное обеспечение независимости ветвей власти друг от друга;

– создание институтов общественного контроля;

– обеспечение эффективности влияния государственного регулирования экономических отношений;

– создание механизмов, обеспечивающих неприкосновенность и реальную защиту собственности;

– обеспечение на конституционном уровне права народа на протест на политику властей, направленную против его государства (в случаях тотального ухудшения уровня жизни, политических, военных, экологических кризисов, массового распространения тяжелых заболеваний и т.д.).

Авторы, подвергающие критике идею социального государства, считают, что оно приводит к социальному иждивенчеству. Есть и такое мнение, что перераспределение доходов от богатых к бедным представляет собой форму экспроприации, а наличие правовых норм, которые относятся к категории лиц с четко определенными социально-экономическим статусом, формой дискриминации [12]. Более того, неолибералы и классические либералы считают, что государство всеобщего благосостояния приводит к падению эффективности экономики. Коммунисты же считают, что необходимым условием обеспечения социальных гарантий является только переход от капитализма к социализму. Для социал-демократов социальное государство – это социализм, а для коммунистов – социальное государство является лишь уступкой государственного капитализма трудящимся [10; 11; 12]. Мы придерживаемся точки зрения о том, что социализм и есть социальное государство.

Не вдаваясь глубоко в теоретические аспекты и историю развития идеи социального государства и принимая во внимание вышеизложенное, считаем, что под социальным государством следует понимать такую *форму организации общества, при котором государственные и общественные институты создаются на основе Конституции (принятой легитимной властью и волей народа), преследуются цели обеспечения верховенства закона, всестороннего развития личности, высокого уровня жизни людей, соблюдения всех прав и свобод человека и гражданина, активного участия всех граждан в управлении государством.*

Анализ политологической и правовой литературы свидетельствует, что существуют различные модели социального государства. К ним, в частности, относятся следующие:

1. Скандинавская модель;
2. Континентальная модель;
3. Американо-британская модель.

Как видно из приведенной типологии социальных государств, их классификация осуществлена применительно к европейским государствам. Однако, анализ социальной политики некоторых восточноазиатских стран показывает, что и в этом регионе есть государства, ориентированные на реализацию социальных программ. Одним из таких государств является Япония. Здесь семейные обязательства обусловлены историческими и культурными традициями, а сам человек рассматривается как часть семьи. Отсюда и стабильная система помощи, и система социального страхования. Неотъемлемой составляющей социальной политики в Японии являются профессиональные и корпоративные программы социальной поддержки постоянных работников. Аналогичная система сложилась в Южной Корее и Тайване [8, с. 361].

Несмотря на то, что большинство населения мира настроено на создание социальных государств, империалистические силы, используя свои военную мощь и финансовое могущество, создают преграды для реализации указанной цели.

Сторонники строительства демократического социального государства, прежде всего, должны объединить усилия и дать объективную оценку историческим процессам и событиям, которые мешали его строительству. В этой связи хотелось бы проанализировать эту проблему в контексте ситуаций в странах постсоциалистического пространства. Прежде всего, необходимо отметить, что коллапс СССР, являвшегося творением первой в мире социалистической революции, добившегося создания дружбы народов, победившего фашизм, достигшего больших успехов в таких областях, как наука, искусство, промышленное строительство, освоение космоса и т.п., произошел в результате целенаправленного и последовательного вмешательства мирового империализма и предательства политического руководства страны. При этом следует особо подчеркнуть, что именно по вине империалистического Запада СССР превратился в тоталитарное государство с искажением идей построения социализма. Империалистические силы мира мобилизовали все свои возможности для того, чтобы не допустить устойчивого развития социалистического

общества. Известно, что в этой связи в крупных странах Запада создавались институты, занимающиеся проблемами развала мировой системы социализма и СССР. Достаточно вспомнить слова бывшего руководителя ЦРУ США Аллена Даллеса, который в свое время сказал: «Окончится война, все как-то утрясется, и мы бросим все, что имеем — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества».

Запад, разрушив мировую систему социализма, умышленно способствовал деградации нравственности в планетарном масштабе. В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: если Запад на самом деле был символом демократии и гуманизма, то почему не стремился к тому, чтобы не давить на СССР гонкой вооружения, экспортом «демократических» революций, а, наоборот, всячески старался создать побольше проблем для мирового социализма? Отсюда вытекает вывод о том, что только нечестные, корыстные, недемократичные силы способны на такие гнусные, антинародные поступки. В подтверждение этого заключения хотелось бы вспомнить слова Генри Киссинджера, который считал, что развал СССР является «величайшим преступлением Америки». Знаменитый дипломат заявил, что на 96-м году жизни разочаровался в идеях капитализма и считает величайшим пре-

ступлением США «планомерное уничтожение единственного справедливого мирового государства – Советский Союз». По его словам, на эту мысль его натолкнуло поведение собственных внуков. «Современные люди имеют все и в то же время не имеют ничего. Нас ничто не радует, мы не счастливы по-настоящему. Советский человек мог искренне радоваться таким простым вещам, как джинсы, туалетная бумага или сырокопченая колбаса, и потому жил полноценно, дышал полной грудью. Мы развратили его, открыли ему дверь в тот мир, где за яркой приманкой изобилия скрывались звериные законы капитализма», – сказал он. Дипломат подчеркнул, что ему потребовалось много лет, чтобы понять, что счастье заключается не в бытовом благополучии. «У нас был только секс, а у них была любовь. У нас были только деньги, а у них была искренняя человеческая благодарность. И так во всем. Меня сложно назвать поклонником социализма, я западный человек с западным мышлением, но я считаю, что в Советском Союзе действительно рождался новый человек, можно сказать – homo soveticus.

Этот человек был на ступень выше нас и мне жаль, что мы разрушили этот заповедник. Возможно, это наше величайшее преступление», – заключил он.

Для того, чтобы создать новые социальные государства, в первую очередь, необходимо на межпарламентском уровне признать достижения и ошибки советского государства (особенно в области национальной политики и политических репрессий), выработать новую современную идеологию социального государства.

Как в России, так и в других странах его влияния, все политические силы должны однозначно согласиться с тем, что мощь любого государства измеряется не наличием ядерного или более опасного оружия, а верховенством законов, неприкосновенностью собственности, реальным разделением властей, эффективной (независимой) судебной системой, равноправием и взаимопочтением народов, верой народа в свою власть и утверждением демократических институтов.

Для восстановления дружбы народов необходимо разрабатывать и реализовать систематические программы по развитию следующей идеи – «развитие национального в интернациональном».

Полагаем, что если государства не только постсоветского пространства, но и другие страны не будут строить честные и равноправные

отношения, не будут объединяться вокруг идеи создания социальных государств и их союза, то будут очередными жертвами мирового империализма. В качестве примера нужно вспомнить события в арабском мире.

Для успешной реализации указанных целей необходимо также определить угрозы, которые могут помешать этому процессу. На наш взгляд, к предполагаемым угрозам в будущем можно отнести следующее:

1) продолжение политики «разделяй и властвуй» определенными силами (в частности, некоторыми транснациональными корпорациями, псевдорелигиозными организациями, тайными и открытыми финансовыми сообществами и т.п.);

2) имперские интересы империалистических сил мира;

3) опасность возрождения совсем новой империи – империи террористов под лозунгами шовинизма, национализма или религиозного радикализма;

4) возрождение китайского империализма в результате нагнетания напряженности и конфронтации между Россией и Западом, последним и исламским миром;

5) ухудшение экологической ситуации в мире;

6) дисбаланс между ростом численности населения и возможностями удовлетворения его потребностей;

7) искажение моральных ценностей во всем мире. Широкая пропаганда безнравственности и жестокости (например, в фильмах);

8) развитие монополии, коррупции в обществе и криминализация власти;

9) использование международного терроризма в качестве оружия в межгосударственных конфликтах;

10) существование капитализма как антинародной общественно-экономической формации. Для того, чтобы понять серьезность этой угрозы, следует учесть, что в развитых капиталистических государствах социальные программы по улучшению жизни людей, нуждающихся в помощи, осуществляются, в первую очередь, для удовлетворения следующих интересов капиталистов: обеспечение безопасности и неприкосновенности накопленного ими капитала, предотвращение революционных ситуаций, создание иллюзии нивелирования различий в материальном положении богатых и бедных.

Резюмируя все вышеизложенное, можно однозначно констатировать, что будущее человечества зависит от развития и повсеместного утверждения

дения идей социализма. Создание социальных государств и их добровольного союза является единственным путем обеспечения социальной справедливости в планетарном масштабе.

Литература

1. Бибило В.Н. Главный атрибут современного правового государства // Конституционно-правовые проблемы формирования социального государства: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30–31 марта 2000 г.). Минск, 2000. С. 53–54.
2. Гончаров П.К. Российская модель социального государства: постановка проблемы и вариант решения // Социология власти: информ. аналитич. бюл. 1999. № 4. С. 55–59.
3. Гриценко Н.Н., Волгин Н.А., Попов Ю.Н. и др. Основы социального государства: учебник для вузов / под общ. ред. Н.Н. Гриценко, А.А. Шулуса. М.: Изд. Дом «АТИСО», 2009. 440 с.
4. Дахин А.В., Воробьев С.А. Основы социального государства: учеб. пособие. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. 101 с.
5. Дреманова М.А. Россия – социальное государство? // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 573–574.
6. Калашников С.В. Очерк теории социального государства. М.: Экономика. 2006. 362 с.
7. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 399 с.
8. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
9. Мухаммад Садик Мухаммад Йусуф. Права человека в Исламе. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2008. 288 с.
10. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
11. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 236 с.
12. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 642 с.

References

1. Bibilo V.N. Glavnyi atribut sovremennogo pravovogo gosudarstva [The main attribute of a modern legal state]. In Konstitutsionno-pravovye problemy formirovaniya sotsial'nogo gosudarstva: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf (Minsk, 30–31 marta 2000 g.) [Constitutional and legal problems of forming a social state: Proceedings of the international. scientific-practical conference (Minsk, March 30–31, 2000).]. Minsk, 2000, pp. 53–54. (In Russian)
2. Goncharov P.K. Rossiiskaya model' sotsial'nogo gosudarstva: postanovka problemy i variant resheniya [The Russian model of the social state: problem statement and solution]. Sotsiologiya vlasti: inform. analitich. byul [Sociology of Power: informational and analytical bulletin], 1999, no. 4, pp. 55–59. (In Russian)
3. Gritsenko N.N., Volgin N.A., Popov Yu.N. Osnovy sotsial'nogo gosudarstva: ucheb. dlya vuzov [Fundamentals of the social state: Textbook for universities] / Ed. N.N. Gritsenko, A.A. Shulus. Moscow: Izd. Dom «ATISO» Publ., 2009. 440 p. (In Russian)
4. Dakhin A.V., Vorob'ev S.A. Osnovy sotsial'nogo gosudarstva: ucheb. posobie [The foundations of the social state: Tutorial]. Nizhny Novgorod: NIU RANKhiGS Publ., 2013. 101 p. (In Russian)
5. Dremanova M.A. Rossiya – sotsial'noe gosudarstvo? [Is Russia a social state?]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development], 2012, no. 12, pp. 573–574. (In Russian, abstract in English)
6. Kalashnikov S.V. Oчерк teorii sotsial'nogo gosudarstva [Essay on the theory of the social state]. Moscow: Ekonomika Publ., 2006. 362 p. (In Russian)
7. Keins Dzh. M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [The General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1948. 399 p. (In Russian)
8. Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik [Theory of State and Law: Textbook]. Moscow: Eksmo Publ., 2010. 384 p. (In Russian)

9. Mukhammad Sadik Mukhammad Iusuf. Prava cheloveka v Islame [Human Rights in Islam]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «DILYa» Publ., 2008. 288 p. (In Russian)
10. Nozik R. Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya [Anarchy, state and utopia]. Translated by. B. Pinsker / Ed. Yu. Kuznetsov, A. Kuryaev. Moscow: IRISEN Publ., 2008. 424 p. (In Russian)
11. Fridman M. Kapitalizm i svoboda [Capitalism and Freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 236 p. (In Russian)
12. Khaiek F. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda [Law, Legislation and Liberty]. Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki [Modern understanding of liberal principles of justice and politics]. Moscow: IRISEN Publ., 2006. 642 p. (In Russian)

НАКАЗАНИЕ В СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЯХ

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы

Цель: выявить возникновение и развитие традиции восприятия людьми уголовного наказания как исполнения Божьей кары. Понять отношение предков к данному вопросу с помощью анализа фрагментов Священных Писаний. Выявить связь религиозного, национального и социального источников влияния на формирование правового института исполнения наказания. Рассмотреть, какую роль играли в данном процессе чувство справедливости, долга и страха.

Методология: сравнительно-исторический метод, анализ.

Выводы. 1) Зарождение понятия наказания связано, прежде всего, с Библейской заповедью. 2) Данное понятие определяется Всевышним. 3) Наказание – это исключительное право Бога, которое Он передает гражданскому обществу. 4) Основанием для наказания человека является его свобода воли. 5) Наказание налагается с целью искупления вины. 6) Религии имеют практическое значение в физическом мире.

Научная и практическая значимость. Статья позволяет проследить за динамикой исторического развития философско-правовой концепции наказания. Дана периодизация становления наказания как института права. Сделаны выводы, что разные народы видели в необходимости осуществлять наказание волеизъявление Бога, что нашло свое отражение в их религиозных воззрениях. В частности, в работе рассматриваются определенные аспекты христианских, мусульманских и иудейских учений, которые положили начало традиции подобной трактовки. Со сменой эпох изменялось отношение людей к мотивам и средствам исполнения наказания. Однако данный процесс всегда понимался как некое возмездие, совершая которое, человек исполняет свой религиозный, человеческий и гражданский долг как перед Богом, так и перед другими людьми.

Ключевые слова: теологическая концепция, наказание, религия, Священное Писание, законодательство, традиционализм, философия права, народная мудрость, карательные меры, уголовное право.

1. Многогранность наказания порождает и многообразие подходов к пониманию данного явления в различных аспектах. Одним из таких направлений является подход, основанный на религиозных (божественных) основах наказания [1, с. 165–166]. Как справедливо констатировал В.С. Соловьев, «отдельность норм и учреждений политико-юридических от норм и учреждений религиозных есть факт сравнительно поздний, а первоначально эти две области сливались между собою» [2, с. 172]. Такой подход представляется весьма важным, поскольку многовековая история религии привела к тому, что «многие ее установления, наряду с другими неинституциональными нормами, выступают фактическими регуляторами общественных отношений. Мало того, они

в значительной мере отражены в действующем законодательстве» [3, с. 16]. Поэтому вопрос о религиозных (божественных) началах наказания неоднократно поднимался в исследованиях природы наказания. Более того, теологическая концепция наказательной власти государства является одним из ярчайших направлений в философии уголовно-правовой науки [4, с. 6].

Приступая к изучению вопроса относительно института наказания в религии, каждый исследователь прежде должен для себя определить свое отношение к Богу, к религии, к Библии и Корану, считающимися, по убеждению верующих, Божественными Писаниями. У искренне верующего человека нет ни малейшего сомнения в том, что существует Божье наказание, если даже не в этой

жизни, то обязательно в загробной. Поэтому его подход к исследованию понятия наказания в религии будет совершенно другим, чем у атеиста, для которого Бог является просто проекцией человеческих нужд и желаний, а Книги Ветхий и Новый Заветы, а также Коран – творчеством человека. Как показывает жизнь, объективного мнения о «Бог» в этих трех религиях нет; каждое поколение создает такой Его образ, какой соответствует его историческим задачам. Ярким свидетельством этому является, в частности, эволюция идеи о наказании, которая изначально имела религиозный характер, а в дальнейшем с историческим развитием человечества, все дальше стала отделяться от Божьих Заветов, установленных в Священных Писаниях. Тем не менее, мои изыскания в сфере истории наказания в религии, а также содержания Библии и Корана, свидетельствуют о том, что основные начала современного уголовного наказания – понятия, цели, виды и характер, в принципе, соответствуют тем определениям, которые предусмотрены в этих Книгах, которые автор также считает Священными Писаниями Всевышнего.

2. Автор «Позитивной философии» Огюст Конт высказал глубоко верную мысль: всякая концепция может быть правильно понимаема только тогда, когда известна ее история. Отметим сразу же, что мы не придерживаемся того взгляда, что первоосновой наказания является религия, основанная на Божественных Посланиях Всевышним. Но, тем не менее, считаем, что значение теологических позиций относительно зарождения и эволюции идеи об этом явлении не может быть оставлено без внимания, поскольку они тесно связаны с народными воззрениями на этот исторический феномен. Как справедливо утверждает В.Г. Графский, религия оказала серьезное влияние на институт уголовного наказания, ибо уже в первобытном обществе наказания были «тесно взаимосвязаны с религиозными дозволениями и запретами» [5, с. 40]. Без сомнения, истоки учения о наказании обнаруживаются в религии, и первые попытки определения сути и основания этого понятия находятся именно в религиозных верованиях и источниках. Изучая Библию, Коран – великие и уникальные в человеческой истории Книги-Писания, мы находим пласты идей, выражающие суть воззрений древнего человека на жизнь и смерть, убийство и преступление, кару и кровную месть. Поэтому возникает вполне закономерный вопрос: с какого же периода начинают библейские корни наказания?

В работах христианских ученых-правоведов можно встретить утверждение о том, что первое

слово Господа Бога о наказании сказано именно в Законе пророка Моисея [6, с. 54]. А Протоиерей Александр Сорокин исходит из того, что Закон Моисея следует «принимать как Слово Бога, Присутствующего в самом Законе» [7, с. 72]. Значит ли это, что до Моисеевского Закона Всевышний еще не определил свое отношение к понятию наказания, и что началом зарождения этого феномена следует считать Десять Заповедей, дарованных Богом Израилю на горе Синай? По каким же законам тогда жили не только евреи, но и другие народы, в частности, Египтяне? Разве у них не было запрета на определенные деяния и наказание за их нарушение? Стоит в связи с этим отметить, что в Десяти заповедях, дарованных Израилю Господом Богом в письменной форме о наказании, о санкции ничего не говорится. Следует, по-видимому, согласиться с В.Г. Беспалько, считающего термин «наказание» своими корнями восходящего к грехопадению Адама и Евы [8, с. 30]. В.А. Никонов отмечает, что «закон, а особенно закон уголовный, изначально рассматривается в Священном Писании, как прерогатива Бога» [3, с. 20]. А это значит, что необходимо обратиться к содержанию Первой книги, то есть к Бытию, к периоду библейской истории, где описывается жизнь первых людей в раю и на Земле. Только так мы можем проследить картину зарождения и последующего развития понятия Божеского наказания, и убедиться в том, что в ветхозаветной истории человечества первым уголовно-правовым установлением можно, с некоторыми допущениями, считать библейскую заповедь, постановленную Богом для Адама, после его поселения «в саду Эдемском»: «И заповедовал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16-17).

Именно Божье установление «смертью умрешь» можно, условно говоря, считать первоначальным видом наказания Господа Бога, а Библию в каком-то смысле историей человеческих преступлений и возникновения наказаний. Вообще, следует констатировать, что данный эпизод многими исследователями истоков наказания оценивается буквально: акт неповиновения и его последствие в виде конечности жизни (в Эдеме люди были бессмертны). Однако, при этом возникает целый ряд вопросов. Что вкладывал Всевышний в это словосочетание? В чем же сущность выражения «ибо в день, в который ты вкусишь от него (дерева познания Добра и Зла – *авт.*), смертью умрешь»?

Здесь необходимо указать на различие религиозного и общеправового, а также медицинского подходов к пониманию смерти. Религиозное понимание понятий «смерть» и «умереть», в отличие от философского и медицинского определения, означает завершение жизни человека, причем это не противоположность рождению, а неотъемлемая часть воскресения. Если рассматривать заповедь «смертью умрешь» с правовой, а точнее уголовно-правовой позиции, то можно установить, что Всевышний вкладывает в это словосочетание суть и цель того наказания, которое он применяет к Адаму. Бог не преследовал цели умертвить его, ибо в таком случае Он использовал бы абсолютно другие слова: «казню» или «убью», и, наконец, «будешь казнен». Однако такие формулировки в Священном Писании применительно к данной ситуации не используются. Бог дал понять Адаму, что тот будет наказан за непослушание в виде «смертью умрешь», что означает, на наш взгляд, закончить жизнь на грешной земле. Поэтому можно сделать вывод о том, что в высказанных словах нет угрозы, тем более наказания, а имеется только предупреждение о неизбежных неблагоприятных для человека последствиях — он сам уничтожает себя. Таким образом, суть Божьего наказания в отношении Адама следует понимать как переход от бессмертия в смертную жизнь. Особенность же выражения «смертью умрешь» заключается не в том, что это понятие изначальное, самое первое, а в сущности и в порядке лишения жизни Адама. Заметим, что религией (какой бы то ни было), понятие «жизнь» воспринимается гораздо шире — как полноценное духовное бытие, основанное на твердой вере в Создателя мира, покорности Ему, пребывании в постоянном внутреннем диалоге с Ним [9, с. 10]. Поэтому выражение «смертью умрешь», по всей вероятности, обозначает духовную, а не физическую смерть от Бога, и рассматривается как «смерть для Бога», как «духовный разрыв человека» с Богом и лишение благодати Божьей и не имеет собственно наказательной основы (похожую мысль можно встретить у В.А. Никонова [3, с. 21]). Именно так покарал Бог Адама, переводя его в иную, смертную жизнь, хотя мог тут же умертвить его. Такой «приговор» Бога в большей степени напоминает другой вид ныне не существующего наказания — ссылку на грешную землю с пожизненным заключением на этой территории без права на освобождение или помилование, где «осужденный» в конце концов умирает своей смертью. Можно ли утверждать, что эта заповедь равнозначна по смыслу и содержанию понятию «смертная казнь»?

Начнем с того, что нигде, ни в одном Божьем Послании мы не сталкиваемся с понятием «смертная казнь», хотя понятно, что в любом случае выражение «смертью умрешь», также как и перечисленные понятия, употребляемые Богом, имеют вид смерти и она от Господа, ибо именно Он впервые употребил это выражение, когда предупредил Адама относительно запрета. Кстати, именно поэтому В.А. Никонов прав, утверждая, что в словах «смертью умрешь» вовсе нет угрозы, а есть только предупреждение о неизбежных последствиях [10, с. 12].

Таким образом, представляется, что слова «смертью умрешь» нельзя понимать буквально, как наказание в виде смертной казни. В связи с этим Вольтер писал: «В Книге Бытия даже не сказано, что Бог осудил Адама на смерть за то, что он проглотил яблоко. Правда, он сказал: «Ты обязательно умрешь «в день, когда вкусишь от него», но, согласно этой же Книге Бытия, Адам прожил 930 лет после этого преступного завтрака» [11, с. 164]. Поэтому с точки зрения «бессмертности человека», каковая предназначалась Адаму, назначенное наказание можно считать пожизненным осуждением за ослушание Богу, с отбыванием на смертной грешной земле.

Смерть как наказание, указанное в санкции заповеди «смертью умрешь», следует рассматривать именно как смерть духовную, ибо с правовой точки зрения смерть — лишение человека физической жизни путем казни, а казнь — это уголовно-правовой, а не библейский термин, обозначающий справедливое воздаяние за совершенное преступление от имени соответствующей организации или должностного лица. Именно поэтому термин «казнь» используется только в выражении «смертная казнь».

Стоит заметить, что в Ветхом Завете, помимо Божьего постановления «смертью умрешь», используются и другие выражения: «Хулитель имени Господня **должен умереть, камнями побьет его все общество**» (Лев. 24:16); «Если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего: да будут **преданы смерти** и прелюбодей, и прелюбодейка» (Лев. 20:10); «Кто убьет человека, того должно **предать смерти**» (Лев. 24:21); «**Отдай** душу за душу» (Исх. 21:23); «**Всякий** скотоложник да будет **предан смерти**» (Исх. 22:19); «**Убей** женщину и скотину; да будут они **преданы смерти**, кровь их на них» (Лев. 20:16); «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно **предать смерти**» (Исх. 21:17).

Определенный интерес представляет тот факт, что Всевышний в отличие от Библии в Коране смертность человека не увязывает с актом его не-

послушания в Раю и вообще нигде не использует понятие «смертью умрешь». Более того, в Коране неоднократно отрицается смертность в жизни вечной: «Там они не вкусят смерти после первой смерти» (Коран. Сура 44, аят 56), «С ними не покончат, и не умрут» (Коран. Сура 33, аят 36), «...а потом не умрет там и жить не будет» (Коран. Сура 87, аят 13). Если в Библии Бог велит Адаму не есть от этого дерева, говоря: «...а не то смертью умрешь», то Аллах в Своем послании – Коране только предупреждает Адама: «О Адам! Поселись в Раю вместе со своей супругой. Ешьте там вволю, где пожелаете, но не приближайтесь к этому дереву, а не то окажетесь одним из беззаконников» (Коран. Сура 2, аят 35). В другом месте Корана Всевышний еще раз предостерегает Адама от послушания: «О Адам! Это враг тебе и твоей жене. Пусть же он не выведет вас из Рая, а не то ты станешь несчастным» (Коран. Сура 20, аят 117). О каком же несчастье говорит Аллах? Всевышний напоминает Адаму о той жизни, которая ждет его, если он Его не послушает: жизнь твоя станет полна тягот, страданий и мучений в противоположность тому, что в Раю, где он будет сыт и одет и никогда не будет мучиться от жажды и зноя (Коран. Сура 20, аят 118–119).

Отнятие жизни человека в качестве наказания существует в Священном Писании мусульман и в Хадисах в качестве возмездия под другими наименованиями. «Воистину, те, которые сражаются против Аллаха и Его посланника и стремятся сотворить на земле нечестие, в **воздаяние** должны быть **убиты** или **распяты**, или у них должны быть **отсечены** накрест руки и ноги, или они должны быть изгнаны из страны. Это будет для них позором в этом мире, а в Последней жизни для них уготованы великие мучения» (Коран. 5:33).

Вместо термина «смертная казнь» посланником Аллаха употребляется также понятие «**проливать кровь**». Со слов Абдуллаха ибн Масуда, посланник сказал: «Проливать кровь мусульманина, который свидетельствует, что нет божества, кроме Аллаха, и что я – посланник Аллаха, можно в трех случаях: если он совершил прелюбодеяние после того, как вступил в брак; если он убил человека и если он отрекся от веры и откололся от общины». Этот хадис передали Ахмад, аль-Бухари, Муслим, ат-Тирмизи, Абу Давуд, Ан-Насаи и Ибн Маджа. Достоверными также считаются слова Аиши о том, что посланник Аллаха сказал: «**Убивать** мусульманина можно...»

Существует также хадис, где Пророк Мухаммед употребляет для обозначения наказания слово «казнить». Передают, что Абу Бакр б. Мухаммад б.

Амр б. Хазм рассказывал со слов своего отца, а тот, со слов своего отца, что Пророк отправил в Йемен послание, в котором было написано: «Если доказано, что человек предумышленно и несправедливо убил правоверного, то его надлежит **казнить** (выделено нами. – И.Р.)». Итак, исходя из Библии, первоначальным наказанием можно считать наказание, применимое Всевышним к Адаму и Еве. **Вторым** Божьим наказанием в виде ссылки со смертью в библейской истории, было наказание Каина за убийство своего брата Авеля.

«И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4:15). Несколько позже потомок Каина Лашех высказывает эту же мысль в стихах, выражение которых очень темно, но цель очевидна. «Смерть Каина будет отмщена семь раз, а смерть Лашеха семьдесят раз». Лопухин А.П. совершенно правильно отмечает, что Бог мог бы наказать Каина смертью, однако Он «должен был служить предостерегающим примером для других» [12, с. 50].

Согласно еврейской религиозно-правовой традиции, Господь освободил Каина от наказания «смертью умрешь», так как он принес жертву и тем умилостивил Бога не слишком гневаться на него (Иосиф Флавий). Христианские ученые-правоведы полагают, что назначенное наказание Каин воспринял как чрезмерное, ни с каким иным, даже со смертью, не сравнимое, что подтверждается цитатой из Священного Писания: «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно» (Быт. 4:13). Это наказание воспринимается как более суровое, чрезвычайное, исключительное, потому что Бог впервые произносит проклятие человеку именно за братоубийство, тем самым утверждая, что преступление Каина страшнее первородного греха прародителей, а значит, соответственно, его наказание больше, нежели изгнание из рая в смертную жизнь.

Святитель Иоанн Златоуст следующим образом описал отбывание Каином назначенного ему Богом наказания: «И Каин ходил всюду, как живой закон, как столп движущийся, безмолвный, и, однако, не издававший голос звучнее всякой трубы. Никто не делай, – говорил он, – того же, что я сделал, дабы не потерпеть того же, что я терплю» [13, с. 132–133]. **Таким образом**, можно утверждать, что изначально, в допотопный период библейской истории возможность наказания человека человеком за преступление смертью не предусматривалась. Месть запрещалась даже за совершение убийства, и право человека наказывать себе подобного смертной каз-

нью дается ему Богом уже после Всемирного Потопа, когда в результате Божьего наказания водами потопа «истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, все истребилось с Земли: остался только Ной и что было с ним в Ковчеге» (Быт. 7:23); наказанию смертью подверглись огромные массы грешников, так же как в Содоме и Гоморре. Это было следующее — **третье** наказание Бога, но уже в качестве кары за преступление против Его воли.

После потопа, как это следует из Библии, Бог через Ноя, в качестве патриарха и родоначальника нового поколения, отправляет людям положение нового закона, в котором, в частности, говорится: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Быт. 9:6).

Можно с уверенностью констатировать, что в результате соглашения Ноя с Господом Богом, о чем нам сообщают историко-религиозные источники, человечество получило Свод ясных правил, пусть и относительно небольшой по объему. Эти правила на долгое время стали основой правовой жизни его потомства вплоть до появления Моисеева Закона под названием «Новые Законы», предоставляющие человеку и обществу право наказывать другого человека смертью. Таким образом, Господь, как следует из текста Бытия, отказался от собственного права применять в будущем потоп в качестве наказания за преступления людей (Быт. 9. 11–13). Хотя далее, как видно из религиозных источников, свое право наказания Всевышний все же использовал для уничтожения жителей Sodoma и Гоморры, обвинив первых в мужеложстве, а вторых — в лесбиянстве.

Завершая рассмотрение вопроса относительно первоосновы наказания согласно Библии, следует прийти к выводу о том, что первое Божье наказание — наказание Каина за убийство брата, затем события Всемирного Потопа и уничтожение Sodoma и Гоморры, то есть наказание в виде массового уничтожения людей, и наконец, Божье наказание было строительство Вавилонской башни. После Книги Бытия начинается эволюция института наказания и его модернизация еврейским обществом, о котором повествуется в следующих четырех из пяти книг Ветхого Завета: Исходе, Левите, Числах и Второзаконии.

3. Хотя современная научная мысль и с некоторой осторожностью воспринимает библейскую историю зарождения этого исторического феномена, тем не менее можно утверждать, что идея Божьей кары фундаментально повлияла на

эволюцию идеи о наказании, которое создавалось на основе не только многовековых религиозных, но и национальных, исторических, психологических, социальных особенностей каждого народа. Влияние религии, религиозных источников, религиозного права, учений на становление и развитие идеи о наказании осуществлялось как прямым, так и косвенным способом. В то же время сомнений в полезном, благотворном действии наказания на религиозно-нравственное совершенствование человека у древних людей не было. И это по-разному как могли выражали именно в религиозных системах. Все началось с того, что в отсутствие правовых норм, обычаи и традиции стали освящаться религией и обретать обязательную силу и узакониваться всеми религиями.

Непререкаемость обычая поддерживалась языческой религией первобытного человека, по суеверию которого «тень убитого до тех пор не может найти покоя, пока убийца не будет умерщвлен» [14, с. 4]. Поэтому можно согласиться с утверждением о том, что религия опирается на традиции и обычаи, то есть на опыт сотен поколений, что придает их нормам сакральный характер и тем, как правило, превращает их в жесткий стандарт поведения, в обязательный для всех стереотип. Тексты Божественных Посланий наглядно свидетельствуют о том, что обычаи и традиции сливаются с религией и получают Божественную санкцию в эпоху распада бесклассового общества и формирования государства. Подобные санкции были крайне необходимы для поддержания авторитета родовой знати. Таким образом, религия, овладев умами, превращалась в огромную силу и оказывала колоссальное воздействие на человека и общество, историю и культуру, быт и нравы. Естественно, она всегда не только влияла на характер наказания и его исполнение, но и имела право на его применение.

Наступает то время, когда уже преступление является не личным оскорблением, как раньше, а рассматривается как оскорбление Божества. Теория искупления вины перед Богом достаточно полно была охарактеризована А.Ф. Кистяковским: «Преступление есть оскорбление божества: оно возбуждает гнев его не только против преступника, но и против всего народа, среди которого он живет; для умиловления божества и смягчения его гнева необходима кара преступника; эта кара должна состоять в пролитии крови, мучениях и телесных страданиях; кровь, мучения и истязания очищают, омывают, искупают вину и умиловляют божество» [15, с. 161]. Теперь наказание становится примирением с Богом, очищением от

греха, искуплением вины. С этого времени нравственной основой наказания стали выступать уже не обычаи и традиции, а религия.

4. Как писал Платон: «Мы ведь не то, что древние законодатели. Те были, как теперь рассказывают, и сами божественного происхождения, да и законы свои давали детям богов, героям, то есть существам также божественным» [16, с. 306]. Институт наказания в Священных Писаниях сопрягается, как считает религия, с признаком его богоустановленности, Божественной природой, то есть наказания не только устанавливаются Господом, но и непосредственно Им же применяются к виновным. Проще говоря, теория Божественного происхождения права наказания ищет основы права наказания не в начале нравственности, в общественном интересе, возмездии или же в свойствах отдельной личности, а в условиях возникновения человеческого общения, в законах мироздания, то есть в религии. Суть рассуждения в следующем: сам Бог с сотворения мира взял на себя труд управлять всеми делами в жизни физической, как и в жизни духовной, в политике, как и в религии; Он один сделал людей такими, какими они стали теперь; Он — их законодатель, учитель, их господин и судья.

По логике правом наказания обладает тот субъект, который установил правила поведения, определил, какое поведение считать правильным, а какое — противоправным, то есть преступлением. Поэтому, чтобы доказать, что право наказания принадлежит Богу, необходимо, в первую очередь, обратиться к Божественным Посланиям, которые рассматриваются религией как Божьи Законы, точно так же, как законодательные акты. Если в них предусмотрено, что считать преступлением и какое наказание за это следует, то, безусловно, именно Богу как субъекту законодательства принадлежит право наказания на основании этих Писаний. Из содержания Священных Посланий усматривается, что Бог берет на себя **право наказания** за отступление от Его установлений.

«Я — Бог, Всесильный твой, Бог — ревнитель, карающий за вину отцов детей до третьего и до четвертого поколения, тех, кто ненавидит меня, и творящий милость на тысячи поколений любящим меня и соблюдающим заповеди мои» (Тора. Дварим 5. /9/ — /10/).

«И совершу над ними великое мщение наказаниями яростными; и узнают, что я — Господь, когда совершу над ними Мое мщение» (Иез.25,17). Он сказал: «Я поражаю Своим наказанием, кого пожелаю, а Моя милость объемлет всякую вещь» (Коран. Сура 7, аят 156). Подобного рода поста-

новлений Божьих в Его Писаниях можно встретить довольно часто.

Разве Божьи изречения: «Я — Бог карающий» (Тора), «И совершу над ними великое мщение наказаниями» (Книга Ветхого Завета), а также: «Я поражаю Своим наказанием» (Коран) не дают хоть каких-либо оснований для постановки вопроса о Божественном происхождении права наказания? Однако в реальной действительности только государству принадлежит право наказания, а не Всевышнему. Значит ли это, что Бог это свое право передал гражданскому обществу во главе верховной власти? Если исходить из того, что и государство создано Всевышним, то тогда все сходится (*теологический взгляд на появление государства обосновывает причину образования государства в природе вещей — в божественном происхождении государства и права. В соответствии с воззрениями представителей теологического направления, «государство является результатом проявления божественной воли, практическим воплощением власти бога на земле» [17, с. 30]*). Именно так и обосновывается всеми религиями право наказания Богом. Было время, согласно историко-религиозным источникам, когда Всевышний Сам применял свое же установленное наказание. Например, изгнание Каина, уничтожение Содома и Гоморры, Всемирный Потоп, казни египетские и т.д. Потом, со временем, Бог свое право карать преступников передает государству. И это уже становится не правом государства наказывать, а обязанностью перед Божеством. С этого момента институт наказания и его применение становится подобием суда Божеского.

5. В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о сущности и содержании наказания вообще, ибо это слишком широкая проблема. Достаточно отметить, что на протяжении многих веков вокруг понятия и сущности наказания шли оживленные дискуссии, появилось большое количество различных концепций, теорий, учений, в том числе и теологических (*стоит отметить, что еще на рубеже XIX–XX вв. в отечественной уголовно-правовой науке учеными-криминалистами выделялось достаточно большое количество теорий относительно сущности происхождения и основных свойств наказания [18, с. 158–176]*).

Все религии исходят из того, что наказание по сути своей есть возмездие, и они обосновывают это следующим образом: справедливость требует воздаяния злом за зло (*весьма интересно, что концепция наказания Г.В.Ф. Гегелем воспроизводит это положение практически полностью: «снятие преступления есть возмездие постольку, поскольку*

это возмездие есть по своему понятию нарушение нарушения и поскольку преступление по своему наличному бытию имеет определенный качественный и количественный объем и тем самым его отрицание как наличное бытие имеет такой же объем» [19, с. 148–149]). Это начало прямо выражено во всех Посланиях, начертано Творцом в разуме и совести человека и базируется на постулатах Ветхого Завета: наказание – воздаяние за зло; устрашение по правилам Талиона – «око за око, зуб за зуб» (Втор. 19–21). «Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд» (Книга Ветхого Завета. Иов 19,20). «Ибо, если через Ангелов возвышенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние» (Книга Нового Завета. Евр. 2,2). «Я накажу мир за зло, и нечестивых – за беззаконие их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей... По мере возмездия, по этой мере Он воздаст противникам Своим – мезтью» (Книга Ветхого Завета. Исх. 13,11; 59,18). А теперь обратимся к Корану: «Воистину, те, которые сражаются против Аллаха и Его Посланника и стремятся сотворить на земле нечестие, в воздаяние должны быть убиты или распяты, или у них должны быть отсечены накрест руки и ноги, или они должны быть изгнаны из страны...» (Коран. Сура 5, аят 33).

Классическая форма талиона содержится во всех Священных книгах: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21, 23–25). «И предписали Мы им в нем, что душа – за душу, и око – за око, и нос – за нос, и ухо – за ухо, и зуб – за зуб, и раны – возмездие» (Коран. Сура 5, аят 5). В этих Божественных указаниях талион проникнут духом устрашения, то есть Бог именно посредством талиона желает предотвратить агрессивность людей и покончить с насилием, что может привести в перспективе к истреблению целых родов. Кстати, принцип талиона был также предусмотрен в римских Законах XII таблиц (51–50 гг. до н.э.), где говорится: «Если причинить членоредительства и не помириться с потерпевшим, то пусть и ему самому будет причинено то же самое».

Как указывает В.А. Никонов, «в этом и состоит объективный и сущностный характер наказания: снятия неправа и восстановление права» [10, с. 23].

На самом деле, толкование указанных выше источников дает основание предположить, что Бог посредством принципа талиона стремится ограничить кровную месть, ибо вполне понимает опасность кровопролития. Поэтому талион,

в общем-то, явился приближением к институту наказания. Смысл талиона, по Господу, заключается в том, чтобы дать людям почувствовать, испытать на себе, что такое зло, насильственный акт, на который они идут.

Небезынтересным, в свете изложенного выше, будет отметить одно обстоятельство: Новый Завет содержит положения, которые, на первый взгляд, противоречат принципу талиона: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:38–39). Как представляется, в данном случае речь ведется немного о другом – о желании усовершенствовать ударившего и не более. Позднее эта фраза в философских трудах получила наименование «золотое правило нравственности».

Таким образом, основываясь на текстах, содержащихся в Писаниях, все религии рассматривают возмездие как законное и самое целесообразное воздействие на созданного Богом человека. В то же время из содержания Божественных Писаний усматривается, что Всевышний считает возмездие действительным и справедливым злом, страданием за причиненное преступное зло. Справедливость по Богу есть нравственно-религиозное начало сущности наказания – возмездия.

Несмотря на то, что Всевышний усматривает наказание как возмездие, но в то же время Он и напоминает о вразумлении, несущем в себе доброту, сострадание и излечение. Читаем: «Одним из проявлений праведности, справедливости Божьей является его милосердие». «Господь, Бог твой, есть Бог милосердия» (Втор.,31). «Не может быть у Бога неправды или у Вседержителя неправосудия. Он по делам человека поступает с ним и по путям мужа воздаст ему. Истинно, Бог не делает неправды и Вседержитель не извращает суда» (Иов. 3,25; 10,1; 3, 10–12). А вот, что сказано в Коране: «Я желаю только исправления, пока могу» (Коран. Сура 11, аят 88).

Итак, рассмотрев сущность наказания по Священным Писаниям, можно определить Божье наказание как изначально установленное Им средство воздействия на созданное им человеческое существо.

6. Всякая цель, вообще, субъективна, ибо формируется людьми, выражается в законодательстве и реализуется субъективной деятельностью людей. Следовательно, наказание, в принципе, не преследует каких-либо целей, тем более невозможно перед ним ставить какую-то цель, ибо цели могут быть поставлены субъектом с учетом объективных возможностей наказания, закрепив это в законе. А это значит, что наказание следует рассматривать как средство достижения цели. Имен-

но из такого подхода следует исходить, когда мы рассматриваем те цели, которые, в соответствии с имеющимися памятниками религиозной мысли, Всевышний ставит перед Собой с использованием такого средства, как наказание. Разумеется, опираясь на дошедшие до нас историко-религиозные источники, можно сделать вывод о том, что Господь Бог для достижения поставленной цели может использовать и другие средства и возможности. Под целями, как вытекает из содержания Священных Писаний, Всевышний понимает тот идеально желаемый результат, к которому Он стремится, применяя наказание или другие меры воздействия на людей. О каких же целях идет речь? Религия смело и однозначно утверждает, что наказание установлено Богом с целью искупления зла, ибо искупление – это верховный закон мира. Всякое зло должно быть искуплено, ни одно зло не должно оставаться безнаказанным. Следовательно, до тех пор, пока на земле будет происходить зло, преступления, насилия, необходимо, чтобы постоянно имело место и наказание. Религиозные каноны четко дают понять, что так как Бог установил данный институт, то наказание будет существовать, пока Всевышний Творец Сам его не отменит. В связи с этим, нужно вспомнить высказывание Г.В. Лейбница: «Бог может сделать, чтобы добродетель существовала в мире без всякой примеси порока, и даже будто он может сделать это легко. Но поскольку он допустил существование греха, необходимо, чтобы миропорядок, находящийся в преимущественном положении по отношению ко всякому прочему порядку потребовал его» [20, с. 211].

Религия, вообще, считает, что наказание – это не самоцель, а милость Божья, ибо земное страдание избавляет от более ужасного страдания в будущем. Так, например, Н.С. Федосова утверждает, что «по христианским канонам цель наказания – исправление грешника, недопущение совершения новых грехов и устрашение» [21, с. 17].

Тексты всех Божественных Писаний свидетельствуют о том, что Божье наказание – это в значительной мере охранительное средство. «Не убивай. Не прелюбодействуй; и не кради; и не отзывайся о ближнем своем ложным свидетельством» (Дварим 5.17-18/ – Второзаконие). То же самое читаем в Книге Ветхого Завета: «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20, 13–16). «О те, которые уверовали! Не запрещайте блага, которые Аллах сделал дозволенными для вас, и не преступайте границы дозволенного. Воистину, Аллах не любит преступников» (Коран.

Сура 5, аят 87). После такого предупреждения, Аллах напоминает о тех последствиях, которые последуют за нарушение заветов Всевышнего: «А кто преступит границы дозволенного после этого, тому будут уготованы мучительные страдания» (Коран. Сура 5, аят 9).

Как видим, за суровостью Божественного предупреждения кроется грозное устрашение. При этом, конечно же, нельзя забывать, что, хотя Господь Бог считает основной своей целью достижение желаемого результата – **предупреждение преступлений**, тем не менее в Писаниях немало места Бог уделяет также и цели исправительной. Так, например, Коран гласит: «Я желаю только исправления, пока могу» (Коран. Сура 11, аят 88). Или: «Бог к вам пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не согрешили» (Исх. 20,20).

В принципе, система наказаний во всех Священных Писаниях построена таким образом, что сдерживающей силой для человека является не только внешний контроль, но и внутренняя мораль. Вообще, изначально религия фокусируется не на каких-либо внешних правилах, а на внутреннем удерживающем факторе – совести, и прилагает все усилия, чтобы взрастить ее в человеке уже с детства, и привить каждому самые благородные качества с самого начала. Читаем в Книге Ветхого Завета: «Если и после сего не исправитесь и пойдете против Меня, то и Я (в ярости) пойду против вас и поражу вас всемеро за грехи ваши» (Лев. 26-2). Мотивом правопослушного поведения Всевышний считает **страх наказания**. При этом Он открыто об этом заявляет людям: «Мы непременно испытаем вас незначительным страхом, голодом, потерей имущества, людей и плодов. Образуйте терпеливых» (Коран. Сура 2, аят 155). «Бог к вам пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не согрешили» (Исх. 20.20). Согласно религиозной философии существенным фактором и мотивом, поддерживающим Божественно освященные устои официального порядка, был страх перед наказанием при жизни или неминуемо после смерти за те или иные прегрешения либо проступки. Этот страх успешнее всего культивировался там, где опирался на стойкую веру в бессмертие души и загробный суд богов. «Дикарь, – пишет Б. Малиновский, – соблюдает свои табу не из-за страха перед общественным наказанием и порицанием. Он воздерживается от их нарушения отчасти потому, что боится дурных последствий, непосредственно проистекающих из божественной воли или действия священных сил, но, главным образом, по-

тому, что его личная ответственность и совесть не позволяют ему делать это» (*Малиновский Б. Магия, наука и религия // URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/malin/index.php [Электронный ресурс] (дата обращения: 11.03.2020)*).

Совершая грех, Адам понимал, что он нарушает запрет, то есть «Божий Закон», и что за это будет наказан. Тем не менее, он не смог себя удержать. С одной стороны, запрет пробуждает в нем желание, а с другой — страшит, поскольку запрет пробуждает в нем возможность свободы. Вот почему природу первородного греха религия объясняет через категорию страха, который является содержанием любого наказания. Угроза воздействия на людей порождает у них страх перед наказанием и, тем самым, удерживает во многих случаях от совершения преступлений. Этот страх возникает еще до наступления последствий от противоправных деяний, в результате которых может наступить наказание.

Чувство страха имеет инстинктивно-биологические основы и присуще всем людям. То, что бывают люди, которые вообще не ощущают страха, следует понимать в том смысле, что и Адам никогда не почувствовал бы страха, нарушая запрет, если оставался бы просто животным. Поэтому неспособность страшиться является доказательством, что данный индивид — либо животное, либо ангел, а они оба, также в соответствии с Божьими Писаниями, менее совершенны, чем человек. Следовательно, страх выступает выражением совершенства человеческой природы. Угрозой наказания Всевышний оказывает воздействие на психологическое состояние, разум и эмоции человека с целью предотвращения противоправных действий с его стороны. Хорошо зная созданное Свое существо, Бог глубоко убежден в эффективности устрашительно-предупредительной силы наказания. Оно воздействует на психику человека, то есть возбуждает в нем чувство страха, заставляя его соотносить свое поведение с установленными требованиями Господа Бога. Таким образом, Всевышний рассчитывает на то, что устрашение способно противостоять тем качествам, потребностям, желаниям, которые толкают человека на совершение преступления, предупреждая его о невыгодных последствиях. При этом Бог решающими факторами в создании удерживающего фактора наказания считает неотвратимость и суровость наказания и не только в этой жизни, но и в загробной. Об этом упоминается во многих местах всех Божественных Писаний.

7. Как известно, сущность наказания во многом определяется также видами наказания и спо-

собами их исполнения. **Смертная казнь** — один из самых распространенных видов наказания, содержащийся практически во всех религиозных и религиозно-правовых памятниках. «Тот, кто ударит человека так, что тот умрет, да будет предан смерти» (Тора. Шмот 21./12/). «Кто убьет кого-либо человека, тот предан будет смерти» (книги Ветхого Завета. Лев 2, 17). В целом, в Ветхом Завете, вероятность смертной казни существовала за такие преступления, как убийство, кража, блуд, изнасилование, побои (Бытие 28:1; 31:33:27-29; 38-3; Исход 2:11-12). Иные историко-религиозные памятники также вполне допускают применение смертной казни: «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный — за свободного, и раб — за раба, и женщина — за женщину...» (Коран. Сура аят 178). «Если же убьет христианин русского или русский христианина и будет схвачен убийца родичами (убитого), то да будет он убит (ст.13а ДРВ 9. Договор Руси с Византией 9 г.). Интересно констатировать, что приведение смертной казни, назначенной за убийство в исполнение, возлагалось на ближайших родственников потерпевшего. При этом, для того, чтобы предотвратить случайную гибель лица, причинившего смерть по неосторожности (неумышленно), Ветхий Завет определяет шесть вольных городов или убежищ (Числа 35:11–15). Вообще книга Пятикнижия «Числа» интересна среди прочего еще и тем, что в ней содержится «...а) дальнейшая дифференциация способов исполнения смертной казни в зависимости от характера и степени общественной опасности преступлений; б) включение в систему наказаний временных изгнания и изоляции вне стана; в) детальная регламентация оснований назначения и порядка отбывания наказания в виде удаления в город убежища как законной меры ограничения применения обычая кровной мести и легальной альтернативы смертной казни» [22, с. 24].

Из этих установлений усматривается, что смертная казнь, как основной вид наказаний, благословлено и одобрено Господом Богом. Тем не менее, в теологии существует мнение, в соответствии с которым Всевышний не был сторонником смертной казни. При этом, естественно, ссылаются на известную заповедь «не убий», которая, по нашему мнению, понимается Богом не как отрицание этого наказания, а как предупреждение и напоминание о греховности умышленных убийств. Следует отметить, что в Священных Писаниях есть также упоминание о наказаниях, которые по юридической природе и карательно-му воздействию напоминают такие современные

меры, как: пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определенный срок, штраф.

Пожизненное лишение свободы, как вид наказания, об этом уже говорилось выше, также является достаточно встречающимся в Священном Писании наказанием. «И прибыл Давид в свой дворец в Иерусалиме, и взял Давид десять жен-наложниц, которых оставлял беречь дом, и отдал их в отдельный дом под охрану, и обеспечивал их едой, но больше к ним не входил. И остались они скованными до самой смерти – соломенные вдовы» (Шмуэль II – Вторая книга Царств. 11 20 /3/). «...А глаза Иидкиягу он выколол, и заковал его в кандалы, и привел его вавилонский царь в Вавилон, и поместил его в застенки до дня его смерти» (Ирмеегу 52. /10/ - 11/. Книга пророка Иереми). «И должно общество спасти убийцу от руки мстителя за кровь, и должно возратить его общество в город убежища его, куда он убежал, чтобы он жил там до смерти великого священника, который помазан священным елеем» (Чис. 35, 25 – Книга Ветхого Завета). «Вы узнаете, к кому придет наказание, унижая его, и над кем пребудет наказание вечное» (Коран. Сура 39:0).

Лишение свободы на определенный срок также находит свое отражение в шкале наказаний, присутствующих в Священных Писаниях, и представлено там довольно широко. В качестве примера можно привести следующие положения из различных источников. «И посадили его под стражу, доколе не будет объявлена им воля Господня» (Лев 2, 12). «И ответил ему его Господь и отвратил от него их козни. Поистине, Он – слышащий, знающий! Потом вздумалось им, после того как они видели знамения, непременно заточить его на время... И пробыл он в темнице несколько лет». (Коран. Сура, 12: 3–35. 2). «И были сыны Израиля в пустыне, и нашли они раз человека, собиравшего хворост в день субботний. И привели его те, кто нашли его собирающим хворост, к Моше, и к Агарону, и ко всему обществу. И оставили его под стражей, потому что не было еще определено, как следует поступать с ним» (Бемидбар 15. /32/ - /3/).

Штраф так же, как и лишение свободы на определенный срок, является весьма распространенным видом наказания имущественного характера. «Если на него наложен будет выкуп, пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него» (Исх. 21, 30). «Когда выкуп будет наложен на владельца, он должен заплатить все, что будет наложено на него во искупление души его» (Шмот 21. /30/).

В заключение можно очень кратко сделать несколько выводов.

1. Из содержания Первой Книги Библии – Бытие можно понять, что зарождение понятия наказания связано с Божьей заповедью «смертью умрешь», хотя эта библейская история не находит поддержки со стороны науки, которая более привержена к идее кровной мести, как прототипа наказания – возмездия.

2. Без всякого сомнения, Всевышний, как в Библии, так и в Коране определяет единое понимание понятия и сущности наказания и его целевое назначение, хотя эти Священные книги были направлены Господом Богом совершенно различным народам, в разные периоды развития человечества, и на разных языках. И это вполне объяснимо, ибо Автором этих Посланий является Бог Единый и Неделимый.

3. Во всех Своих Посланиях, судя по их содержанию, Господь Бог однозначно и ясно дает знать, что только Он имеет право на наказание, и что Он по Своему усмотрению может передать это право гражданскому обществу.

4. Практически все историко-религиозные источники сходятся в констатации того, что Всевышний считает, что Он создал человека как самостоятельное, волевое, живое существо, которое лично само несет ответственность за свои поступки. Поэтому для Бога основанием для наказания является свобода воли человека, его свободный выбор поведения.

5. Исследование имеющихся историко-религиозных источников позволяет сделать вывод о том, что Всевышний определяет сущность наказания как возмездие и применяет его в качестве целесообразного воздействия на человека. Основные цели, которые Господь Бог преследует посредством наказания – искупление, предупреждение от нарушения запретов, Им установленных в Писаниях, а также исправление провинившихся грешников. Практически такие же цели ставят все современные общества, применяя в отношении преступников уголовные наказания и другие меры воздействия.

6. Иудаизм, христианство и ислам – религии по существу весьма деятельные: они сосредоточены на том, чтобы воля Божья исполнялась по Писаниям, не только на небесах, но и на земле. Но возможно ли это в отношении наказания по воле Господа Бога? Иначе говоря, способна ли религия не отступать в этом вопросе от Божьих Завещаний? Возможно ли, вообще, это? Каковы особенности наказания в современных мировых религиях применительно к проблеме наказания?

Ответы на эти и другие вопросы можно найти в очередной статье.

Литература

1. Бачинин В.А. Секулярная криминология и библейская концепция преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2008. № 2 (15). С. 164–168.
2. Соловьев В.С. Проповедник в пустыне: проповеди о праве (Избранные труды). М., 2014. 621 с.
3. Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины: монография. Тюмень: Юридический институт МВД России, 2000. 88 с.
4. Сумачев А.В., Салимагареева А.Р. Уголовное наказание: учеб. пособие. Екатеринбург: Форт Диалог-Исеть, 2016. 114 с.
5. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: учебник для вузов. М.: Норма, 2007. 752 с.
6. Христианское учение о преступлении и наказании: коллективная монография / науч. ред. К.В. Харabet, А.А. Толкаченко. М.: Норма, 2009. 335 с.
7. Протоиерей Александр Сорокин. Введение в Священное Писание Ветхого Завета: курс лекций. СПб.: Ладан, 2009. 407 с.
8. Беспалько В.Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. СПб.: Юридический центр, 2015. 530 с.
9. Щедровицкий Д.В. Сияющий Коран. Взгляд библеиста. 3-е изд. М.: Теревинф, 2016. 311 с.
10. Никонов В.А. Библия и уголовный закон. Тюмень: Тюмен. ВШ МВД РФ, 1995. 43 с.
11. Вольтер Ф.М. Из «Философского словаря». Бог и люди. Вопросы о чудесах. М., 2010. 367 с.
12. Лопухин А.П. Библейская история Ветхого Завета. Киев: Издательство им. святителя Льва, папы Римского, 2005. 664 с.
13. Святитель Иоанн Златоуст. Творения: в 3 т. Т. 1. Житомир: Ника, 2002.
14. Штерн Я. Суд над смертной казнью / под ред. М.Я. Кантора. М., 1912. 55 с.
15. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 2-е изд. Киев, 1882. 972 с.
16. Платон. Законы. Серия: Классическая философская мысль. М.: Мысль, 1999. 830 с.
17. Кулапов В.Л. Происхождение государства и права // Теория государства и права: курс лекций / Байтин М.И., Григорьев Ф.А., Демидов А.И., Зайцев И.М. и др. / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. 672 с.
18. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть общая и особенная. СПб., 1866. 535 с.
19. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
20. Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 554 с.
21. Федосова Н.С. Уголовное право и религия. Проблемы взаимовлияния и взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. 29 с.
22. Беспалько В.Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 55 с.

References

1. Bachinin V.A. Sekulyarnaya kriminologiya i bibleiskaya kontseptsiya prestupnosti [Secular criminology and the biblical concept of crime]. Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba [Criminology: yesterday, today, tomorrow. Works of the Saint-Petersburg Criminological Club], 2008, no. 2 (15), pp. 164–168. (In Russian)
2. Solov'ev V.S. Propovednik v pustyne: propovedi o prave (Izbrannye trudy) [The preacher in the wilderness: a sermon on the law (Selected works)]. Moscow, 2014. 621 p. (In Russian)
3. Nikonov V.A. Ugolovnoe nakazanie. Poisk istiny: Monografiya [Criminal penalty. Search for the truth: Monograph]. Tyumen': Yuridicheskii institut MVD Rossii Publ., 2000. 88 p. (In Russian)
4. Sumachev A.V., Salimagareeva A.R. Ugolovnoe nakazanie: Uchebnoe posobie [Criminal punishment: Textbook]. Ekaterinburg: Fort Dialog-Iset' Publ., 2016. 114 p. (In Russian)
5. Grafskii V.G. Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva: Uchebnik dlya vuzov [Universal history of law and state: Textbook for universities]. Moscow: Norma Publ., 2007. 752 p. (In Russian)
6. Khristianskoe uchenie o prestuplenii i nakazanii: Kollektivnaya monografiya [Christian doctrine of crime and punishment: Collective monograph]. Ed. K.V. Kharabet, A.A. Tolkachenko. Moscow: Norma Publ., 2009. 335 p. (In Russian)

7. Protoierei Aleksandr Sorokin. Vvedenie v Svyashchennoe Pisanie Vetkhogo Zaveta: Kurs lektzii [Introduction to the Holy Scriptures of the Old Testament: Course of lectures]. Sankt Petersburg: Ladan Publ., 2009. 407 p. (In Russian)
8. Bepaл'ko V.G. Vetkhozavetnye korni ugolovnoo prava v Pyatiknizhii Moiseya [The Old Testament roots of criminal law in the Five Books of Moses]. Sankt Petersburg: Yuridicheskii tsentr Publ., 2015. 530 p. (In Russian)
9. Shchedrovitskii D.V. Siyayushchii Koran. Vzglyad bibleista [The Shining Koran. Bibliographer's view]. Moscow: Terevinf Publ., 2016. 311 p. (In Russian)
10. Nikonov V.A. Bibliya i ugolovnyi zakon [The Bible and criminal law]. Tyumen': Tyumen. VSh MVD RF Publ., 1995. 43 p. (In Russian)
11. Vol'ter F.M. Iz «Filosofskogo slovary». Bog i lyudi. Voprosy o chudesakh [From the dictionary of philosophy. God and people. Questions about miracles]. Moscow, 2010. 367 p. (In Russian)
12. Lopukhin A.P. Bibleiskaya istoriya Vetkhogo Zaveta [Biblical history of the Old Testament]. Kiev: Izdatel'stvo im. svyatitelya L'va, papy Rimskogo Publ., 2005. 664 p. (In Russian)
13. Svyatitel' Ioann Zlatoust. Tvoreniya v 3t. T.1 [The Saint John Chrysostom. Creations in 3 v. Vol. 1]. Zhitomir: Nika Publ., 2002. (In Russian)
14. Shtern Ya. Sud nad smertnoyu kazn'yu [Trial of the death penalty] / Ed. M.Ya. Kantora. Moscow, 1912. 55 p. (In Russian)
15. Kistyakovskii A.F. Elementarnyi uchebnyk obshchego ugolovnoo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugolovnoo zakonodatel'stva. Chast' obshchaya [Elementary textbook of general criminal law: with a detailed description of the principles of Russian criminal law: the general part]. Kiev, 1882. 972 p. (In Russian)
16. Platon. Zakony. Seriya: Klassicheskaya filosofskaya mysl'. Moscow: Mysl' Publ., 1999. 830 p. (In Russian)
17. Kulapov V.L. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektzii [The origin of state and law. The theory of state and law: Course of lectures]. Baitin M.I., Grigor'ev F.A., Demidov A.I., Zaitsev I.M., i dr. Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. Moscow: Yurist" Publ., 1997. 672 p. (In Russian)
18. Kalmykov P.D. Uchebnyk ugolovnoo prava. Ch. Obshchaya i osobennaya [Textbook of criminal law. General and special parts]. Sankt Petersburg, 1866. 535 p. (In Russian)
19. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava [Philosophy of Right]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 524 p. (In Russian)
20. Leibnits G.V. Sochineniya v chetyrekh tomakh: T.4 [Works in four volumes: Vol.4]. Moscow: Mysl' Publ., 1989. 554 p. (In Russian)
21. Fedosova N.S. Ugolovnoe pravo i religiya. Problemy vzaimovliyaniya i vzaimodeistviya [Criminal law and religion. Problems of mutual influence and interaction]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Vladivostok, 2003. 29 p. (In Russian)
22. Bepaл'ko V.G. Uchenie o prestuplenii i nakazanii v Pyatiknizhii Moiseya [The doctrine of crime and punishment in the Five Books of Moses]. Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk. 12.00.01. Moscow, 2017. 55 p. (In Russian)

ГЛОБАЛЬНАЯ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ И НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ ПО ИСПРАВЛЕНИЮ И ПЕРЕВОСПИТАНИЮ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Салимов Кямилъ Назим оглы

Цель: проанализировать важнейшие направления реализации Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, являющейся основным документом международного сообщества в борьбе с терроризмом. Рассмотреть международную практику содержания террористов в местах лишения свободы. Определить основные недостатки и выработать предложения по их разрешению.

Методология: анализ, синтез, дедукция, логический, общенаучный, частнонаучный, юридический и междисциплинарный методы.

Выводы. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что для эффективной профилактики совершения новых террористических актов среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, необходимо на основании обобщения международного опыта выработать общие рекомендации по исправлению и перевоспитанию лиц, совершивших терроризм по религиозным мотивам. С этой целью предлагается создание 12 специализированной тематической рабочей группы при Управлении Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (ЮНОДК).

Научная и практическая значимость. Автором рассмотрены особенности личности осужденных, совершивших акции терроризма по религиозным мотивам. Приведена статистика совершения повторных акций терроризма после освобождения от наказания. Одним из недостатков работы в этом направлении, по мнению автора, отсутствие всеобъемлющих рекомендаций по исправлению и перевоспитанию осужденных указанной категории, учета психологических особенностей их поведения и восприятия окружающей социальной действительности. Приведены программы их перевоспитания, благодаря которым удалось добиться существенного прогресса в этом направлении. Показаны основные методологические подходы, а также организация работы в местах лишения свободы по воспитанию осужденных.

Ключевые слова: терроризм, ООН, осужденный, исправление, религиозный, идеология, ЮНОДК, рабочая группа, особые меры, перевоспитание.

В основе современного терроризма лежат различные противоречия, что проявляется в разных формах и видах и носит многогранный характер, содержание которых зависит от конкретных действий, духовного проявления, политических целей, средств реализации, а также мотивации террористического поведения. Несмотря на принимаемые меры со стороны международного сообщества, терроризм приобретает все более транснациональный и многоаспектный харак-

тер на глобальном, региональном и национальном уровнях и увеличивается в геометрической прогрессии. Международное сообщество до сих пор не выработало всеобъемлющего определения терроризма. Возможно, это является одной из причин того, что в одних государствах представители той или иной организации признаются террористическими, другие же – нет. В основе современного терроризма лежат различные противоречия, что проявляется в разных формах и видах

и носит разносторонний характер. Содержание каждой из разновидностей терроризма зависит от конкретных действий, духовного проявления, целей, средств реализации, а также мотивации террористического поведения. Так, необходимо различать политический, религиозный, военный, националистический, политику государственно-терроризма, как отдельных разновидностей терроризма. При всей противоречивости и сложности подходов к проблеме, в основе консенсуса международного сообщества в укреплении национальных, региональных и международных усилий в борьбе с терроризмом является Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций (См.: *Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций* // URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 02.05.2020)). Глобальная контртеррористическая стратегия предусматривает четыре основных направления реализации:

- рассмотрение условий, способствующих распространению терроризма;

- меры по предотвращению и борьбе с терроризмом;

- меры по укреплению потенциала государств по предупреждению терроризма и борьбе с ним и укреплению роли системы ООН в этом отношении;

- меры по обеспечению уважения прав человека для всех и верховенства права как основополагающей основы для борьбы с терроризмом (См.: *Резолюция 60/288 – Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций, Приложение План действий* // URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 02.05.2020)).

На основе данного документа предлагается рассмотреть ряд принципиальных вопросов, решение которых способствовало бы повышению эффективности Глобальной контртеррористической стратегии в части профилактики терроризма касательно лиц, освобожденных от отбывания наказания за преступления терроризм.

По нашему мнению, при рассмотрении показанной проблематики необходимо рассмотреть вопрос об эффективности исправления и перевоспитания лиц, отбывающих наказание за рассматриваемые преступления. Такой подход более предметно позволит определять основные цели, задачи и предпринимаемые меры в профилактике террористической преступности отмеченной категории лиц.

Изучение анализируемой категории уголовных дел свидетельствует, что террористические преступления на территории Азербайджанской Республики в основном совершались по мотивам националистической (национальный терроризм), религиозной ненависти (религиозный терроризм) и политики государственного терроризма. За последнее время в Азербайджане резко увеличились террористические акты, совершаемые по мотивам религиозного экстремизма, нередко взаимодействующего с националистическим терроризмом и международными террористическими организациями. Его социальная опасность наряду с другими аспектами обусловлена многочисленностью членов организаций, навыками по ведению боевых действий, организации и проведению террористических актов. В результате неправильной трактовки священной книги Коран у террористов сформировалась фундаментальная экстремистская идеология, проявляемая в крайней нетерпимости к представителям других религий и течений. Наибольшую опасность для всего мирового сообщества и, в частности, для государств бывшего СССР (далее СНГ) представляет террористическая организация «Исламское государство». Достаточно отметить, что в рядах признанной во многих странах террористической организацией «Исламское государство» в Сирии и Ираке принимают активное участие в порядке 7000 боевиков из стран Содружества Независимых Государств (бывшего СССР), из них около 2 000 являются выходцами Российской Федерации (См.: *Исламское государство* // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Исламское_государство (дата обращения: 03.05.2020)). В соответствии с данными Службы государственной безопасности Азербайджанской Республики за последние 5 лет около 900 граждан Азербайджана присоединились к террористической организации ИГИЛ. В настоящее время по возвращению из Сирии и Ирака более 100 из них осуждены судами Азербайджанской республики и отбывают наказание в местах лишения свободы, 195 человек лишены азербайджанского гражданства (См.: *СГБ Азербайджана: за 5 лет к ИГ присоединились около 900 граждан страны 24 сентября 2017* // URL: <https://topwar.ru/125741-sgb-azerbaydzhana-za-5-let-k-ig-prisoedinilis-okolo-900-grazhdan-strany.html> (дата обращения: 03.05.2020)).

Исследованием уголовных дел в отношении указанной категории лиц установлено: возраст террористов от 14–18 лет – 1,54%; 21–25 лет – 18,46%; 26–30 лет – 24,62%; 31–35 лет – 18,46%; 36–40 лет – 23,08%; 41–50 лет – 13,84%. Среди осужденных 9,23% имели незаконченное сред-

нее образование; 76,92% – среднее образование; 3,08% – специальное профессиональное образование; 10,77% – высшее образование; 56,92% – являлись холостыми; 41,54% – семейные; 1,54% – вдовцы; 59,26% – детей не имели; 40,74% – имели детей. Из 9,23% имеющих судимости – 66,67% имели одну судимость; 33,33% – имели две судимости. В абсолютном большинстве террористы к уголовной ответственности не привлекались, судимости не имели – 90,77%. В составе группы преступление было совершено – 38,1%; в составе организованной группы – 47,62%; единоличным образом – 14,28%. Мотивами являлись: фундаментальные религиозные убеждения – 55,38%; воздействия близких родственников и друзей – 12,31%; посредством Интернета – 29,23%. По 33,33% уголовным делам террористические акты были совершены, либо планировалось их совершение с применением взрывчатых веществ: 28,57% – огнестрельное оружие (автоматы, пистолеты и др.), 4,76% – иное вооружение. Религиозные мотивы лежали в основе террористических актов: желанием в загробной жизни попасть в рай – 3,08%, присоединиться к святому джихаду – 47,61%, осуществляемому в Сирии; 38,11% – по собственным религиозным убеждениям; 4,76% – необходимостью оказания помощи мусульманским братьям в их борьбе за отстаивание истинных религиозных исламских ценностей; 9,52% осужденных террористические акты совершали с целью изменения конституционного строя в Азербайджанской Республике и образование на ее территории исламского государства. Среди рассматриваемых преступлений террористические акты по религиозным мотивам 23,8% были совершены во взаимодействии с зарубежными террористическими организациями; 14,29% лиц – имели судимость; 85,71% – не были привлечены ни к уголовной, ни к административной ответственности; 9,52% случаев – взрывные устройства были изготовлены лицами, имеющие специальную подготовку по взрывной технике и взрывным устройствам. Эти данные и фанатическая убежденность в правоте своей деятельности, характеризующие личность осужденных террористов, требуют выяснения возможности совершения ими террористического насилия после освобождения от отбывания наказания. Так, из опубликованного доклада специальной сенатской комиссии США усматривается, что среди 693 заключенных освобожденных от отбывания наказания из специальной тюрьмы Гуантанамо – 122 (17,6%) вновь совершили акции терроризма, 86 человек (12,4%) – подозревались в причаст-

ности совершения терроризма. В среднем около 30% террористов после освобождения снова активно участвовали в террористической деятельности (См.: *Notice How many released Guantanamo Bay prisoners commit new terrorist acts?* // URL: <https://www.politifact.com/florida/statements/2017/jan/25/cory-gardner/how-many-released-guantanamo-bay> (дата обращения: 03.05.2020)). Данная проблема, к сожалению, недостаточно исследовалась в юридической литературе, хотя эти факты свидетельствуют о необходимости обратить особое внимание на практику исправления и перевоспитания осужденных террористов. Крайне важно, наряду с применением общего порядка и условий исполнения и отбывания, назначенного судом наказания, разработать специальные рекомендации, направленные на исправление и перевоспитание осужденных рассматриваемой категории.

Наш анализ условий исполнения и отбывания наказаний в отношении осужденных за преступления терроризм свидетельствует, что администрацией мест лишения свободы не выработаны индивидуальные средства исправления рассматриваемой категории лиц. В местах лишения свободы нет института имамов – тюремных капелланов, а воспитательной работой этих осужденных занимаются психологи, как правило, молодые специалисты, не имеющие опыта работы с данной категорией осужденных и вообще-то далеких от понимания специфики религиозной психологии осужденных террористов, не говоря о знании основ Корана. Между тем, эта категория лиц имеет возможность открыто общаться с другими осужденными, так как они не содержатся в отдельных камерах, а режим отбывания проходит в помещениях барачного типа. Если в среднем пенитенциарном учреждении содержатся 1000 заключенных, то естественно, что каждый из заключенных может быть подвергнут радикальной экстремисткой идеологии со стороны осужденных террористов, имеющих опыт идеологического обоснования своих экстремистских воззрений. Кроме того, администрация мест лишения свободы традиционно относит систему исправления и перевоспитания к мерам, не допускающим нарушение режима отбывания наказания. Вопросы же, связанные с исправлением и перевоспитанием, рассматриваемой категории лиц, к сожалению, остаются недостаточно реализованными. Таким образом, места лишения свободы, где отбывают наказание осужденные террористы, могут отчасти являться рассадниками экстремисткой идеологии террористов. Аналогичные проблемы отмечены участниками Всероссийской научно-

практической конференции «Роль централизованных мусульманских религиозных организаций в ресоциализации осужденных в местах лишения свободы», прошедшей 30–31 мая 2017 г. в г. Казани. В частности, были выявлены факты свидетельствующие, что исправительные учреждения являются одним из источников распространения радикальной идеологии. Осужденные за преступления экстремистской и террористической направленности вовлекают других в экстремистские ячейки, используя при этом в процессе вербовки запрещенные агитационные материалы. Они обладают навыками влияния и внушения и, находясь в исправительном учреждении, активно проповедующий идеологию радикального ислама. Такие осужденные способны за короткий срок привлечь в ряды своих сторонников 5–7 и более человек. Около 70% освобожденных сторонников радикальных структур вновь принимают участие в экстремистских акциях, провоцируют межэтнические (межрелигиозные) конфликты, распространяют радикальную идеологию в среде отбывающих наказание. Однако изолировать их от основного контингента, содержащегося в местах лишения свободы, в соответствии с действующим законодательством, очень сложно, поскольку они, как правило, не нарушают существующий режим отбывания наказания. Даже в случае отдельного содержания осужденных террористов, в помещениях камерного типа традиционные подходы по их исправлению и перевоспитанию неэффективны [1, с. 6–7].

Эта проблема актуальна для многих государств, где в местах лишения свободы отбывают наказание лица, осужденные за терроризм.

Таким образом, требуется усиление организационно-практических мер по исправлению и перевоспитанию осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности, противодействию распространения религиозно-экстремистской идеологии и созданию целостной стратегии по защите других осужденных от радикализации и деструктивных влияний. В их основе должны действовать специальные программы психологической коррекции личности, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество. С этой целью с учетом опыта стран членов ООН, где в местах лишения свободы отбывают наказание лица, совершившие акты терроризма и преступления экстремистской направленности, необходима разработка специальных рекомендаций. В данных рекомендациях, как отмечает А.А. Аблаев, могут быть предусмотрены такие меры, как:

1) обязательное установление в отношении них административного надзора без дополнительных условий, в том числе независимо от их поведения в процессе отбывания наказания;

2) удовлетворение духовных потребностей осужденных и лиц, содержащихся под стражей, исповедующих традиционный ислам;

3) содействие администрациям учреждений в восстановлении социально-полезных связей осужденных к лишению свободы, исповедующих традиционный ислам, в их подготовке к освобождению, трудовое и бытовое устройство после освобождения;

4) проведение планомерной совместной деятельности по профилактике и устранению факторов религиозного экстремизма, межэтнической и межконфессиональной напряженности среди осужденных и лиц, содержащихся под стражей;

5) принятие совместных действенных мер по профилактике и пресечению случаев религиозной нетерпимости, религиозного экстремизма, напряженности среди осужденных и лиц, содержащихся под стражей [2, с. 18–19].

Не менее важную роль имеет ведение нормативного регулирования деятельности в исправительных учреждениях института имамов – тюремных капелланов. Их проповедование, учитывающее особенности исламского течения, будет более эффективно искоренять идеологию религиозного экстремизма на базе более сильной, аргументированной и научно-обоснованной идеологии, базирующейся на истинном толковании священных исламских писаний и знаний [3, с. 18–19]. Крайне необходима разработка программно установленных реально достижимых коэффициентов целевых индикаторов и показателей по исправлению осужденных террористов. Ориентация этой программы должна быть направлена на достижение нормативно-организационных основ решения актуальных задач и имеющихся проблем в сфере предупреждения экстремистских проявлений насильственного характера и предотвращения угроз терроризма, устойчивого неприятия радикальных взглядов в религиозной сфере, снижения количества радикально настроенных лиц и нейтрализации факторов, способствующих их появлению, предупреждения угроз терроризма и повышения уровня антитеррористической защиты населения. Конечная цель указанной программы направлена на профилактику совершенствование террористических преступлений лиц после освобождения из мест лишения свободы (См.: *Профилактические аспекты борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом в республике Казахстан* // URL:

<https://articlekz.com/article/20770> (дата обращения: 06.05.2020)).

Необходимо систематическое изучение и обобщение международного опыта и специфики исправления и перевоспитания в местах лишения свободы изучаемых лиц.

В связи с этим приведем примеры из опыта Саудовской Аравии, которая является одной из немногих стран, где борьба с терроризмом и экстремизмом принесла реальные успехи. Этот успех не может быть объяснен только эффективностью мер безопасности, но и более мягким подходом в противодействии радикальной идеологии, способы и методы, воздействия которой мы попытаемся вкратце изложить [4, с. 111–142].

Правительство Саудовской Аравии осознало, что существующие меры безопасности были недостаточными, и признало важную роль в разработке комплекса мер в противодействии радикальной идеологии мотивации террористов и оправдании террора. Они, приступая к планированию и организации работы по идеологическому противодействию религиозному экстремизму в местах лишения свободы в отношении лиц осужденных за совершение акций терроризма, учитывали следующие существенные факторы:

- 1) для мусульман, ислам является основой и контекстом их мыслей, чувств и поведения;
- 2) это относится к каждому аспекту их жизни: он вдохновляет их, направляет их в отношениях с правителями и должностными лицами, обеспечивает основу для повседневных действий и помогает им улучшить свое личное поведение и повысить свои моральные ценности и этические стандарты.

На этом ядре была осуществлена интенсивная программа консультирования, т.е. религиозного перевоспитания, реабилитации именуемой «аль-Мунасахах». Цель программы состоит в том, чтобы побудить заключенных отказаться от своей радикальной идеологии, предоставляет им психологические и социологические консультации, вовлекая их в интенсивный религиозный диалог.

Согласно программе, заключенные (осужденные за акции терроризма) подразделяются на три категории:

- кто планировал, кто способствовал или участвовал в террористических актах;
- кто непосредственно не участвовал в организации, подготовке и совершении террористических актов, не оказывал помощь террористам, а только сочувствовал им и, возможно, публично высказывались в их поддержку; полагая, что они находятся на истинном пути джихада.

– те заключенные, которые являются жестокими боевиками с укоренившимися отклоняющимися убеждениями.

Непосредственно реализацией программы занимается Комитет, который состоит из четырех подкомитетов: религиозного, психосоциального, служб безопасности и средств массовой информации.

В состав подкомитетов входят более чем 160 мусульманских священнослужителей, ученых и преподавателей университетов (эта цифра колеблется в зависимости от потребностей программы).

После психологических и социальных оценок, консультанты вовлекают заключенных в беседы о своих взглядах, например, о религиозных концепциях, ее доктринах (такфира, альтатарруз, инкар, аль-мункар, тауба, о предназначении джихада и др.), о недопустимости операции самоубийц, которые не могут рассматриваться как мученики, о недопустимости изгнания многобожников, иноверцев; убийств ни в чем не повинных мусульманских и других военнопленных, помещая их перед фронтом противника в качестве прикрытия и т.д. Встречи с заключенными проводятся как индивидуально, так коллективно. Диалог проводится по любым спорным вопросам, которые могут возникнуть. Заключенные участвуют в дебатах и представляют свои аргументы в диалоге один на один с консультантами в поисках истины.

Осужденные, которые участвуют в этой программе, должны сдать экзамен перед освобождением от наказания. Основные цели подкомитета состоят в том, чтобы помочь заключенным исправить свое ошибочное понимание шариата; ответить на их сомнения и напомнить им об опасности инакомыслия и важности покаяния, сохранения моральных ценностей и необходимости консультироваться с людьми обладающими соответствующими знаниями, уважая мнения других.

Комитет имеет своих членов внутри тюрем, которые непосредственно следят за поведением задержанных и их беседами. Они проводят оценки рисков, дают рекомендации по освобождению заключенных от наказания, контролируют их после освобождения от наказания. Освобождение предоставляется тем, кто доказал, что они эффективно отреагировали на программу, осознали свои предыдущие ошибки, осудили свою прежнюю радикальную идеологию, больше не считаются угрозами безопасности и доказали, что имеют религиозные, духовные и этические ценности, чтобы предотвратить себя от отступления.

Всесторонний анализ той роли, которую могут играть тюрьмы в радикализации и дерадикализации заключенных, был опубликован Между-

народным центром по изучению радикализации и политического насилия (ICSR) в партнерстве с Национальный Консорциум изучения терроризма (Лондон). По результатам проведения исследования основных подходов в 15 странах в исправлении и перевоспитании осужденных террористов были подготовлены рекомендации, которые вкратце предусматривают следующее: роли тюрем в противодействии радикализации и дерадикализации, т.е. «определение мест уязвимости», дефиниция принципов и лучшая практика содержания; значение тюрем не только в противодействии угроз распространения экстремизма, но и той позитивной роли в воспрепятствовании распространения терроризма в обществе в целом; изучена личность осужденных террористов, где отмечается, что они не являются «обычными» преступниками. Террорист часто используют свое время в тюрьмах для мобилизации внешней поддержки, радикализации других заключенных и – при наличии возможности – попытается воссоздать внутрисистемные командные структуры среди заключенных; в отмеченных 15 странах нет жестких правил о содержании террористов, в частности должны ли они быть сосредоточены вместе, или отделены от остального тюремного населения; большинство стран, считают нецелесообразным содержать террористов в смешанных группах заключенных, так лидеры используют этот фактор для идеологической пропаганды экстремистских идей и последующего увеличения своих сторонников; администрация мест лишения свободы ошибочно полагают о несовместимости императивы безопасности и реформ содержания указанных осужденных террористов. По мнению экспертов большинства стран, требования безопасности и реформ скорее дополняют, чем противоречат друг другу, а потому тюремные службы должны быть более амбициозными в продвижении позитивного влияния внутри тюрьмы и разработать более инновационные подходы, содействовать реинтеграции осужденных в общество. Переполненность и нехватка персонала создают условия, при которых сложно выявить организаторов радикализации и тем самым создают физическое и идеологическое пространство, в котором экстремистские вербовщики могут свободно действовать и монополизировать дискуссии о религии и политике; необходимо администрации мест лишения свободы проводить различие между законным выражением веры и экстремистские идеологией, тюремные службы должны инвестировать в персонал регулярно проводить их обучение и др. (См.: *Prisons and Terrorism Radicalisation*

and De-radicalisation in 15 Countries: A policy report published by the International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence (ICSR) // URL: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2010/08/ICSR-Report-Prisons-and-Terrorism-Radicalisation-and-De-radicalisation-in-15-Countries.pdf> (дата обращения: 08.05.2020)).

Конечно, этот перечень не является окончательным, он может дополняться и изменяться по мере накопления и совершенствования практики содержания осужденных террористов в местах лишения свободы.

В настоящее время целях повышения эффективности и концентрации внимания на существенных результатах в Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций созданы и успешно действуют Рабочие группы, которые занимаются формированием передовой практики и проектами по укреплению потенциала в тех областях, где сотрудничество структур системы Организации Объединенных Наций может способствовать осуществлению Стратегии. В данный момент действует 11 тематических групп:

- Рабочая группа по обустройству границ и охране правопорядка в контексте борьбы с терроризмом;
- Рабочая группа по изучению условий, способствующих распространению терроризма;
- Рабочая группа по борьбе с финансированием терроризма;
- Рабочая группа по иностранным боевикам-террористам;
- Рабочая группа полного состава по национальным и региональным стратегиям противодействия терроризму;
- Рабочая группа по предупреждению нападения с применением оружия массового уничтожения и принятию ответных мер;
- Рабочая группа по предупреждению воинствующего экстремизма;
- Рабочая группа по поощрению и защите прав человека и обеспечению верховенства права в условиях борьбы с терроризмом;
- Рабочая группа по защите критической инфраструктуры, включая Интернет, уязвимые объекты и безопасность в сфере туризма;
- Рабочая группа по поддержке жертв терроризма и привлечению к ним внимания общественности;
- Рабочая группа по правовым и уголовно-процессуальным средствам борьбы с терроризмом.

С учетом вышеизложенного в целях повышения эффективности и концентрации внима-

ния на формировании передовой практики по исправлению и перевоспитанию среди лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за совершение террористических преступлений, совершенных по религиозным мотивам, полагаем необходимым создание 12 специализированной рабочей группы. Данное нововведение бесспорно будет способствовать профилактике терроризма среди лиц, освобожденных от отбывания наказания.

Литература

1. Абдуллин Ю.Т. Духовное управление мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона РФ // Противодействие по нераспространению экстремистских течений среди заключенных: описание опыта работы по тюремным службам в г. Санкт-Петербурге: Сб. статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции Казань, 30–31 мая 2017. Казань, 2018. С. 5–9.
2. Аблаев А.А. Роль централизованных мусульманских религиозных организаций в ресоциализации осужденных в местах лишения свободы // Сб. статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. Казань: РИИ-ФПИКНиО-ФСИН, 2018. 221 с.
3. Рахимова Г.А. Защита прав человека и борьба с терроризмом // Совещание по человеческому измерению (Делегация Республики Узбекистан. 11–22 сентября 2017 года, Польша, г. Варшава. Рабочее заседание 12). Варшава, 19 сентября 2017 г. С. 18–19.
4. Abdullah F. Ansary. Combating Extremism: A Brief Overview of Saudi Arabia's Approach // Middle East Policy, 2008, vol. 15, no. 2, pp. 111–142.

References

1. Abdullin Yu.T. Dukhovnoe upravlenie musul'man Sankt-Peterburga i Severo-Zapadnogo regiona RF [The Spiritual Administration of Muslims of St. Petersburg and the North-West Region of the Russian Federation]. In Protivodeistvie po nerasprostraneniyu ekstremistskikh techenii sredi zaklyuchennykh: opisaniye opyta raboty po tyuremnym sluzhbam v g. Sankt-Peterburge: : Sbornik statei i materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kazan', 30–31 maya 2017 g.) [Counteraction to the non-proliferation of extremist movements among prisoners: a description of work experience in prison services in St. Petersburg: Collection of articles and materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Kazan, May 30-31, 2017)], Kazan, 2018, pp. 5–9. (In Russian)
2. Ablaev A.A. Rol' tsentralizovannykh musul'manskikh religioznykh organizatsii v resotsializatsii osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody [The role of centralized Muslim religious organizations in the re-socialization of convicts in prison]. In Sbornik statei i materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Collection of articles and materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference], Kazan, RII-FPIKНиО-FSIN Publ., 2018. 221 p. (In Russian)
3. Rahimova G.A. Zashita prav cheloveka i bor'ba s terrorizmom [Protection of human rights and the fight against terrorism]. In Soveshhanie po chelovecheskomu izmereniju (Delegacija Respubliki Uzbekistan. 11–22 sentjabrja 2017 goda, Pol'sha, g. Varshava. Rabochee zasedanie 12). Varshava, 19 sentjabrja 2017 g. [Meeting on the Human Dimension (Delegation of the Republic of Uzbekistan. 11–22 September 2017, Warsaw, Poland. Working session 12). Warsaw, 19 September 2017], Poland, Warsaw, pp. 18–19. (In Russian)
4. Abdullah F. Ansary. Combating Extremism: A Brief Overview of Saudi Arabia's Approach. Middle East Policy, 2008, vol. 15, no. 2, pp. 111–142. (In English)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИЗМЕНУ ГОСУДАРСТВУ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Самедова Шахла Тофик кызы

Цель: сравнить и проанализировать вопросы ответственности за государственную измену в Уголовных кодексах Азербайджана и некоторых зарубежных государств.

Методология: дедукция, формально-логический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Выводы. На основе нормативных и доктринальных источников рассматриваются особенности состава измены государству в уголовном праве Азербайджана. Впервые уголовная ответственность за измену государству как за самостоятельный вид преступления была предусмотрена в Уголовном кодексе Азербайджанской ССР 1927 года. Последующие уголовные законодательства Азербайджана в целом сохранили преемственность в определении объективных и субъективных признаков рассматриваемого преступления. В диспозиции ст. 274 УК 1999 г. указаны составляющие элементы объекта преступления: суверенитет, территориальная целостность, государственная безопасность или обороноспособность Азербайджанской Республики. Такие формы измены государству, как бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы, были декриминализованы в полном соответствии с международными стандартами в области защиты прав и свобод человека. Нормы законодательств государств на постсоветском пространстве, предусматривающие уголовную ответственность за данное преступление, принципиальных отличий не имеют. Небольшие расхождения имеются при наименовании самого преступления, при определении непосредственного объекта преступления, при определении специальных условий освобождения от уголовной ответственности. Автор считает целесообразным дифференцировать уголовную ответственность за государственную измену в случае совершения этого преступления военнослужащим.

Научная и практическая значимость. Изучение опыта зарубежных стран в области определения уголовной ответственности за измену государству позволяет решить ряд проблем, связанных с совершенствованием уголовного законодательства Азербайджанской Республики.

Ключевые слова: измена государству, уголовное законодательство, внешняя безопасность, безопасность государства, суверенитет, территориальная целостность, объект преступления, государственная тайна, шпионаж.

Традиционно в общей структуре преступности Азербайджанской Республики измена государству занимает небольшое место. Вместе с тем, учитывая, что это деяние представляет серьезную угрозу внешней безопасности государства, актуальность изучения вопросов уголовной ответственности за государственную измену в историко-правовом и сравнительно-правовом аспектах не вызывает сомнений. Правда, частично можно согласиться с мнением некоторых авторов, что

наличие в уголовном праве рассматриваемого состава преступления является исторической традицией в уголовном праве большинства стран мира, так как «направлено не столько на наказание лиц, виновных в их совершении, сколько на предупреждение, и выполняет таким образом профилактическую функцию» [1, с. 49]. Для молодых государств постсоветского пространства, и в частности, для Азербайджана, вовлеченного в вооруженный конфликт на протяжении послед-

них десятилетий и находящегося в фокусе геостратегических и политико-экономических интересов больших государств, уголовно-правовые меры защиты внешней безопасности государства играют отнюдь не декларативную роль.

Следует отметить, что вопросы уголовной ответственности за государственную измену изучены в основном на основе учебных материалов и авторских комментариев уголовного законодательства [2, с. 533; 3, с. 387; 4, с. 988; 5, с. 403; 6, с. 184] или же в рамках исследования преступлений против государственной власти [7; 8]. Среди монографических исследований, специально посвященных уголовно-правовым аспектам государственной измены, можно назвать работы Г.З. Анашкина и В.Н. Рябчука [9; 10]. К сожалению, в азербайджанской науке уголовного права этот вопрос на монографическом уровне не исследован.

В любой науке, особенно в правовой, точное использование терминов имеет огромное значение. Любые неточности, искажения терминологии способствуют логическим неувязкам и в конечном итоге искажают то или иное правовое положение. В названии рассматриваемого преступления также имеются терминологические расхождения в зависимости как от государственного языка того или иного государства, так и различных исторических эпох. Например, в уголовном праве некоторых государств (Германии, Великобритании, Австрии, Лихтенштейн и некоторых др.) государственная измена терминологически дословно именуется как «высокая измена» (High Treason; Hochverrats). В советском уголовном законодательстве в правовом названии данного преступления использовалась несколько патетическая терминология – «измена родине» (УК Азербайджанской ССР 1927 и 1960 гг., Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 г.). Действующие уголовные законодательства государств постсоветского пространства (за исключением Республики Молдовы, ст. 275 УК которой сохранила прежнее название «измена родине») отказались от указанной терминологии и воспользовались более точными в правовом отношении сходными терминами – «государственная измена» (например, РФ, Республика Казахстан) или «измена государству» (например, Азербайджанская Республика, Республика Беларусь). Следует отметить, что Модельный УК, принятый на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г., использовал в ст. 293 название «измена государству». Офици-

альная редакция УК Азербайджанской Республики на государственном языке (в соответствии со ст. 21 Конституции – это азербайджанский язык) в ст. 274 использует при буквальном переводе на русский название «измена государству». При этом, к сожалению, УК Азербайджанской Республики, переведенный на русский язык, допускает неточность перевода с официального издания и использует в названии ст. 274 термин «государственная измена» [11, с. 218].

Следует отметить, что несмотря на видимое сходство терминов «государственная измена» и «измена государству», в уголовном законодательстве подавляющего большинства зарубежных стран государственной изменой именуется деяние, посягающее на внутреннюю безопасность государства. Деяние, посягающее на внешнюю безопасность государства, обычно определяется как измена государству или просто как измена [10, с. 1090].

УК Азербайджанской ССР 1922 г. не выделял государственную измену как самостоятельный вид преступления. Статья 57, которой открывалась Особенная часть УК 1922 г., была дефинитивной: в ней давалось общее понятие контрреволюционного преступления. Так, «контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции АССР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.д.» [12, с. 19–20]. В ст. 58–73 УК 1922 г. определялась ответственность за конкретные составы контрреволюционных преступлений. Например, в ст. 61 – за участие в организации или содействии организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, в ст. 66 – за шпионаж.

УК Азербайджанской ССР 1927 г. в дефинитивной ст. 63 давал общее определение контрреволюционного преступления, а в ст. 64–76 определял ответственность за конкретные виды контрреволюционных преступлений. В первоначальной редакции УК 1927 г. измена государству как самостоятельный вид преступления не выделялся. Впоследствии УК 1927 г. был дополнен новой ст. 63-1, в которой предусматривалась ответственность конкретно за измену родине: «Измена родине, т.е. действия, совершенные

гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу» [13, с. 24]. Таким образом, в диспозиции ст. 63-1 законодательно определялись составные части объекта посягательства (военная мощь СССР, государственная независимость, неприкосновенность территории), четыре формы измены (шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу), а также указывались специальные признаки субъекта преступления – лица, являющиеся гражданами СССР. Измена родине, совершенная военнослужащими, каралась по ст. 63-2 УК 1927 г. При этом санкция ст. 63-2 была абсолютно-определенной: высшая мера уголовного наказания – расстрел с конфискацией всего имущества.

Третий по счету УК советского периода был принят в 1960 г. Как и в предыдущем УК 1927 г., Особенная часть УК 1960 г. открывалась ст. 57, предусматривающей ответственность за измену родине. Статья 57 УК Азербайджанской Республики 1960 г. полностью воспроизводила ст. 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» 1958 г. В диспозиции ст. 57 были указаны составляющие объекта посягательства (государственная независимость, территориальная неприкосновенность, военная мощь), формы измены родине (переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, заговор с целью захвата власти) и признаки специального субъекта (гражданин СССР). Две последние из указанных в диспозиции ст. 57 УК 1960 г. формы государственной измены, а именно оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР и заговор с целью захвата власти в предыдущих УК Азербайджанской ССР были выделены как самостоятельные виды преступлений в системе контрреволюционных преступлений. Следует отметить, что в УК 1960 г. законодатель Азербайджанской ССР смягчил уголовную политику в вопросе наказуемости за рассматриваемое деяние. Отказавшись в УК 1960 г. в целом от построения абсолютно-определенных санкций, в ст. 57 была предусмотрена альтернативная санкция, в которой наряду со смертной казнью с кон-

фискацией имущества определялась возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества. Кроме того, именно в УК 1960 г. впервые были предусмотрены специальные условия освобождения от уголовной ответственности за измену родине: «не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой» [14, с. 44–45].

Как и в предыдущих УК (1922, 1927, 1960 гг.), в действующем УК Азербайджанской Республики 1999 г. измена государству включена в систему государственных преступлений. Главной же особенностью систематизации преступлений против государственной власти в УК 1999 г. является то, что в соответствии с конституционным положением о приоритетности защиты прав и свобод человека впервые в истории уголовного права эта группа преступлений в системе Особенной части размещена не в начале, а в конце Особенной части, опережая лишь преступления против военной службы. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в действующей Конституции Азербайджанской Республики 1995 г. впервые защита прав и свобод человека провозглашена высшей целью государства (ст. 12), а принцип независимости и равенства трех ветвей власти (исполнительной, законодательной и судебной) – основой демократического правового государства (ст. 7). Однако перемещение группы преступлений, посягающих на государственную власть, с первого (в УК 1922, 1927 и 1960 гг.) на пятое место в иерархии Особенной части УК Азербайджанской Республики 1999 г. не означает, что эти деяния стали менее опасными. Месторасположение преступлений против государственной власти (раздел XI) в системе Особенной части УК 1999 г. указывает лишь на то, что охраняемые уголовным законом интересы личности приоритетнее интересов государства и это соответствует международным гуманистическим и демократическим принципам государственного строительства.

Непосредственный объект измены государства в ст. 274 УК 1999 г. – общественные отношения, направленные на обеспечение внешней безопасности Азербайджанской Республики. Под внешней безопасностью следует понимать состояние защищенности жизненно важных интересов государства, то есть суверенитета, территориаль-

ной целостности, государственной безопасности и обороноспособности Азербайджанской Республики от внешних угроз. Законодатель Азербайджанской Республики подробно указывает в диспозиции ст. 274 УК на составляющие части объекта посягательства: суверенитет, территориальная целостность, государственная безопасность и обороноспособность Азербайджанской Республики. Подобная формулировка фактически повторяет содержание ст. 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» 1958 г. Статья 171 (измена государству) УК Туркменистана 1997 г. в числе составляющих элементов объекта преступления называет также нейтралитет государства.

Законодатель РФ в ст. 275 УК 1996 г., указывая на непосредственный объект посягательства, использует более лаконичную формулировку: безопасность РФ. В.Н. Рябчук считает, что указание в диспозиции статьи на суверенитет и территориальную неприкосновенность государства излишни, так как внешняя безопасность государства охватывает оба эти понятия [10, с. 120]. Также, не указывая на отдельные составляющие элементы объекта преступления, используется более общее понятие объекта посягательства – «национальные интересы Республики Казахстан» (ст. 175 УК 2014 г.) или «национальная безопасность Республики Беларусь» (ст. 356 УК 1999 г.).

Объективная сторона преступления в ст. 274 УК Азербайджанской Республики 1999 г. выражена как деяние, совершенное в ущерб суверенитету, территориальной целостности, государственной безопасности или обороноспособности Азербайджанской Республики. При этом согласно диспозиции ст. 274, измена государству может быть совершена в таких формах как: 1) переход на сторону врага; 2) шпионаж; 3) выдача государственной тайны иностранному государству; 4) оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности против Азербайджанской Республики.

В форме государственной измены «переход на сторону врага» под врагом понимается любое иностранное государство за пределами суверенной территории Азербайджана, с которым Азербайджанская Республика находится в состоянии войны или вооруженного конфликта. Факт оккупации части территории Азербайджанской Республики, а именно Нагорного Карабаха и прилегающих к нему семи районов (Агдам, Кельбаджар, Лачын, Кубатлы, Физули, Джабраил, Зянгилян) со стороны Армении на протяжении тридцати лет

относит указанное государство к категории врага. Поэтому совершение государственной измены во всех остальных формах, если это деяние совершается в пользу интересов Армении, а именно выдача государственной тайны, шпионаж, а также оказание помощи Армении в проведении враждебной деятельности следует рассматривать как первую форму государственной измены – переход на сторону врага.

Следует отметить, что в отличие от РФ, некоторые государства на постсоветском пространстве (например, Узбекистан, Молдова, Казахстан, Украина) также не отказались от законодательного выделения такой формы государственной измены как «переход на сторону врага». УК Армении терминологически обозначает данную форму государственной измены чуть иначе, а именно как «переход в лагерь противника». Кроме того, в УК некоторых государств (например, Украины, Казахстана) к переходу на сторону врага излишне, на наш взгляд, добавляется «в условиях военного положения или вооруженного конфликта» или «во время вооруженного конфликта».

Шпионаж как самостоятельный вид преступления (ст. 276) отличается от шпионажа как формы измены государству (ст. 274) только по субъекту преступления. Шпионаж, совершенный гражданином Азербайджанской Республики, квалифицируется как измена государству по ст. 274, шпионаж, совершенный иностранцем или лицом без гражданства, квалифицируется по ст. 276 УК Азербайджанской Республики.

Под выдачей государственной тайны понимается устное или письменное, а также сделанное иными средствами и способами (например, передача чертежа, фотографии, образца, модели) сообщение иностранному государству сведений, составляющих государственную тайну. Законодатель Азербайджана в ст. 274 в качестве адресата выдачи государственной тайны называет только иностранное государство, большинство других государств – иностранное государство, иностранную организацию или их представителей.

В соответствии с Законом о государственной тайне Азербайджанской Республики от 7 сентября 2004 г., государственная тайна – это защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Азербайджанской Республики. Государственная тайна может быть доверена или известна лицу по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных зако-

нодательством Азербайджанской Республики. Во всех случаях лицо достоверно знает, что обладает сведениями, составляющими государственную тайну, и обязано соблюдать их тайность.

По характеру действия выдача государственной тайны близко соприкасается с другой формой государственной измены – шпионажем. Отличие состоит в том, что при шпионаже передаваемые иностранному государству или иностранной организации сведения предварительно собираются или похищаются для передачи им, а при выдаче государственной тайны они находятся у виновного или становятся ему известными в силу занимаемого служебного положения.

Иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в процессе проведения враждебной деятельности против Азербайджана заключается в таких действиях, которые не являются ни шпионажем, ни выдачей государственной тайны. Это может быть оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи. Например, оно может заключаться в предоставлении агентам иностранной разведки убежища, транспорта и других средств передвижения, снабжении их фальшивыми документами, оказании помощи в вербовке агентуры и т.д. Оказание иностранному государству или иностранной организации помощи в проведении враждебной деятельности против Азербайджана может происходить как на территории Азербайджана, так и за границей, как по предварительной договоренности с представителем иностранного государства или иностранной организации, так и без такой договоренности, по собственной инициативе виновного.

Под иностранным государством как адресатом государственной измены при выдаче государственной тайны, шпионаже или оказании помощи в проведении враждебной деятельности понимается любое другое государство, с которым Азербайджанская Республика не находится в состоянии войны или вооруженного конфликта.

Иностранные организации могут быть государственными (разведка, армия, спецслужбы и пр.) и негосударственными (например, частные фирмы, концерны, общества). К их числу можно причислить и различные международные организации, если они проводят враждебную деятельность в отношении государства. Представителем иностранного государства или иностранной организации может быть как официальное, так и неофициальное лицо, уполномоченное иностранным государством или организацией на совершение определенных действий.

Следует сказать, что указанные формы измены государству определены в законодательствах большинства государств на постсоветском пространстве. Выделяется в этом ряду позиция законодателя Грузии. В действующей редакции УК Грузии ответственность за отдельные формы государственной измены предусмотрена как за самостоятельные виды преступлений в отдельных статьях. Например, в ст. 308 – за нарушение территориальной неприкосновенности Грузии, в ст. 312 – за посягательство на обороноспособность Грузии, в ст. 313 – за выдачу государственной тайны, в ст. 314 – за шпионаж, в ст. 319 – за оказание иностранному государству, иностранной организации или организации, подконтрольной иностранному государству, помощи во враждебной деятельности.

Объективная сторона деяния в ст. 274 УК Азербайджанской Республики сконструирована как формальный состав. Причинение реального ущерба суверенитету, государственной безопасности, территориальной целостности или обороноспособности Азербайджанской Республике не охватывается объективной стороной состава рассматриваемого преступления. Достаточно, чтобы совершенное виновным деяние было объективно направлено на причинение такого ущерба.

Субъект измены государству – специальный. Им может быть только гражданин Азербайджанской Республики, достигший 16-ти лет. Иностранные граждане могут выступать в качестве подстрекателей или пособников данного преступления.

Субъективная сторона измены государству характеризуется прямым умыслом. Мотивы данного преступления могут быть различными и не влияют на квалификацию содеянного.

В примечании к ст. 274 УК сформулированы специальные условия освобождения от уголовной ответственности лица, виновного в измене государству. Лицо освобождается от уголовной ответственности, если:

- 1) во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершило;
- 2) добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению ущерба интересам Азербайджанской Республики;
- 3) в его действиях не содержится иного состава преступления.

Все три условия являются обязательными, при их совокупном наличии освобождение от уголовной ответственности носит императивный характер. Довольно спорным является третье условие – «если в его действиях не содержится иного состава преступления». Это условие, на наш взгляд, явля-

ется излишним и на практике приводит к тому, что при наличии двух других условий освобождения от уголовной ответственности, лицо не освобождается от уголовной ответственности по ст. 274, если имеет место совокупность преступлений по другим статьям УК. Этим фактически сводится на «нет» поощрительный характер нормы, содержащейся в примечании к ст. 274 УК. На наш взгляд, в поощрительных нормах Особенной части УК оговорки «если в его действиях не содержится иного состава преступления» являются излишними при наличии ст. 3 УК, в которой содержится общее основание уголовной ответственности для всех без исключения преступлений. Поэтому достаточно было бы в поощрительных нормах указать на освобождение от ответственности по конкретной статье, в примечании к которой указана эта норма [15, с. 608]. Например, примечание к ст. 274 было бы правильнее изложить следующим образом: «Лицо, завербованное органами спецслужб иностранных государств для совершения преступления, предусмотренного настоящей статьей, а также статьей 276 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности по указанным статьям, если оно во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершило и добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению причинения ущерба интересам Азербайджанской Республики».

Также отметим, что в отличие от остальных законодательно определенных в Особенной части УК Азербайджанской Республики специальных условий освобождения от уголовной ответственности, в примечании к ст. 274 фактически речь идет о добровольном отказе от совершения преступления на стадии приготовления к преступлению. Например, в примечании к аналогичной ст. 275 (государственная измена) УК РФ условием освобождения является позитивное постпреступное поведение, т.е. деятельное раскаяние, а не добровольный отказ от совершения преступления на стадии приготовления.

Довольно интересным и в то же время спорным выглядит законодательная практика Беларуси в этом вопросе. Так, в примечании к ст. 356 УК Беларуси указывается, что специальные условия освобождения от уголовной ответственности могут быть применены только за измену государству, совершенную в форме шпионажа.

Измена государству в уголовном законодательстве Азербайджанской Республики является особо тяжким преступлением. Санкция ст. 274 УК является альтернативной и наряду с лишением свобо-

ды на срок от 12 до 20 лет возможно назначение и самого строго вида наказания – пожизненно-го лишения свободы. УК государств, в которых смертная казнь не отменена (например, Беларусь, Казахстан), предусматривают в альтернативном порядке возможность назначения смертной казни за данное преступление.

В действующем УК Азербайджанской Республики, как и в предыдущем УК 1960 г., уголовная ответственность за измену государству не дифференцирована. Некоторые государства постсоветского пространства наряду с основными составами выделяют и квалифицированные. Например, в ч. 2 ст. 356 УК Беларуси 1999 г. предусмотрена ответственность за измену государству, сопряженную с убийством. УК Казахстана 2014 г. в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков указывает на совершение деяния в боевой обстановке (ч. 2 ст. 356) и в военное время (ч. 3 ст. 356). На наш взгляд, более предпочтительным является дифференциация уголовной ответственности за измену родине по УК Азербайджанской ССР 1927 г. Это – измена родине, совершенная военнослужащим. Особый статус (военнослужащий, т.е. лицо, приведенное к военной присяге и являющееся носителем военной тайны) специального субъекта (гражданина государства) значительно повышает степень общественной опасности данного преступления.

Таким образом, необходимые признаки состава измены государству впервые были определены в УК Азербайджанской ССР 1927 г. и последующие уголовные законодательства (1960 и 1999 гг.) сохранили в целом преемственность в вопросах ответственности за рассматриваемое преступление. При этом такие формы измены государству как бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы декриминализованы в полном соответствии с международными стандартами в области защиты прав и свобод человека. Нормы законодательства государств на постсоветском пространстве, предусматривающие уголовную ответственность за данное преступление, принципиальных отличий не имеют. Небольшие расхождения имеют место при наименовании самого преступления (государственная измена или измена государству), при расширительном определении непосредственного объекта преступления (с указанием отдельных составляющих внешней безопасности государства), при определении специальных условий освобождения от уголовной ответственности (добровольный отказ на стадии приготовления или деятельное раскаяние; императивный или диспозитивный характер применения).

Литература

1. Горбунова Л.В. Уголовная ответственность за государственную измену и шпионаж в уголовном праве Австрии и Лихтенштейна (ч. 1) // Марийский юридический вестник. 2016. № 1 (16). С. 47–51.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Азербайджанской Республики / под общ. ред. Ф.Ю. Самандарова. Т. 2. Баку: Юридический издательский дом, 2018. 800 с.
3. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2015. 552 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А. Чекалин. М.: Юрайт, 2006. 1228 с.
5. Гельдибаев М.Х., Рахманова Е.Н. Уголовное право в схемах и определениях. СПб.: Юридический центр, 2017. 520 с.
6. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть: учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Камерон, 2004. 528 с.
7. Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М.: Норма, 1999. 320 с.
8. Асланов Р.М. Преступления против государственной власти. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 552 с.
9. Анашкин Г.З. Ответственность за измену Родине и шпионаж. М.: Юридическая литература, 1964. 232 с.
10. Рябчук В.Н. Государственная измена и шпионаж: уголовно-правовое и криминологическое исследование: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 1102 с.
11. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики 1999 года. Баку: Юридический издательский дом, 2018. 264 с.
12. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР 1922 года. Издание официальное. Баку: Наркомюст, 1927. 132 с.
13. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР 1927 года. Баку: Азернешр, 1938. 139 с.
14. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР 1960 года. Баку: изд. Верховного Совета Азербайджанской ССР, 1961. 151 с.
15. Самедова Ш.Т. Проблемы уголовного права: классификация преступлений, дифференциация уголовной ответственности и построение санкций: монография. Баку: Экопринт, 2017. 744 с.

References

1. Gorbunova L.V. Ugolovnaya otvetstvennost za gosudarstvennyuyu izmenu i shpionazh v ugolovnom prave Avstrii i Likhtenshteyna (chast' 1) [Criminal liability for high treason and espionage in the criminal law of Austria and Liechtenstein (part 1)]. Mariyskiy yuridicheskiy vestnik [Mari Legal Bulletin], 2016, no. 1 (16), pp. 47–51. (In Russian)
2. Kommentariy k Ugolovnomu Kodeksu Azerbaydjanskoy Respubliki [Commentary on the criminal code of the Republic of Azerbaijan]. Ed. F.Y. Samandarov. Vol. 2. Baku: Yuridicheskiy izdatelskiy dom Publ., 2018. 800 p. (In Russian)
3. Ugolovnoye pravo. Osobennaya chast. Uchebnik [Criminal law. The special part. Textbook] / Ed. A.I.Chuchayev. Moscow: Prospekt Publ., 2015, 552 p. (In Russian)
4. Kommentariy k Ugolovnomu Kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation] / Ed. A.A. Chekalin. Moscow: YURAYT Publ., 2006. 1228 p. (In Russian)
5. Geldibayev M.Kh., Rakhmanova Y.N. Ugolovnoye pravo v skhemakh i opredeleniyakh. [Criminal law in schemes and definitions]. Saint-Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Publ., 2017. 520 p. (In Russian)
6. Ugolovnoye pravo zarubezhnikh stran. Osobennaya chast. Uchebnoye posobiye [Criminal law of foreign countries. The special part. Textbook] / Ed. I.D. Kozochkin. Moscow: Kameron Publ., 2004. 528 p. (In Russian)
7. Dyakov S.V. Gosudarstvennyye prestupleniya (protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva) i gosudarstvennaya prestupnost. [State crimes (against the foundations of the constitutional system and state security) and state crime]. Moscow: NORMA Publ., 1999. 320 p. (In Russian)
8. Aslanov R.M. Prestupleniya protiv gosudarstvennoy vlasti. [Crimes against state power]. Saint-Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 552 p. (In Russian)

9. Anashkin G.Z. *Otvetstvennost za izmenu Rodine i shpionazh*. [Liability for treason and espionage]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ., 1964. 232 p. (In Russian)
10. Ryabchuk V.N. *Qosudarstvennaya izmena i shpionaj: uqolovno-pravovoye i kriminologicheskoye issledovaniye*. [High treason and espionage: criminal law and criminological research]. Monograph. Saint-Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2007. 1102 p. (In Russian)
11. *Ugolovniy Kodeks Azerbaydjanskoy Respubliki 1999 goda*. [Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (1999)]. Baku: Yuridicheskiy izdatelskiy dom Publ., 2018. 264 p. (In Russian)
12. *Ugolovniy Kodeks Azerbaydjanskoy CCP 1922 goda. İzdaniye ofitsialnoye* [1922 Criminal Code of Azerbaijan SSR]. Baku: Narkomyust Publ., 1927. 132 p. (In Russian)
13. *Ugolovniy Kodeks Azerbaydjanskoy SSR 1927 goda*. [Criminal Code of the Azerbaijan SSR (1927)]. Baku: Azerneshr [Azernpublishing], 1938, 139 p. (In Russian)
14. *Ugolovniy Kodeks Azerbaydjanskoy SSR 1960 goda*. [Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (1960)]. Baku: izd. Verkhovnogo Soveta Azerbaydjanskoy SSR Publ., 1961. 151 p. (In Russian)
15. Samedova Sh.T. *Problemi uqolovnoqo prava: klassifikasiya prestupleniy, differensiasiya uqolovnoy otvetstvennosti i postroenie sanksiy*: Monografiya [Problems of criminal law: classification of crimes, differentiation of criminal liability and the construction of sanctions: Monograph]. Baku: Ekoprint Publ., 2017. 744 p. (In Russian)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Барциц Игорь Нязбеевич
Краковский Константин Петрович

Цель: при продвижении ценностей административных преобразований российская система управления сталкивается с теми же трудностями, что и большинство других стран. Ведущей среди них является проблема коррупции. Коррупция рассматривается в России как системная проблема и угроза государственному управлению, экономическому развитию страны и национальной безопасности. В статье рассматривается развитие законодательства против лихоимства, взяточничества в системе государственного управления в Российской империи на протяжении XVIII и XIX веков, попытки его кодификации и реалии XIX века, также представлен анализ статистических данных по противодействию коррупции за первую и вторую половину XIX века. Цель данного исследования – сформировать представление об эволюции отечественного законодательства на протяжении XVIII и XIX веков в сфере противодействия коррупции, его содержания и роли в теории государственного строительства и практики административных преобразований на основе анализа научных источников, исторических данных, текстов законодательных актов и других правовых норм.

Методология: проводя данное исследование, автор использует методы исторического и сравнительного правоведения, классифицирует и интерпретирует исторические правовые данные из юридических и неюридических источников, благодаря системному подходу, синтезирует выводы о значении и роли законодательства против лихоимства, взяточничества для системы государственного управления в Российской империи на протяжении XVIII и XIX веков.

Выводы. Выделены и систематизированы этапы развития антикоррупционного законодательства России в XVIII–XIX веках. Автором отмечено, что наряду с отдельными причинами проблемы борьбы с коррупцией (система «кормлений», формирование состава гражданских служащих, преимущественно из малообеспеченных и малообразованных слоев населения, низкий уровень оплаты труда, вседозволенность и правовой нигилизм богатых и знатных людей, характерные для жестко регламентированного сословного общества и т.д.) были общие, глубокие причины, в частности, взяточничество в России в исторической перспективе – результат «совместных усилий» государства, администрации и общества.

Научная и практическая значимость. Рассмотрена эволюция норм законодательства по противодействию коррупции от непоследовательных и несистемных подходов к кодифицированным актам, с проработанностью многих аспектов составов преступлений, связанных со взяточничеством, а также их влияние на государственное управление и административные преобразования, что служит хорошим теоретическим и практическим фундаментом для разработки новых, более эффективных мер и мероприятий по противодействию коррупции в современной России.

Ключевые слова: лихоимство, взяточничество, коррупция, антикоррупционное законодательство, незаконные поборы, вымогательство, государственное управление, противодействие коррупции, административные преобразования, чиновник.

В 2004 г. в Одессе был установлен монумент, который одесситы преимущественно называют «памятником взятке» (ныне стоит на бульваре Жванецкого). Памятник представляет собой апельсин с вынутой долькой. В 1796 г. Екатерина II, «мать» Одессы, умерла. Ее сын Павел I враждебно относился к порядкам при дворе и начинаниям своей матери. В частности, строительство нового города и порта на черноморском побережье было заморожено. Легенда говорит о том, как хитроумные одесситы решили добиться расположения Павла, отправив ко двору 3000 апельсинов. Павел смягчился и дал согласие на выделение 250 тыс. руб. на развитие порта.

Лихоимство и борьба с ним в XVIII веке.

Коррупция – стандартная тема при исследовании системы государственного управления. Чиновник-взяточник – традиционный отрицательный персонаж многих произведений образ русской классической литературы от Грибоедова и Гоголя до Салтыкова-Щедрина и Чехова. Однако не то что коррупция, но даже уголовно-правовой термин «взяточничество» не был знаком русскому законодательству XVIII в. В законах XVII в. фигурировало лихоимство и лихоительство, а предмет подкупа носил старое название «посул» [1, с. 216]. Хотя сам термин «взятка» появляется как бы мимоходом еще в указе царя Алексея Михайловича, изданном в апреле 1654 г. (*Именной, сказанный пред Разрядом князю Александру Кропоткину и дьяку Александру Семенову «О наказании их за взятки» // ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. № 123.*). Но карался только «посул», т.е. получение взятки судьей, служилым человеком за *незаконные действия*, а за законные действия он получал от заинтересованного лица вполне законное вознаграждение – «кормление от дела».

Введение жалованья для чиновников в XVIII в. (1715 г.) положило конец «кормлению от дела» *официально*, с точки зрения государства, а вручение заинтересованным лицом денег судье, любому иному чиновнику для решения своего дела стало рассматриваться властью как самостоятельное должностное преступление – взятка.

Именно это преступление (наряду, впрочем, с казнокрадством) стало едва ли не главной язвой, разъедавшей государственный аппарат. Разумеется, власть не могла оставаться безучастной к преступлению, бросающему тень на весь государственный аппарат, а значит, посягающему на государственные интересы [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Однако служилому классу, новому чиновничеству трудно было отрешиться от веками сложившихся

взглядов на службу как источник доходов. Этот исконный взгляд на государственную службу не был достоянием одного узкого круга родовитой служилой знати и ее потомства, он был усвоен весьма быстро теми людьми, которым Табель о рангах открыла доступ к власти. В их лице московские служилые люди нашли не только подражателей: менялись люди и внешняя форма, но сущность оставалась прежней – «богопротивное лакомство» (выражение Петра I), «постыдный порок» (Екатерина II), «произвольное самовознаграждение» (С.С. Уваров), «служебные сладости» (М.Е. Салтыков-Щедрин), «лихоимство» (закон) были наследственными пороками служилого человека [8, с. 92].

Законодатель не щадил красок, использовал жесткую лексику, чтобы возможно ярче обрисовать это деяние. Лихоимство, включавшее в себя взяточничество в строгом смысле слова, именовалось «душевредным», взятки – «гнусными», деяние это – «мерзкое лакомство», «прелестное только для одних подлых и ненасытных, сребролюбием помраченных душ»; схваченного за руку взяточника закон клеймил как «вредителя государственных прав» и «народного разорителя», «похитителя интересов» и в конце концов – как «врага Отечества».

При это взяточничество имело исторические и социальные основания. Среди них немалую роль играет историческая составляющая: вплоть до XVIII в. «кормление» – легальный источник доходов должностных лиц, обычай, вошедший в плоть и кровь общества и чиновников. Особое место занимает феномен общественной психологии, в которой взятка воспринималась как средство против волокиты. Она не считалась простыми людьми преступлением.

На рубеже XVII и XVIII вв. Петр I издает указ от 24 ноября 1699 г., в котором содержится установка власти: «Для предотвращения впредь подобных явлений велю как взявших деньги, так и давших, положить на плаху, и от плахи подняв бить кнутом без пощады и сослать на каторги в Азов (*в те времена так называлась крепость на границе России с Турцией, отвоеванная у последней в результате походов Петра на юг. В настоящее время – уютный районный центр в Ростовской области в устье реки Дон*) с женами и детьми объявить во все города, села и волости: кто сделает это впредь, тому быть в смертной казни без пощады». Новеллой закона стало установление практически равной ответственности для тех, кто берет взятку, и тех, кто дает. Необычность постановки вопроса законодателем состоит в том, что как будто история

борьбы со взяточничеством только начинается: *теперь* взятки брать нельзя.

Важно отметить, что с начала XVIII в. взятка стала рассматриваться как самостоятельное преступление (необязательно связанная с *судом*, как в прежнем законодательстве), причем имеющее публичный характер — не только как нарушение служебного долга и причиняющее вред не только интересам службы, но и интересам и престижу государства.

Указ от 25 августа 1713 г. установил (привычно для Петра) смертную казнь для сборщиков податей, которые за взятки давали незаконные льготы, утаивали часть собранных денег, облагали народ излишними податями для своей выгоды и совершали разного рода мошенничества против государственного интереса. Смертная казнь грозила и тем, кто их пожалел и избавил от наказания (*ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 2707*). Причем государство стимулировало подданных доносить на вышеописанных злоумышленников, обещая доносителю не только имущество злоумышленника, но даже его чин (*ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 2726 (указ от 23 октября 1713 г.)*).

Указ от 22 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов» (*ПСЗ. Собр. 1-е. Т. V. № 2871*), один из важнейших указов Петра, посвященных проблеме борьбы со взяточничеством, впервые содержал общее определение преступления как «всего, что вред и убыток государству приключить может». Именно в этом акте впервые был использован известный из церковно-нравочительной литературы термин «лихоимство» для обозначения квалифицированного взяточничества (*Максим Грек, религиозный публицист XVI в., осуждал «иудейское сребролюбие и лихоимство»*). Он «накрепко» запретил чиновникам *всех рангов* получать от людей какие-либо деньги (только жалованье!) под страхом смертной казни или телесных наказаний. Этим актом была установлена уголовная ответственность для соучастников совершения лихоимства, а также недоносителям о таковом.

Указ от 11 июня 1715 г. призывал всех пострадавших от сборщиков податей, требовавших взятки (за уменьшение размера подати) с жителей городов, немедленно сообщать «куда надо» (*ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 2915*). Видимо, мера не возымела действие, так как спустя пять лет последовал близкий по содержанию указ, сопровождавшийся угрозой санкции для сборщиков податей-взяточников вырыванием ноздрей и ссылкой в Сибирь (*ПСЗ. Собр. 1. Т. VI № 3515 (указ от 10 февраля 1720 г.)*). Впоследствии появилось еще немало

указов на эту же тему (*ПСЗ. Собр. 1. Т. VI № 3601, 3648; Т. VII. № 4826; Т. X. № 7365; Т. XI. № 8662 и др.*) в течение всего XVIII века, что является наглядным свидетельством малой эффективности данных правовых средств.

Генеральный регламент 1721 г. предусматривал ответственность за лихоимство в коллегиях (*ПСЗ. Собр. 1. Т. VI. № 3534. Гл. L. П. 35*). Как оказалось — все. Та же печальная судьба была унаследована Наказом воеводам и губернаторам, запретившим под угрозой штрафа брать взятки этим должностным лицам (п. 49 «*Чтобы не чинили обиды и взятков не имали*») (*ПСЗ. Собр. 1. Т. VIII. № 5333. П. 49*).

Можно констатировать, что именно в законодательстве Петра сложилась сложная юридическая конструкция взятки, включавшая три элемента: незаконное получение денег; нарушение служебного долга и совершение вследствие получения взятки какого-либо преступления [9, с. 40–41]. Не определенным в законе оставалось только вымогательство взятки.

В целях обеспечения служебной безупречности и удержания госслужащих от несправедливого обогащения 24 августа 1722 г. была введена двойная подписка под указом 1714 г. о лихоимстве лиц, определяемых к делам в органах управления. После «приложения руки» (подписания) один экземпляр документа оставался на службе, а второй незамедлительно высылался в Сенат (*ПСЗ. Собр. 1. Т. VI. № 3586, 4077*). Как оказалось, гарантия эта была весьма призрачной.

Даваемые таким образом обязательства соблюдать установленные правила нередко скрывали лишь желание не попадаться при их нарушении. Фигура причастного к отправлению властных полномочий лихоимца, который с равными предосторожностями облегал карманы просителей и запускал руку в казенные «закрома», являлась достаточно типичной, что резко противоречило идеалам «регулярного государства» [10, с. 27].

Впрочем, справедливости ради следует оговориться, что среди высших чинов были честные люди, кто не воровал и не брал взятки: Шереметев, Репнин, Румянцев, Макаров, Остерман, Ягужинский [11, с. 446]. Как и Иван Шувалов при Елизавете Петровне — фаворит-бессребреник — абсолютный оксюморон в императорской России. Но это были, скорее, исключения, подтверждавшие правило.

А «правая рука» царя А.Д. Меншиков, напротив, был рекордсменом взятки и казнокрадства наряду с его многочисленными официальными титулами (в том числе генералиссимуса), он впол-

не заслуженно мог носить титул «главного вора России». Но ему долго все сходило с рук, и он выходил сухим из воды. Его любил Петр I и многое прощал, кроме того, у него была влиятельная покровительница — жена Петра I Екатерина. Даже возбужденное Сенатом дело не напугало Меншикова: он позволил себе не явиться в высший орган страны для объяснений, а послал унтер-офицера передать его ответ. Сенаторы обратились к царю, изложив в жалобе его проделки. Царь прочитал и положил на место. Повременив, Толстой спросил: каковы будут его приказания. Царь ответил: «Никаких... Меншиков всегда останется Меншиковым» [12, с. 164–165].

Все же после смерти покровительницы Меншикова императрицы Екатерины I его привлекли к ответственности. Утверждали, что из вменяемых ему во время следствия похищения 13 млн руб. девять миллионов он хранил в *иностраннных банках* (в Лондоне и Амстердаме). После ареста у него конфисковали 90 тыс. крестьян, шесть городов (Ораниенбаум, Копорье, Ранненбург, Ямбург, Почеп, Батури), 200 пудов золотой и серебряной посуды [13, с. 353–357].

Примерами ответственности высокопоставленных чиновников при Петре I могут быть: адмирал Апраксин — наказан крупным штрафом за хищения, двое сенаторов — В.А. Апухтин и Г.И. Волконский — публично в Сенате биты кнутом, языки их были урезаны за нарушение присяги, и они были сосланы на галеры. По доносу обер-фискала А.Я. Нестерова был казнен сибирский губернатор Матвей Гагарин, обвинявшийся в казнокрадстве (он осмелился даже присвоить алмазы, купленные для царицы) и безудержном взяточничестве. Впрочем, позднее и сам Нестеров был казнен за взятки [6, с. 119; 14].

Полное собрание законов пестрит и «индивидуальными» указами о наказании конкретных взяточников местного уровня (например, иркутского вице-губернатора Жолобова (*ПСЗ. Собр. 1. Т. IX. № 7009.*), коллежского советника Шекурова (*ПСЗ. Собр. 1. Т. XVI. № 11656.*), Калужского провинциального воеводы Мясоедова (*ПСЗ. Собр. 1. Т. XVI. № 11869.*), воеводы Клементьева (*ПСЗ. Собр. 1. Т. XVI. № 12233.*), губернского секретаря Володимерова из Вологодской губернии (*ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXVIII. № 28917.*), одного судьи коллегии (*ПСЗ. Собр. 1. Т. XVI. № 11989.*) и мн. др.).

После смерти Петра I борьба со взяточничеством надолго затихла, так как вокруг трона и Екатерины I, и Анны Иоанновны толпились представители политической элиты, погрязшие во взятках. Несомненно, спровоцировал всплеск

взяточничества указ от 23 мая 1726 г., предусматривавший выдачу жалованья только коллежским чинам (да и то по старым штатам), а приказным служителям, низовому звену чиновников Юстиции и Вотчинной коллегии, надворных судов и магистратов предложено было довольствоваться по старой схеме — «кормлением от дел» кто сколько даст (*ПСЗ. Собр. 1. Т. VII. № 4889.*). Впрочем, чиновникам предлагалось быть сдержанными и не брать «лишнее». Дела о лихоимстве по инерции возбуждались, но применяемые наказания явно смягчились, да и серьезных новых «антикоррупционных законов» не появлялось. Так, в 1731 г. был арестован казанский губернатор А.П. Волынский за получение взятки в сумме 2500 руб. С учетом признания вины он был лишь освобожден от должности [15, с. 254]. Впрочем, впоследствии он стал жертвой интриги и был казнен по обвинению в государственном преступлении (1740 г.).

Петр Шувалов, известный деятель во времена правления Елизаветы Петровны, широко «прославился» беззастенчивым казнокрадством, лихоимством, обогащением за счет казны. Он умудрялся извлекать выгоду даже из экономических неудач. Так, разорив медные заводы, купленные за 90 тыс. руб., П.И. Шувалов исхитрился их продать казне за 700 тыс. руб. Вспоминая похороны Петра Шувалова в 1760 г., Екатерина II писала, как в ожидании выноса тела собравшиеся строили прогнозы. Одни, вспоминая табачный откуп, говорили, что тело осыпают табаком; другие говорили, что солью осыпают, приводя на память, что по его проекту накладка на соль последовала; иные говорили, что его кладут в моржовое сало, понеже моржовое сало на откуп имел и ловлю трески. Тут вспомнили, что в ту зиму трески ни за какие деньги получить нельзя было, и начали Шувалова бранить [69, с. 261]. Правило *aut bene aut nihil* (*«О мертвых говорить» или хорошо, или ничего (лат.)*) в отношении чиновников-взяточников и казнокрадов в старой России не действовало.

Екатерина II, только вступив на престол, с неподдельным энтузиазмом принялась за борьбу со взяточниками. Спустя всего 20 дней после этого знакового события она подписала суровый именной указ от 18 июля 1762 г. «Об удержании судей и чиновников от лихоимства», в котором призвала к борьбе со взяточничеством (*ПСЗ. Собр. 1. Т. XVI. № 11616.*). Это был просто «крик души» (у императрицы тоже такое может случаться), воззвание к совести судей, заглохшей под напором взяток. Она объявила, что главное ее попечение — обеспечить истинное правосудие для народа.

Законодательница сетовала на то, что лихоимство возросло до невероятных пределов: «...ищет ли кто места, платит; защищается от клеветы, обороняется деньгами; клеветает ли на кого кто, все происки свои подкрепляет деньгами». «Судящие освященное свое место, в котором они именем Нашим должны показывать правосудие, в торжище превращают, вменяя себе вверенное от нас звание судии бескорыстного и нелицеприятного, за пожалованный будто им доход в поправление дома своего, а не за службу, приносимую Богу, Нам и Отечеству, и мздоимством богомерзким претворяют клевету в праведный донос, разорение государственных доходов в прибыль государственную, а иногда нищего делают богатым, а богатого нищим». В указе приводился конкретный пример исключительного цинизма взяточника: некий регистратор Новгородской губернской канцелярии Яков Ренбер брал с крестьян плату за... принесение присяги императрице. Виновного сослали на вечное житье в Сибирь, хотя, оговаривалось в указе, он достоин и смертной казни. Императрица обещала и впредь сурово карать лихоимцев.

Историки отмечают, что на период 1762–1765 г. (первые три года правления Екатерины Великой) приходится самое большое число преследований за взятки на протяжении полувекового периода [16, с. 187]. Впрочем, в своем порыве «покончить с лихоимством» сама императрица была не вполне последовательна. Показательно в этом отношении дело белгородских чиновников, уличенных в злоупотреблении служебным положением. По делу проходили 39 «чиновных персон», в отношении которых состоялся суд и был вынесен приговор Правительствующего сената. Во главе белгородских коррупционеров стоял губернатор, тайный советник Салтыков. Он был обвинен во взяточничестве в крупных размерах. Сенат приговорил его к лишению должности и взысканию в пользу казны полученных взяток. Однако Екатерина проявила «высочайшую милость» и избавила его от наказания [17, с. 55].

Привлекает своим романтическим названием, сколь и монаршим идеализмом, Манифест от 15 декабря 1763 г. «О наполнении судебных мест достойными и честными людьми, о мерах к прекращению лихоимства и взяток (в суде. — *Авт.*)...» (ПСЗ. Собр. 1. Т. XVI. № 11988.). В сенатском указе от 31 декабря 1765 г. дела о лихоимстве признаны «не важными», «разрушающими правосудие и повреждающими государственное положение», в связи с чем обращено внимание на суждение их

по всей строгости (ПСЗ. Собр. 1. Т. XVII. № 12537. П. 3.). Хотя следует признать, что эти высочайшие угрозы чаще всего так и оставались на бумаге.

Екатерина II, изыскивая неординарные способы искоренения взяточничества, приняла решение опубликовывать все результаты привлечения к ответственности за взяточничество для всеобщего сведения в качестве профилактической меры. 11 ноября 1766 г. был издан именной указ на эту тему (ПСЗ. Собр. 1. Т. XVII. № 12781.).

К достижениям Екатерины II следует отнести доведенное до конца знаменитое дело помещицы Салтычихи, замучившей десятки своих крепостных крестьян. В данном контексте мы упоминаем это дело, так как в ходе его расследования были установлены ужасающие факты продажности полиции, длительное время покрывавшей изуверства безумной помещицы. Но еще более значимым (в том числе и с точки зрения сегодняшнего дня) является громкое дело в отношении самого генерал-прокурора А.И. Глебова, обвиненного в злоупотреблениях (оно началось еще при Елизавете Петровне).

Итог борьбы императрицы со взятками, увы, оказался плачевным. А.С. Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII века» (1822 г.) екатерининскую бюрократию охарактеризовал одной фразой: «От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно» [18, с. 16]. Если говорить о «целевых указах», направленных на борьбу с наиболее распространенными разновидностями лихоимства, то они относились к взяткам при наборе рекрутов (ПСЗ. Собр. 1. Т. XVII. № 12748.), взимании разного рода сборов (причем производимых, как правило, с самых бедных и незащищенных слоев населения) (ПСЗ. Собр. 1. Т. XX. № 14769, 15068; Т. XXIII. № 17444; Т. XXVI. № 19999; Т. XXXIX. № 26819; Т. XXXIX. № 30177.), межевании земель (ПСЗ. Собр. 1. Т. XVII. № 12570; Т. XX. № 14952.) и, конечно, к «старым добрым» взяткам в суде. Л.Н. Трефолев приводил в качестве примера своеобразный преискуронт на взятки, составленный секретарем Г. Муратовым, осужденным Ярославской палатой уголовного суда в 1789 г. за взяточничество: размер взятки устанавливался по обстоятельствам от 5 до 50 руб. [19].

Губернская реформа 1775 г., создавшая достаточно организованные и сильные институты власти на местах, не могла не коснуться темы взяточничества. Во-первых, законодательство о реформе настраивало губернские власти (прежде всего губернского прокурора и стряпчих) «истреблять взятки» (ПСЗ. Собр. 1. Т. XX. № 14392; Учреждения

для управления губерний. Ст. 404.). В последующем в указах, касавшихся губернаторов, содержались настоятельные требования «стараться о пресечении гнусного лихоимства, отвращая всякое поползновение к оному всех подчиненных лиц» (ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20372.).

Усиление борьбы государства со взяточниками имело следствием не прекращение подобного рода незаконной практики, а, напротив, использование лихоимцами все более изощренных, даже можно сказать утонченных форм получения взяток, прикрытие их разнообразными легальными обоснованиями. Среди них наиболее широко применяемыми являются «подарки» чиновнику от заинтересованных лиц. Правительство достаточно быстро «раскусило» это ухищрение, и один за одним появляются указы, запрещающие или ограничивающие получение подарков чиновниками.

Так, Устав благочиния (1782 г.) (ПСЗ. Собр. 1. Т. XXI. № 15379 (параграфы 210, 229, 251, 252, 271)) категорически запрещал должностным лицам под страхом наказания брать по делам службы подарки, плату и т.п. Впрочем, это не мешало Екатерине раздавать в качестве подарков дворцы, тысячи крестьян, килограммы драгоценностей своим фаворитам. Злые языки утверждали, что один Г. Потемкин за двадцать лет своего «близкого знакомства» с императрицей выкачал из государственной казны около 50 млн руб. [20, с. 57].

«Под конец царствования, — утверждал Г.Р. Державин, поэт, государственный деятель, близко общавшийся с Екатериной, — так послаблено сие злоупотребление (взятничество. — Авт.), что можно сказать — на словах запрещалось, а на деле одобрялось» [21, с. 670]. Действительно, Екатерина II смотрела на взяточничество, особенно своих приближенных, сквозь пальцы. Она могла просто посмеяться над вельможами-взяточниками: так, Р. Воронцова она назвала «Роман — большой карман», а другому подарила вязаный кошелек — для складывания взяток. Она отдавала себе отчет, что если убрать одного взяточника, то его место займет другой. Как-то с присущим ей трезвым цинизмом сказала Державину, что генерал-губернатор, долго служивший, уже наворовался, а новый только начнет воровать [22, с. 58].

В первые дни правления Павла I огромное число казнокрадов и взяточников было уволено со службы. Едва ли не треть «Санкт-Петербургских ведомостей» занимали столбцы с перечислением провинившихся и полагающихся им наказаний и штрафов. Уходя утром на службу, чиновник не знал, сохранит ли он до вечера свое место службы,

более того — вернется ли он домой, а не отправится сразу в места не столь отдаленные. Впрочем, это была не столько борьба за чистоту рядов бюрократии, сколько расправа с екатерининскими фаворитами, окружением, ее элитой.

Думаем, что некоторые решения Павла I могут рассматриваться в качестве обоснования широко распространившихся слухов о безумии императора наряду с репутацией самодура и тирана, которую он реально заслужил. Например, итогом рассмотрения доклада о лихоимстве и взятках в Вятской губернии в апреле 1800 г. император отрешил от должности *всех* чиновников губернии. Немногом позже, правда, смилостивившись, решает простить казенную палату и нескольких чиновников, только что поступивших на службу [20, с. 59].

Кодификация законодательства о борьбе со взятками и реалии XIX века

Взойдя на престол в 1801 году, Александр I, отдавая отчет в размахе этого явления (*Своему другу, послу в Константинополе графу Кочубею, великий князь и наследник престола еще при жизни Екатерины II писал: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок: грабят со всех сторон...»*.), вступает в непримиримую, сколь и безнадежную по результатам, борьбу со взяточничеством (указ от 18 ноября 1802 г. «Об искоренении лихоимства» (ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20516.)). Выполняя обещание править «по законам и по сердцу» «благословенной бабки» (Екатерины II), он подтверждает ее указы, направленные на борьбу со взяточничеством, подписывает ряд своих указов по борьбе со взятками. Ожидаемых результатов от предпринимаемых мер не произошло: взяточничество росло. Благоприятной почвой для его расширения стало укрепление бюрократических начал вследствие системных реформ в государственном управлении (1801–1811 гг.).

Было издано три указа (ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24425а; № Т. XXXII. № 25028; Т. XXXVII. № 28715.), свидетельствующих как о продолжении борьбы с завуалированными взятками (подарками чиновникам) «для предупреждения всякого повода и послаблений к упущениям по службе», так и о ее безуспешности. В частности, в указе от 12 марта 1812 г. (ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXII. № 25028.) приводился в пример случай поднесения дворянами «небольшого подарка» — табакерки, украшенной бриллиантами, воронежскому вице-губернатору Кологривову и содержалось запрещение преподносить такого рода подарки

всем губернским чиновникам. 2 августа 1821 г. последовал аналогичный по содержанию указ, назвавший такие подарки «неприличными», так как они могут давать повод к злоупотреблениям. Увы, все усилия власти, направленные на пресечение такой «щедрости» дарителей, оказались безуспешными.

В 1815 г. был принят указ, обозначивший нетрадиционный подход к квалификации действий как взятки: ростовщики, дававшие деньги под шесть процентов и выше, признавались лихоимцами (*ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXIII. № 25997.*). В 1817 г. сенатская комиссия обнаружила, что один из губернаторов Малороссии буквально притеснял население, устанавливал в свою пользу косвенные налоги, устраивал продовольственные поборы. Пензенский губернатор Панчулидзеv дошел до введения официального денежного сбора в свою пользу – с каждого из 12 откупщиков по 2 тыс. руб. в год. В Киевском генерал-губернаторстве все помещики платили «дань» чинам губернской и уездной полиции, дополняя ее «натурально-продовольственными» подношениями [23, с. 213].

Генерал-прокурор и министр юстиции Г.Р. Державин в 1802 г. проводил проверку деятельности калужского губернатора Лопухина. Доклад о злоупотреблениях последнего занял... 200 страниц. Лопухин и губернский прокурор были преданы суду, впрочем, отделались легким испугом: суровые наказания лихоимцев, применявшиеся в первой четверти XVIII в., остались в истории.

Весьма показательный пример борьбы со взяточничеством и ее неожиданных последствий дал великий русский реформатор М.М. Сперанский. Попав в опалу, он был сослан, но в 1819 г. назначен генерал-губернатором Сибири, где стал наводить порядок, десятками увольняя продажных чиновников. Он нагнал такой ужас на местных чиновников, что тамошние мужики стали брать «взятки наоборот»: драть деньги с чиновников за то, чтобы те не подавали челобитные против них [24, с. 48].

Интересные факты активного участия в борьбе со взяточничеством будущих декабристов, занимавших достаточно высокие посты в госаппарате, приводят историки [25, с. 120–124].

Известный вельможа князь А.Б. Куракин устраивал у себя в имении роскошные праздники, давал обеды, на которые приглашал местных чиновников, задабривал их щедрыми подарками в надежде на взаимность при решении своих дел. Эти поездки к князю Куракину описал другой

вельможа – князь И.М. Долгорукий в стихотворении «К швейцару».

Один из героев фонвизинской комедии «Бригадир» (1769 г.) убежден, что взятки являются необходимым атрибутом чиновной службы: «Как решить дело даром за одно свое жалованье? Этому мы как родились и не слыхивали! Это против природы человеческой...».

В опубликованной через 30 лет комедии В.В. Капниста «Ябеда», где тема взяточничества становится центральной, прокурор Хватайко обращается к чиновникам с призывом:

Бери, большой тут нет науки,
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

(Стишок включен в экранизацию «Бесприданницы» – кинофильм «Жестокий романс» (1984), хотя в пьесе А.Н. Островского этого текста нет.)

Почти двадцать лет спустя на ту же тему о взятках в суде, отчасти вызванных нищенским содержанием чиновников, с горечью написал член Государственного совета адмирал Н.С. Мордвинов: «Доколе правосудие в России не будет достаточно вознаграждаемо удовлетворением всех необходимых нужд исполнителей оногo, то правда не воссядет на суде, ибо правду водворить не можно там, где скудость обитает! Она несовместима с нищетою...» [26].

Декабрист А.А. Бестужев в письме к Николаю I дал более полную характеристику ситуации, сложившейся в стране к началу 1820-х гг.: «Все элементы были в брожении. (...) Одни судебные места блаженствовали, ибо только для них Россия была обетованной землей. Лихоимство их возшло до неслыханной степени бесстыдства. Писаря заводили лошадей, понытки покупали деревни, и только возвышение цены взяток отличало высшие места. (...) В казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал» [27, с. 84].

В первые годы правления Николая I по сложившейся монархической традиции – бороться с беспорядками предшествующего правления – были предприняты некоторые решительные шаги по борьбе со взяточничеством чиновников. В мае 1826 г. при общем собрании Петербургских департаментов Сената был даже учрежден особый комитет с обязывающим названием «Для соображения существующих законов к искоренению лихоимства и лихоимательства» (*ПСЗ. Собр. 2. Т. I. № 328.*), состоявший из трех сенаторов и одного прокурора.

В окончательной записке императору (март 1827 г.) члены комитета изложили свои сообщения относительно причин взяточничества, адекватности существующего законодательства потребностям борьбы с ним и возможных дальнейших мер по искоренению взяточничества. К ним, в частности, относились предложения о совершенствовании законодательства по борьбе со взяточничеством, повышение жалования чиновникам, введение гласности суда и принятие мер по обеспечению независимости суда от посторонних «влияний». Вполне оправданно выглядит предложение обеспечить «справедливую соразмерность в наказании», чтобы вред и чувствительность наказания превосходили выгоду, полученную или прогнозируемую лихоимцем [28, с. 312–313]. Тогда же было высказано достаточно мудрое предложение, чтобы при приеме чиновника на службу собирать *достоверные сведения* о его имущественном положении и почтам (секретно) извещать обо всех случаях пересылки им денежных средств и вещей. Легко догадаться, что это предложение тогда не прошло [29, с. 106–125].

Также в период 1825–1832 годов (т.е. до издания Свода законов Российской империи) были приняты указы по ряду вопросов, уже отраженных в законах прежних монархов. Так, появились указы, предусмотревшие ответственность за лихоимство низовых чиновников (приказных голов и сельских старшин (*ПСЗ. Собр. 2. Т. II. № 2455.*), чиновников земской полиции (*ПСЗ. Собр. 2. Т. XII. № 10305.*) и др.), губернаторов – за непринятие мер борьбы с лихоимством (*ПСЗ. Собр. 2. Т. XII. № 10303.*), повторившие запрет начальникам принимать подарки (*ПСЗ. Собр. 2. Т. VII. № 5690.*).

Итак, первая треть XIX в. ознаменовалась окончанием своеобразного периода указного законодательства о взятках. Эти правовые средства, как мы показали выше, не отличались последовательностью, систематичностью и единым подходом, что, конечно, неудивительно, если помнить о совершенно отличных взглядах разных монархов на рецепты лечения «болезни взяточничества». Ему на смену пришли кодифицированные акты – Свод законов и Уложение о наказаниях, в которых все аспекты составов преступлений, связанных со взяточничеством, были уже тщательно проработаны.

Законодательство о борьбе со взятками

Новым этапом (следующим за «*периодом указного законодательства*»), когда каждый акт был обычно рефлексией государства на те или иные

факты проявления лихоимства) развития правовых основ борьбы со взяточничеством во всех его разновидностях стало *кодифицированное законодательство*.

Были наконец исправлены изъяны и пробелы законодательства, направленного на борьбу со взяточничеством. Н.С. Мордвинов, председатель департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, при рассмотрении одного скандального дела о взяточничестве судебных чиновников (1826 г.), обратил внимание на то, что в законе нет точного определения лихоимства. По буквальному пониманию слова, это то, что «излишне взято», следовательно, рассуждал он: «Сам закон допускает иметь, но только не излишнее». Также он верно подчеркивал, что нет четкого различия в законе ответственности за взятку и последующее справедливое решение судебного дела и за получение денег, чтобы «правду продать на суде» [30, с. 114].

Только в 30-е годы XIX в. теоретически выверенные элементы состава этих преступлений получили свое закрепление в Своде законов Российской империи (1832 г.), а затем в первом «русском уголовном кодексе» (*Артикул воинский 1715 г. был все же не универсальным уголовным законом: он предназначался для военнослужащих, хотя de facto применялся в ряде случаев и к гражданским лицам (напр., к декабристам)*) – Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [31, с. 64]

В Своде законов нормы уголовного права были систематизированы и помещены в XV том. Лихоимству была посвящена Гл. VI («О лихоимстве») раздела V. Там были закреплены нормы об ответственности за три вида лихоимства:

1) *незаконные поборы* под видом государственных податей, к которым относились всякий сбор деньгами и вещами, не определенный законом, всякий излишек в казенной подати или повинности и, наконец, наряд уездных обывателей на работу для частной выгоды и под видом казенной или земской повинности (ст. 309), т.е. лихоимство в собственном смысле слова (внимание недолжного, «лиха», т.е. излишка);

2) *вымогательство* (вещами, деньгами), т.е. всякая выгода, получаемая чиновником под страхом притеснения заинтересованного лица в его деле (ст. 310);

3) *взятки с заявителей* по судебным и административным делам, т.е. всякого рода подарки, делаемые чиновникам «для ослабления силы закона» (ст. 311). Последняя фраза не вполне ясна и допускала широкое толкование [8, с. 112–119].

Взяточников ждало наказание — либо лишение всех прав состояния и отдача в солдаты, либо ссылка, либо каторга.

Наряду с общими разновидностями лихоимства Свод законов Российской империи устанавливал ответственность за специальные виды взяточничества: лихоимство карантинных чиновников (ст. 319), таможенных чиновников (ст. 505), лесных чиновников (ст. 636). Кроме того, к ответственности привлекались чиновники за вступление в сделки с поставщиками и подрядчиками (ст. 299).

В постановлениях Свода законов Российской империи о лихоимстве можно наблюдать влияние уже развившейся к этому времени теоретической уголовно-правовой мысли [32], однако мы считаем более содержательным освещение конструкции лихоимства на основании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Отметим также, что хорошим подспорьем составителям Уложения был не только Т. XV Свода законов Российской империи, но и проект Уголовного уложения 1813 г. (так и не был принят), в котором были проработаны такие составы преступлений, как судебное взяточничество и взятки при производстве сборов с населения [9, с. 47–53].

Итак, Глава VI раздела V была озаглавлена «О мздоимстве и лихоимстве» (ст. 401–413; в последующих изданиях — ст. 372–382) [33, с. 107]. Уже название главы подсказывает термины, обозначающие два вида взяткодательства: *мздоимство* означало получение «подарка» (в чем бы он ни состоял), сделанного, чтобы побудить чиновника совершить действия в пределах круга его обязанностей (в современной лексике это называют «смазкой», убыстряющей процесс принятия решения или совершения действий); под *лихоимством* понималось получение чиновником подарка за совершение действий, которые нарушали бы его служебные обязанности, выходили бы за круг его полномочий, что уже само по себе являлось незаконным.

Уложение имело в виду, что основной субъект этого преступления должен был иметь статус должностного лица любого ведомства, причем он мог состоять не только на государственной, но и на общественной службе (в т.ч. выборной должности).

Известный ученый-юрист В.В. Есипов иронически писал об этом в своем исследовании: «Наше казуистическое Уложение ограничивается лишь перечислением отдельных чиновников различных ведомств. И далее перечисляет на нескольких листах всех возможных субъектов превышения и бездействия власти и, разумеется, взяточничества.

По Уложению ими могли быть: судьи, прокуроры, секретари, следователи, межевые чиновники, чиновники полиции, чиновники крепостных дел и нотариусы, казначеи и чиновники, коим вверено хранение денежных сумм, чиновники, заключающие подряды и поставки, и приемщики поставляемых вещей и пр.» [34, с. 44–45].

Высшей степенью лихоимства закон признавал *вымогательство* взятки путем угроз или «притеснений», незаконное привлечение к работам в пользу лихоимца, а также излишние или не установленные законом поборы (ст. 406). Повышенная ответственность объясняется тем, что вымогательство, по выражению А. Лохвицкого, являло собой «прямое и наглое нарушение обязанностей чиновника» и считалось, можно сказать, грабежом просителя, так как чиновник требует у него денег, угрожая в противном случае решением дела не в его пользу, т.е. совершает над ним насилие в корыстных целях [35, с. 412].

К тонкостям правового регулирования ответственности за взяточничество по Уложению следует отнести условие о том, что ответственность наступала не только при получении взятки непосредственно должностным лицом, но и в случае передачи ее через жену, детей, родственника, домашних (если было предварительное согласие данного чиновника). Если же такого согласия не было, а «подарок» был, например, отправлен по почте, чиновник обязан был в течение 3-х дней его возвратить. В противном случае он наказывался обязанностью выплатить двойную стоимость подарка и мог быть отставлен от должности.

По общему правилу, лихоимство влекло серьезное наказание (в том числе и телесное — розги, 70–80 ударов), вплоть до ссылки на поселение в Сибирь (ст. 402 ч. 1).

Интересной новеллой Уложения было правило об «искреннем раскаянии» взяткополучателя, еще не нарушившего своих обязанностей ради взятки, который в этом случае мог рассчитывать на снисхождение, отделавшись даже простым выговором (ст. 402 ч. 2).

Теперь к ответственности привлекали не только тех, кто получал взятку, но также и лиц, действовавших взяточничеству. Также устанавливалась ответственность для взяткодателей (кто дал или обещал дать взятку). Ответственность доходила до взыскания с них *4-кратной стоимости взятки* (или обещанной суммы — ст. 412).

Впрочем, уже в 1866 г. в новом издании Уложения о наказаниях ответственность за дачу взятки без отягчающих обстоятельств (т.е. при отсутствии склонения чиновника к получению взятки) была

отменена. Дача взятки становится изысканным, изящным ремеслом. Хорошим тоном стали «добровольные пожертвования» на мероприятия, возглавляемые женами тех должностных лиц, кого нужно было «подмазать», продавать им что-то в полщены или, наоборот, покупать у них втридорога [20, с. 71]. И уж совсем «интеллигентной» формой взятки был крупный проигрыш в карты «нужному человеку». Схватить «руку дающего», как и «руку берущего» при таких обстоятельствах было практически невозможно.

Впрочем, иногда и не хватало по причине высокого статуса лихоимца. Доказательством этому является расследование дела о взяточничестве одного из чиновников Государственной канцелярии в 1857 г. Ознакомившись с докладом об этом деле, Александр II наложит резолюцию: «Все у нас кричат на взяточничество, но, когда дело идет о раскрытии истины, мнимое благородство (речь идет о заступничестве высокопоставленных сановников – авт.) не позволяет, к прискорбию, многим называть виновных». Так и в данном случае высокопоставленный лихоимец избежал тюрьмы и отделался «легким (для него) испугом» – штрафом в 5000 руб., строгим выговором и, самое главное – внушением воздержаться от подобных действий в будущем [67, с. 212–214].

Последующие царствования не принесли существенных новелл в законодательство о борьбе со взятками, хотя борьба с этим злом декларировалась. С этой целью, как сообщают некоторые исследователи, в ноябре 1862 г. Александром II издается Указ «Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы» [11, с. 144].

Сенатом был создан специальный комитет, который вновь должен был понять причины взяточничества и изыскать средства борьбы с ним. В значительной степени повторив выводы аналогичного николаевского комитета 1826 г., этот комитет посчитал, что причинами взяточничества могут быть как несовершенство законодательной базы, так и низкая материальная и финансовая обеспеченность государственных служащих и несоразмерность преступлений и наказания. Также было обращено внимание государя на зависимость судебной власти и чиновников от своего начальства, недостатки кадровой политики и закрытость органов государственной власти в процессе осуществления ими своей деятельности [36, с. 80].

Разумеется, с негодованием к страшной «язве» российского чиновничества – взяточничеству – реагировало и общество. Эта тема стала одной из самых распространенных в русской публицистике

XIX века. Так, некий В. Пискунов пытался доказать, что все чиновники станут честными сразу же, как того искренне и сильно возжелают их начальники, в случае, если последние примут к неукоснительному исполнению следующую рекомендацию: «Полюбите того чиновника, который беден и честен, и не полюбите того, который был беден и сделался богат, и этого уже будет довольно, и этим одним движением вашего сердца вы произведете магическое действие на ваших подчиненных».

С интересной инициативой выступил весной 1859 г. церковный ктитор А.И. Чихачев, предложив всем честным людям страны составить протест (при подписании которого надлежало указывать фамилию, имя отчество и место жительства) против взяточничества, на платформе которого объединились бы все «безбоязненно стоящие за правду» [10, с. 88].

Бурное развитие капитализма и участвовавшие попытки представителей нового слоя – промышленной буржуазии – решать проблемы своего бизнеса с помощью подкупа чиновников с использованием новых форм «подарков», вызвали ответную реакцию государства. В декабре 1884 г., уже при Александре III, были утверждены «Правила о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно в общественных и частных кредитных установлениях» (ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2559), закрепивших общий запрет на такое участие. Нарушители (за исключением чиновников низших классов – впрочем, таковые и не особо интересовали владельцев компаний) подлежали увольнению со службы.

В третьем Полном Своде Законов (1881–1913) вообще не было специальных законов, прямо посвященных тем или иным аспектам борьбы со взяточничеством. Это отнюдь не означает, что явление исчезло, хотя его масштабы в пореформенную эпоху значительно уменьшились, особенно вследствие широкого развития местного самоуправления, заменившего многие институты государственной службы на местах.

Перестройка суда в ходе судебной реформы 1864 г. (прежде всего введение суда присяжных, подкупить который было маловероятно (*Только 0,17% дел, рассмотренных с участием присяжных, были отмечены обнаружившимися фактами подкупа присяжных.*)), независимость судов, вмешательство в деятельность которых теперь стала невозможной, новый, чисто юридический, состав судов, проникнутый этосом почитания своей юридической профессии, создание четкой системы пере-

проверки судебных решений и приговоров и др.) стала важным гарантом резкого снижения числа случаев взяток в судебной сфере.

Норм Уложения о наказаниях вполне хватало судам для наказания мздоимцев, лихоимцев и вымогателей. Хотя само Уложение в течение XIX века переиздавалось несколько раз и в него вносились изменения (1866, 1885). Принятое в 1903 г. Уголовное уложение вводилось в действие по частям (по главам). Главы, посвященные должностным преступлениям, в том числе взяточничеству, так и не были введены в действие, нечистых на руку чиновников судили за эти преступления по «старому» Уложению о наказаниях вплоть до октября 1917 г.

Следует отметить размер наказания, установленный за получение *взятки* (теперь именно этот термин фигурировал в законе) в Уголовном уложении (*она не закреплялась в отдельной главе, как преждем Уложении о наказаниях, а включалась теперь в главу тридцать седьмую «О преступных деяниях по службе государственной и общественной»*): «обычная» взятка, преждем мздоимство (как мы называли ее выше — «смазка» для ускорения дела и совершения чиновником законных действий) — не *выше 6 месяцев* тюрьмы; получение взятки для совершения преступных действий — до 3 лет исправительных работ (ст. 656 УУ). Даже *вымогательство* взятки (для совершения законных действий) каралось всего *3 месяцами* тюрьмы (ст. 657). Удивительна мягкость царского уголовного законодательства на излете существования империи. Закреплялась даже такая необычная и сложная юридическая конструкция, как «принятие с целью присвоения взятки под видом другого служащего» (ст. 661).

«Бери, но не попадайся»

Характеризуя ситуацию в стране в начале XIX в., известный юрист В.Д. Набоков (сын императорского министра юстиции и отец автора «Лолиты») писал: «Язвой русской жизни первой половины прошлого века были не столь плохие законы, сколько бессудие, безобразное лихоимство судей, безобразные процессуальные порядки» [48, с. 273]. Традиция взяточничества глубоко засела в народном сознании: «На лихоимство не смотрели, как на зло, — утверждал Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине», — а видели в нем глухой факт, которым надлежало умеючи пользоваться...». О размерах взяток и способах их получения рассуждали открыто, предмет этих разговоров часто составлял гордость чиновников [68, с. 235].

«Взяточничество было сплошное, повальное. Не брал только ленивый», — отмечал современ-

ник. [37, с. 220]. Чиновники не стеснялись открыто при свидетелях говорить о взятках, о чем свидетельствовал другой мемуарист [38, с. 189].

Действительно, в императорской России сформировалась не просто развитая, но изощренная «культура взяточничества» как по способам вымогательства и дачи взяток, так и по кругу решаемых за взятку дел. При этом масштабы дел и размеры взяток росли прямо пропорционально чину взяточника вплоть до очень высоких уровней.

«Совершенствование» технологий взяточничества получило отклик в литературе. Писатель и публицист Эраст Перцов откликнулся на проблему остроумным памфлетом «Искусство брать взятки» [39], в котором в виде «лекций» преподавал и чиновникам, и «готовящимся давать взятки» уроки тонкого и безопасного коррупционного промысла.

Знаменитый николаевский министр путей сообщений граф П.А. Клейнмихель в глазах всей России считался первым казнокрадом и взяточником. «Злые языки» утверждали, что «наиблестящим» для него делом было восстановление после пожара царской резиденции — Зимнего дворца. [40, с. 75]. Он подал не самый лучший пример потомкам: руководство *ремонтom во дворцах* — лучшее средство для пополнения своего кармана.

Свое пребывание на посту «хозяина губернии» губернаторы нередко использовали для пополнения/наполнения своего кармана. Многочисленные примеры лихоимства губернаторов приведены рядом историков [41, с. 175–179; 5]. Нечистые на руку губернаторы нередко были толерантны к таким же «грехам» своих подчиненных. Назначенный в 20-е годы XIX века симбирским губернатором М.Л. Магницкий, заступая на пост, напутствовал чиновников, собравшихся приветствовать «новичка»: «Господа! Берите, но не дерите!».

Ярославский губернатор А.М. Безобразов, славивший грозой нерадивых чиновников и взяточников (хотя и сам грешил получением взяток), отправлял полученные взятки на благотворительность и «богоугодные дела» [42, с. 51–52]. Уже в советскую эпоху этот феномен получит имя Юрия Деточкина — героя культового фильма «Берегись автомобиля» (1960 г.).

Князь И.М. Долгоруков, служивший губернатором во Владимире, в своих воспоминаниях, которым нет оснований не доверять, писал о вице-губернаторе А.Е. Дюнанкте: «Он был жестоким лихоимцем, его при виде мзды не поражал стон старца, ни вопль младенца, и корысть была его божество» [43, с. 222].

Особенно прибыльным с точки зрения взяток были рекрутские наборы. Родители молодых людей, кому не повезло с безжалостным жребием, указавшим на них как на рекрутов, готовы были платить любые деньги за освобождение от набора. Этим, разумеется, пользовались падкие на взятки чиновники. По воспоминаниям современницы, взяточничество достигало баснословных размеров: с напуганных крестьян брали все, собранные суммы в 40 000 руб. ассигнациями не были пределом [44, с. 31].

Саратовский чиновник В.О. Жеребцов по воспоминаниям отца писал, что невероятное взяточничество царило тогда (первая половина XIX в.) между чиновниками всех ведомств. Взятки брались почти открыто, и это считалось явлением почти нормальным, никого не возмущавшим. Взятки считались благодарностью за труд, недостаточно оплачивающийся государством. Берущих без вымогательства даже не считали за взяточников, такими признавались только вымогатели [45, с. 87], «весь вопрос сводился лишь к тому, чтобы не было лихоимства, переходящего за пределы возможного» [46, с. 94].

В Саратовской губернии чиновники выработали даже своеобразный кодекс поведения при получении взяток. Правило первое: «братъ-бери, но умей прятать концы и не попадайся», правило второе: «приобретаемое на взятки имущество записывалось на имя жены», правило третье «требовало искусства прикрывать взятку, и на этом поприще доходили до артистических способностей» [47, с. 6–8].

В середине XIX в. в центральных учреждениях существовали более «тонкие» способы «проведения дел». В департаменте полиции, по слухам, для получения взяток существовала особая агентура, которая находилась в счетном отделении, «как наименее влияющем на дела и, следовательно, наименее могущем возбудить подозрение». Очевидно, что слухи эти были справедливы, так как директор департамента полиции Оржеховский, выйдя в отставку, не скрывал, что разбогател от службы. Встретившись с одним из сенаторов, который на старости лет скромно жил одним жалованьем, он стал дразнить его за бескорыстие: «Вот Вы не пользовались от службы. Что же Вы выиграли? Теперь едва существуете. А я «брал», охотно сознаюсь в этом. Зато сам богат и обеспечу детей» [48].

Признается во взяточничестве и губернский прокурор, автор «Записок» Г. И. Добрынин, служивший в 1810-е годы в Белоруссии. В отличие от Оржеховского, он брал взятки «не из жадности,

а от стыда, что он, губернский стряпчий, живет хуже всякого секретаря» [49, с. 105].

Русский литератор первой половины XIX века М.А. Дмитриев рассказывает о некоторых изощренных способах получения взяток, даже не заставлявших чиновников что-либо предпринимать для удовлетворения нужд взяткодателей. Например, один советник провинциального суда «брал по равной сумме у обоих соперников, и обе в запечатанных пакетах, и говорил каждому, разумеется, особо и наедине, что в случае неудачи он пакет возвратит в целости. При слушании дела он сидел, сложа руки. Дело на какую-нибудь сторону, наконец, решалось. Проигравший процесс приходил к нему с упреками, а он уверял, что хлопотал за него, да сила не взяла, и как честный человек, возвращает его пакет с деньгами» [50, с. 90].

Едва ли не самыми одиозными случаями дачи взятки еще с XIX в. в литературе признавались следующие. Сам министр юстиции граф Н.И. Панин, составляя рядовую запись в пользу своей дочери в Петербургском уездном суде, вынужден был «в силу обычая», дать взятку (через директора департамента МЮ М.И. Топильского) в размере 100 рублей судебному чиновнику, в руках которого находилось это дело, чтобы оно разрешилось быстрее. А киевский генерал-губернатор Безак приказал сунуть за шиворот деньги чиновнику судебной палаты, отказавшемуся принять взятку за засвидетельствование доверенности [51, с. 269–270].

Разумеется, размеры взятки уменьшались по мере отдаления от столицы или губернских городов вглубь России. Были, надо признать, и честные чиновники, не бравшие взятки, но такой чиновник выглядел «белой вороной», вызывал недоброжелательное отношение коллег. Более того, «не бравшие», «непрактичные чиновники», часто попадали в сложное материальное положение [52, с. 822]. Выходец из Рязанской губернии Д.И. Ростиславов в своих «Записках», упомянув Карла Васильевича Кронштейна, который служил исправником в 1820–1830 гг., отмечал, что это был «честный и деятельный исправник», честный и бескорыстный. Занимая 10 лет доходные должности исправника и уездного судьи, он умер и оставил семейство в крайней бедности [53, с. 59].

В атмосфере повсеместных злоупотреблений оставаться честным чиновником было весьма трудно. Представление о положении чиновника, не бравшего взятки, дает письмо товарища председателя Самарской палаты гражданского суда к князю А. М. Урусову (1857 г.). Отказавшись от взятки в 500 рублей серебром и добившись

возвращения в казну 1500 рублей серебром, списанных уже в безвозвратный расход, председатель суда Селиванов с больной женой и двумя маленькими детьми больше недели сидел на хлебе и воде [26].

И.Г. Прыжов привел такие цифры «экстраординарных расходов» откупщиков (продавцов спиртного), обнаруженных и опубликованных Министерством финансов в середине XIX века: [54, с. 241–242].

	По губернским откупам	По уездным
Губернатору на улучшение города или детских приютов	—	3000 руб.
На канцелярию его	1200	—
Полицмейстеру	1200	—
Городничему	—	420
Секретарю полиции	300	200
Частным приставам	(трём) 720	240
Квартальным надзирателям	(шести) 360	(двум) 120
Исправнику	600	420
Окружному	500	420
Становым	(трём) 720	(трём) 540
Непременному заседателю	300	240
Секретарю земского суда	300	240
Председателю казённой палаты	2000	500
Советнику питейного отделения	600	500
Столоначальнику и на стол	500	500
Винному приставу	600	420
Итого	13000 руб.	3700 руб.

Жандармерия, осуществлявшая тайный надзор за ситуацией во всех сферах жизни, была, разумеется, хорошо осведомлена о ситуации со взяточничеством чиновников. Высокий жандармский чин высоким слогом и достаточно трезво оценил в связи с этой проблемой нравственные качества чиновничества: «Относительно нравственного убеждения большинства лиц чиновников и служащих, к сожалению, по справедливости должно сказать, что многие наблюдают свои выгоды и установление благодарности и поборы не считают взятками, о совершенном же бескорыстии по службе не имеют понятия. Общее направление к изобретению из службы к получению денежных выгод сделалось столь общим большинству служащих, что заменить лучшими почти нет возможности и к малейшему уменьшению такого направления нужно весьма много стремления и времени..» [55, с. 159].

Управляющий III отделением императорской Канцелярии М.Я. фон Фок, человек весьма осведомленный о состоянии общественного мнения, обоснованно утверждал: «Возможно ли требовать, чтобы какой-нибудь чиновник, избалованный роскошью и образом жизни нашего времени, усто-

ял бы против соблазна и разыгрывал бы, весьма некстати, роль Катона, тогда как начальники его подают ему пример и загибают обеими руками?» [56, с. 73].

Борьба со взяточничеством в XIX в., конечно, велась, но ее плоды были весьма скромными. Даже такой суровый правитель, как Николай I, который терпеть не мог взяточников, лавров на этом поприще не стяжал. По данным Е.Н. Анучина в период с 1827 г. по 1846 г. за совершение лихоимства было сослано в Сибирь по приговорам судов ... всего 82 человека [57, с. 10].

Что интересно, уже в те далекие времена наметились методы борьбы со взятками, не утраченные своей «свежести» до наших дней. «Давали шпиону пачку ассигнаций, которых номера были записаны, что и служило уликой», — рассказывал современник М.А. Дмитриев [50, с. 261]. И тогда же борьба со взятками использовалась иногда для сведения счетов с врагами, т.е. взятки просто подбрасывались, а потом «обнаруживались» правоохранительными органами. Такой случай произошел с купеческим сыном Н.И. Золотаревым, который, желая досадить одному архимандриту, во время посещения его дома подложил под клеенку стола 500 рублей ассигнациями, заранее пронумерованных. Затем явился с жандармским офицером и стал требовать денег, указав, что архимандрит убрал их под клеенку, таким образом, «улика для офицера была налицо» [56, с. 70]. Учитывая, что в те времена еще не открыли уникальность отпечатков пальцев, архимандриту было непросто оправдаться, что он не прикасался к ассигнациям.

Впрочем, и взяточники искали средства противодействия «методу меченых купюр». Был придуман в Архангельске такой прием: денежную купюру разрывали пополам и у каждой из сторон оставалась половинка ассигнации. Если дело «выгорело» проситель приносил вторую половинку и отдавал чиновнику».

В связи с тем, что в литературе до сих пор не анализировалась судебная статистика о преступлениях чиновников вообще и о лихоимстве и мздоимстве, в частности, представим некоторые интересные статистические данные за первую и вторую половину XIX в.

Согласно отчетам Министерства юстиции, в течение десятилетия (1834–1845 гг.) поступления в суды (губернские палаты уголовного суда) дел о лихоимцах колебалось вокруг цифры 200 дел: иногда чуть больше — иногда чуть меньше [58, с. 58–59; 59, с. 70–71; 60 с. 82–83]. Для такой огромной империи, имевшей многотысячный чиновничий аппарат, отличавшийся, по отзывам

современников, повальным взяточничеством, подобная цифра свидетельствует практически об отсутствии реальной борьбы с этим злом. Интересно, что под стражей во время следствия были единицы. Более того, поражает огромное количе-

ство оправданных судами, равно как и мизерное количество чиновников-взяточников, получивших серьезные уголовные наказания; большинство отделялись взысканиями по службе (см. таблицу ниже).

Дела о лихоимстве в 1834, 1840 и 1845 годах

	1834	1840	1845
(Поступило дел в этом году)/количество подсудимых (мужчин) – оставленных на свободе (не арестованных)	230/675	187/345	269/551
Оправдано	432	12	163
Осуждено на каторгу/на поселение	6/174	–/5	–/ 12

Полтысячи взяточников на всю Россию в год – это забавная цифра, которой, как говорят социологи, «можно пренебречь». В отчете Третьего отделения за 1831 г. откровенно признавалось: «Принятые в начале царствования государя императора строжайшие меры к прекращению лихоимства никакой видимой пользы не произвели; лихоимцы сделались лишь осторожнее, но число их не уменьшилось. Мудрости правительства принадлежит изыскать средства к уменьшению сего зла, но одно лишь постепенное распространение просвещения в средних классах людей, коими наполняются судебские места, может со временем зло уничтожить» [56, с. 81].

Спустя несколько лет глава жандармерии сетовал в отчете императору, что «судебное преследование и обнаружение лихоимства представляется ... совершенно невозможным; оно всегда прикрывается формами закона и всегда остается ненаказанным. Оно видимо, но оно недосыгаемо» [56, с. 85].

В таком же отчете за 1841 г. уже звучали нотки о «катастрофичности» ситуации с взятками чиновников: «В прежние годы слышны были жалобы на лихоимство в присутственных местах, как духовных, так и светских, но никогда жалобы сии не были столь многочисленны, как ныне! Эта язва,

поедающая благоденствие нашего Отечества, и общий вопль возносится в сем отношении со всех концов России» [56, с. 90].

В 1840-е годы в статистических отчетах Министерства юстиции появилась весьма интересная таблица о преступлениях по службе, совершенных чиновниками. Разумеется, среди других видов преступлений «красной линией» проходило лихоимство и мздоимство. К сожалению, с 60-х годов XIX в. такая таблица в отчетах исчезла. Данные по лихоимству и мздоимству в этих специальных статистических таблицах о чиновниках содержали сведения не только по государственным служащим в строгом смысле слова («по выбору правительства» – коронная служба), но и по избранным чиновникам.

Небезынтересно, что ежегодное поступление дел, по сравнению с предшествующим десятилетием, уменьшилось в среднем до 150 дел. Как и в прежние годы, арестованных во время следствия чиновников-взяточников были единицы. Таблица демонстрирует состав подсудимых: среди классных чиновников преобладает потомственное и личное дворянство, среди канцелярских чинов – дети разночинцев. Приведем данные за 1845, 1851 и 1856 гг. [60, с. 82–83; 61, с. 80–81; 62, с. 80–81].

Состав подсудимых-чиновников по уголовным делам о взяточничестве

	Общее число подсудимых по делам о лихоимстве и мздоимстве		Состояли на службе		Происхождение подсудимых					Оправдано
	С удалением от должности	Без удаления от должности	Коронная	Повыборам	Дворяне потомст.	Из личных дворян	Духовного звания	купцы	Из разночинцев	
1845		?	162	138	71	84	17	8	120	72
1851	117 (арестовано – 17)	204	280	612	78	121	31	19	643	118
1856	126 (арестовано – 19)	148	213	698	48	172	39	9	743	111

Интересное, на наш взгляд, наблюдение: статистические таблицы о возрасте чиновников-лихоимцев показывают, что наиболее «опасный возраст» преступников этой категории — это 35–40 лет (хотя «брали» чиновники всех возрастов). Видимо, именно в этом возрасте чиновник приобретал опыт, уверенность в своих силах, разбирался во всех хитросплетениях управленческой системы, и страх остаться без пенсии, если будет наказан, не казался столь очевидным и опасным, поэтому брали взятки чаще и, соответственно, чаще попадались.

Показательно, что значительная часть уголовных дел о должностных преступлениях вообще и о взяточничестве, в частности, заканчивалась оправдательными приговорами. К примеру, в 1851 г. решено 172 дела о лихоимцах; по ним оправдано 118 чиновников, 53 оставлено в подозрении, а наказан лишь 91 человек, причем подавляющее большинство (70 чиновников) получило взыскание по службе (выговор за получение взятки), и лишь 1 был отправлен по приговору суда на житье в Сибирь [47, с. 80–81].

Еще более «скромные» цифры уголовной репрессии лихоимцев в 1856 году: по 187 делам оправдано 111 человек, оставлено в подозрении 80, а наказано всего лишь 29 чиновников. Из них трое были отправлены на каторгу, 2 — на житье в Сибирь, 4 человека — в арестантские роты, 1 человек подвергнут тюремному заключению. Девятнадцать чиновников получили лишь взыскания по службе [62, с. 80–81].

Причину столь частных оправдательных приговоров мы усматриваем в том, что доказывать факт взятки было чрезвычайно трудно, так как обе стороны, оба участника это преступления — и взяткодатель и лихоимец (мздоимец) — были заинтересованы в сохранении этого преступного факта в тайне.

Очевидно, что фактически случаев взяточничества было больше, но административная гарантия (возможность привлечения чиновника к уголовной ответственности за должностные преступления только с согласия его начальства) была своеобразным зонтиком, охранявшим бюрократов от уголовного преследования. Впрочем, могла ли быть эффективной борьба со взятками, если само общество смотрело на это явление терпимо, снисходительно, и в ее даче был не в меньшей степени, чем лихоимец, заинтересован лихоимец.

Более того, исследователи сообщают и вовсе поражающие воображение факты: когда предпринимались действительные крутые меры по

освобождению государственных учреждений от взяточников, например, при сенаторских ревизиях, «офисы» губернских и уездных учреждений просто запустевали, работать было некому.

Нельзя сказать, что против взятки не было или не искали никаких средств. Одним только введением в окружных судах института суда присяжных (1866 г.) практически была исключена возможность дачи взятки. Дело в том, что подкупать судей (да еще коллегия из трех человек) не имело смысла, так как судьба уголовного дела находилась в руках присяжных заседателей, а подкупать такую обширную коллегия (12 человек) было и вовсе проблематично. Попытки предпринимались, но их число было мизерным. По подсчетам известного дореволюционного ученого-юриста Н.Н. Розина, с 1879 по 1892 гг. присяжные рассмотрели 208 тысяч дел (такое же количество составов присяжных), и за мздоимство было осуждено 29 присяжных, т.е. 0,0012% от общего количества [63, с. 22; 64]. «Оправдательный синдром», в котором обвиняли суд присяжных (вынесение до 30–40 % оправдательных приговоров), не имел никакого отношения к взяткам [65].

В начале XX в. борьба со взяточничеством приобрела общероссийский размах: сенаторские ревизии были повсеместными, разоблачения лихоимства активно отражались в газетных публикациях. За границей успела образоваться новая колония эмигрантов — бывших взяточников, которые почувствовали у своего ворота простертую длань ревизора. Участились случаи самоубийств среди взяточников [66, с. 45].

Среди причин недостаточной результативности борьбы со взяточничеством выделяется то обстоятельство, что правительство, принимая, с одной стороны, меры по искоренению лихоимства, с другой, самыми разными способами (например, произвольной раздачей крепостных (до 1861 г.), земель, богатств и пр. тем, кто, по словам Поэта, «жадной толпой стояли у трона» и занимался политическим прислужничеством) само провоцировало чиновничество на получение незаконного «вознаграждения» от обывателей.

Когда в 1908 г. началась серия разоблачений взяточничества, П.А. Столыпин, инициатор этой кампании, написал на страницах «Нового времени»: «Бесплодные попытки хоть как-нибудь сокрушить разбойничьи гнезда, хоть как-нибудь распутаться в море хищничества заставляют предполагать, наводят на мысль об очень сильной, о непобедимой организации. По-видимому, воровство имеет союзников везде, имеет сильную руку в таких местах, что

громы отводятся в сторону и негодующие крики застывают на устах» [67, с. 54]. Это слова председателя правительства!

Следует согласиться с историком Л.Ф. Писарьковой, что наряду с отдельными причинами живучести взяточничества (система «кормлений», формирование состава гражданских служащих, преимущественно из малообеспеченных и малообразованных слоев населения, низкий уровень оплаты труда, вседозволенность и правовой нигилизм богатых и знатных людей, характерные для жестко регламентированного сословного общества, да и элементарная человеческая жадность) были общие, глубокие причины взяточничества: в России оно оказалось результатом «совместных усилий» государства, администрации и общества и хорошо укладывалось в рамки исторической традиции [5]. Особенностью русской взятки было то, что ее не стыдились. На казанском «процессе

интендантов» (1909-1910 гг.), взбудоражившем не только местную, но и российскую общественность, один из подсудимых со всей серьезностью *в свое оправдание* заявил об «исторических корнях взяточничества» в России.

Изложение темы надлежит завершить словами русского писателя Аркадия Сергеевича Бухова (1915 г.): «Историю взятки писать очень трудно. Немыслимо описывать состязание двух лошадей, когда обе только пущены со старта. А взятке до своего предельного пункта еще очень далеко. Мы только еще Ивашкины внуки и только можем описывать взятки как хроникеры текущих событий. Быть может, какой-нибудь Ивашкин правнук напишет эту историю не только с начала, но и до конца. У нас, к сожалению, еще нет морального права написать одно маленькое слово в неиссякаемой истории взятки в России: конец» [20, с. 90].

Литература

1. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Ленинград: Наука, 1980. 269 с.
2. Липранди И. О взятках, взяточниках и доносчиках М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1870. 29 с.
3. Неклюдов Н. Взятничество и лихоимство // Юридическая летопись. 1890. № 6. С. 491–532.
4. Танков А.А. К истории взяточничества в Курской губернии // Исторический вестник. 1880. № 10.
5. Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.
6. Серов Д.О. Противодействие взяточничеству в России: опыт Петра I (законодательные, правоприменительные и организационные аспекты) // Уголовное право. 2002. № 4. С. 118–120.
7. Крюкова Н.И. Коррупция: ее сущность и исторические корни в России // История государства и права. 2014. № 5. С. 52–57.
8. Ширяев В.Н. Взятничество и лихоимство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль: Тип. Губ. правления, 1916. 570 с.
9. Анциферов К. Взятничество в истории русского законодательства // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 2 (февр.). С. 1–54.
10. Беленков О.В. Развитие института государственной службы России во второй половине 1850-х гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. СПб., 1998. 247 с.
11. Масси Р.К. Петр Великий: личность и эпоха. СПб.: Вита Нова, 2003. 704 с.
12. Берлин П.А. Из прошлого русской взятки // Новая жизнь. 1912. № 10. С. 164–165.
13. Павленко Н.И. Полудержавный властелин. М.: Политиздат, 1991. 396 с.
14. Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII в. М.: АСТ, Астрель, 2012. 736 с.
15. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 10. Т. 19.
16. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. 472 с.
17. Манько А.В. Коррупция в России. Особенности национальной болезни. М.: Аграф, 2012. 248 с.
18. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 11. М.; Л., 1949.
19. Трефолев Л.Н. Такса на взятки // Исторический вестник. 1882. 223 с.
20. Константинов А.Д. Коррупцированная Россия. Москва: ОЛМА ПРЕСС, 2006. 633 с.
21. Державин О.Р. Соч. в 9 т. Т. 3. СПб., 1866.
22. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Искусство-СПБ, 2008. 412 с.

23. Мельников В.П. Государственная служба: исторический опыт: учеб. пособие. М.: Изд-во РАГС, 2005. 441 с.
24. Кирпичников А.И. Российская коррупция. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 437 с.
25. Бычкова С.Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 25 с.
26. Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 4. С. 147–158.
27. Катаев И.М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе. СПб.: Энергия, 1914. 180 с.
28. Яськов Е.Ф. Российская бюрократия и бюрократизм. История и современность. М., 2018. 519 с.
29. Красильников М.В. Проект закона о лихоимстве 1827 г. // Ученые записки I Ленинградского юридического института НКЮ СССР. Вып. 2. 1940. С. 106–125.
30. Архив графов Мордвиновых. Т. 8. СПб, 1903. 724 с.
31. Волженкин Б.В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. // Правоведение. 1991. № 2. С. 60–68.
32. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003. 523 с.
33. Есипов В.В. Уголовное право. Часть особенная. Преступления против государства и общества. М.: «Правоведение» И.Г. Голубева, 1912. 208 с.
34. Есипов В. Превышение и бездействие власти по русскому праву. СПб., ип. А.Ф. Маркса, 1892. 78 с.
35. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб.: Журн. М-ва юст., 1867. 671 с.
36. Кувалдин В.П. Как русские цари боролись с лихоимством // Чистые руки. 1999. №1. С. 79–81.
37. Калужские губернаторы. Из воспоминаний Н.В. Сахарова // Русский архив. Т. 150. 1916. № 1–3. С. 213–234.
38. Записки Алексея Михайловича Унковского // Русская мысль. 1906. № 6. Ч. 2. С. 188–189.
39. Перцов Э.П. Искусство брать взятки. М.: Центрполиграф, сор. 2018. 124 с.
40. Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя. От дворца до острога. М.: Кучково поле, 2014. 555 с.
41. Парусов А.И. Из истории местного управления в России первой четверти XIX в. // Уч. Записки Горьковского ун-та. 1964. Вып. 72. С. 175–179.
42. Макаров Н.П. Мои 70 лет. Воспоминания. Ч. 1. СПб, 1881. 195 с.
43. Долгоруков И.М. Капище моего сердца. Ковров: БЭСТ-В, 1997. 573 с.
44. Огарева-Тучкова Н.А. Воспоминания. М.: М. и С. Сабашниковы, 1903. 325 с.
45. Жеребцов В.О. Страницы из прошлого Саратова // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 30. Саратов, 1913. 366 с.
46. Михайлова О.А. Саратовская губернская администрация и развитие социальной сферы губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Саратов: Научная книга, 2010. 211 с.
47. Из воспоминаний В.И. Глориантова. Москва: Унив. тип., 1905. 13 с.
48. Набоков В.Д. К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права // Право. 1915. № 44.
49. Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в.: ист. очерк. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1889. 115 с.
50. Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 749 с.
51. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Тайные советники империи. М.: Росспэн, 1995. 382 с.
52. Между строками одного формулярного списка. 1823-1881 гг. // Русская старина. 1881, Т. 32. № 12. С. 817–880.
53. Записки Д.И. Ростиславова // Русская старина. 1880. Т. 27. № 5. С. 1–38; 545–572; 681–704.
54. Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань: Молодые силы, 1914. 282 с.
55. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат. Москва: Мысль, 1978. 288 с.
56. Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866. М., 2017. 198 с.
57. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во МГУ, 1980. 204 с.

58. Отчет Министерства юстиции за 1834 год. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1835.
59. Отчет Министерства юстиции за 1840 год. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1841.
60. Отчет Министерства юстиции за 1845 год. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1846.
61. Отчет Министерства юстиции за 1851 год. СПб.: Тип. Правит. Сената.
62. Отчет Министерства юстиции за 1856 год. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1857.
63. Розин Н.Н. О суде присяжных. Публ. лекция, чит. в Томске 24 февр. 1901 Томск: паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1901. 35 с.
64. Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1896. 615 с.
65. Суд присяжных в Российской империи: идея, законодательство, практическая деятельность: монография / под ред. А.А. Демичева. М.: Юрлитинформ, 2015. 486 с.
66. Берлин П. Русское взяточничество как социально-историческое явление // Современный мир. 1910. № 8. С. 45–56.
67. Государственная канцелярия 1810–1910: ист. очерк. СПб., 1910. 466 с.
68. Салтыков-Щедрин М.Е. Письма о провинции. Письмо пятое. // Собр. соч. в 20 т. М.: Худож. лит-ра, 1969. Т. 7. 699 с.
69. Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб.: АО «Норинт», 1997. 414 с.

References

1. Man'kov A.G. Ulozhenie 1649 goda – kodeks feodal'nogo prava Rossii. [The Code of 1649 is the code of feudal law of Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 269 p. (In Russian)
2. Liprandi I. O vzjatkah, vzjatochnikah i donoschikah [About bribes, bribe takers and scammers] Moscow: Univ. tip. (Katkov i K°) Publ., 1870. 29 p. (In Russian)
3. Nekljudov N. Vzjatochnichestvo i lihoimstvo [Bribery and extortion]. Juridicheskaja letopis' [Legal Chronicle], 1890, no. 6, pp. 491–532; (In Russian)
4. Tankov A.A. K istorii vzjatochnichestva v Kurskoj gubernii [On the history of bribery in the Kursk province]. Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin], 1880, no. 10. (In Russian)
5. Pisar'kova L.F. K istorii vzjatok v Rossii [To the history of bribes in Russia]. Otechestvennaja istorija [Domestic history], 2002, no. 5, pp. 33–49; (In Russian)
6. Serov D.O. Protivodejstvie vzjatochnichestvu v Rossii: opyt Petra I (zakonodatel'nye, pravoprinenitel'nye i organizacionnye aspekty) [Countering bribery in Russia: the experience of Peter I (legislative, law enforcement and organizational aspects). Uголовное право [Criminal Law], 2002, no. 4, pp. 118–120. (In Russian)
7. Krjukova N.I. Korrupcija: ee sushhnost' i istoricheskie korni v Rossii [Corruption: its essence and historical roots in Russia]. Istorija gosudarstva i prava [History of State and Law], 2014, no. 5, pp. 52–57. (In Russian, abstract in English)
8. Shirjaev V.N. Vzjatochnichestvo i lihoimstvo v svjazi s obshhim ucheniem o dolzhnostnyh prestuplenijah. Uголовно-юридическое исследование. [Bribery and extortion in connection with the general doctrine of official crimes. Criminal law research]. Yaroslavl: Tip. Gub. Pravlenija Publ., 1916. 570 p. (In Russian)
9. Anciferov K. Vzjatochnichestvo v istorii russkogo zakonodatel'stva [Bribery in the history of Russian legislation]. Zhurnal grazhdanskogo i uголовного prava [Journal of Civil and Criminal Law], 1884, no. 2 (February), pp. 40–41. (In Russian)
10. Belenkov O.V. Razvitie instituta gosudarstvennoj sluzhby Rossii vo vtoroj polovine 1850-h gg. [The development of the institution of public service in Russia in the second half of the 1850s]. Diss. ...kand. ist. nauk. 07.00.02. Saint-Petersburg, 1998. 247 p. (In Russian)
11. Massi R.K. Petr Velikij: lichnost' i jepoha [Peter the Great: personality and epoch]. Saint-Petersburg: Vita Nova Publ., 2003. 704 p. (In Russian)
12. Berlin P.A. Iz proshlogo russkoj vzjatki [From the past of the Russian bribe]. Novaja zhizn' [New Life], 1912, no. 10, pp. 164–165. (In Russian)
13. Pavlenko N.I. Poluderzhavnyj vlastelin. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 396 p. (In Russian)
14. Russkij byt v vospominanijah sovremennikov. XVIII v. [Russian life in the memoirs of contemporaries. XVIII century]. Moscow: AST, Astrel' Publ., 2012. 736 p. (In Russian)
15. Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times]. Book 10. Vol. 19. (In Russian)

16. Got'e Ju.V. Istorija oblastnogo upravlenija v Rossii ot Petra I do Ekateriny II [History of regional administration in Russia from Peter I to Catherine II]. Vol. 1. Moscow: Tipografija G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1913. 472 p. (In Russian)
17. Man'ko A.V. Korrupcija v Rossii. Osobennosti nacional'noj bolezni. [Corruption in Russia. Features of the national disease], Moscow, Agraf Publ., 248 p. (In Russian)
18. Pushkin A.S. Poln. sobr. soch. [Complete works]. In 16 vols. Vol. 11. Moscow, 1949. (In Russian)
19. Trefolev L.N. Taksa na vzjatki [Tax on bribes], Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin]. 1882. 223 p. (In Russian)
20. Konstantinov A.D. Korrumpirovannaja Rossija [Corrupt Russia]. Moscow: OLMA PRESS Publ., 2006. 633 p. (In Russian)
21. Derzhavin O.R. Sochinenija [Essays]. In 9 vols. Vol. 3. Sain-Petersburg, 1866. (In Russian)
22. Lotman Ju.M. Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX v.) [Conversations about Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (XVIII-early XIX century)]. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2008. 412 p. (In Russian)
23. Mel'nikov V.P. Gosudarstvennaja sluzhba: istoricheskij opyt: Ucheb. posobie [Public service: historical experience: Textbook]. Moscow, Izd-vo RAGS Publ., 2005. 441 p.
24. Kirpichnikov A.I. Rossijskaja korrupcija [Russian corruption]. Saint-Petersburg: Jurid. centr Press Publ., 2004. 437 p.
25. Bychkova S.B. Gosudarstvenno-pravovye mery protivodejstvija vzjatochnichestvu v Rossii (XV – nachalo XX v.) [State and legal measures to counteract bribery in Russia (the XV – the beginning of XX centuries)]. Avtoreferat dis. ... kand. jur. nauk. 12.00.01. Nizhny Novgorod, 2016. 25 p.
26. Pisar'kova L.F. Rossijskij chinovnik na sluzhbe v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. [Russian official in the service in the late XVIII – first half of the XIX century]. Chelovek [Person], 1995, no. 4, pp. 147–158. (In Russian)
27. Kataev I.M. Doreformennaja bjurokratija po zapiskam, memuarom i literature. [Pre-reform bureaucracy on notes, memoirs and literature] Saint-Petersburg: Jenergija, 1914. 180 p. (In Russian)
28. Jas'kov E.F. Rossijskaja bjurokratija i bjurokratizm. Istorija i sovremennost'. [Russian bureaucracy and red tape. History and modernity.] Moscow, 2018. 519 p. (In Russian)
29. Krasil'nikov M.V. Proekt zakona o lihoimstve 1827 g. [Draft law on extortion 1827]. Uchenye zapiski I Leningradskogo juridicheskogo instituta NKJu SSSR [Scientific notes of the First Leningrad Law Institute of the People's Commissar for Justice of the USSR], issue 2, 1940, pp. 106–125. (In Russian)
30. Arhiv grafov Mordvinovyh [Archive of the counts Mordvinov]. Vol. 8. Saint-Petersburg, 1903. 724 p. (In Russian)
31. Volzhenkin B.V. Otvetstvennost' za vzjatochnichestvo po rossijskomu ugovnomu zakonodatel'stvu vtoroj poloviny XIX – nachala HH v. [Responsibility for bribery under the Russian criminal law of the second half of the XIX – early XX centuries.]. Pravovedenie [Jurisprudence], 1991, no. 2, pp. 60–69. (In Russian)
32. Fel'dshtejn G.S. Glavnye techenija v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii [Main trends in the history of criminal law science in Russia]. Moscow: Zercalo Publ., 2003. 523 p.
33. Esipov V.V. Ugolovnoe pravo. Chast' osobennaja. Prestuplenija protiv gosudarstva i obshhestva [Criminal law. Special part. Crimes against the state and society]. Moscow, jurid. kn. mag. "Pravovedenie" I.G. Golubeva Publ., 1912. 208 p. (In Russian)
34. Esipov V. Prevyshenie i bezdejstvie vlasti po russkomu pravu [Abuse of power and inaction of the authorities in the Russian law]. Saint-Petersburg: ip. A.F. Marksa Publ., 1892. 78 p. (In Russian)
35. Lohvickij A. Kurs russkogo ugovnogo prava [The course of Russian criminal law]. Saint-Petersburg: Zhurn. M-va just Publ., 1867. 671 p. (In Russian)
36. Kuvaldin V.P. Kak russkie cari borolis' s lihoimstvom [How Russian tsars fought against extortion]. Chistye ruki [Clean Hands], 1999, no. 1, pp. 79–81. (In Russian)
37. Kaluzhskie gubernatory. Iz vospominanij N.V. Saharova [Kaluga governors. From the memoirs of N. V. Sakharov]. In Russkij arhiv [Russian archive]. T. 150. 1916. № 1–3, pp. 213–234. (In Russian)
38. Zapiski Alekseja Mihajlovicha Unkovskogo [Notes of Alexey Mikhailovich Unkovsky]. Russkaja mysl' [Russian thought]. 1906. no. 6, part 2, pp. 188–189. (In Russian)
39. Percov Je.P. Iskusstvo brat' vzjatki [The Art of taking bribes.]. Moscow: Centrpoligraf, cop. Publ., 2018. 124 p. (In Russian)

40. Belovinskij L.V. Zhizn' russkogo obyvatelja. Ot dvorca do ostroga [Life of the Russian Philistine. From the Palace to the Prison]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2014. 555 p. (In Russian)
41. Parusov A.I. Iz istorii mestnogo upravlenija v Rossii pervoj chetverti XIX v. [From the history of local government in Russia in the first quarter of the XIX century]. Uch. Zapiski Gor'kovskogo un-ta [Scientific notes of the Gorky State Pedagogical Institute named after M. Gorky], 1964, issue 72, pp. 175–179. (In Russian)
42. Makarov N.P. Moi 70 let. Vospominanija [My 70 years. Memories]. Part 1. Saint-Petersburg, 1881. 195 p. (In Russian)
43. Dolgorukov I.M. Kapishhe moego serdca [The Temple of my heart]. Kovrov: BJeST-V Publ., 1997. 573 p. (In Russian)
44. Ogareva-Tuchkova N.A. Vospominanija [Memories]. Moscow: M. i S. Sabashnikovy Publ., 1903. 325 p. (In Russian)
45. Zherebcov V.O. Stranicy iz proshlogo Saratova [Pages from the past of Saratov]. In Trudy Saratovskoj uchenoj arhivnoj komissii [Proceedings of the Saratov scientific archival Commission], issue 30, Saratov, 1913. 366 p. (In Russian)
46. Mihajlova O.A. Saratovskaja gubernskaja administracija i razvitie social'noj sfery gubernii v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv [Saratov provincial administration and development of the social sphere of the province at the end of the XVIII – first half of the XIX century]. Saratov: Nauchnaja kniga Publ., 2010. 211 p. (In Russian)
47. Iz vospominanij V.I. Gloriantova [From the memoirs of V. I. Goriunova]. Moscow: Univ. tip. Publ., 1905. 13 p. (In Russian)
48. Nabokov V.D. K voprosu o budushhej orientacii russkoj nauki ugovnogo prava [To the question of the future orientation of the Russian science of criminal law]. Pravo [Law], 1915, no. 44. (In Russian)
49. Chechulin N.D. Russkoe provincial'noe obshhestvo vo vtoroj polovine XVIII v.: Ist. Oчерk [Russian provincial society in the second half of the XVIII century: Historical essay]. Saint-Petersburg: Tip. V. S. Balasheva Publ., 1889. 115 p. (In Russian)
50. Dmitriev M.A. Glavy iz vospominanij moej zhizni [Chapters from the memoirs of my life]. Moscow: Novoe lit. obozrenie Publ., 1998. 749 p. (In Russian)
51. Zvjagincev A.G., Orlov Ju.G. Tajnye sovetniki imperii [Privy counsellors of the Empire]. Moscow: Rosspjen Publ., 1995. 382 p. (In Russian)
52. Mezhdru strokami odnogo formuljarnogo spiska. 1823–1881 gg. [Between the lines of a single form list. 1823–1881]. Russkaja starina [Russian antiquity], 1881, vol. 32, no. 12, pp. 817–880. (In Russian)
53. Zapiski D.I. Rostislavova [Notes of D. I. Rostislavov]. Russkaja starina [Russian Starina], 1880, vol. 27, no. 5, pp. 1–38; 545–572; 681–704. (In Russian)
54. Pryzhov I.G. Istorija kabakov v Rossii v svjazi s istoriej russkogo naroda [History of taverns in Russia in connection with the history of the Russian people]. Kazan': Molodye sily Publ., 1914. 282 p. (In Russian)
55. Zajonchkovskij P.A. Pravitel'stvennyj apparat [Government apparatus]. Moscow: Mysl' Publ., 1978. 288 p. (In Russian)
56. Abakumov O.Ju. Tret'e otdelenie na strazhe npravstvennosti i blagochinija. Zhandarmy v bor'be so vzjatkami i porokom. 1826–1866 [The Third Department on the guard of morality and deanery. Gendarmes in the fight against bribery and Vice. 1826–1866.]. Moscow, 2017. 198 p. (In Russian)
57. Ostroumov S.S. Prestupnost' i ee prichiny v dorevoljucionnoj Rossii [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 1980. 204 p. (In Russian)
58. Otchet Ministerstva justicii za 1834 god [Report of the Ministry of justice for 1834]. Saint-Petersburg: Tip. Pravit. Senata Publ., 1835. (In Russian)
59. Otchet Ministerstva justicii za 1840 god [Report of the Ministry of justice for 1840]. Saint-Petersburg: Tip. Pravit. Senata Publ., 1841. (In Russian)
60. Otchet Ministerstva justicii za 1845 god [Report of the Ministry of justice for 1845]. Saint-Petersburg: Tip. Pravit. Senata Publ., 1846. (In Russian)
61. Otchet Ministerstva justicii za 1851 god [Report of the Ministry of justice for 1851]. Saint-Petersburg: Tip. Pravit. Senata Publ. (In Russian)
62. Otchet Ministerstva justicii za 1856 god [Report of the Ministry of justice for 1856]. Saint-Petersburg: Tip. Pravit. Senata, 1857. (In Russian)
63. O sude prisjazhnyh. Publ. lekcija, chit. v Tomske 24 fevr. 1901 [About the jury trial. Public lecture, Tomsk, 24 February 1901]. Tomsk, parovaja tipo-lit. P.I. Makushina Publ., 1901. 35 p. (In Russian)

64. Bobrishhev-Pushkin A.M. Jempiricheskie zakony dejatel'nosti russkogo suda prisjazhnyh [Empirical laws of the Russian jury]. Moscow: Pechatnja A. I. Snegirevoj Publ., 1896. 615 p. (In Russian)
65. Sud prisjazhnyh v Rossijskoj imperii: ideja, zakonodatel'stvo, prakticheskaja dejatel'nost': Monografija [Jury Trial in the Russian Empire: idea, legislation, practical activity: Monograph] / Ed. A.A. Demichev. Moscow: Jurlitinform Publ., 2015. 486 p. (In Russian)
66. Berlin P. Russkoe vzjatochnichestvo kak social'no-istoricheskoe javlenie [Russian bribery as a socio-historical phenomenon]. Sovremennyj mir [Modern world], 1910, no. 8, pp. 45–56. (In Russian)
67. Gosudarstvennaja kanceljarija 1810–1910: Ist. ocherk [The State Chancellery 1810–1910: Historical essay]. Saint Petersburg, 1910. 466 p. (In Russian)
68. Saltykov-Shhedrin M.E. Pis'ma o provincii. Pis'mo pjatoe [Letters about the province. The fifth letter]. In Sobr. soch. v 20-ti tt. [Collected works in 20 volumes], Moscow: Hudozh. lit-ra Publ., 1969. Vol. 7. 699 p. (In Russian)
69. Anisimov E.V. Zhenshhiny na rossijskom prestole [Women on the Russian Throne]. Saint Petersburg: AO “Norint” Publ., 1997. 414 p. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»

Бражин Юрий Юрьевич

Цель: исследование социально-правовой обусловленности уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».

Методология: дедукция, формально-юридический, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Деструктивному воздействию подвергается процесс реализации национального проекта «Здравоохранение», что в результате преступных посягательств не только влечет ущерб экономическим интересам государства, но и создает угрозу жизни, здоровья каждому человеку. Повторяющееся противоправное поведение и его достаточная распространенность в обществе являются следствием недостаточности уголовно-правовой охраны бюджетных отношений, частью которых выступает установленный порядок расходования денежных средств. Автор приходит к выводу о том, что существует необходимость в разработке уголовно-правовых инструментов защиты общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».

Научная и практическая значимость. Изучение социальной обусловленности криминализации деяний в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» выявило уголовно-правовую потребность в совершенствовании соответствующих норм в УК РФ.

Ключевые слова: социальная обусловленность, национальный проект, курс уголовно-правовой политики, бюджет.

В условиях современной глобализации социальная сфера является одним из ключевых объектов государственной деятельности и вызывает не только научный, но и общественный интерес. В настоящее время органы государственной власти предпринимают меры по решению общественных проблем, которые затрагивают все слои населения. Наиболее значимыми являются такие направления, как значительное превышение уровня смертности над уровнем рождаемости, некачественное оказание медицинских услуг, низкий уровень морально-нравственного отношения врачей к бюджетным пациентам.

Решение большинства проблем — реализация национальных проектов. Об этом в своем послании говорит Президент Российской Федерации В.В. Путин: «И особое внимание хотел бы уде-

лить задачам, которые поставлены в майском указе, развернуты в национальных проектах. Их содержание и ориентиры отражают запросы и ожидания граждан страны. Национальные проекты построены вокруг человека, ради достижения нового качества жизни для всех поколений, которое может быть обеспечено только при динамичном развитии России» (См.: *Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 «Послание Президента Федеральному Собранию»* // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/ (дата обращения: 15.04.2020)).

Реакцией уполномоченных лиц стала разработка национального проекта «Здравоохранение», основными задачами которого выступили: снижение уровня смертности, ликвидация кадрового

дефицита в медицинских организациях и оптимизация их работы.

В рамках реализации данного проекта предусмотрено выделение денежных средств из федерального бюджета в размере 1366,7 млрд руб., бюджетов субъектов РФ (265 млрд руб.), государственных внебюджетных фондов (94 млрд руб.) и внебюджетных источников (0,1 млрд руб.) на протяжении 2019–2024 гг. (*Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // СПС «Консультант-Плюс»*).

В связи с этим возникает необходимость усиления уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».

В последнее время научное сообщество уделяет повышенное внимание направленности уголовной политики в соответствии с потребностями социума, что впоследствии влияет на эффективность применения законодательных изменений, принятие которых приобрело систематический характер. Внедрение любого проекта предполагает установление определенных ограничений в поведении граждан, выраженное в форме действия или бездействия, осуществляемых под угрозой применения мер уголовно-правового характера.

Кроме того, в первую очередь необходимо определиться с понятийным аппаратом. Лексическому значению термина «социальная обусловленность» уделялось достаточно внимания. К примеру, согласно толковому словарю С.И. Ожегова под «социальным» понимается: «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе; «обусловленность» рассматривается в двух значениях: первое – ограничение каким-нибудь условием, и второе – являться причиной чего-нибудь, вызвать что-нибудь» [1, с. 1020].

По толковому словарю Т.Ф. Ефремовой: первая часть сложных слов, вносящая значение «социально-» определяется как «связанный с жизнью людей в обществе их отношениями в обществе или к обществу» (социально-политический, социально-экономический и т.п.) [2, с. 267].

Исходя из вышеупомянутого представляется возможность вывести авторскую концепцию понятия «социальная обусловленность», под которой следует понимать свойственную обществу, либо тесно связанную с жизнью людей причину действия, бездействия.

В продолжение темы рассмотрим термин «социальная обусловленность криминализации пре-

ступных деяний». Сложилось два основных подхода к определению сущности криминализации. В рамках первого рассматривается процессуальная деятельность, включающая в себя как закрепление в законе признаков новых составов преступлений, так и повышение верхних пределов санкций. Второй подход ограничивается лишь отнесением деяния к числу преступлений.

Некоторые авторы акцентируют внимание на специфических критериях данного понятия. Так, по мнению Морозова А.М., основанием криминализации деяний является рост преступности в конкретной сфере общественных отношений [3, с. 194–196].

М.В. Бавсун сформулировал следующие основания криминализации:

- 1) общественная опасность деяния, степень его влияния на общественные процессы и общественное сознание;
- 2) распространенность данного деяния и его удельного веса в общем состоянии преступности;
- 3) степень тяжести преступных последствий, характеризующихся размером причиненного вреда;
- 4) яркая антисоциальная направленность деяния и лица, противопоставляющего себя обществу [4, с. 200].

Кроме того, большая значимость социальной обусловленности криминализации деяний подтверждается в ч. 2 ст. 43 УК РФ, в которой сказано, что: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Таким образом, вышеупомянутая норма определила социальную обусловленность как основной критерий эффективности применения всего уголовного законодательства.

Таким образом, на наш взгляд следует вывести следующие основания:

- 1) общественная опасность деяний и степень их влияния на общественные процессы и общественное сознание;
- 2) отсутствие юридико-технических способов уголовно-правовой охраны;
- 3) яркая общественная потребность в уголовно-правовом регулировании общественных отношений.

Общественная необходимость уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», то есть создание специальных правовых механизмов, обусловлена историческими аспектами.

Первые задатки создания национальных проектов появились в 2000 г., когда правительством

РФ разрабатывались концепции и программы стратегического развития страны. Однако первым правовым инструментом комплексного решения целевых задач государства стали федеральные целевые проекты, которые были приняты в 2002 г. А уже в 2005 г. Президент РФ на расширенном собрании с членами Правительства РФ, руководством Федерального собрания РФ объявил о начале реализации приоритетных национальных проектов, цель которых заключалась в объединении бюджетных и административных средств по ключевым направлениям социально-экономического развития страны (*История нацпроектов в России // URL: <https://tass.ru/info/6101471> (дата обращения: 27.11.2019)*).

Непосредственно, существует ряд позиций, подтверждающих необходимость уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»:

Во-первых, результаты перспективного проекта «Здоровье». Согласно данным ГИАЦ МВД России за период 2008–2012 гг. в сфере реализации проекта возбуждено 3642 уголовных дел. Общая сумма причиненного ущерба составила 2145, 6 млн рублей, однако сумма возмещенного причиненного ущерба составила 516, 3 млн рублей, то есть 21,1 % [5, с. 66].

Также нельзя не отметить криминальные статистические данные по зарегистрированным преступлениям, связанным с хищениями денежных средств, которые были изучены в ходе ранее проведенного исследования, а именно за период реализации перспективного национального проекта «Здоровье» на протяжении 2008–2012 гг.:

– возбуждено 835 уголовных дел по ст. 159 УК РФ, в том числе отказных материалов – 30; направлено в суд – 422; приостановлены по ч.1 ст. 208 УПК РФ – 80; размер причиненного ущерба составил 541 269 тыс. рублей; был наложен арест на сумму 190 981 тыс. рублей;

– возбуждено 142 уголовных дел по ст.160 УК РФ, в том числе отказных материалов – 4; направлено в суд – 110; приостановлены по ч.1 ст. 208 УПК РФ – 13; размер причиненного ущерба составил 110 521 тыс. рублей; был наложен арест на сумму 20 506 тыс. рублей.

Во-вторых, здравоохранение является одной из ключевых сфер общественной жизни населения страны, за состоянием которой всегда следят представители органов государственной власти.

Кроме того, в послании Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. было отмечено, что: «Особое внимание хотел бы уде-

лить задачам, которые упомянуты в майском указе и развернуты в национальных проектах. Национальные проекты построены вокруг человека, ради достижения нового качества жизни для всех поколений». На правоохранительные органы возлагается задача контролировать и качественно реализовывать указания Президента РФ, что обуславливает потребность в уголовно-правовой охране общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».

В-третьих, необходимо обратить внимание на то, что Российская Федерация имеет федеративное устройство, следовательно, существует строгое разграничение полномочий государства, субъектов РФ и органов местного самоуправления. Государство возлагает на себя обязанность по установлению основ федеральной политики в области социального, экономического и национального развития страны, что подтверждает ст. 7 Конституции РФ.

Необходимо отметить, что финансирование государством социальной сферы реализуется за счет средств бюджетов всех уровней. Так, согласно ст. 10 Бюджетного кодекса РФ, структура бюджетной системы Российской Федерации состоит из трех уровней:

– федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации;

– бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов;

– местные бюджеты, в том числе: бюджеты муниципальных районов, бюджеты городских округов, бюджеты городских и сельских поселений, бюджеты внутригородских районов.

Однако существует изначальная криминальная привлекательность неправомерного расходования денежных средств. Например, в рамках Федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)», на реализацию которого будет выделено 177,7 млрд рублей. Процесс реализации «ЕГИСЗ» будет проходить через уже существующий портал «Госуслуги», в котором, согласно официальным данным, зарегистрировано 100 млн человек, где уже существует подраздел «Мое здоровье», но на разработку и на начало запуска портала было потрачено около 100 млн рублей. В свою очередь возникает логичный вопрос по поводу расходования и освоения суммы денежных средств, упомянутых выше (*Число пользователей портала госуслуг приблизилось к ста мил-*

лионам // URL: <https://ria.ru/20191017/1559902373.html> (дата обращения 28.11.2019)).

Стоит отметить и тот факт, что за хищение бюджетных денежных средств должен предусматриваться более строгий вид наказания, поскольку причиняется ущерб не только государству в целом, но и каждому человеку в отдельности. Кроме того, вследствие нецелесообразного расходования денежных средств в рамках финансирования здравоохранения, гражданин может недополучить лекарственное средство или не получить возможность воспользоваться инновационным оборудованием.

В-четвертых, ключевое значение в определении социальной сферы принадлежит конституционному законодательству. Так, п. 1 ст. 7 Конституции РФ содержит следующее положение: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Данная позиция предоставляет право говорить о значимости общественных отношений в рамках реализации национальных проектов, а именно в сфере «Здравоохранение».

Большинство отечественных авторов сходятся во мнении, что базовым основанием криминализации является общественная опасность деяния. По мнению Ляпунова Ю.И., под общественной опасностью следует понимать определенное, объективное, антисоциальное состояние преступления, обусловленное совокупностью его отрицательных свойств и признаков, и заключающее в себе реальную возможность причинения вреда (ущерба) общественным отношениям, поставленным под охрану закона. [6, с. 37]

В продолжение следует рассмотреть характер и степень общественной опасности преступлений в сфере экономической деятельности и должностных преступлений, которые также можно назвать служебными преступлениями, которые совершаются в ходе реализации национального проекта «Здравоохранение». Для этого необходимо обратиться к положениям Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также к доктринальным подходам.

Согласно положениям Конституционного Суда РФ, характер и степень общественной опасности деяния выступают общими критериями установления уголовной ответственности, а меры уголовно-правового характера должны быть соразмерными общественной опасности содеянного.

В условиях развития современной уголовно-правовой науки существует схожее мнение, касающееся определения общественной опасности как ключевого социального свойства преступле-

ния. Общественная опасность выражается в причинении ущерба охраняемым законом интересам.

В рамках уголовно-правовой оценки служебно-экономических преступлений в сфере реализации национальных проектов в целом следует говорить и о повышенном уровне общественной опасности.

В юридической литературе существует позиция, говорящая о характере и степени общественной опасности, которыми обладают все преступления. По мнению Чемеринского К.В., характер общественной опасности определяется через непосредственный объект преступного посягательства, а также социальную значимость общественных отношений. Соответственно, явление общественной опасности возможно рассматривать, как объективное свойство противоправного деяния [7, с. 15–22]

Рассматривая иную сторону, следует отметить, что сфера реализации всех национальных проектов подвержена большим рискам со стороны преступных посягательств. В большинстве своем реализация проекта будет построена на бюджетном финансировании в развитии следующих направлений: борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями, борьба с онкологическими заболеваниями, обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами, создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ) и другие (См.: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»: // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817).

Таким образом, характер и степень общественной опасности преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» определяется тем, что виновное лицо нарушив установленный государством порядок бюджетного финансирования, может причинить вред как экономическим интересам, так и здоровью и жизни человека.

В-шестых, социальная обусловленность подтверждается наличием пробельности и коллизии в рамках уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». Методологическое начало взятого для исследования направления должно лежать в оценке, а может быть и в переоценке объектов уголовно-правовой охраны деяний, посягающих на сегмент общественных отношений, задействованных в рамках реализации этого проекта. К примеру, Федеральным зако-

ном от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 53) была введена ст. 284 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа». Вышеупомянутая норма содержит специальный состав преступления, поскольку законодателем обращено внимание на важность общественных отношений, охраняемых уголовно-правовыми нормами, т.е. на объект преступного посягательства, а именно на установленный порядок осуществления государственного оборонного заказа. Полагаем, что данный прием не просто является удачным и заслуживающим внимания, но и указывает на существенную корректировку курса уголовной политики в охране государственных интересов.

В-седьмых, высочайшим уровнем корыстности и коррупционности деяний, посягающих на общественные отношения в области исполнения этого проекта. Так, 13 февраля 2019 г. в Чувашской Республике вынесен обвинительный приговор по уголовному делу в отношении главного врача автономного учреждения Чувашской Республики «Республиканского клинического онкологического диспансера» Министерства здравоохранения Чувашской Республики, которая обвиняется в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее тяжкие последствия). Общая сумма причиненного ущерба составила более 34 млн руб. (*В Чувашии вынесен обвинительный приговор в отношении главного врача Республиканского онкологического диспансера за злоупотребление должностными полномочиями // URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1549870/> (дата обращения: 28.11.2019)*).

В-восьмых, преступления, совершаемые в сфере реализации национальных проектов, отличаются значительной степенью латентности, что не только препятствует исследованию реальной криминогенной обстановки, но и порождает многие другие социально-экономические проблемы в стране. Стоит отметить, что денежные средства, выделяемые из бюджета РФ, бюджета

субъектов РФ на реализацию национального проекта «Здравоохранение» будут осваиваться, как правило, в самих регионах, что определяет фактор криминальной привлекательности.

Вышеописанное девиантное поведение в сфере реализации национальных проектов абсолютно точно должно повлечь применение норм уголовного законодательства. Формальное соответствие критериям, на основании чего будут выделяться денежные средства из бюджета, может привести к тому, что своевременное выявление преступных действий затруднится.

В рамках изменения курса уголовной политики требуется переоценка ценностей и криминализация общественно опасных деяний, которая может выступить эффективным способом реагирования на совершенные деяния.

Резюмируя вышесказанное стоит сделать обобщенный вывод о том, что социальная обусловленность уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» основана на следующем:

- существует недостаточность уголовно-правовой охраны бюджетных отношений, частью которых выступает установленный порядок расходования денежных средств в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»;

- использование виновным в корыстных целях установленной законом процедуры освоения бюджетных денежных средств между физическими и юридическими лицами;

- наличие необходимости обращения особого внимания на обеспечение порядка охраны бюджетных средств в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» по причине его особой стратегической важности;

- повторяющееся противоправное поведение и его достаточная распространенность, возникающая вследствие безнаказанного и относительно доступного для широкого круга лиц использования установленного порядка освоения денежных средств в целях личного обогащения;

- деструктивному воздействию подвергается бюджетная система государственного управления в результате преступных посягательств на расходование денежными средствами.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2009. 1200 с.
2. Ефремова Т.Ф. Словарь грамматических трудностей русского языка: более 2 500 слов / Т.Ф. Ефремова, В.Г. Костомаров. М.: Астрель, 2009. 379 с.

3. Морозов А.М. Социальная обусловленность криминализации незаконного образования юридического лица // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 194–196.
4. Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. 396 с.
5. Иванов М.Г. Теоретические и методологические аспекты исследования служебно-экономической преступности в современной России // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 4(14). С. 65–69.
6. Хамтаху Р.Ш. Понятие общественной опасности деяния как признака преступления в уголовном праве России // Вестник КРУ МВД России. 2014. № 2 (24). С. 37–40.
7. Чемеринский К.В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник ВУиТ. 2014. № 1 (80). С. 15–22.

References

1. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy [Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions] / Ed. L. I. Skvortsov. The 26th edition. Moscow: Oniks, 2009. 1200 p. (In Russian)
2. Yefremova T.F. Slovar' grammaticheskikh trudnostey russkogo yazyka: boleye 2 500 slov [Dictionary of grammatical difficulties of the Russian language: more than 2,500 words]. Moscow: Astrel' Publ., 2009. 379 p. (In Russian)
3. Morozov A.M. Sotsial'naya obuslovlennost' kriminalizatsii nezakonnogo obrazovaniya yuridicheskogo litsa [Social conditionality of criminalization of illegal formation of a legal entity]. Probely v rossiyskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation], 2018, no. 5, pp. 194–196. (In Russian, abstract in English)
4. Bavsun M.V. Ugolovno-pravovoye vozdeystviye: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii: dissertatsiya... doktora yuridicheskikh nauk [Criminal law impact: ideology, goals and means of implementation]. Diss. ... dok. jur. nauk. 12.00.08. Omsk, 2013. 369 p. (In Russian)
5. Ivanov M.G. Teoreticheskiye i metodologicheskiye aspekty issledovaniya sluzhebno-ekonomicheskoy prestupnosti v sovremennoy Rossii [Theoretical and methodological aspects of the study of official and economic crime in modern Russia]. Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii [Bulletin of the Russian university of cooperation], 2013, no. 4(14), pp. 65–69. (In Russian, abstract in English)
6. Khamtakhu R.Sh. Ponyatiye obshchestvennoy opasnosti deyaniya kak priznaka prestupleniya v ugolovnom prave Rossii [The concept of public danger of an act as a sign of a crime in the criminal law of Russia]. Vestnik KRU MVD Rossii [Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2014, no. 2 (24), pp. 37–40. (In Russian, abstract in English)
7. Chemerinskiy K.V. Obshchestvennaya opasnost' kak kategoriya ugolovnogo prava [Public danger as a category of criminal law]. Vestnik VUiT [Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University], 2014, no. 1 (80), pp. 15–22. (In Russian, abstract in English).

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Кравченко Олег Александрович

Цель: правильность определения места производства предварительного расследования свидетельствует о соблюдении принципа законности при производстве по уголовному делу и достижении целей о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Научкой затрагиваются общие вопросы определения места производства предварительного расследования, но при этом мало уделяется внимания рассмотрению вопросов, связанных с реализацией дискреционных полномочий вышестоящего следственного органа на определение места предварительного расследования. В статье выявляются необходимые условия применения этого полномочия следственным органом, рассмотрена судебная практика на предмет соблюдения этих условий.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. В законодательстве отсутствует четкое различие между «местом производства предварительного расследования» и «местом расположения органа предварительного расследования», что позволяет правоприменительным органам и судам общей юрисдикции ставить знак равенства между этими понятиями.

Научная и практическая значимость. Выявлены недостатки правового регулирования, связанные с возможностью определения подсудности дела в административном порядке посредством правоприменительного решения до возникновения правовой ситуации (например, до подачи в суд ходатайства следователя об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу) путем изменения следственного органа на не вышестоящий, в том числе на другой того же, например, районного уровня. С практической точки зрения устранение указанных недостатков должно послужить облегчению надлежащего применения соответствующей нормы права и правильному определению места производства предварительного расследования.

Ключевые слова: место, предварительное расследование, расположение органа, субъективное усмотрение, условия применения, судебная практика, правовые позиции, подследственность, подсудность, конституционные положения, лишение права, судебная защита.

Определение места производства предварительного расследования в практике правоприменения обладает широким распространением, поскольку имеет значение для каждого уголовного дела.

Методы установления места производства предварительного расследования предусмотрены ст. 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) (далее – УПК РФ).

Правильность применения места производства предварительного расследования свидетель-

ствует о соблюдении принципа законности при производстве по уголовному делу установленного ст. 7 УПК РФ и достижении целей, содержащихся в ст. 6 УПК РФ о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В свою очередь, в случае неправильного применения ст. 152 УПК РФ, нарушаются и ограничиваются права личности

и потерпевших от преступления, собранные по уголовному делу доказательства могут быть признаны недопустимыми доказательствами, как полученные с нарушением требований УПК РФ на основании п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Вопросы, связанные с применением положений ст. 152 УПК РФ, остаются дискуссионными, вызывают разные точки зрения у субъектов правоприменения и у исследователей.

Как правило, в научной литературе уделяется много внимания практике применения и анализу тех положений ст. 152 УПК РФ, которые учитывают объективные характеристики уголовного дела (см.: *Ларинков А.А., Шиплюк В.А. [4], Любан В.Г. [5]*) и в содержании которых имеется наибольшая степень правовой определенности. Так, при определении места предварительного расследования в большинстве положений ст. 152 УПК РФ дан перечень объективных обстоятельств, имеющих как прямое, так и косвенное отношение к преступлению: 1) обстоятельства, составляющие объективную сторону деяния, содержащего признаки преступления и имеющие явное уголовно-правовое значение, а именно содержащиеся в ч. 1 ст. 152 УПК РФ (место совершения преступления), ч. 2 ст. 152 УПК РФ (место окончания преступления), ч. 3 ст. 152 УПК РФ (количество преступлений или их тяжесть); 2) обстоятельства, составляющие объективные особенности самого уголовного дела, имеющие косвенное отношение к преступлению, а именно содержащиеся в ч. 4 ст. 152 УПК РФ (место нахождения обвиняемого, место нахождения большинства свидетелей), ч. 4.1 ст. 152 УПК РФ (место жительства или пребывания потерпевшего или обвиняемого, место нахождения большинства свидетелей); 3) обстоятельство, объективно вытекающее из обнаружения следователем или дознавателем сведений имеющих значение для уголовного дела, подпадающих под действие положений ч.ч. 1 – 4.1 УПК РФ, содержащееся в ч. 5 ст. 152 УПК РФ (передача уголовного дела для выполнения требований ч.ч. 1 – 4.1 УПК РФ).

Менее всего обсуждаются вопросы правоприменения положений ст. 152 УПК РФ, предусматривающих определение места предварительного расследования субъективным усмотрением руководителя вышестоящего следственного органа на основании ч. 6 ст. 152 УПК РФ введенной в УПК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» (*СЗ РФ. 2011.*

№ 1. Ст. 16). Названное полномочие руководителя вышестоящего следственного органа называют еще дискреционным. Как отмечается в юридической литературе: «дискреционная подследственность определяется по усмотрению либо прокурора, либо руководителя следственного органа, например, при соединении в одном производстве дел, подследственных разным органам расследования (ч. 7 ст. 151 УПК РФ) или при передаче дела в вышестоящий орган следствия (ч. 6 ст. 152 УПК РФ): здесь следует иметь в виду, что в отличие от подсудности подследственность не рассматривается в качестве одного из фундаментальных прав обвиняемого, что дает возможность более гибко подходить к ее определению и учитывать в некоторых случаях сугубо технические или внеинституциональные факторы (загруженность следователей, резонансность дела, техническую сложность расследования, кадровый состав и т.п.)» [1, с. 654].

Действительно, использование стороной обвинения полномочия ч. 6 ст. 152 УПК РФ может быть обусловлено перечисленными техническими или внеинституциональными факторами, но нельзя согласиться с тем, что подследственность не рассматривается в качестве одного из фундаментальных прав обвиняемого и тем более она не должна пониматься в отрыве от положений Конституции РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Дискреционность названного полномочия не может означать возможность передачи уголовного дела в любой следственный орган на территории нашей страны, поэтому субъективное усмотрение стороны обвинения, должно быть ограничено определенными правовыми условиями установленными федеральным законом, хотя бы потому, что подследственность может влиять на подсудность, например, при избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. ст. 108–109 УПК РФ). Так, согласно ч. 4 ст. 108 УПК РФ, «постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд». Согласно ч. 8 ст. 109 УПК РФ, «ходатайство о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд по месту производства

предварительного расследования либо месту содержания обвиняемого под стражей не позднее чем за 7 суток до его истечения...».

В связи с чем, недопустимо произвольное применение ч. 6 ст. 152 УПК РФ, и законодатель, предоставив стороне обвинения соответствующее полномочие, установил и определенные условия его реализации. Вот как их объясняет И.С. Дикарев: «Согласно ч. 6 ст. 152 УПК РФ уголовное дело по мотивированному постановлению руководителя вышестоящего следственного органа может быть передано для производства предварительного расследования в вышестоящий следственный орган. Как видно из текста закона, уголовное дело передается не в любой, произвольно избираемый по усмотрению руководителя следственный орган, а только в вышестоящий, т.е. такой, территориальная компетенция которого по общему правилу охватывает территорию, на которой производилось предварительное расследование нижестоящим следственным органом. На этом основании можно говорить о том, что уголовное дело не только по предметному, но и по территориальному признаку подследственно вышестоящему следственному органу в той же мере, что и нижестоящему. Однако, учитывая, что применение рассматриваемого положения уголовно-процессуального закона приводит де-факто к замене производящего расследование органа и это является результатом принятого по усмотрению руководителя вышестоящего следственного органа решения, думается, есть все основания для вывода о том, что признак дискреции при определении подследственности уголовного дела здесь присутствует» [2].

Итак, выявляются следующие условия применения ч. 6 ст. 152 УПК РФ. Так, вышестоящий следственный орган, в который передано уголовное дело, должен быть как вышестоящим по отношению к тому следственному органу из которого уголовное дело изъято (первое условие). На это же условие обращает внимание А.А. Казаков: «Поскольку дело передано из одного отдела в другой отдел того же уровня, не являющегося вышестоящим следственным органом, соответствующее постановление нельзя признать законным» [3]. При этом, вышестоящий следственный орган должен распространять свою юрисдикцию, в том числе и на административно-территориальный район, в котором совершено соответствующее деяние (второе условие). На названные два условия обращает внимание и И.С. Дикарев, но следует учитывать еще и другое. Вышестоящий следственный орган, в который передано уголовное дело, должен либо самостоятельно закончить расследование по

нему, без возможности его самостоятельной передачи другому следственному органу (третье условие), либо уголовное дело может быть передано еще более вышестоящему следственному органу, но опять же с обязательным соблюдением названных трех условий.

Иное понимание применения полномочий ч. 6 ст. 152 УПК РФ влечет возможность злоупотребления ими, нарушения конституционных прав личности на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, аналогичное требование закреплено в ч. 3 ст. 8 УПК РФ), поскольку, как уже отмечалось, подследственность во многих случаях определяет подсудность, о чем свидетельствует следующий гипотетический пример.

Уголовное дело (фабула стороны обвинения исходит из того, что место деяния, содержащего признаки преступления, – Бабушкинский район города Москвы) находится у следователя Бабушкинского межрайонного следственного отдела по Северо-Восточному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета РФ по городу Москве. Постановлением Председателя Следственного комитета РФ уголовное дело передается Главному следственному управлению Следственного комитета РФ по Московской области, откуда оно передается в следственный отдел по г. Балашиха Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Московской области, а следователь этого отдела обращается с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого в Балашихинский городской суд Московской области, который это ходатайство удовлетворяет.

Очевидно, что в названном гипотетическом примере уголовное дело в итоге оказалось в следственном отделе того же районного уровня, из которого оно было изъято, но уже в другом субъекте Российской Федерации, что не может быть правильным. Ведь, ГСУ Следственного комитета РФ по Московской области (куда было передано дело) не является вышестоящим следственным органом по отношению к Бабушкинскому межрайонному следственному отделу по Северо-Восточному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета РФ по городу Москве (откуда было изъято дело). Представляется, что уголовное дело при правильном применении ч. 6 ст. 152 УПК РФ в названном гипотетическом примере, возможно было передать для расследования либо Главному следственному

управлению Следственного комитета РФ по городу Москве или Центральному аппарату Следственного комитета РФ.

Обратимся к материалам судебной практики по вопросу применения ч. 6 ст. 152 УПК РФ и взаимосвязанных положений ч. 6 ст. 152 УПК РФ и ч. 4 ст. 108 УПК РФ (далее – рассматриваемые законоположения). Содержание этих положений, по смыслу придаваемому правоприменительной практикой, не должно обнаруживать неопределенность, если соотносить их с положениями Конституции Российской Федерации. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в абз. 3 п. 4 Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР “О Государственной налоговой службе РСФСР” и Законов Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” и “О федеральных органах налоговой полиции”» «общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1 Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит – к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона». Возможно ли применение рассматриваемых законоположений также, как и в гипотетическом примере?

До 2013 г. наблюдалась правоприменительная практика, которая правильно, в соответствии с названными условиями, применяла ч. 6 ст. 152 УПК РФ, например, было признано незаконным постановление руководителя следственного органа, которым уголовное дело передано из одного отдела полиции в другой отдел того же уровня, не являющийся вышестоящим следственным органом по отношению к изменяемому следственному органу (См.: *Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (первое полугодие 2013 г. № 36), утвержденный постановлением президиума Свердловского областного суда от 14 августа 2013 г.*).

Все изменилось с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде за-

ключения под стражу, домашнего ареста и залога» (См.: *Российская газета*, № 294, 27.12.2013), в котором в частности говорится: «27. Исходя из положений статей 108 и 109 УПК РФ, в стадиях досудебного производства по уголовному делу вопросы об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, за исключением случаев продления срока содержания под стражей свыше 12 месяцев (часть 3 статьи 109 УПК РФ), рассматривает судья районного суда или гарнизонного военного суда независимо от подследственности и возможной подсудности расследуемого дела, вида и уровня органа, производящего предварительное расследование. Решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу принимает суд по месту производства предварительного расследования или по месту задержания подозреваемого, а о продлении срока содержания под стражей – суд по месту производства предварительного расследования или по месту содержания обвиняемого под стражей. В случаях, когда предварительное расследование по уголовному делу производится следственным органом, занимающим в системе следственных органов положение вышестоящего по отношению к следственным органам районного уровня (часть 6 статьи 152 УПК РФ), ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении срока содержания под стражей рассматривает районный суд, гарнизонный военный суд по месту нахождения следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело».

К выводу, изменившему судебную практику, подталкивает последнее предложение абз. 2 п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», в котором определена подсудность ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу следственных органов, занимающих в системе следственных органов положение вышестоящего по отношению к следственным органам районного уровня, и что эти ходатайства могут быть рассмотрены лишь районным (гарнизонным военным) судом по месту нахождения следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, а не аналогичного звена судебной системы по месту задержания подозреваемого.

И это не смотря на имеющуюся правовую позицию Конституционного Суда РФ о том, что под юрисдикцией вышестоящего следственного

органа должен находиться еще и район места совершения деяния, а не только район его места расположения, которая изложена в п. 3.1 Определения Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2013 г. № 132-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ерашова Антона Сергеевича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 108, 109 и 152 УПК Российской Федерации», согласно которому: «расследование переданного уголовного дела осуществляется вышестоящим следственным органом на находящейся под его юрисдикцией территории, охватывающей собой, в числе прочих, не только судебный район, в пределах которого было совершено данное деяние, но и судебный район места расположения самого следственного органа».

Отсюда, даже несмотря на то, что Пленум Верховного Суда РФ определил подсудность названных ходатайств только применительно к вышестоящим следственным органам по отношению к районным, он не в полной мере основывался на выявленном Конституционным Судом РФ конституционно-правовом смысле названных законоположений, а фактически расширил оспариваемые законоположения введением еще одного, не указанного в законе, места их рассмотрения судом — места расположения следственного органа без относительного к тому распространения ли юрисдикция этого органа на территориальный (судебный) район предполагаемого места совершения преступления.

В свою очередь, суды общей юрисдикции, стали рассматриваемые законоположения также толковать расширительно, беря за основу в качестве территориальной подсудности — место расположения следственного органа, но уже применяя их в отношении соответствующих ходатайств следственных органов, не являющихся вышестоящими по отношению к районным, и тем более, не связывая их применение с юрисдикцией следственного органа, а именно территории, охватывающей собой, в числе прочих, не только судебный район, в пределах которого было совершено данное деяние, но и судебный район места расположения самого следственного органа.

В подтверждение приводятся акты судов общей юрисдикции среднего звена судебной системы Российской Федерации и выдержки из них: 1) Постановление Московского городского суда от 28 ноября 2014 г. № 4у/8-6026/2014: «Довод защитника о том, что ходатайство следователя рассмотрено судом с нарушением правил территориальной подсудности, является несостоятельным. Исходя из положений уголовно-процессуального

закона, указанное ходатайство подлежит рассмотрению районным судом по месту производства предварительного расследования, в том числе по месту нахождения следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело»; 2) Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 декабря 2015 года по делу № 10-18197/2015: «Вопреки доводам защиты, нарушений подсудности рассмотрения ходатайства о продлении срока содержания 3. под стражей, не допущено, т.к. решение о продлении срока содержания под стражей принимает суд по месту нахождения следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело»; 3) Апелляционное постановление Московского городского суда от 3 мая 2017 г. № 10-7721/2017 и суть которого состоит в том, что когда Мещанский районный суд г. Москвы отказал в удовлетворении ходатайства следователя Мещанского МРСО СУ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, то этот же следователь обратился с таким же ходатайством в другой суд — в Преображенский районный суд г. Москвы, который его удовлетворил: «Что касается довода защиты о том, что ходатайство следователя не было подсудно Преображенскому районному суду г. Москвы, то суд апелляционной инстанции не может принять его как основанный на действующем законодательстве, поскольку расследование уголовного дела осуществляется Мещанским МРСО СУ по ЦАО ГСУ СК РФ, в связи с чем и ходатайство следователя было предоставлено в Преображенский районный суд г. Москвы, по месту нахождения следственного органа, то есть по месту производства предварительного расследования».

Таким образом, приведенные правоприменительные акты судов общей юрисдикции высшего и среднего звена судебной системы подтверждают сложившуюся с 2013 г. по настоящее время устойчивую практику применения положений ч. 6 ст. 152 УПК РФ смысл которых осуществлен, в том числе следующим образом: в ст. 152 УПК РФ, ч. 4 ст. 108 УПК РФ, ч. 8 ст. 109 УПК РФ «место производства предварительного расследования» заменено на «место расположения органа предварительного расследования».

Как представляется, во взаимосвязанных положениях ст. 152 УПК РФ и ч. 4 ст. 108 УПК РФ и ч. 8 ст. 109 УПК РФ, имеется неопределенность, в вопросе о разрешении ходатайств следователя об избрании и продлении подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, которая позволяет стороне обвине-

ния произвольно, до подачи этого ходатайства в суд, принимать решения о передаче уголовного дела из одного органа в другой не вышестоящий следственный орган, в том числе того же уровня, к юрисдикции которого район предполагаемого места совершения преступления не относится, устанавливая тем самым в качестве места производства предварительного расследования не место совершения преступления, а место нахождения, избранного по субъективному усмотрению стороны обвинения, следственного органа, ведущего производство по уголовному делу, предопределяя тем самым рассмотрение названного ходатайства судом избранным собственным, субъективным усмотрением, а не на основании закона.

Конституционный суд РФ по взаимосвязанным положениям ст. 152 УПК РФ и ст. 108 УПК РФ не раз формулировал следующие правовые позиции.

Из определения Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 331-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шашова Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 108 и 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» известно: «Соответственно, возбуждение руководителем следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации уголовного дела о преступлении, совершенном работником органов внутренних дел на транспорте в связи с исполнением им своих служебных обязанностей, не противоречит закрепленному частью первой статьи 152 УПК Российской Федерации общему правилу о производстве предварительного расследования по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, в той мере, в какой такое расследование осуществляется указанным следственным органом на находящейся под его юрисдикцией территории, охватывающей собой не только судебный район, в пределах которого было совершено данное деяние, но и судебный район места расположения самого следственного органа».

Из определения Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2013 г. № 131-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алиева Феликса Магомедалиевича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 108 и 152 УПК Российской Федерации» известно: «3.1. Положение части шестой статьи 152 УПК Российской Федерации, предусматривающее возможность передачи уголовного дела для производства предварительного расследования в вы-

шестоящий следственный орган, не противоречит общему правилу о производстве предварительного расследования по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, в той мере, в какой расследование переданного уголовного дела осуществляется вышестоящим следственным органом на находящейся под его юрисдикцией территории, охватывающей собой, в числе прочих, не только судебный район, в пределах которого было совершено данное деяние, но и судебный район места расположения самого следственного органа».

Однако ни одна из названных правовых позиций Конституционного суда РФ не выявляет неопределенности названных законоположений в следующем аспекте — отсутствие нахождения территориального (административного) района предполагаемого места совершения преступления под юрисдикцией следственного органа, месторасположение которого выдается стороной обвинения в качестве места производства предварительного расследования.

В приведенном гипотетическом примере расследование переданного уголовного дела осуществляется не вышестоящим следственным органом, а следственным органом того же, районного уровня, что и следственный орган от которого дело было изъято, причем на не находящейся под его юрисдикцией территорией, которая не охватывает собой судебный район или территориальный район, в пределах которого было совершено данное деяние (по версии стороны обвинения), а только судебный район места расположения самого следственного органа.

В свою очередь, определение места расположения самого следственного органа, устанавливающего территориальную подследственность и подсудность взамен места производства предварительного расследования, в силу названных законоположений и сложившейся правоприменительной практики, осуществляется в административном порядке, что не допускается Конституцией РФ (ч. 1 ст. 47).

Конституционный суд РФ высказывал правовую позицию и в ней речь идет о полномочиях районного суда на досудебных стадиях уголовного процесса, юрисдикция которого распространяется на место совершения деяния, но касается она только взаимосвязанных положений ст. 125 и 152 УПК РФ. Так, в резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 20 июля 2012 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки

Р.Г. Мишиной» прямо указано (п. 3): «Впредь до введения в действие нового правового регулирования рассмотрение дел по жалобам на решения и действия (бездействия) должностных лиц межрайонных следственных отделов при производстве предварительного расследования по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, должно осуществляться — безотносительно к месту расположения указанных следственных органов — тем районным судом, юрисдикция которого распространяется на место совершения деяния, содержащего признаки преступления».

Однако, относительно полномочий районного суда на досудебных стадиях уголовного процесса, юрисдикция которого распространялась бы на место совершения деяния при отсутствии предварительного расследования, осуществляемого вышестоящим следственным органом, применительно к взаимосвязанным положениям ст. ст. 108, 109 и 152 УПК РФ, правовая позиция Конституционного суда РФ отсутствует.

Если исходя из приведенного гипотетического примера, встать на позицию правоприменительной практики о том, что сама по себе передача дела из одного следственного органа в другой влечет изменение подследственности и подсудности, то ставится под сомнение право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. В таком случае, с таким же успехом можно изменить подследственность и подсудность, как в гипотетическом примере, не только из Москвы в Московскую область, но и вообще в любое место на территории России.

Таким образом, выявлена неопределенность взаимосвязанных положений ст. ст. 108, 109 и 152 УПК РФ (по смыслу придаваемому им правоприменительной практикой), что подтверждается следующим: отсутствием четкого различия между «местом производства предварительного расследования» и «местом расположения органа предварительного расследования», позволяющего правоприменительным органам и судам ставить знак равенства между этими понятиями; отсутствием четкого разграничения полномочий следственных органов по вопросам предметной и территориальной подведомственности, принадлежности к их юрисдикции конкретных территориальных районов, сфер или областей их деятельности (нет правового акта находящегося в открытом доступе, который позволял бы с достаточной степенью определенности установить юрисдикцию того или иного органа предварительного расследования на соответствующей территории или сфере деятельности); отсутствием четких и предельно конкретных, не вызывающих неопределенности в правоприменении, оснований для передачи уголовного дела из одного следственного органа в другой, условий и субъектов такой передачи; возможностью определения подсудности дела посредством правоприменительного решения до возникновения правовой ситуации (например до подачи в суд ходатайства следователя об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу) — изменением следственного органа на не вышестоящий, в том числе на другой того же, например районного уровня.

Литература

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1276 с.
2. Дикарев И.С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 113–125.
3. Казаков А.А. Об определении территориальной подследственности по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2. С. 157–159.
4. Ларинков А.А., Шиплюк В.А. Проблемы определения места производства предварительного расследования преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, средств сотовой связи и систем дистанционного банковского обслуживания // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 2 (11). С. 144–150.
5. Любан В.Г. Правовой анализ практики направления по территориальной подследственности материалов доследственной проверки с признаками дистанционных хищений безналичных денежных средств // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 66–69.

References

1. Kurs ugovolnogo processa [Course of criminal procedure]. Ed. L.V. Golovko. Moscow: Statut Publ., 2016. 1276 p. (In Russian)

2. Dikarev I. S. Podsledstvennost' v ugovolnom processe: voprosy teorii i zakonodatel'noj reglamentacii [Investigation in criminal proceedings: questions of theory and legislative regulation]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law], 2020, no. 4, pp. 113–125. (in Russian, abstract in English)

3. Kazakov A. A. Ob opredelenii territorial'noj podsledstvennosti po ugovolnym delam o prestuplenijah jekstremistskoj napravlenosti [On the definition of territorial jurisdiction in criminal cases of extremist crimes]. Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih reshenija [Crime investigation: problems and ways to solve them], 2018, no. 2, pp. 157–159. (in Russian, abstract in English)

4. Larinkov A. A., Shipljuk V. A. Problemy opredelenija mesta proizvodstva predvaritel'nogo rassledovaniya prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem seti Internet, sredstv sotovoj svjazi i sistem distancionnogo bankovskogo obsluzhivaniya [Problems of determining the place of production of preliminary investigation of crimes committed using the Internet, cellular communications and remote banking systems]. Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij [Russian journal of legal research], 2017, no. 2 (11), pp. 144–150. (in Russian, abstract in English)

5. Luban V. G. Pravovoj analiz praktiki napravlenija po territorial'noj podsledstvennosti materialov dosledstvennoj proverki s priznakami distancionnyh hishhenij beznalichnyh denezhnyh sredstv [Legal analysis of the practice of directing the territorial investigation of pre-investigation verification materials with signs of remote theft of non-cash funds]. Rossijskaja justicija [Russian justice], 2019, no. 5, pp. 66–69. (in Russian, abstract in English)

КРИМИНОЛОГИЯ

ВЗГЛЯД НА НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ОПЫТА

Барков Алексей Владимирович

Цель представленного исследования заключается в оценке возможностей использования потенциала социально-предпринимательского инструментария при совершенствовании механизма правового обеспечения постпенитенциарной ресоциализации как элемента системы профилактики правонарушений в Российской Федерации.

Методология исследования базируется на развитии подхода о высоком методологическом потенциале социально-предпринимательской идеологии как методологической базы решения широкого круга социальных проблем, обеспечивающего возможность объединения усилий полиотраслевого инструментария в перспективных научных социально ориентированных исследованиях, на широком арсенале научных методов, среди которых наиболее востребованными оказались: эмпирические (сравнение, измерение, описание, интерпретация) и теоретические – формальной и диалектической логики.

Выводы. Обоснованы выводы, что легализация социального предпринимательства в России придала новый импульс развитию механизма постпенитенциарной ресоциализации, выступила гарантом государственной поддержки работодателей, трудоустраивающих лиц, освобожденных из мест лишения свободы, нуждающихся в социальной адаптации и реабилитации, а успешный зарубежный социально-предпринимательский опыт может быть востребован при совершенствовании системы профилактики правонарушений в Российской Федерации. В подтверждение вывода разработаны научно-практические рекомендации, заключающиеся в необходимости совершенствования российского подхода к определению минимального размера заработной платы, с учетом правоприменительного опыта французских социальных предприятий, призванного гарантировать этой категории лиц достойное существование и обеспечить скорейшую социальную адаптацию. Во Франции гарантируется не минимальная заработная плата, как в России, а на законодательном уровне определяется максимально приемлемая разница в оплате труда дирекции работодателя и работников, что представляется более справедливым. Следующая рекомендация состоит в необходимости расширения перечня социально уязвимых категорий граждан, зафиксированных в п. 1.1 ст. 24.1 Закона о социальном предпринимательстве, посредством отнесения к данным лицам граждан, прошедших реабилитацию и курс лечения от психических заболеваний, наркомании, алкоголизма и токсикомании, как это регламентировано в Италии. Реализация этой рекомендации позволит ресоциализировать и адаптировать более широкий круг потенциальных правонарушителей, еще не ставших на преступную дорожку, но входящих в группу риска, и лиц с криминальным прошлым и, следовательно, в целом повысить эффективность системы профилактики правонарушений в Российской Федерации.

Научная и практическая значимость исследования представляется в обоснованности использования социально-предпринимательского опыта в качестве эмпирической базы совершенствования системы профилактики правонарушений в Российской Федерации.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, постпенитенциарная ресоциализация, социальная реабилитация, социальная адаптация, социальное предпринимательство.

По мнению экспертов, законодательство, определяющее механизм профилактики правонарушений в Российской Федерации, [1, с. 67–72], нуждается в совершенствовании. Представляется, что, несмотря на гуманный и не репрессивный характер нормативного акта (*Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851*) (далее – Закон о профилактике), отвечающего мировым тенденциям, некоторые фиксируемые законом элементы системы, имеющие декларативный характер, могут быть скорректированы с учетом зарубежного опыта. В мировой практике наиболее успешным антикризисным инструментом в решении широкого круга социальных проблем, включая профилактику преступности, признается социальное предпринимательство. Принимая во внимание, что совсем недавно, в июле 2019 г., социальное предпринимательство получило легальный статус и реальную государственную поддержку (*Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие»)» // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4147*) (далее – Закон о социальном предпринимательстве), разработка научно-практических рекомендаций по согласованию и совершенствованию системы профилактики правонарушений в Российской Федерации через призму социально-предпринимательского опыта, на наш взгляд, представляется актуальной.

В первую очередь социально-предпринимательский опыт может быть востребован при совершенствовании такого элемента системы профилактики правонарушений (формы профилактического воздействия), как ресоциализация «лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы» (ст. 25 Закона о профилактике). Суть ресоциализации данных лиц заключается в повторной, вторичной их социализации (отсюда и происхождение приставки «ре»), в ходе которой негативные ценности, тип противоправного поведения, усвоенные в прошлой аморальной криминальной жизни отбывшими наказание осужденными, должны подвергнуться трансформации с целью реинтеграции в нормальную общественную жизнь.

Ресоциализация имеет комплексный характер и включает в себя целый ряд социально-экономических, правовых, педагогических, психологических, организационных, реабилитационных

и других мер воздействия, осуществляемых государственными компетентными органами и институтами гражданского общества, нацеленных на предупреждение рецидивной преступности [2, с. 100]. Важным этапом в этом процессе признается постпенитенциарная ресоциализация, тесно смыкающаяся с вопросами социальной защиты [3, с. 13–19], играющая одну из ключевых ролей в профилактике рецидивной преступности. В структуре пенитенциарной ресоциализации выделяются такие элементы, как вторичная социализация, социальная адаптация и реабилитация [3, с. 14]. При этом нет сомнения в том, что одним из важнейших стимулов к социализации, адаптации и реабилитации бывшего заключенного является его трудоустройство [4, с. 41].

В механизме профилактики правонарушений в Российской Федерации, в перечне форм профилактического воздействия, зафиксированы все эти элементы (п. 7, 8, 9 ст. 17 Закона о профилактике). Однако в категорию лиц, к которым применимы такие меры воздействия, как социальная адаптация и реабилитация, лица, отбывшие уголовное наказание, не включены. По мнению законодателя к бывшим заключенным применима лишь ресоциализация (ст. 25 Закона о профилактике), но мероприятия, которые могли бы раскрыть ее содержание, к сожалению, не конкретизированы.

Несмотря на то, что различные федеральные стратегические профилактические программы (*Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)» // СЗ РФ. 2017. № 2 (ч. II). Ст. 413*) декларируют нацеленность на повышение эффективности проведения специальных мероприятий при участии гражданского общества, связанных с пенитенциарной ресоциализацией освободившихся заключенных, их эффективность невысока [4, с. 37]. Правительственная комиссия по профилактике правонарушений, обращая внимание на тенденцию увеличения количества ранее судимых лиц и вновь совершающих преступления в течение года после освобождения, неоднократно отмечала, что одним из препятствий, снижающих эффективность адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, является ограниченность государственного бюджетного финансирования (*Социальная адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Официальный портал Министерства Внутренних Дел Российской Федерации // URL: [mvd. rf/Razdel_vzaimodejstvie_s_organami_isp_vl/](http://mvd.rf/Razdel_vzaimodejstvie_s_organami_isp_vl/)*

социальная-адаптация (дата обращения 07.05.20)). Норма права, предписывающая «стимулирование деятельности организаций, предоставляющих рабочие места лицам, нуждающимся в социальной адаптации» (п. 3.1 ст. 24 Закона о профилактике), на практике остается необеспеченной. О необходимости поддержки предпринимателей, которые могли бы стать потенциальными работодателями бывших заключенных, нуждающихся в ресоциализации, речь вообще не ведется.

По мнению ряда исследователей вопросов, связанных с социальной адаптацией лиц, освобожденных из мест лишения свободы [5, с. 21–23], решение проблемы возможно посредством принятия специального федерального закона. Раскрывая авторскую концепцию закона, включающую также конкретизацию норм, стимулирующих предприятия на трудоустройство, переобучение и повышение квалификации бывших заключенных, Я.Г. Стахов полагает обоснованным воспользоваться успешным зарубежным правоприменительным опытом, реализуемым, в частности, с учетом закона Японии «О постепенной опеке» [5, с. 23]. Не сомневаясь в достоинствах японской системы профилактики правонарушений, тем не менее полагаем, что, в условиях дефицита бюджетного финансирования, реализовать ее на практике будет весьма затратно и потому затруднительно.

Вместе с тем, это не означает, что нужно отказаться от использования вышеотмеченного зарубежного опыта при совершенствовании российского постепенного механизма ресоциализации осужденных. Речь идет о том, что следует использовать все существующие возможности, включая реально действующие в настоящее время в России механизмы государственной поддержки. Один из таких механизмов предоставляет социальное предпринимательство, совсем недавно легализованное и еще находящееся в стадии развития, правовой инструментарий которого так же может быть скорректирован с учетом зарубежного опыта.

Интерес для совершенствования сложившегося неэффективного российского подхода к постепенной ресоциализации осужденных социальное предпринимательство представляет потому, что с июля 2019 г. в России появилась реальная возможность государственной поддержки работодателей, трудоустраивающих «лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих неснятую или непогашенную судимость» (п. 1.1.д. ст. 24.1 Закона о социальном предпринимательстве). Замысел законодателя за-

ключается в том, что субъекту малого и среднего предпринимательства (МСП), обеспечивающему занятость определенным категориям социально уязвимых лиц, включая бывших осужденных, предоставляется статус «социального предприятия», предоставляющего право на дополнительную государственную поддержку, состоящую из ряда преференций и прямой финансовой помощи (п. 5 ст. 24.1 Закона о социальном предпринимательстве).

Закон принят в свете решений «майского указа 2018» Президента РФ (*Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817*), в связи с чем содействие развитию социальных предприятий осуществляется в рамках реализации обеспеченного бюджетом национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (*См.: Официальный портал «Правительство России» // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/864/events/> (дата обращения: 27.03.20)*). В целом на реализацию национальных проектов до 2024 года запланировано выделение беспрецедентно высокой суммы, составляющей примерно 26 трлн руб., в которой более 90% будут составлять средства федерального бюджета (*Правительство опубликовало параметры национальных проектов // Портал РБК: URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/02/2019/5c6058199a79472f27e0f38e> (дата обращения: 27.04.20)*), что придает надежду на то, что социальное предпринимательство получит не декларативную, а реальную поддержку.

Учитывая высокое общественное значение и потенциал социального предпринимательства, успешно используемого во многих зарубежных странах в борьбе с различными негативными явлениями, включая преступность, следует поддержать мнение экспертов в положительной оценке факта его официального признания в России [6, с. 4–11]. Не случайно в перечне поручений Президента РФ легализация данного антикризисного инструмента, способного решать широкий спектр социальных проблем от обеспечения экологической безопасности до снижения рецидивной преступности, относилась к наиболее приоритетным задачам (*Перечень поручений президента РФ. // Официальный сайт «Президент РФ» URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55419> (дата обращения: 21.04.2020)*). О успешном социально-предпринимательском опыте использования облигаций социального воздействия (англ. Social Impact Bond

(SIB)), впервые примененного в Великобритании в целях реабилитации бывших заключенных тюрьмы Питерборо, и перспективности его применения при совершенствовании российской системы профилактики правонарушений, ранее уже писалось на страницах журнала «Союз криминалистов и криминологов» [7, с. 106–110].

В общих чертах российский подход к легализации социального предпринимательства в вопросе о присвоении статуса субъекта социального предпринимательства (социального предприятия), определении критериев государственной поддержки базируется на творческом развитии европейского модельного опыта. В антикризисной программе «Европа 2020» странам ЕС рекомендовано создавать социальные предприятия по модели итальянских социально-предпринимательских кооперативов «Cooperativa Sociale», которые в зависимости от акцентов на решение определенных социальных проблем, делятся на предприятия: типа «А» – «социально-трудовой интеграции» и типа «В» – «общественной пользы» [8, с. 3–6]. Появление в Италии поддерживаемых государством социальных кооперативов, трудоустраивающих наиболее социально уязвимые категории граждан, в том числе и освободившихся из мест заключения, позволило успешно решить проблему их социально-трудовой интеграции, поэтому данная правовая конструкция по праву признана эталоном европейской социально-предпринимательской модели.

В отличие от европейского подхода в российском законе фиксируются не две, а четыре модели социальных предприятий с учетом места благополучателя в цепочке создания стоимости, по количеству основных уязвимых целевых групп: «работник», «производитель», «потребитель» и «общество в целом» [6, с. 4]. Для каждой модели определяется соответствующее условие (критерий) (п.п. 1.1, 1.2, 1.3, 1.4 ст. 24.1 Закона о социальном предпринимательстве). В случае соответствия одному из них предприятие (субъект МСП) вправе приобрести статус субъекта социального предпринимательства (социального предприятия), гарантирующего доступ к программе государственной поддержки. Следует обратить внимание на то, что столь тщательно дифференцированный российский подход к определению условий поддержки является уникальным в мировой социально-предпринимательской практике.

В целях исследования возможностей совершенствования системы профилактики правонарушений в первую очередь представляет интерес

вопрос о правовом механизме государственной поддержки работодателей, трудоустраивающих граждан, освобожденных из мест лишения свободы, реализуемый в Законе о социальном предпринимательстве. В основу механизма заложена идея, получившая практическое воплощение в итальянском кооперативе типа «А» – «социально-трудовой интеграции», адаптированная к российской действительности и нашедшая отображение в первой модели «социального предприятия», в которой благополучателем является «уязвимый работник».

В соответствии с данной моделью, зафиксированной в п. 1.1 ст. 24.1 Закона о социальном предпринимательстве, поддержка субъекту МСП оказывается при условии, что им обеспечивается занятость не только бывших заключенных, но и любого гражданина, относящегося к восьми выделенным в законе категориям социально-уязвимых граждан (инвалидам, пенсионерам, малоимущим и т.д.). При этом количество социально-уязвимых лиц среди работников социального предприятия должно быть не менее 50%, а доля расходов на их заработную плату – не менее 25%. Подобный подход уже применялся ранее в России при определении статуса предприятия инвалидов в целях предоставления льготного налогообложения, а в последующем был апробирован в приказах Минэкономразвития (например, см.: приказ Минэкономразвития России от 25 марта 2015 г. № 167 г. «Об утверждении условий конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» // СПС «Консультант-Плюс»). Вместе с тем, в целях повышения степени социальной адаптации «уязвимых работников» этот подход может быть скорректирован с учетом зарубежного опыта.

Первое, на что обращается внимание, это – требование к минимальному размеру заработной платы, который должен гарантировать этой категории лиц достойное существование и обеспечивать скорейшую социальную адаптацию. Представляется, что апробированный российский подход уже устарел и может быть усовершенствован. В европейской практике, в частности во французских социальных предприятиях, гарантируется не минимальная заработная плата, как в России, а на законодательном уровне

определяется максимально приемлемая разница в оплате труда дирекции работодателя и работников. Во Франции внимательно следят за тем, чтобы дирекция не злоупотребляла правом на личное вознаграждение. В частности, закреплено, что среднее значение выплачиваемых сумм, включая премиальные выплаты, пяти наиболее высокооплачиваемым менеджерам не может превышать годового потолка, установленного в 7 раз выше минимальной заработной платы, а доход, наиболее высокооплачиваемого работника – в 10 раз (ст. 11 закона Франции «О социальной и солидарной экономике») (*LOI n° 2014-856 du 31 juillet 2014 relative à l'économie sociale et solidaire* // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000029313296&categorieLien=id> (дата обращения: 11.05.2020)).

Во-вторых, следует отметить, что перечень социально уязвимых категорий граждан, трудоустраиваемых в социальные кооперативы, в итальянском законодательстве шире российского. Наряду с бывшими заключенными, помимо указанных в российском Законе о социальном предпринимательстве категорий лиц, в Италии к «уязвимым работникам» отнесены прошедшие реабилитацию и курс лечения от психических заболеваний, наркомании, алкоголизма и токсикомании (*Disciplina delle cooperative sociali*, 08.11.1991, № 381 // *Итальянский портал законодательства «NORMATTIVA»*. URL: <http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto>.

dataPubblicazioneGazzetta=1991-12-03&atto.codiceRedazionale=091G0410¤tPage=1 (дата обращения: 07.05.2020)). Это те лица, определенные в Законе о профилактике, которые по замыслу законодателя, нуждаются в социальной адаптации в целях профилактики правонарушений в Российской Федерации (ст. 24 «Социальная адаптация»). Представляется, что включение данных лиц в перечень социально уязвимых категорий граждан, зафиксированных в п. 1.1 ст. 24.1 Закона о социальном предпринимательстве позволит ре-социализировать и адаптировать более широкий круг потенциальных правонарушителей, еще не ставших на преступную дорогу, но входящих в группу риска, и лиц с криминальным прошлым и, следовательно, в целом повысить эффективность системы профилактики правонарушений в Российской Федерации.

Таким образом, представляется обоснованным сделать вывод, что легализация социального предпринимательства в России придала новый импульс развитию механизма пост-пенитенциарной ресоциализации, выступила гарантом государственной поддержки работодателей, трудоустраиваемых лиц, освобожденных из мест лишения свободы, нуждающихся в социальной адаптации и реабилитации, а успешный зарубежный социально-предпринимательский опыт может быть востребован при совершенствовании системы профилактики правонарушений в Российской Федерации.

Литература

1. Зикеев В.А. Критический анализ Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 67–72.
2. Бровкина А.А., Корнеев С.А. Ресоциализация осужденных как цель уголовного наказания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 97–102.
3. Бабаян С.Л. К вопросу о постпенитенциарной ресоциализации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4. С. 13–19.
4. Черепашкин А.С., Абрамовская О.Р. Ресоциализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, как профилактика рецидивной преступности // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 1. С. 34–42.
5. Стахов Я.Г. Некоторые пути решения проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 1. С. 21–23.
6. Московская А.А. Зачем нужен закон о социальном предпринимательстве? // Мир социального предпринимательства. 2019. № 10. С. 4–11.
7. Барков А.В. О правовой природе социальных облигаций как инструмента решения широкого спектра социальных проблем: от снижения рецидивной преступности до обеспечения экологической безопасности // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 3. С. 106–110.
8. Барков А.В., Гришина Я.С. Критический анализ российского правотворческого подхода к легализации социального предпринимательства // Гражданское право. 2019. № 2. С. 3–6.

References

1. Zikeev V.A. Kriticheskij analiz Federal'nogo zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» [Critical analysis of the Federal law on the basics of the system of prevention of offenses in the Russian Federation]. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 2 (36), pp. 67–72. (In Russian, abstract in English).
2. Brovkina A.A., Korneev S.A. Resocializaciya osuzhdennyh kak cel' ugovnogo nakazaniya [Resocialization of convicts as the goal of criminal punishment]. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1, pp. 97–102. (In Russian)
3. Babayan S.L. K voprosu o postpenitenciarnoj resocializacii [On the issue of post-penitentiary resocialization]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2016, no. 4, pp. 13–19. (In Russian, abstract in English)
4. Cherepashkin A.S., Abramovskaya O.R. Resocializaciya lic, osvobozhdennyh iz mest lisheniya svobody kak profilaktika recidivnoj prestupnosti [Resocialization of persons released from prison as prevention of recidivism]. Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law], 2020, no. 1, pp. 34–42. (In Russian, abstract in English)
5. Stahov Ya.G. Nekotorye puti resheniya problemy social'noj adaptacii lic, osvobozhdennyh iz mest lisheniya svobody []. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2012, no. 1, pp. 21–23. (In Russian, abstract in English)
6. Moskovskaya A.A. Zachem nuzhen zakon o social'nom predprinimatel'stve? [Why do we need a law on social entrepreneurship?]. Mir sotsial'nogo predprinimatel'stva [The world of social entrepreneurship], 2019, no.10, pp. 4–11. (In Russian, abstract in English)
7. Barkov A.V. O pravovoj prirode social'nyh obligacij kak instrumenta resheniya shirokogo spektra social'nyh problem: ot snizheniya recidivnoj prestupnosti do obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti [On the legal nature of social bonds as a tool for solving a wide range of social problems: from reducing recidivism to ensuring environmental safety]. Soyuz kriminalistov i kriminologov [The Union of Criminalists and Criminologists], 2018, no. 3, pp. 106–110. (In Russian, abstract in English)
8. Barkov A.V., Grishina Ya.S. Kriticheskij analiz rossijskogo pravotvorcheskogo podhoda k legalizacii social'nogo predprinimatel'stva [Critical analysis of the Russian law-making approach to the legalization of social entrepreneurship]. Grazhdanskoe pravo [Civil law], 2019, no. 2, pp. 3–6. (In Russian, abstract in English)

РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНЫМ БАНКРОТСТВАМ

Маслакова Елена Александровна
Приходько Наталья Юрьевна

Цель: рассмотреть исторические предпосылки и социальную обусловленность криминализации преступлений в сфере банкротства; проанализировать зарубежный опыт уголовно-правовой регламентации ответственности криминальных банкротств на основе Германии, Англии, Франции, Испании, Италии и США; исследовать важные криминологические факторы криминальных банкротств, такие как: сложность преступных методов, высокий уровень латентности, специфические черты и свойства личности субъекта преступления, стабильное положение среди остальных должностных преступлений.

Методология: представлена общенаучными методами: синтез, системный анализ, диалектический метод, также использовались специально-научные методы: историко-правовой метод, правовое сравнение, теоретико-юридический метод. Все вышеуказанные методы в применении в едином комплексе позволили произвести комплексный системный анализ института криминальных банкротств.

Выводы. Следует признать, что принадлежность стран к той или иной правовой семье хоть и определяет определенную специфику национального законодательства, но не обуславливает принципиальных и существенных различий в формировании правовых институтов и методов правового регулирования: основное влияние на развитие института криминального банкротства, степень его урегулирования и регламентации, как представляется, обусловлено совокупностью культурных, исторических, а в большей мере, политических и экономических особенностей конкретной страны. В связи с чем обобщающий анализ может помочь выявить правильный путь усовершенствования отечественного законодательства с целью повышения его эффективности.

Научная и практическая значимость. В процессе проводимого исследования были выявлены некоторые несовершенства законодательных актов зарубежных государств, регулирующих криминальные банкротства, что подтверждает необходимость более глубокого изучения правоведами отдельных проблем. Это позволит устранить в дальнейшем пробелы законодательства, в том числе и национального, что важно для правильной квалификации содеянных преступлений. Достижение данного результата обуславливает практическую и научную значимость исследования. Полученные в работе результаты могут стать основой для новых исследований, а также использоваться правоприменителем как вспомогательный источник для более точной и правильной квалификации преступлений в сфере банкротства.

Ключевые слова: криминальные банкротства, состав преступления, противоречия, фиктивное банкротство, криминальное банкротство, эдикт, банкрот, неплатежеспособность.

Как и в отечественной истории, институт несостоятельности в зарубежных странах появляется под воздействием возникновения частной собственности. Длительное время во многих государствах обеспечением долга было не имущество, а сам должник, его свобода, телесная неприкосновенность и даже жизнь. Так, в римском законе XII таблиц

было прописано, что «в случае неудовлетворения требований кредиторы имели право рубить по частям тело должника» [1, с. 157]. В праве Норвегии за долги кредиторы могли отрезать ту или иную часть тела. В странах Западной Европы не менее жестоко законы регулировали правоотношения между должником и кредитором. В Германии, королем

Карлом V в 1531 и 1540 гг. были приняты эдикты. Они приравнивали несостоятельных должников к ворам. Всех преступников, уличенных в данных деяниях, подвергали такому наказанию как казнь [2, с. 92–93]. Стоит отметить, что такие жестокие санкции и меры не являлись продуктивными для предупреждения новых банкротств. Во многом это связано с нерадивостью или злой волей несостоятельных должников. Все это привело к необходимости принятия новых законов, регулирующих вышеуказанный институт права.

Так, например, в таких странах как Англия и Уэльс действует Закон о несостоятельности 1986 г. Стоит отметить, что категория «банкротство» относится только к гражданам, к юридическим лицам применяются определения «ликвидация» и «администрирование».

В США понятие «банкротство» относится и к физическим, и к юридическим лицам одновременно. Для судов, которые рассматривают дела о банкротстве, установлены специальные правила ведения процесса. В кодексе предусмотрено шесть видов банкротств. Однако особенностью института банкротства в США является то, что процедура ликвидации и финансовая реорганизация применяются ко всем субъектам экономических правоотношений. Важную правовую основу составляют Правила о несостоятельности, установленные в 1986 году [3, с. 31].

Стоит подчеркнуть, что в США и в Великобритании установлен порядок, при котором процесс передачи имущества, направленный на обман кредитора, по заявлению конкурсного управляющего может быть признан недействительным.

Достаточно большой интерес вызывает законодательство Германии, которое так же, как и в России, основано на принципах романо-германской правовой семьи, где в качестве основного источника права выступает нормативный правовой акт. Следует отметить достаточно тесное историческое взаимодействие России и Германии, которое послужило источником для заимствования в законодательство нашей страны немецкой правовой идеи об институте банкротства. Так, в Германии действует специальный закон о банкротстве — Положение о несостоятельности от 1999 г. Но данный акт не является единственным, институт криминальных банкротств регламентируется Уголовным Кодексом ФРГ: определяются конкретные составы преступлений и ответственность за них [4, с. 113]. УК Германии не дифференцирует составы преднамеренного и фиктивного банкротства. В указанном акте выделяют три вида санкционированного криминального банкротства:

простое, злостное и особо тяжкое. Кроме того, УК ФРГ закрепил такие составы преступления, которые только связаны с банкротством: нарушение обязанности ведения бухгалтерских книг; способствование одному из кредиторов; способствование несостоятельному должнику [5, с. 16–17]. Особенностью уголовного закона в Германии является то, что основные составы криминальных банкротств являются формальными. Аналогичную позицию приняли и законодатели в Испании, Франции и Италии.

Анализируя уголовное законодательство Германии, необходимо учитывать особую экономическую развитость этой страны. В связи с этим, за совершение преступлений, которые связаны с банкротством, предусмотрено строгое наказание. Например, за совершение злостного банкротства предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок до десяти лет; за умышленное преступление в сфере банкротства — до пяти лет; неосторожное — до двух лет.

Помимо Германии, в романо-германскую правовую семью входит Франция. Отношения банкротства в законодательстве Франции, регулируются не только специальным Законом «О восстановлении предприятий и ликвидации их имущества в судебном порядке» № 85–98 от 25 января 1985 г., но и нормами УК Франции. Вместе с этим, ее законодательству присуще ограничение круга преступных банкротств. Так, уголовное право выделило только один состав таких преступлений — «организация фиктивной неплатежеспособности».

Ответственность за деяния, связанные с банкротством, по законодательству Испании, установлена Уголовным кодексом страны (книга II раздела XIII в главе 7 «О наказуемой несостоятельности»). Законодательство Испании не различает такие понятия как «преднамеренное» и «фиктивное» банкротство, однако, предусматривает близкие по содержанию уголовно-правовые нормы и устанавливает достаточно широкий круг уголовно-наказуемых деяний в сфере банкротства, закрепленных в ст. 257–261 УК Испании.

Зарубежный опыт по своей специфике довольно разнообразный, каждое государство имеет свои отличительные особенности в регулировании отношений в сфере несостоятельности, а также криминальных банкротств. Изучение данного опыта является важно для совершенствования отечественного законодательства в этой сфере, а также для пресечения подобных преступлений.

Следует признать, что принадлежность стран к той или иной правовой семье хоть и определяет определенную специфику национального законо-

дательства, но не обуславливает принципиальных и существенных различий в формировании правовых институтов и методов правового регулирования: основное влияние на развитие института уголовного банкротства, степень его урегулирования и регламентации, как представляется, обусловлено совокупностью культурных, исторических, а в большей мере политических и экономических особенностей конкретной страны. В связи с чем обобщающий анализ может помочь выявить правильный путь усовершенствования отечественного законодательства с целью повышения его эффективности.

На современном этапе развития российского общества происходит коренное преобразование во многих сферах жизнедеятельности. Однако до сих пор остро стоит проблема криминогенной обстановки, роста преступности. Социально-экономические преобразования в России за последние 20 лет являются не только основанием для динамики развития общества и государства, но также служат причиной появления более сложных составов преступлений. Многообразие форм собственности, усовершенствование механизмов экономического воздействия на рынок, появление новых методов хозяйственного функционирования — все это приводит к огромной конкуренции между субъектами предпринимательства, а также к материальному расслоению общества. В связи с этим все чаще в практике арбитражных судов появляются дела, связанные с признанием банкротом. Согласно официальной статистике, опубликованной Единым федеральным реестром юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, количество таких дел с момента принятия Закона о банкротстве с каждым годом увеличивается (Статистический бюллетень ЕФРСБ 2018: Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности URL: <http://fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20ЕФРСБ%202018.pdf> (дата обращения: 15.12.2019)). К примеру, в 2018 г. было вынесено в 1,5 раза больше решений о признании граждан несостоятельными, чем в 2017 г. Количество юридических лиц, которые были признаны банкротами, в 2018 г. уменьшилось на 3,1% и составило 13117 дел. Однако данное число остается достаточно высоким. Так, признание лица несостоятельным влечет за собой тот факт, что денежные требования отдельных кредиторов не будут исполнены. Данное обстоятельство можешь нарушить экономическую целостность

и стать основой для появления у самого кредитора признаков банкротства. Таким образом, на законодательном уровне должны быть созданы эффективные механизмы контроля. Законодатель предусмотрел уголовную и административную ответственность за правонарушения в указанной сфере. Сразу необходимо отметить, что в основном составы дифференцируются между данными отраслями по размеру ущерба.

Действующий уголовный закон в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» в ст. 195–197 устанавливает конкретные составы преступлений в сфере банкротства. Перечисленные статьи уголовного закона являются бланкетным, таким образом, чтобы определить понятие и дать характеристику криминальным банкротствам, необходимо проводить исследование в области законодательства о несостоятельности, а также обратиться к нормам гражданского права. В настоящее время в Российской Федерации основным нормативным правовым актом, регулирующим сферу банкротства, является Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190) (далее — ФЗ № 127). Однако фундаментальные положения для ключевых понятий криминальных банкротств заложил Федеральный закон от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», который действовал на момент принятия Уголовного кодекса РФ в 1996 г. (СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954).

При толковании понятия «криминальные банкротства» необходимо обратиться к терминам «несостоятельность» и «банкротство». В юридическом сообществе до сих пор существует спор об их отождествлении и разграничении. Позицию законодателя о том, что «несостоятельность» и «банкротство» — это тождественно равные понятия, поддерживает адвокат П.Д. Баренбойм [6, с. 48]. Он подкрепляет свое мнение тем, что термин «банкротство» является подкрепительным понятием к «несостоятельности», помогающим выразить энергичную окраску второго. У данной позиции много противников. Например, советский юрист Е.А. Васильев указывал, что при применении данных терминов необходимо учитывать опыт зарубежных стран, а также опыт советского права [7, с. 89]. Так, в Белоруссии данные понятия отделены, в США используется только термин «банкротство». В советской литературе сложилось мнение о том, что несостоятельность представляет собой абсолютную неплатежеспособность и разорение. Васильевым Е.А. отмечается, что термин «банкротство» является более узким, и зачастую связан с конкретным случаем неплатеже-

способности. Однако сразу необходимо отметить, что и в том, и другом случае раскрывается именно финансово-экономическая составляющая – невозможность оплатить долги перед кредиторами. Это мнение разделяется кандидатом юридических наук М.В. Телюкиной [8, с. 3–25], а также учеными-правоведами Российской империи Г.Ф. Шершеневичем и А.Н. Трайниным. Ими высказана идея о том, что термин «несостоятельность» относится к гражданско-правовой ответственности, а «банкротство» – к уголовной. Такое теоретическое разграничение, по мнению ученых, способствует правильному уяснению смысла всего института банкротства.

Однако законодателем установлена тождественность понятий. Ст. 2 ФЗ № 127 определяет несостоятельность (банкротство) как признанную арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору и исполнить обязанность по уплате обязательных. Таким образом, правоприменителями, а также судами используется идея идентичности смысла этих понятий.

Уголовным кодексом к криминальным банкротствам отнесены и такие составы преступлений, когда лицо еще не признано арбитражным судом несостоятельным (ст. 195 УК РФ). Следовательно, криминальные банкротства – это такие преступления, которые непосредственно связаны с несостоятельностью вне зависимости от принятого судом решения о банкротстве. Стоит отметить, что термин «несостоятельность» появился в первом законе о банкротстве в России от 19 ноября 1992 г. Дополнительно данным актом был определен критерий «неплатежеспособность», признаки банкротства, а также основания для применения мер по предупреждению несостоятельности [9, с. 101–104].

Правоприменителям для того, чтобы правильно определить объективную сторону рассматриваемых преступлений, необходимо понимание основных признаков признания банкротом. Основопологающим здесь является такое понятие, как неплатежеспособность. С правой точки зрения, оно представляет собой «невозможность осуществить исполнение денежных обязательств, которые возникли при осуществлении предпринимательской деятельности, т.е. лицо не способно на реализацию вышеуказанных действий» [10, с. 280].

Необходимо отметить, что неплатежеспособность иногда имеет временный характер и может быть вызвана рядом внешних причин: полити-

ческими обострениями, ошибками государства в экономической доктрине, а также экологическими и природными катаклизмами. Таким образом, необходим слаженный механизм для своевременного и правильного выявления признаков банкротства. Однако некоторыми лицами искусственно создаются условия для признания юридического лица, индивидуального предпринимателя, гражданина несостоятельным. Такие действия противоречат законодательству и за них предусмотрена ответственность.

Выявление и пресечение таких правонарушений усложняется их латентностью. Кредиторы не всегда способны обнаружить признаки неправомерных действий должника, а также не имеют желания обращаться в правоохранительные органы. Анализируя юридическую литературу, а также судебную практику можно выделить три категории должников:

- признанные несостоятельными в связи с неэффективным ведением ими хозяйственной деятельности, в результате чего они не имеют больше возможности исполнить свои обязательства. Административная и уголовная ответственности для таких лиц не предусмотрена;

- недобросовестные лица с признаками банкротства и банкроты, которые причинили не крупный ущерб кредиторам своими неправомерными действиями. Такие субъекты привлекаются к административной ответственности;

- криминальные должники, которые умышленно причинили своими действиями крупный ущерб кредиторам. Для таких лиц предусмотрена уголовная ответственность.

Таким образом, под криминальным банкротством следует понимать совокупность предусмотренных уголовным законом сходных составов преступлений: умышленных деяний при появлении признаков банкротства, при проведении процедуры банкротства с целью появления признака неплатежеспособности, а равно с неправомерным использованием процедур, вследствие чего кредиторам причиняется крупный ущерб.

Изучение института банкротства в его историческом формировании позволяет выявить предпосылки для появления и развития правового регулирования ответственности за неправомерные действия в области несостоятельности в его современном виде. Проведенное рассмотрение отечественного и зарубежного опыта позволяет сделать вывод о том, что криминальное банкротство, как общественное опасное негативное явление, имеет особое место в законодательстве. Данный факт подтверждается закреплением уголовной ответственности за исследуемые деяния.

Литература

1. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. Книга первая. Титул 1: О правосудии и праве. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
2. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М., 1912. Т. 4. 663 с.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. 400 с.
4. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: учебник для юридических вузов. М.: Зерцало, 2006. 560 с.
5. Пивоварова Н.Н. Криминальные банкротства: проблемы уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2010. 32 с.
6. Банковское право: учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л.Г. Ефимова, Д.Г. Алексеева. М.: Проспект, 2019. 929 с.
7. Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2018. 848 с.
8. Телюкина М. Системный анализ процедуры наблюдения и практические проблемы ее реализации // Хозяйство и право. 2018. № 5. С. 3–25.
9. Хусьяйнова С.Г. Противодействие незаконному банкротству средствами прокурорского надзора // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 2 (209). С. 101–104.
10. Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): монография. М.: Проспект, 2017. 280 с.

References

1. Pamjatniki rimskogo prava: Zakony XII tablic. Institucii Gaja. Digesty Justiniana: Kniga pervaja. Titul 1: O pravosudii i prave [Monuments of Roman law: Laws of the XII tables. Guy's Institutions. Justinian's digests: Book one. Title 1: about justice and law]. Moscow: Zertsalo Publ. 1997. 608 p. (In Russian)
2. Shershenevich G.F. Konkursnoe pravo. Torgovyj process. Konkursnyj process [Competition law. Trade process. Competitive process]. Vol. 4. Moscow, 1912. 663 p. (In Russian)
3. David R., Joffre-Spinosi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [Basic legal systems of our time]. Moscow, 1996. 400 p. (In Russian)
4. Marchenko M.N. Sravnitel'noe pravovedenie. Obshhaja chast': Uchebnik dlja juridicheskikh vuzov [Comparative law. General part: Textbook for law schools]. Moscow: Zertsalo Publ., 2006. 560 p. (In Russian)
5. Pivovarova N.N. Kriminal'nye bankrotstva: problemy ugolovno-pravovogo regulirovanija [Criminal bankruptcies: problems of criminal law regulation] Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Rostov-on-Don, 2010. 32 p. (In Russian)
6. Bankovskoe pravo: uchebnik dlja bakalavrov [Banking law: a textbook for bachelors]. 2nd edit. / Ed. L.G. Efimov, D.G. Alekseev. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 929 p. (In Russian abstract in English)
7. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnik [International private law: Textbook]. V.N. Borisov, N.V. Vlasova, N.G. Doronina. Ed. N.I. Maryshev. 4th edit. Moscow: IZiSP Kontrakt Publ., 2018. 848 p. (In Russian)
8. Telyukina M. Sistemnyj analiz procedury nabljudenija i prakticheskie problemy ee realizacii [System analysis of the surveillance procedure and practical problems of its implementation]. Hozjajstvo i pravo [Economy and law], 2018, no. 5, pp. 3–25. (In Russian)
9. Khusyaynova S.G. Protivodejstvie nezakonnomu bankrotstvu sredstvami prokurorskogo nadzora [Counteraction to illegal bankruptcy by means of Prosecutor's supervision]. Imushhestvennye otnoshenija v Rossijskoj Federacii [Property relations in the Russian Federation], 2019, no. 2 (209), pp. 101–104. (In Russian, abstract in English)
10. Koraev K.B. Neplatezhesposobnost': Novyj institut pravovogo regulirovanija finansovogo ozdorovlenija i nesostojatel'nosti (bankrotstva): Monografija [Insolvency: New Institute of legal regulation of financial recovery and insolvency (bankruptcy): Monograph] Moscow: Prospekt Publ., 2017. 280 p. (In Russian)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АПОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Петрякова Антонина Васильевна

Цель: исследование ориентировано на проблемы криминализации в государствах ЕС пропаганды терроризма в Интернете. Апология, восхваление терроризма, проявление неуважения к жертвам терроризма в Интернете требуют единообразного подхода и законодательного регулирования как на внутригосударственном, так и на наднациональном и международном уровнях, перевода этих отношений из информационно-правовой сферы в уголовно-правовую.

Методология: сравнительно-правовой анализ, синтез, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Идея борьбы с терроризмом на наднациональном уровне в Европейском Союзе получила новое содержание. Директива 2017/541 дополнена новеллами, среди которых криминализация публичной провокации к терроризму. Автор приходит к заключению о неоднородном подходе к выполнению (имплементации) директив Европейского Парламента и Совета Европейского Союза (в частности, Директивы 2017/541) Государствами-участниками, что является безусловным препятствием к унификации и гармонизации законодательства Европейского Союза.

Научная и практическая значимость. Исследование Директивы 2017/541 интересно, во-первых, в связи с тем, что она представляет собой юридический документ межотраслевого характера, содержит нормы уголовного права, уголовного процесса, административного права. Во-вторых, практическую ценность представляет изучение процесса имплементации наднационального (регионального) законодательства ЕС в законодательство Государств-участников. Несмотря на то, что Директива 2017/541 является обязательной к исполнению, поскольку посвящена борьбе с терроризмом, не все Государства-участники полно и своевременно имплементировали ее нормы в национальное право. В-третьих, изучение Директивы 2017/541 и национального права Государств-участников ЕС, регламентирующего вопросы борьбы с терроризмом, имеет научное и практическое значение для целей объединения усилий на европейском пространстве по борьбе с терроризмом и экстремизмом, в том числе, с использованием сети Интернет, разработки новых универсальных методов и инструментов, административных регламентов и процедур.

Ключевые слова: Интернет, терроризм, прославление терроризма, пропаганда терроризма, призывы к терроризму, Директива 2017/541, борьба с терроризмом, провокация, подстрекательство, восхваление, апология терроризма, блокирование, удаление контента, наднациональное регулирование, международное право, кибертерроризм.

Призывы к совершению террористических актов, восхваление терроризма, формирование социальных групп адептов идеологии насилия в Интернете позволяют в настоящее время рассматривать глобальную сеть как источник террористической угрозы и требуют использования на

государственном, региональном и международном уровнях различных, в том числе правовых инструментов для ограничения (блокирования) распространения соответствующего контента.

Преступники «пользуются отстающим характером правового регулирования, для того чтобы

избежать ответственности» [1, с. 199]. Выявляются значительные пробелы в праве, которые умело используют злоумышленники.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 212.) указывается, что деятельность террористических и экстремистских организаций представляет угрозу государственной и общественной безопасности России. Особо в данном документе в качестве одной из основных угроз отмечается «деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе»; необходимо принимать меры для повышения защищенности России от «деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций». Стратегия указывает на терроризм, как угрозу международного масштаба, и призывает к укреплению международного сотрудничества в сфере борьбы с ним. В этой связи представляется интересным опыт европейской антитеррористической интеграции и исследование новелл европейского антитеррористического законодательства.

Целью исследования является рассмотрение опыта ЕС в вопросах, связанных с криминализацией публичной провокации к совершению террористического преступления в Интернете, а также изучение процесса имплементации уголовно-правовых норм наднационального законодательства ЕС в соответствующие нормативно-правовые акты Государств-участников на примере Директивы Европейского Парламента и Совета ЕС 2017/541 о противодействии терроризму от 15 марта 2017 г. (См.: Директива Европейского Парламента и Совета ЕС 2017/541 от 15 марта 2017 г. о противодействии терроризму, о замене Рамочного Решения 2002/475/ПВД Совета ЕС и об изменении Решения 2005/671/ПВД Совета ЕС // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2017/541/oj> (дата обращения: 12.03.2020)) (далее – Директива о противодействии терроризму).

Правовые исследования вопросов имплементации наднационального законодательства ЕС в национальные правовые системы отдельных Государств-участников проводятся российскими и зарубежными учеными. Так, Диана Штаге и Джессика Сторей рассматривают вопросы уни-

фикации европейского права на примере имплементации Директивы Европейского Парламента и Совета 2014/57/ЕС о злоупотреблениях на рынках от 16 апреля 2014 г. (*EC Directive 2014/57/EU of the European Parliament and of the Council of 16th April, 2014 on criminal sanctions for market abuse (market abuse directive)*), показывая на примере Германии, Австрии и Ирландии разнообразные пути ее имплементации [2, с. 117]. Авторы отмечают, что в связи с заключением Лиссабонского договора от 1 декабря 2009 г. Европейский Союз имеет возможность влиять на национальное законодательство государств-участников путем издания регламентов и директив. И если регламенты непосредственно применяются государствами-участниками, то директивы подлежат имплементации в национальную правовую систему. Авторы заключают, что если регламенты являются результатом правотворчества, то директивы служат унификации права Европейского Союза [2, с. 116].

Исследований российских ученых на тему криминализации в странах ЕС публичной провокации к терроризму немного. Этой темы отчасти касаются работы В.В. Войникова, А.Г. Волеводза. Проблемы, связанные с кибертерроризмом, исследуются в работах О.А. Степанова, который систематизирует угрозы в киберпространстве и методы борьбы с ними [3, с. 77–87]. Публичная провокация совершения террористического преступления с использованием компьютера (размещение информации в сети Интернет) может рассматриваться как проявление кибертерроризма, но с направлением вредоносного воздействия не на сетевую инфраструктуру, а вовне.

Вопросы борьбы с терроризмом исследовал доктор юридических наук, профессор В.П. Кашепов. Он указывает на необходимость криминализации в качестве отдельного преступления «технологического терроризма» [4, с. 33]; новые технологии позволяют активно и безнаказанно пропагандировать и прославлять терроризм в Интернете. Особая форма терроризма (исследование Мацкевича И.М.) – психологический терроризм (буллинг) – характерна для подростковых коллективов (тинэйджеров). Такой «психологический» терроризм распространяется в соцсетях в Интернете [5, с. 88].

Из зарубежных исследователей вопросов борьбы с терроризмом на европейском правовом пространстве следует отметить Кристиана Каунерта (Christian Kaunert), изучающего с правовой и политической точек зрения интеграцию усилий ЕС в борьбе с терроризмом и разнообразными его проявлениями [6, с. 11].

Директива о противодействии терроризму направлена на гармонизацию уголовно-правовых норм ЕС о борьбе с терроризмом и адаптацию законодательства ЕС к новым вызовам и угрозам террористического характера. Европейский законодатель, вводя на европейском правовом пространстве новый состав уголовного преступления – преступление публичной провокации к совершению террористического преступления, реагирует таким образом на изменения политического, экономического, социального характера и адаптируется к ним, безусловно, учитывая международно-правовые установки и тенденции. Доктор политических наук О.Ю. Потемкина считает выполнение в Европейском Союзе согласованных антитеррористических мероприятий «слабым местом европейской антитеррористической политики» [7, с. 53].

Понятие «преступление публичной провокации к совершению террористического преступления» (*the offence of public provocation to commit a terrorist offence*) включает в себя, в частности, прославление и оправдание терроризма или распространение сообщений или изображений в Интернете и в автономном режиме, в том числе связанных с жертвами терроризма, в качестве способа получения поддержки террористических целей. При этом хочется обратить внимание на то, что размещение вредоносных сообщений в автономном режиме, то есть в приватном общении (скажем, в переписке), также рассматривается в качестве публичной провокации.

Согласно Директиве о противодействии терроризму, такое поведение должно подлежать наказанию, если оно создает опасность совершения террористических актов. В каждом конкретном случае при рассмотрении вопроса о том, имеется ли такая опасность, следует принимать во внимание: автора, адресат, контекст сообщения, его значимость, достоверность.

Удаление контента в ней рассматривается как одно из эффективных средств борьбы с терроризмом в Интернете. Государства-участники должны наладить сотрудничество с третьими странами в целях обеспечения удаления вредоносного контента с серверов на их территории. Когда же удаление такого контента из источника невозможно, следует блокировать доступ к нему с территории ЕС. При этом хочется отметить, что удаление (или блокирование) контента предполагается во внесудебном (административном) порядке.

Осуществление уголовно-правовых мер, принятых в соответствии с указанной Директивой, должно быть соразмерно характеру и обстоятель-

ствам преступления и должно исключать любую форму произвола. Осуществление уголовно-правовых мер, принятых в соответствии с ней, должно исключать любую форму расизма, дискриминации, произвола.

Согласно Директиве о противодействии терроризму, ничто ней не должно толковаться как направленное на сокращение или ограничение распространения информации в научных, академических или отчетных целях. Выражение спорных, радикальных, полемических идей и взглядов в публичных дебатах по политическим вопросам выходит за рамки регулирования Директивой.

В соответствии со ст. 21 Директивы меры по удалению и блокированию вредоносного контента должны устанавливаться на основании прозрачных процедур и предусматривать определенные гарантии обеспечения того, чтобы принимаемые меры ограничивались в соответствии с принципами необходимости и соразмерности и чтобы пользователей информировали о причинах таких мер. Гарантии, связанные с удалением или блокированием, также должны включать возможность возмещения возникших убытков в судебном порядке.

В соответствии со ст. 5 Директивы государства-участники принимают меры для обеспечения того, чтобы распространение любым способом (онлайн или офлайн) сообщения с намерением подстрекать общественность к совершению террористических преступлений, когда такое поведение, прямо или косвенно, например, путем прославления террористических актов, пропагандирует совершение террористических преступлений, наказывалось как уголовное преступление, когда оно совершается умышленно.

Директива о противодействии терроризму устанавливает минимальные меры уголовной ответственности для физических лиц за террористические преступления. В частности, п. 3 ст. 15 Директивы указывает, что государства-участники принимают необходимые меры для обеспечения того, чтобы преступления, перечисленные в статье 4 Директивы, наказывались лишением свободы с максимальным сроком наказания не менее 15 лет за преступление, упомянутое в пункте (а) статьи 4 (руководство террористической группой), а за преступления, перечисленные в пункте (б) статьи 4 (участие в деятельности террористической группы), максимальным сроком наказания не менее 8 лет.

Директива также предусматривает санкции в отношении юридических лиц вплоть до временного или постоянного закрытия учреждений,

которые использовались для совершения преступления (ст. 18).

Согласно ст. 28 Директивы, государства-участникам следует к 8 сентября 2018 г. ввести в действие законы, процедуры и административные условия, необходимые для соответствия ее положениям.

При этом можно отметить, что Директива является примером регулирования вопросов, связанных с терроризмом, на междисциплинарном уровне; в ее составе можно выявить нормы уголовного права, уголовного процесса (защита жертв терроризма), административного права (блокирование и удаление вредоносного контента предполагается в административном порядке путем введения в государствах-участниках соответствующих административных процедур).

Следует обратить внимание на тот факт, что Директива не имеет прямого действия на территориях государств-участников ЕС (что также отмечают в своей работе Диана Штаге и Джессика Сторей). Ее положения требуют дальнейшей имплементации в национальное законодательство каждого государства-участника.

Директива является обязательной для всех государств-участников. Тем не менее статистика имплементации Директивы в национальное законодательство показывает, что одни государства внедрили положения Директивы в национальное законодательство практически дословно (Финляндия, Мальта). Однако некоторые государства (например, Дания и Ирландия) не принимали нормативно-правовые акты для целей гармонизации национального права и Директивы. Причины такого «игнорирования» актов наднационального права могут стать предметом самостоятельного изучения. Возможно, что уголовное, административное, уголовно-процессуальное законодательство этих стран уже содержит сходные с положениями Директивы правовые нормы, а предусмотренные меры ответственно-

сти соразмерны или превышают установленные Директивой минимальные значения. Но можно также предположить, что формирование единого уголовного права ЕС в настоящее время затруднительно, поскольку внутригосударственные интересы некоторых государств-участников преобладают над общеевропейскими; не все государства-участники в равной мере ощущают значительность и необходимость общеевропейских преобразований и ценностей, в том числе и в правовой сфере.

В дальнейшем более глубокому научному исследованию следует подвергнуть вопросы, связанные с единообразием имплементации Директивы в правовые системы государств-участников ЕС, выяснением причин отказа от преобразования национального законодательства или частичного следования нормам Директивы. Интересны также вопросы, связанные с возможным формированием единого европейского права (в частности, уголовного, которое необходимо, например, для решения вопросов об экстрадиции лица, совершившего преступление).

Самостоятельное исследование необходимо как по вопросам введения в странах ЕС конкретных административных процедур и регламентов для удаления (или блокирования) вредоносного контента, пропагандирующего терроризм, так и по новым правовым методам борьбы с терроризмом в целом.

Профессор Габриэль Вайман, исследующий вопросы борьбы с терроризмом более 30 лет, называет кибертерроризм конвергенцией киберпространства и терроризма. В своих недавних публикациях он отмечает эволюцию террористической пропаганды в Интернете, в частности, ее «уход» в Даркнет [8, с. 197]. В этой связи представляются также интересными исследования ученых о возможностях борьбы с проявлениями терроризма и экстремизма, их пропагандой в этой «темной стороне» Интернета.

Литература

1. Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 2. С. 196–209.
2. Штаге Д., Сторей Д. Унификация права в странах-членах Европейского Союза посредством издания директив на примере имплементации второй директивы о злоупотреблениях на рынке (КРИМ-МАД) в Германии, Австрии и Ирландии // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 2. С. 116–122.
3. Степанов О.А. Противодействие кибертерроризму в цифровую эпоху: монография. М., 2020. 103 с.
4. Кашепов В.П. Уголовно-правовое регулирование противодействия терроризму // Уголовное право. 2006. № 3. С. 31–36.

5. Мацкевич И.М. Преступность тинэйджеров: стратегия XXI в. // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 2. С. 86–90.
6. Kaunert C. Supranational governance in EU counter-terrorism. *Central European Journal of International and Security Studies*, 2010, vol. 4, no. 1, pp. 1–32.
7. Потемкина О.Ю. Новые инструменты политики Европейского Союза в области борьбы с терроризмом // Вестник МГУ. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 2. С. 51–72.
8. Weimann G. Going Dark: Terrorism on the Dark Web. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2016, no. 39(3), pp.195–206 // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2016. № 39(3). С. 195–206.

References

1. Zaloilo M.V., Pashentsev D.A. Natsionalniy pravoporiadok Rossii v usloviyah tsifrovizatsii [National legal order of Russia in the conditions of digitalization]. *Vestnik SPbGU. Pravo [St. Petersburg State University Bulletin. Law]*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 196–209. (In Russian, abstract in English)
2. Stage D., Storey J. Unifikacija prava v stranah-chlenah Evropejskogo Sojuza posredstvom izdaniya direktiv na primere implementacii vtoroj direktivy o zloupotreblenijah na rynke (krim-mad) v Germanii, Avstrii i Irlandii [Approximation of laws in the EU Member States through the adoption of guidelines – exemplified by the implementation of the Second Market Abuse Directive (CRIM-MAD) in Germany, Austria and Ireland]. *Sojuz kriminalistov i kriminologov [The Union of Criminalists and Criminologists]*, 2018, no. 2, pp. 116–122. (In Russian, abstract in English)
3. Stepanov O.A. Protivodejstvie kiberterrorizmu v cifrovuju jepohu: Monografija [Countering cyber terrorism in the digital age: Monography]. Moscow, 2020. 103 p. (In Russian)
4. Kashepov V.P. Ugolovno-pravovoe regulirovanie protivodejstvija terrorizmu [Criminal law regulation of counter-terrorism]. *Ugolovnoe parvo [Criminal Law]*, 2006, no. 3, pp. 31–36. (In Russian)
5. Matskevich I.M. Prestupnost' tinjejdzherov: strategija XXI v. [Crime of teenagers: the strategy of the 21st century]. *Sojuz kriminalistov i kriminologov [The Union of Criminalists and Criminologists]*, 2018, no. 2, pp. 86–90. (In Russian)
6. Kaunert C. Supranational governance in EU counter-terrorism. *Central European Journal of International and Security Studies*, 2010, vol. 4, no. 1, pp. 1–32. (In English)
7. Potemkina O.Yu. Novye instrumenty politiki Evropejskogo Sojuza v oblasti bor'by s terrorizmom [New instruments of the European Union's counter-terrorism policy]. *Vestnik MGU. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. [MSU Bulletin. Series 25: International relations and world politics]*, 2015, no. 2, pp. 51–72. (In Russian, abstract in English)
8. Weimann G. Going Dark: Terrorism on the Dark Web. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2016, no. 39(3), pp. 195–206. (In English)

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ГДЕ ИСПОЛНЯЕТСЯ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБИЯ?

Милич Д. Иван

***Цель:** в Республике Сербия существует более 30 исправительных учреждений, в которых применяется тюремное наказание к осужденным лицам. Цель настоящей работы – выявить критерии, от которых зависит, в каком исправительном учреждении осужденный будет отбывать срок наказания, а также выяснить, в каких учреждениях исполняются другие уголовные санкции в виде лишения свободы.*

***Методология:** в докладе рассматриваются текущие позитивно-правовые решения. В связи с этим будет использован анализ правовых норм. В работе также будут представлены определенные данные о количестве осужденных в тюремных учреждениях, полученные в результате статистического анализа.*

***Выводы.** Все пенитенциарные учреждения в Сербии в значительной степени переполнены, что усложняет процесс ресоциализации осужденных. Существует несколько критериев, от которых зависит то, где осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы, но действующие правила содержат противоречия, что влияет на правовую определенность. В будущем при изменении и дополнении нормативных актов необходимо внести поправки в данные противоречивые решения.*

***Научная и практическая значимость.** Важно указать на текущие решения, относящиеся к пенитенциарным учреждениям и другим учреждениям, в которых исполняются другие уголовные санкции, с целью выявить некоторые недостатки, а также и возможность улучшения в данной области.*

***Ключевые слова:** пенитенциарное учреждение, направление осужденных, несовершеннолетние, осужденный, осужденная, иностранцы, организованная преступность, особое отделение.*

Срок наказания в виде лишения свободы за преступления в Республике Сербии не может быть менее 30 дней или более 20 лет. Однако, тюремное заключение на срок от 30 до 40 лет может быть назначено за самые тяжкие уголовные преступления. Так, например, предусмотрено, что лицо, совершившее тяжкое преступление – убийство, будет приговорено к лишению свободы на срок не менее 10 лет или от 30 до 40 лет (*Кривични законик // Службени гласник РС, бр. 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016 / ст. 114 Уголовного кодекса, Официальная газета РС, далее – УК*).

То же самое и в случае такого преступления, как убийство представителей высших государственных органов (ст. 310). С другой стороны, в случае таких преступлений, как геноцид (ст. 370 УК) и преступление против человечности (ст. 371 УК) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на

срок не менее пяти лет или от 30 до 40 лет. Однако такое правовое решение в Республике Сербии действует лишь до первого декабря 2019 г. Дело в том, что в последнее время было предложено прописать в Уголовном кодексе Республики Сербии наказание в виде пожизненного лишения свободы. Итак, в 2019 г. в Республике Сербии введено наказание в виде пожизненного лишения свободы. С 1 декабря 2019 г. будет применяться *Закон об изменениях и дополнениях в Уголовный кодекс (Закон о изменама и допунама Кривичног закона // Службени гласник РС, број 35/19 / Официальная газета РС 35/19)*, в котором введено пожизненное лишение свободы вместо тюремного заключения на срок от 30 до 40 лет. Наказание в виде пожизненного лишения свободы введено под влиянием общественности без проведения особого критического анализа.

При назначении наказания в виде лишения свободы суд должен учитывать все обстоятельства,

которые свидетельствуют как «за», так и «против» обвиняемого. Речь идет о субъективных и объективных обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание. В уголовном процессе с целью индивидуализации наказания преступление в виде тюремного заключения необходимо проверить личность обвиняемого [1, с. 192–196].

В Республике Сербии наказание в виде лишения свободы осужденный может отбывать либо в пенитенциарных учреждениях, либо в помещениях, в которых проживает (речь идет о так называемом домашнем аресте). Суд может принять решение об отбывании наказания в помещениях, в которых проживает осужденный, только в том случае, если наказание назначено на срок один год, а также, если для этого существуют уважительные причины. Наказание в виде домашнего ареста может быть назначено только совершеннолетним лицам, совершившим уголовное преступление. Наказание домашнего ареста не может быть назначено лицу, совершившему административное правонарушение.

Положение осужденных в пенитенциарных учреждениях различается в каждой стране. Итак, в некоторых странах условия жизни в тюрьме «очень хорошие» для осужденного, но существуют и страны, в которых бытовые условия в тюрьме «очень плохие». Поэтому для некоторых преступников одними из самых важных критериев при принятии решения о совершении преступления за границей являются именно условия жизни в тюрьме. Это означает, что лица, совершившие уголовные преступления, по-разному информируются об условиях в пенитенциарных учреждениях до совершения уголовного преступления. Условия жизни также различаются внутри одной страны. Такая разница относится, прежде всего, к тюремному режиму в самом пенитенциарном учреждении, а также и к правам осужденного. В связи с этим, тюремное заключение может быть коротким, но его исполнение для осужденного может быть более тяжелым, и, наоборот, заключение может быть длительным, но его исполнение для осужденного — более легким. В процессе назначения наказания в виде лишения свободы применяется принцип индивидуализации, который длится до тех пор, пока не будет исполнено само наказание [2, с. 506–507]. После того как суд принял окончательное решение о вынесении обвиняемому приговора в виде лишения свободы, следующий шаг — это исполнение наказания в виде лишения свободы. Осужденный привлекается к отбыванию наказания, как правило, когда решение суда становится окончательным и подлежит исполнению [5, с. 283–293]. Исполнение наказания в виде ли-

шения свободы индивидуализируется в уголовном процессе при назначении наказания, а также и в процессе его исполнения. Один из способов индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы — выбор исполнительного учреждения. Главной нормой, которой устанавливается исполнение уголовных санкций в Республике Сербия, является Закон об исполнении уголовных санкций (*Закон о извршењу кривичних санкција // Службени гласник РС, бр. 55/2014 / Закон об исполнению уголовных санкций // Официальная газета РС, № 55/2014, далее — ЗИКС*). В 2019 г. был принят Закон об изменениях и дополнениях Закона об исполнении уголовных санкций (*Закон о изменама и допунама Закона о извршењу кривичних санкција // Службени гласник РС, бр. 35/19 / Закон об изменениях и дополнениях ЗИКС // Официальная газета РС № 35/19*), которым введены несколько изменений в части исполнения наказания в виде лишения свободы. С другой стороны, следует сказать, что в области применения меры наказания в виде тюремного заключения существует большое количество подзаконных актов, более точно регулирующих жизнь осужденного в процессе отбывания срока тюремного заключения. В регламенте, регулирующем исполнение уголовных санкций, существуют некоторые противоречия, которые на практике затрудняют его применение.

В Республике Сербия существует большое количество пенитенциарных учреждений разных типов и видов, но для них есть одна общая черта — они перенаселены. В среднем в тюрьмах находятся 8500 лиц, лишенных свободы, из которых: 5800 осужденных, 1800 задержанных, 320 лиц, наказанных за административные правонарушения, 170 лиц в процессе направления в воспитательные колонии, 50 задержанных несовершеннолетних, а также 180 осужденных и 80 задержанных женщин (*См.: Годишњи извештај о раду Управе за извршење заводских санкција за 2006. годину / Ежегодный отчет о работе Управления по исполнению тюремных санкций за 2006 год // <http://npm.rs/attachments/Izvestaj%202006.pdf> (дата обращения: 23.04.2020)*). В ЗИКС-е прописаны виды и типы учреждений, а также и порядок направления осужденных в учреждения определенного типа и вида. Это учреждения, в которых исполняются не только наказания в виде лишения свободы, но и другие уголовные санкции. Существуют следующие виды учреждений (ст. 13 ЗИКС):

1) исправительное учреждение и окружные тюрьмы — для исполнения мер задержания и наказания в виде лишения свободы;

2) исправительное учреждение для женщин — для исполнения наказания в виде лишения сво-

боды и тюремного заключения для несовершеннолетних женщин;

3) исправительное учреждение для несовершеннолетних – для исполнения наказания в виде лишения свободы для несовершеннолетних;

4) специальная больница тюремного типа – для лечения осужденных и задержанных лиц, для осуществления мер безопасности принудительного психиатрического лечения и ухода в медицинском учреждении, принудительного лечения алкоголиков и наркоманов.

5) воспитательная колония – для применения мер воспитательного воздействия и направления в исправительные колонии.

По степени безопасности пенитенциарные учреждения подразделяются на учреждения (ст. 14 ЗИКС): 1) открытого типа; 2) полуоткрытого типа; 3) закрытого типа; 4) закрытого типа со специальной охраной.

В учреждениях открытого типа отсутствуют физическо-технические препятствия для побега. В учреждениях полуоткрытого типа тюремные надзиратели являются основным препятствием для побега. В учреждениях закрытого типа, кроме надзирате-

лей присутствуют и другие физическо-технические препятствия для побега. В закрытых учреждениях со специальной охраной присутствуют физическо-технические препятствия, которые обеспечивают максимальный уровень безопасности.

В Республике Сербия пенитенциарные учреждения установлены Указом об основании учреждений для исполнения уголовных санкций в Республике Сербия (*Уреда о оснивању завода за извршење кривичних санкција у Републици Србији, Службени гласник РС, бр. 20/2006, 89/2009, 32/2010, 53/2011, 11/2017 / Официјална газета РС, № 20/2006, 89/2009, 32/2010, 53/2011, 11/2017*).

Существует пять исправительных учреждений открытого типа, три исправительных учреждения закрытого типа; три исправительных учреждения закрытого типа со специальной охраной; только одно исправительное учреждение для женщин и двадцать окружных тюрем.

На следующем рисунке представлена карта *пенитенциарных учреждений*, на основе которой можно ознакомиться с местоположением учреждений, в которых исполняются уголовные санкции в Республике Сербия:

С 2017 г. Окружная тюрьма в городе Панчево определена как исправительное учреждение. В таком учреждении осужденный будет отбывать наказание в виде лишения свободы в первую очередь зависит от: 1) пола; 2) вида совершенного преступления; 3) формы вины; 4) возраста осужденного; 5) срока назначенного наказания; 6) того, является ли он гражданином Республики Сербия, иностранцем или лицом без гражданства.

Осужденный, приговоренный к лишению свободы, срок которого (или остаток срока после зачетного задержания или другого вида лишения свободы), не превышает одного года, а в исключительных случаях — двух лет, направляется в окружную тюрьму.

Осужденный, приговоренный к лишению свободы на срок более одного года, как правило, направляется в **исправительное учреждение**. Осужденная женщина направляется в **исправительное учреждение для женщин** (ст. 50 ЗИКС). Однако, существуют некоторые исключения из этого правила.

Осужденный, совершивший уголовное преступление по халатности, и лицо, в первый раз приговоренное к лишению свободы на срок не более трех лет, направляется в учреждение открытого типа.

Несовершеннолетнее лицо, осужденное к тюремному заключению, направляется в исправительное учреждение для несовершеннолетних. Осужденный, приговоренный к лишению свободы на срок до 10 лет, также направляется в исправительное учреждение для несовершеннолетних, если на момент отбывания наказания он не достиг возраста 23 лет и ранее не был приговорен к лишению свободы (см. ст. 51 ЗИКС). ЗИКС регулирует направление осужденных в учреждения определенного вида и типа, но в нем не содержатся правила, определяющие в какое именно пенитенциарное учреждение осужденный должен быть отправлен для отбывания наказания. Этот вопрос решается одним подзаконным актом. На основе ЗИКС-а министр юстиции принял Регламент о направлении лиц, совершивших уголовное и административное преступление, а также и задержанных в учреждениях для исполнения уголовных санкций (*Правилник о упућивању осуђених, прекршајно кажњених и притворених лица у заводу за извршење кривичних санкција / Службени гласник РС, бр. 31/2015 // Официјална газета РС № 31/2015*). Этим регламентом прописано, в какое именно пенитенциарное учреждение осужденный отправляется. Кроме критериев выбора исполнительного учреждения, указанных в ЗИКС-е, в этом

регламенте учтено и местонахождение, т.е. место проживания осужденного. Считаем, что такое решение оправдано, поскольку расстояние от «дома» до тюрьмы играет значительную роль для осужденного. Что касается **осужденных женщин**, в Республике Сербия существует только одно исправительное учреждение, в котором все осужденные женщины отбывают срок наказания. Это — Исправительное учреждение полуоткрытого типа в городе Пожаревац. В нем отбывают срок наказания и осужденные женщины—иностранки, и женщины без гражданства. В этом учреждении наказание в виде тюремного заключения отбывают и несовершеннолетние лица женского пола, отдельно от совершеннолетних женщин, приговоренных к тюремному заключению.

Учитывая существование только одного пенитенциарного учреждения, осужденные женщины оказываются в невыгодном положении (из-за отбывания срока наказания в одном и том же Исправительном учреждении Пожаревац (далее — ИУ)) по сравнению с осужденными лицами, независимо от всех вышеуказанных критериев ИУ Пожаревац. Таким образом, в том же пенитенциарном учреждении наказание в виде тюремного заключения отбывает осужденная, приговоренная к 40 годам лишения свободы, и заключенная, отбывающая срок наказания на один месяц. Однако внутри самого ИУ происходит индивидуализация осужденных, которая, в первую очередь, подразумевает распределение лиц по отдельным отделениям и группам. В этом учреждении ребенок может находиться с матерью до достижения им двухлетнего возраста. В этом исправительном учреждении также исполняется наказание в виде лишения свободы, назначенное за совершение административного правонарушения, но осужденные женщины и женщины, совершившие административное правонарушение, отбывают наказание отдельно. В Республике Сербия существуют отдельные правила материального, процессуального и исправительного права, которые применяются к несовершеннолетним преступникам. Следует сказать, что несовершеннолетние могут быть приговорены к тюремному заключению, срок которого могут отбывать только в пенитенциарном учреждении (но не в помещениях, где проживают). Существует только одно исправительное учреждение, в котором несовершеннолетние отбывают срок наказания в виде лишения свободы. Это — Исправительное учреждение для несовершеннолетних в городе Валево (несовершеннолетние лица женского пола отбывают срок наказания в ИУ Пожаревац). При определенных

условиях в этом учреждении могут отбывать наказание и совершеннолетние лица, приговоренные к тюремному заключению.

С учетом того, что тюремное заключение для несовершеннолетних назначается только в исключительных случаях старшим несовершеннолетним лицам за тяжкие преступления, в тюрьме находится небольшое количество несовершеннолетних. Все это оправдывает существование только одного учреждения в Сербии.

Учитывая современные условия жизни, перемещение людей из одной страны в другую значительно облегчается. Иностранцы, которые живут или работают в другой стране или которые прибывают в страну транзитом через нее, могут совершить уголовное преступление, оказаться осужденными, и, следовательно, отбывать наказание в другой стране. Такое отбывание наказания, в принципе, осложнено для осужденного по нескольким причинам, таким, как отсутствие знаний языка, удаленность от семьи, незнание правил, различия в религии и культуре. Это лишь некоторые тонкости, указывающие на то, что для иностранных граждан отбывание тюремного заключения имеет специфические особенности. Это значит, что условия в тюрьме зависят и от того, насколько осужденным доступны члены семьи. Некоторые лица, осужденные в Республике Сербия, являются иностранными гражданами или лицами без гражданства. В соответствии с действующим законодательством иностранные граждане и лица без гражданства мужского пола, независимо от срока наказания, направляются в исправительное учреждение Сремска Митровица. Англо-американизация уголовного права практикуется в Республике Сербия в течение длительного времени [4, с. 1–24], что неоправданно. Неоправданно переписывать иностранные решения во внутренние нормативные акты. Совершенно некритично переписываются некоторые правила, учреждения и институты из иностранного регламента во внутренние нормативные акты. Англо-американизация не обошла стороной и уголовно-правовые нормы Республики Сербия. Одним из нововведений в области исполнения наказания в виде лишения свободы является принятие Закона об исполнении наказания в виде лишения свободы за уголовные преступления организованной преступности (*Закон о извршењу казне затвора за кривична дела организованог криминала // Службени гласник РС, бр. 72/2009 и 101/2010 / Официјална газета РС, № 72/2009 и 101/2010*) (далее – ЗКЗ).

ЗКЗ – это *lex specialis* по сравнению с ЗИКС-ом. Настоящий закон применяется, в первую

очередь, к лицам, осужденным за преступления в области организованной преступности, но и за другие тяжкие уголовные преступления.

Для исполнения наказания в виде лишения свободы за уголовные преступления, к которым применяется ЗКЗ, в исправительном учреждении закрытого типа со специальной охраной создается *Особый отдел* для отбывания тюремного заключения за преступления, совершенные в составе организованных преступных групп. В особых отделениях осужденные имеют меньшие права, чем осужденные, которые не отбывают свое наказание в особых отделениях. Различается также и возможность получения расширенных прав и преимуществ. Кроме того, эти осужденные находятся под постоянным контролем и, как правило, отбывают наказание отдельно от других осужденных.

ЗКЗ не применяется автоматически к осужденным лицам, но может быть применен в зависимости от обстоятельств. После принятия судебного решения против осужденного, к которому можно применить ЗКЗ, ведется отдельный судебный процесс, в котором суд должен принять решение о том, где осужденный будет отбывать наказание в виде тюремного заключения. Процесс ведется председателем Высшего суда в Белграде. Существует право обжалования решения суда первой инстанции. Учитывая то, что решение в наибольшей степени влияет на осужденного, закон допускает, что только осужденный имеет право обжаловать решение суда первой инстанции, но обжалование не задерживает исполнение решения. Жалоба решается председателем Апелляционного суда в Белграде. Если решено, что осужденному не нужно отбывать наказание в виде лишения свободы в особом отделе, осужденный направляется для отбывания наказания в соответствии с общими правилами, как и другие осужденные. Однако, если в ходе отбывания наказания будет установлено, что тем не менее осужденному необходимо отбывать наказание в виде лишения свободы в особом отделе, он должен быть переведен в него по решению председателя Высшего суда в Белграде.

Если осужденный отбывает наказание в особом отделе, каждые два года проверяется, есть ли необходимость в том, чтобы осужденный продолжал отбывать наказание в нем. Если в этом больше нет необходимости, осужденный переводится по решению председателя Высшего суда в Белграде в другое «обычное отделение», но в том же пенитенциарном учреждении. В связи с таким решением законодателя, можем сделать вывод, что в Республике Сербия существуют 2 категории осужденных – «обычные осужденные»,

к которым применяется ЗИКС, и «специальные осужденные» – опасные осужденные, к которым применяется ЗКЗ.

Остальные уголовные санкции (не наказания) исполняются следующим образом: а) в уголовном-правовом режиме несовершеннолетних существует еще одна санкция, которая применяется в учреждении (не в исправительном учреждении) – это направление в воспитательную колонию. Хотя речь идет не о наказании и меры воспитательного воздействия не проводятся в исправительном учреждении, достаточно просто указать, в каком учреждении осуществляются эти меры. Существует еще одно учреждение в Республике Сербия, в котором ко всем несовершеннолетним лицам

женского и мужского пола применяются меры воспитательного воздействия – это воспитательная колония в городе Крушевац; б) на основании ЗИКС-а, Специальная больница тюремного типа в Белграде является единственным учреждением, в котором исполняется принудительное лечение и уход. Хотя речь идет не об исправительном учреждении, а о больнице, важно отметить, что существует и такое учреждение. Однако существуют и другие психиатрические учреждения, которые представляют собой учреждения для исполнения этих и других мер безопасности, но их использование предусмотрено другими нормативными актами. Это – специальные медицинские учреждения [5, с. 1441–1454].

Литература

1. Милич И. О необходимости исследования личности обвиняемого в уголовном процессе // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 25–26 сентября 2014 г. Краснодар: Издательский Дом Юг, 2014. С. 192–196.
2. Иван Милић. Индивидуализација казне затвора – криминолошки, кривичноправни и пенолошки аспект. Нови Сад, 2017. (докторска дисертација).
3. Ivan Milić. Upućivanje osuđenih na izdržavanje kazne zatvora i mogućnost odlaganja izvršenja kazne zatvora, Zbornik radova “Kriminalističko – kriminološka istraživanja – stanje i perspektive”, Banja Luka, 2015. Str. 283–293.
4. Бранислав Ристивојевић. Истина као главна жртва англоамериканизације домаћег кривичног права: Дарвинов расад у српској шуми, LV Саветовање Српског удружења за кривичноправну теорију и праксу, Златибор, 2015. С. 1–24.
5. Дарко Димовски, Миомира Костић, Иван Милић. Установе за извршење мере безбедности обавезно психијатријско лечење и чување у здравственој установи, ТЕМЕ, г. XL, бр. 4/2016. стр. 1441–1454.

References

1. Milich. O neobhodimosti issledovanija lichnosti obvinjaemogo v ugovolnom processe [On the need to study the identity of the accused in the criminal process]. In Aktual'nye problemy prava i pravoprimitel'noj dejatel'nosti na sovremennom jetape: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 25–26 sentjabrja 2014 g. [Actual Problems of Law and Law Enforcement at the Present Stage: Materials of the international research and practice conference, 25-26 September 2014], Krasnodar, Izdatel'skij Dom Jug Publ., 2014, pp. 192–196. (In Russian)
2. Иван Милић. Индивидуализација казне затвора – криминолошки, кривичноправни и пенолошки аспект, Нови Сад, 2017. стр. 506–507. (докторска дисертација). (In Serbian)
3. Ivan Milić. Upućivanje osuđenih na izdržavanje kazne zatvora i mogućnost odlaganja izvršenja kazne zatvora, Zbornik radova “Kriminalističko – kriminološka istraživanja – stanje i perspektive”, Banja Luka, 2015. str. 283–293. (In Serbian)
4. Бранислав Ристивојевић. Истина као главна жртва англоамериканизације домаћег кривичног права: Дарвинов расад у српској шуми, LV Саветовање Српског удружења за кривичноправну теорију и праксу, Златибор, 2015. С. 1–24. (In Serbian)
5. Дарко Димовски, Миомира Костић, Иван Милић. Установе за извршење мере безбедности обавезно психијатријско лечење и чување у здравственој установи, ТЕМЕ, г. XL, бр. 4/2016. стр. 1441–1454. (In Serbian)

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ КОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Корчагин Олег Николаевич

***Цель:** задача настоящей статьи заключается в определении уровня эффективности прокурорского надзора в сфере исполнения антикоррупционного законодательства коммерческими организациями. Предметом исследования являются противоречивые моменты правового регулирования вопросов, связанных тем или иным образом с проблемой государственного надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции коммерческими организациями.*

***Методология:** диалектический метод, логические методы анализа, синтеза, дедукция, индукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, исторический метод, статистический метод, системный метод.*

***Выводы.** Проблемы, связанные с противодействием коррупции в бизнес-секторе, носят глобальный характер, угрожают развитию экономики, стабильности государственного устройства и общественной безопасности всех государств. Это можно объяснить, в частности, тем, что и коррупция также становится глобальной, охватывает собой все государственные образования вследствие развития рыночной среды, образования множества контактов в деловой сфере. На современном этапе развития антикоррупционного регулирования и практики антикоррупционной деятельности назрела необходимость переосмыслить имеющийся опыт реализации функции прокурорского надзора как одного из наиболее важных направлений антикоррупционной политики государства. Проведенный в статье анализ проблемных моментов нормативной правовой основы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции коммерческими организациями, а также правоприменительной практики органов прокуратуры, некоторых статистических данных в сфере реализации функции прокурорского надзора, позволил получить вывод об имеющихся предпосылках для совершенствования надзорных мер. В настоящее время сама стратегия антикоррупционной деятельности претерпевает изменения политико-правового характера, меняется социально-экономическое развитие страны, трансформируются процессы обеспечения безопасности. В таких условиях важно сконцентрировать усилия на поддержании эффективной модели развития антикоррупционной деятельности, основанной, в первую очередь, на неукоснительном исполнении действующего законодательства всеми субъектами антикоррупционной деятельности, включая коммерческие организации.*

Необходимо закрепить императивный перечень превентивных мер коррупционного характера для коммерческих организаций, варьирующийся в зависимости от категории организации, также установить прямую и дифференцированную ответственность за правонарушение коррупционной направленности, находящуюся в зависимости от целой совокупности факторов, которые должны учитывать в своей работе представители органов прокуратуры; разработать детализированные методические рекомендации, очерчивающие вопросы прокурорского надзора; обеспечить транспарентность процедуры приема на службу в органах прокуратуры и на систематической основе повышать компетенцию служащих.

***Научная и практическая значимость.** Состоит в разработке совокупности методологических и концептуальных рекомендаций и предложений по совершенствованию функции государственного надзора за*

соблюдением законодательства о противодействии коррупции коммерческими организациями, укреплению законности в данной сфере.

Ключевые слова: деловая коррупция, коррупция в коммерческом секторе экономики, противодействие коррупции, законодательство, правовое регулирование, антикоррупционная политика, прокурорский надзор, законность, программа соответствия.

В аналитическом обзоре ВЦИОМ «Бизнес в России: взгляд изнутри» указывается, что в результате опроса российских предпринимателей, проведенном в 2019 году, распространенность коррупции выделяется в качестве одного из факторов, которые оказывают наиболее негативное влияние на условия ведения бизнеса (*Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения // URL: <http://wciom.ru/> (дата обращения: 16.04.2020)*).

Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции организациями проявляется в отдельных направлениях надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции (*Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 29 августа 2016 г. № 528 «Об утверждении и введении в действие статистического отчета «Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции и результаты расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности» по форме К и Инструкции по его составлению» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры // URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 16.04.2020)*), а именно в:

1) надзоре за соблюдением организациями положений статьи 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», предусматривающей разработку организациями совокупности мер, направленных на предупреждение коррупции, и включающих, к примеру: определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений; сотрудничество организации с правоохранительными органами; разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации; принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации; предотвращение и регулирование конфликта интересов [1, с. 80–95]; недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов (*Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1) Ст. 6228*).

2) надзоре, связанном с деятельностью по выявлению, пресечению и расследованию административных правонарушений коррупционной направленности, закрепленных статьей 19.28 «Не-

законное вознаграждение от имени юридического лица» и 19.29 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего» КоАП РФ.

Коррупция в деловой среде не менее опасна, чем коррупция в государственном секторе ввиду того, что подрывает конкурентные основы ведения бизнеса. В итоге под угрозой ставится безопасность отдельного индивида и всего общества.

Сразу отметим, что в Российской Федерации отсутствует специфика регулирования исполнения законодательства о противодействии коррупции коммерческими организациями. Законодатель урегулировал вопрос соблюдения законодательства, в общем и целом, в отношении всех организаций. Не уделяется также должное внимание надзорным мероприятиям в отношении организаций, несущих в своей экономической деятельности, преследующей извлечение прибыли в качестве основной цели, гораздо более существенный коррупционный риск, нежели организации иного характера деятельности. Вдобавок общее регулирование при наблюдении выявляет свои проблемные моменты.

Результаты работы прокуроров по привлечению к административной ответственности юридических лиц, совершивших коррупционные правонарушения, предусмотренные как статьей 19.28, так и статьей 19.29 КоАП РФ, свидетельствуют о динамике роста до 2018 г.: постановлений о возбуждении дел об административных правонарушениях; привлеченных к ответственности юридических лиц; сумм наложенных и взысканных штрафов. Так, по статье 19.28 КоАП РФ показатель вынесения постановлений о возбуждении дел об административных правонарушениях увеличился с 407 в 2015 г. до 503 в 2017 г., показатель по привлечению к административной ответственности по постановлению прокурора с 356 в 2015 г. до 464 в 2017 г., а показатель суммы взысканных штрафов с 79 млн руб. в 2015 г. до 219,5 млн руб. в 2017 г. (*Буклет «Участие органов прокуратуры России в противодействии коррупции» // URL: <http://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 02.04.2020)*). Тем не менее, с 2018 г. рост показателя привлеченных к ответственности по статье 19.28 несколько

приостановился. Так, в Реестре юридических лиц, привлеченных к юридической ответственности в 2018 г., содержится информация о 384 юридических лицах, а в 2019 г. – о 311.

Проанализируем данные о привлечении к административной ответственности за незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица на основе Реестра юридических лиц, привлеченных к ответственности по статье 19.28 КоАП, на предмет видового состава юридических лиц. Так, по постановлениям, вынесенным в 2019 г., из 311 юридических лиц привлечены к ответственности 304 коммерческие организации, в 2018 г. из 384 – 376 коммерческих, в 2017 г. из 428 – 421 коммерческая. Средний процент привлечения к ответственности коммерческих организаций с 2017 до 2019 г. составляет 98,4. Собственно, такая ситуация подтверждает актуальность исследования противодействия коррупции в коммерческом секторе.

Возникает вопрос, по какой причине при наращивании усилий органов прокуратуры в направлении противодействия коррупции в бизнес-среде, представители этого самого бизнеса заявляют о возрастании уровня коррупции из года в год. По нашему мнению, проблема заключается в недостаточно качественном правовом регулировании вопросов противодействия коррупции в организациях, а также в правоприменительной практике органов прокуратуры. Причина неэффективности состоит в диспозитивности ст. 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции», неверном применении статей 19.28 и 19.29 КоАП РФ (*Реестр юридических лиц, привлеченных к административной ответственности по статье 19.28 КоАП // Официальный сайт Генеральной прокуратуры. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 02.04.2020)*) – «анализ судебной практики выявил ошибки, допускаемые работниками органов прокуратуры, приводящие к отмене судебных постановлений о привлечении лиц к административной ответственности за совершение правонарушений коррупционной направленности» (*Сборник методических рекомендаций «Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры. URL: <http://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 21.04.2020)*), и, в целом, сжатом нормативно-правовом и методическом регулировании вопросов надзора. И картину завершает некомпетентность служащих органов прокуратуры.

Соответственно, повышение эффективности прокурорского надзора может быть реализовано в следующих направлениях:

– совершенствование законодательной основы противодействия коррупции в организациях.

– обеспечение эффективного исполнения полномочий по реализации надзорных мероприятий органами прокуратуры, совершенствование кадровых технологий при приеме на службу;

– расширение источников получения информации (как в прямой, так и в косвенной форме при обращении граждан в иные органы государственной власти).

Направления совершенствования целесообразно начать с рассмотрения пробелов и несовершенных моментов действующей правовой основы, которые и предлагается исправить.

И первым важным направлением является анализ мер, направленных на предупреждение коррупционных действий в организациях и связанные с ними проблемы прокурорского надзора за их исполнением. В Российской Федерации приоритетным направлением противодействия коррупции в целом провозглашается ее предупреждение. И в регулировании прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в организациях государственные структуры не отступают от приоритета профилактики, и правильность такой политики не вызывает сомнений. Никколо Макиавелли уподоблял любые проблемы государства болезни. Он говорил, что «...затруднения, подобно болезни, можно довести до неизлечимости; как чахотка, о которой врачи говорят, что она в конце распознается легко, но лечить ее бывает трудно; и в делах государств мы видим то же самое».

К настоящему моменту распространенным является создание организациями комплаенс-систем. Сам термин заимствован из английского языка и означает «практику подчинения закону» (*Словарь английского языка. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 09.03.2020)*), «состояние или факт соответствия или соблюдения правил и стандартов» (*Оксфордский лексический словарь. URL: <https://www.lexico.com/> (дата обращения: 09.03.2020)*). Иными словами, комплаенс представляет собой комплексный механизм, предполагающий создание предпосылок такой деятельности организации, которая бы не нарушала нормативные правовые акты государства, требования законодательства зарубежных государств, а также обеспечивала бы соблюдение локальных актов организации.

В Великобритании предусмотрена прямая ответственность за отсутствие антикоррупционной комплаенс-системы в организациях. А регламентирована ответственность Законом о взяточни-

честве 2010 г. (*Закон о взяточничестве / The UK Bribery Act // The official home of UK legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 15.03.2020)*), который впервые в мировой практике ввел норму об ответственности коммерческих организаций «за ненадлежащую организацию своей деятельности, приведшей в конечном итоге к коррупционному правонарушению».

В США государство регулирует данный вопрос за счет наличия стимулирующей нормы об освобождении от ответственности или же ее смягчении в случае наличия такой программы при совершении коррупционного деяния (*Принципы судебного преследования бизнес-организаций / The Principles of Federal Prosecution of Business Organization // The United States Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/> (дата обращения: 16.03.2020)*).

Заметим, что в Российской Федерации отсутствует норма о прямой ответственности организаций за отсутствие комплаенс-систем, а также норма об освобождении от ответственности при наличии качественной программы соответствия.

Особо следует отметить роль США в продвижении идеи необходимости борьбы с коррупционными проявлениями в коммерческом секторе. Карлос Гутьеррес, 35-й министр торговли США, в своем интервью особо акцентирует внимание на том факте, что «США имеют высокую репутацию страны с противодействующими коррупции механизмами и жесткой системой наказаний» [2, с. 4]. Кремьянская Е.А. отмечает, «Закон о коррупции за рубежом» (FCPA), принятый в 1977 г., стал серьезной вехой в борьбе с коррупцией в большинстве стран современного мира. До 1977 г. коррупционность чиновников являлась элементом обычной бизнес-практики» [3, с. 25]. Принято считать, что именно активная реализация FCPA правоохранительными органами побудила организации создавать механизмы, направленные на соответствие действий по реализации внутренней политики требованиям нормативных правовых актов государства.

На наш взгляд, норма статьи 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» впервые ввела в нашу правовую систему отдельное направление программы соответствия – создание определенной локальной нормативной и организационной основы, которая нацелена наладить бизнес-процессы таким образом, чтобы исключить какой-либо минимальный коррупционный риск. То есть законодателем предполагалось, что в идеальном варианте при разработке и принятии данной нормы закона, организации, благодаря возможности

выбора мер противодействия коррупции, смогут сформировать такую политику, которая будет включать компоненты, необходимые и достаточные для предотвращения коррупционных рисков в каждой конкретной организации. И наиболее проблемным моментом, выявленным в результате исследования, выступила неопределенность статьи 13.3 о необходимости наличия антикоррупционных мер в организации.

При современном подходе законодателей, которые приняли решение идти путем закрепления диспозитивного перечня мер противодействия коррупции, наблюдается формальный подход организаций к их выработке и применению. На данную проблему обратил внимание также Александр Русецкий, начальник управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации: «...результаты прокурорских проверок показывают, что часто требования статьи 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» не исполняются. Требования законодательства выполняются формально – на бумаге – без реального контроля за их реализацией» (*Тезисы выступлений на конференции «Участие организаций в противодействии коррупции» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 23.05.2020)*).

Соответственно, возникают трудности и у самих организаций, и у органов прокуратуры при оценке программ соответствия организации. У организации они выражаются при ответе на вопросы о достаточности разработанных мер и о совпадении такого взгляда специалистов организации, занимающихся выработкой подобных мер с мнением представителей органов прокуратуры.

У органов прокуратуры трудности проявляются при ответе на вопрос, действительно ли организация разработала и использует программу соответствия с целью преимущественной защиты общественных интересов от незаконных действий со стороны отдельных лиц организации или с целью своей же защиты от надзорных мероприятий. Как нам представляется, необходимо детальнее закрепить нормативную основу осуществления прокурорского надзора.

В то же время очевидно, что закрепить закрытый исчерпывающий перечень требований, подлежащих выполнению в обязательном порядке, не представляется возможным в связи с серьезной дифференциацией организаций по различным характеристикам, как-то: размеру, сфере и специфике деятельности. Соответственно возникает идея о возведении определенной совокупности

мер из имеющихся в разряд обязательных, оставлении остальных на усмотрение конкретной организации. При этом совокупность обязательных мер устанавливалась бы также в зависимости от специфики организации, которая проявлялась бы, во-первых, в отнесении сферы деятельности организации к определенной категории коррупционного риска, и, во-вторых, особенностей самой организации, масштаба ее деятельности.

Необходимо ввести стимулирующую норму об освобождении от ответственности в случае, если будет установлен факт, что организацией приняты все необходимые и достаточные меры для недопущения подобных произошедшему и иных коррупционных правонарушений, однако, в данной конкретной ситуации сыграл роль человеческий фактор и, соответственно, именно виновное лицо, которое пренебрегло законными интересами организации, а тем самым общества и государства, то есть – в чьих интересах было совершено правонарушение, должно понести ответственность. Норма напрямую связана с прокурорским надзором, поскольку в случае ее введения в правовую систему, именно в результате надзорных мероприятий прокурор будет выносить решение о наличии или же отсутствии программы соответствия, и уже на основе решения прокуратуры суд будет приходиться к выводу об отмене или смягчении наказания.

На современном этапе государственного развития значимая роль в вопросе противодействия коррупции должна отводиться саморегулируемым организациям. Еще в начале осуществления административной реформы в России был признан эффективным подход передачи определенной части функций субъектам предпринимательской деятельности, которые, как предполагалось, объективно лучше бы осуществляли их в сравнении с органами власти. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, которая была утверждена в 2008 г., была поставлена цель создать благоприятные условия для развития саморегулируемых организаций бизнеса (*Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.*). Как отмечает И.Н. Барциц, «...согласно мировой практике, общие регулятивные и охранительные меры, вводимые субъектами саморегулирования, зачастую устанавливают более высокий и детальный уровень требований к участникам рынка и их товарам (работам, услугам), нежели акты государственных органов власти» [4, с. 426]. Введение нормы об освобождении от ответственности при качественных процедурах соответствия выступит стимулом, который будет

также способствовать разработке качественной антикоррупционной политики саморегулируемыми организациями, и тем самым повысит уровень законности и правопорядка в предпринимательской среде ввиду того, что организации получают более качественный перечень локальных актов и вариантов внедрения организационных структур при наименьших затратах.

Следующий шаг, который лежит в плоскости долгосрочной перспективы, связан с заимствованием некоторых положительных аспектов прокурорского надзора Соединенных Штатов Америки, в рамках которого прокурорские работники дифференцируют ответственность в зависимости от наличия смягчающих и отягчающих обстоятельств. И наличие комплаенс-системы в организации – лишь один фактор, который могут учесть прокуроры для рекомендации смягчения наказания, и используется он наряду с учетом множества иных факторов.

Целесообразно проанализировать в этой связи вопросы применения административного наказания, которому подвергаются организации за коррупционные правонарушения и перспективы изменений в данном направлении, а также роль прокурорского надзора в случае соответствующих изменений. Установление нижнего предела административного наказания (штрафа) в случае совершения коррупционного правонарушения, предусмотренного статьей 19.28 КоАП РФ, можно назвать спорным способом регулирования. В связи с тем, что такой подход видится в недостаточной мере справедливым, поскольку не учитывает характер совершенного правонарушения, размер наступивших вследствие нарушения последствий, а также особенностей (размера, имущественного положения) отдельной организации. Это ведет к нарушению принципов адекватности, соразмерности и индивидуализации ответственности.

С другой стороны, Джон Каффи отмечает: «Правонарушение будет сдерживаться только если «ожидаемая стоимость наказания» запрещенного действия превышает ожидаемую прибыль» [5, с. 411]. К тому же, как подчеркивает автор статьи в одной из своих работ: «...морально-нравственные нормы следует рассматривать как основную составляющую антикоррупционной политики, подкрепляемую угрозой применения государством мер принуждения. В России же ситуация в настоящее время складывается иначе. Основная составляющая антикоррупционной политики – это меры принуждения, а антикоррупционное поведение для значительной части общества – это своего рода необходимость, обу-

словленная наличием юридической ответственности за коррупционные деяния» [19, с. 66–73].

Наиболее целесообразным видится решение о назначении дифференцированного, соразмерного правонарушению, масштабу компании и имеющимся у нее ресурсам, но в то же время сдерживающего наказания за коррупционное правонарушение (*Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.*). Соответственно, необходимо установить верхний предел взыскания.

Так как суды не могут оценивать в полной мере все факторы при рассмотрении дела, то считаем целесообразным наделить прокуратуру правом рекомендовать суду конкретный размер наказания. Сейчас, например, судьи могут снижать штраф исходя исключительно из финансового положения организации. В пределах установленных границ ответственности, исходя из нашего предыдущего предложения, с учетом специально для этого законодательно закрепленных факторов, предлагается дифференцировать сумму штрафа. Так, прокурорам следовало бы учитывать: предыдущую историю организации (в плане нарушения или же соблюдения законодательства), активное реагирование на пробелы в антикоррупционной политике и стремление их исправить, назначение ответственности виновным лицам.

Таким образом, в качестве первоочередных задач совершенствования антикоррупционного законодательства автор выделяет: введение обязательных дифференцированных требований к выработке мер противодействия коррупции, внесение в КоАП РФ верхнего предела административного взыскания, а также нормы об освобождении от ответственности в случае совершения коррупционного деяния в случае наличия в организации качественной комплаенс-системы, а также иных факторов, подлежащих учету прокурорами.

Следующее направление, как было указано ранее, расширение источников для получения информации, необходимой для проверки. Изначально следует обратить внимание на тот факт, что коррупционные правонарушения трудно выявить, и особенно в сфере, находящейся за гранью функций государственного аппарата, то есть в частном секторе. И поэтому развитие институтов, составляющих обозначенный выше раздел, представляет особое значение, поскольку зачастую единственным источником информации о правонарушении может служить невольный свидетель определенных действий.

А также законодательной нормы, прямо предусматривающей, что «...проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения закона» (*Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.*).

Конвенции, ратифицированные Российской Федерацией, содержат в себе требования защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции, от каких-либо неправомерных действий в их отношении. В частности, Конвенция ООН против коррупции устанавливает, что «...каждое государство-участник рассматривает возможность включения в свою внутреннюю правовую систему надлежащих мер для обеспечения защиты от несправедливого обращения любых лиц, добросовестно и на разумных основаниях, сообщающих компетентным органам о фактах коррупции» (*Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.*). Но в Российской Федерации, взявшей на себя обязательства по имплементации положений Конвенции, не закреплена на законодательном уровне государственная защита лиц, помимо государственных и муниципальных служащих, информирующих о фактах коррупции. «В законодательстве отсутствуют правовые основания установления защиты отдельных категорий физических лиц, сообщивших о фактах коррупции, от дальнейшего преследования и давления». С нашей точки зрения, изменения о защите всех категорий граждан необходимо внести в виде отдельной статьи в Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции». В некоторых странах, в частности, в США и в Казахстане предусмотрен механизм вознаграждения информаторов. В Российской Федерации на современном этапе развития антикоррупционного законодательства речь идет даже не о вознаграждении, а о необходимости создания действенных механизмов, гарантирующих защиту.

Следующая возможность повышения информированности органов прокуратуры и иных органов государственной власти, полномочия которых связаны с противодействием коррупции, – правовое закрепление возможности анонимного взаимодействия с органами государственной власти, создание инструментов, способных технологически поддержать подобное сообщение информации без раскрытия личности информатора. На важность анонимного сообщения информации

обращает внимание О.В. Макарова: «Анонимное содействие граждан в предупреждении и раскрытии коррупционных деяний оправдано интересами государства и общества. Фактически без анонимных заявлений многие коррупционные правонарушения остаются латентными, а виновные — безнаказанными» [7, с. 103].

При всех имеющихся рисках анонимного сообщения о фактах коррупции, такая практика эффективна, как показывает опыт зарубежных стран. В Германии в Нижней Саксонии с 2003 г. государственной полицией также используется интернет-система направления сообщений о коррупции, которая предусматривает наличие технически сложных гарантий, которые позволяют гражданам отправлять сообщения через эту систему с возможностью оставаться анонимными и при этом вести диалог со следователями. Система достаточно популярна и известна как Система мониторинга ведущих бизнес (*Руководство по борьбе с коррупцией ОБСЕ*. URL: <http://www.osce.org.ru/> (дата обращения: 02.04.2020)). Так, на наш взгляд, подобная платформа была бы эффективна и в России.

Законодательство Российской Федерации и подзаконные акты фрагментарно регулируют данный вопрос. Об анонимном сообщении информации установлено, к примеру, в норме Приказа Генеральной прокуратуры России от 30 января 2013 г. № 45 — «Если в письменном обращении, в котором не указаны фамилия гражданина, направившего обращение, содержатся сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также о лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем, обращение подлежит направлению в государственный орган в рамках его компетенции» (*Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры*. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 13.02.2020)). Приказ не содержит информации об анонимных обращениях, подлежащих рассмотрению органами прокуратуры и о порядке, принципах, процессуальных вопросах такого рассмотрения. Также не предусмотрено специальной платформы, которая бы обеспечила возможность для граждан оставаться действительно анонимными.

Процедуры сообщения информации и принципы защиты информаторов принципиально различаются от государства к государству. «В за-

конах отдельных стран (Великобритания, Ирландия, Канада) уточняется, что заявитель должен в первую очередь воспользоваться «внутренними» способами заявления о коррупции, прежде чем обращаться во «внешний» орган» [8, с. 272]. На наш взгляд, многоуровневая система может проявить свою эффективность далеко не во всех случаях и поэтому необходимо предусмотреть вариант возможности взаимодействия с правоохранительными органами напрямую.

И последнее направление в рассматриваемом разделе — повышение информированности посредством взаимодействия со средствами массовой информации. В октябре 2019 г. в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона № 556480-7, который предполагает, в случае его принятия, изменение действующих нормативных правовых актов в связи с предложением установления обязанности редакции СМИ при распространении информации о деятельности организации, в которой просматриваются признаки нарушения антикоррупционных норм, направлять соответствующую информацию в организацию для получения опровержения. И в случае ее непредставления, отправлять информацию в органы прокуратуры для проведения необходимых проверок (*Законопроект № 556480-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Система обеспечения законодательной деятельности*. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 25.03.2020)). Законопроект находится на настоящий момент на этапе рассмотрения в первом чтении и является очень интересной идеей «вынужденного», если так можно сказать, сотрудничества, который в перспективе может привести к повышению эффективности надзорной деятельности за исполнением законодательства о противодействии коррупции. СМИ, в случае принятия соответствующих правовых норм внимательнее будут относиться к размещаемым сведениям, а органы прокуратуры, в свою очередь, будут обеспечены актуальной и необходимой к проверке информацией.

Таким образом, автор приходит к выводу о необходимости повышения информированности органов прокуратуры путем развития института защиты информаторов, создания нормативных основ и платформенных возможностей для анонимного сообщения информации о коррупционных фактах и более тесного взаимодействия со СМИ.

Отметим также, что формализации не удалось избежать и при проверке введения организациями системы соответствия. Здесь причина с большей степенью вероятности заключена в вопросе подбора кадров для службы в органах прокуратуры. Поскольку деятельность реализуется с определяющей целью формирования определенной статистической отчетности для создания наглядного образа «эффективности». Что разительно отличает подход к службе в нашей стране и, к примеру, в Соединенных Штатах, где, по мнению Эдварда Дисканта, «нет еще прокурора, который бы не стремился прийти к истине и отстоять собственную точку зрения».

Именно поэтому следующий комплекс мероприятий связан с кадровым вопросом органов прокуратуры, включая как честные процедуры назначения, продвижения по карьерной лестнице, так и профессиональную подготовку.

Группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) в 2018 г. сочла процедуру отбора на должности в органах прокуратуры Российской Федерации недостаточно транспарентной и призвала к большей прозрачности с использованием четко установленных критериев приема. Такая оценка, на наш взгляд, объективна, и государству действительно необходимо предусмотреть более

открытые процедуры приема на службу в органах прокуратуры, основанные на принципах меритократии с заранее очерченными требованиями к замещению должностей, а также дополнительную образовательную подготовку работников органов прокуратуры с целью исключения формализованного подхода к исполнению своих полномочий.

В результате анализа проблемных моментов нормативной правовой основы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции коммерческими организациями, а также правоприменительной практики органов прокуратуры, приходим к выводу о необходимости закрепить императивный перечень превентивных мер, варьирующийся в зависимости от категории организации, также установить прямую и дифференцированную ответственность за коррупционное правонарушение, находящуюся в зависимости от целой совокупности факторов, которые должны учитывать в своей работе представители органов прокуратуры, разработать детализированные методические рекомендации, очерчивающие вопросы прокурорского надзора, повысить транспарентность процедуры приема на службу в органах прокуратуры и на систематической основе повышать компетенцию служащих.

Литература

1. Лядская А.В. Вопросы правового регулирования управления конфликтом интересов в сфере частного бизнеса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. №1. С. 80–95.
2. Армстронг Ф. и др. Перемены в мышлении. Корпоративное управление и перспективы взаимных инвестиций России и США / отв. ред. А. Астапович, Ч. Дуглас и др. М., 2007. 96 с.
3. Кремьянская Е.А. Организация борьбы с коррупцией в зарубежных странах: опыт США и Великобритании // Право и управление. XXI век. 2013. № 3. С. 24–31.
4. Барциц И.Н. Система государственного и муниципального управления: курс лекций: в 2 т. Т. 1. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 540 с.
5. John C., Coffee Jr. No Soul to Damn: No Body to Kick: An Unscandalized Inquiry into the Problem of Corporate Punishment. 1981.
6. Корчагин О.Н. Диалектическое единство морали и права в антикоррупционной политике государства // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 66–73.
7. Макарова О.В. Обеспечение безопасности лиц, способствующих предупреждению и раскрытию коррупционных преступлений // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 97–105.
8. Иванов С.Б., Хабриева Т.Я., Чиханчин Ю.А. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2019. 386 с.

References

1. Lyadskaya A.V. Voprosy pravovogo regulirovaniya upravleniya konfliktom interesov v sfere chastnogo biznesa [Managing the conflict of interests in the private sector: Regulatory issues]. Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security], 2020, No 1, pp. 80–95. (In Russian, abstract in English)

2. Armstrong F. and others. *Peremeny v myshlenii. Korporativnoe upravlenie i perspektivy vzaimnyh investitsij Rossii i SShA* [Changes in thinking. Corporate governance and prospects for mutual investment between Russia and the United States] / Ed. A. Astapovich, Ch. Duglas and others. Moscow, 2007. 96 p. (In Russian)
3. Kremyanskaya E.A. *Organizatsiya bor'by s korruptsiyey v zarubezhnykh stranakh: opyt SSHA i Velikobritanii* [Fighting corruption in foreign countries: the USA's and UK's experience]. *Pravo i upravleniye. XXI vek* [Journal of law and Administration], 2013, no. 3, pp. 24–31. (In Russian, abstract in English)
4. Bartsits I.N. *Sistema gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [The system of state and municipal administration]. Moscow, Izdatel'skiy dom «Delo» RANKHiGS Publ., 2020. 512 p. (In Russian)
5. John C., Coffee Jr. *No Soul to Damn: No Body to Kick: An Unscandalized Inquiry into the Problem of Corporate Punishment*, 1981.
6. Korchagin O.N. *Dialekticheskoye edinstvo morali i prava v antikorrupcionnoy politike gosudarstva* [Dialectical unity of morality and law in the anti-corruption policy of the state]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2018, no. 3, pp. 66–73. (In Russian, abstract in English)
7. Makarova O.V. «*Obespecheniye bezopasnosti lits, sposobstvuyushchikh preduprezhdeniyu i raskrytiyu korrupcionnykh prestupleniy*» [Ensuring Safety of Individuals Contributing to Prevention and Detection of Corruption-Related Crimes]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2015, no. 7, pp. 97–105. (In Russian, abstract in English)
8. Ivanov S.B., Khabrieva T.Ya., Chikhanchin Yu.A. *Protivodeystviye korruptsii: novyye vyzovy* [Combating Corruption: New Challenges]. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, INFRA-M Publ. 2019. 376 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акберов Рахиб Абдулла оглы – кандидат исторических наук, доцент кафедры Права Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, rahibekberli@gmail.com

Алиев Бахтияр Абдурахман оглы – докторант Центра судебных экспертиз Министерства юстиции Азербайджанской Республики, доктор философии по юриспруденции, доцент, antiterror-baku@mail.ru

Алиев Назим Казым оглы – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, aliyev-1973@list.ru

Алиев Намик Гасан оглы – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, namikamall@gmail.com

Алиев Этибар Али оглы – действительный член Международной транспортной академии, доктор юридических наук, профессор кафедры «Права человека и информационное право – ЮНЕСКО» Юридического факультета Бакинского государственного университета, a-etibar@rambler.ru

Ахметзаде Назреддин Мурад оглы – докторант Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, nazraddin.ahmadzade@asco.az

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, barkov_a_v@mail.ru

Барциц Игорь Нязбеевич – доктор юридических наук, директор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, in.bartsits@igsu.ru; ibarcic@gmail.com

Бражин Юрий Юрьевич – адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России, brazhin.yura@bk.ru

Велиев Исахан Вейсан оглы – доктор юридических наук, профессор Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, старший научный сотрудник Института права и прав человека НАНА, veliev.i@inbox.ru

Гулиев Эмин Рамиз оглы – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Право» Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, guliyev.emin.r@gmail.com

Гюльалиева Ромелла Алиевна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, Romella.gul@mail.ru

Корчагин Олег Николаевич – кандидат юридических наук, директор программы факультета управления персоналом и государственной служб Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, on.korchagin@igsu.ru

Кравченко Олег Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИГСУ РАНХиГС), oa.kravchenko@igsu.ru

Краковский Константин Петрович – профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, kp.krakovskiy@igsu.ru

Курбанов Габил Сурхай оглы – доктор юридических наук, профессор, председатель Независимого профсоюза работников НАН Азербайджана, professorqurbanov@yandex.com

Маслакова Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент уголовного права Юридического института Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, goldencit@bk.ru

Мацкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, руководитель лаборатории антикриминальных исследований в сфере энергетической безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, президент Со-

юза криминалистов и криминологов, президент Фонда Международного фонда правовых инициатив, maskevich2004@mail.ru

Милич Д. Иван – доктор юридических наук, ассистент юридического факультета Нови-Садского университета, i.milic@pf.uns.ac.rs

Мирзоев Ага Керим Ага Салим оглы – кандидат юридических наук, (доцент), доцент кафедры «Юриспруденция» Национальной академии авиации Азербайджанской Республики, agakerim47@mail.ru

Мустафаев Чингиз Фейруз оглы – доктор юридических наук, mustafayev.chingiz01@gmail.com

Петрякова Антонина Васильевна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета, antonina_moscow@mail.ru

Приходько Наталья Юрьевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел Филиала Академии управления МВД России «Болшево», член Союза криминалистов и криминологов, nnnatasha2009@yandex.ru

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, президент Ассоциации юристов стран черноморско-каспийского региона, elmir_eminov@hotmail.com

Салимов Кямил Назим оглы – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики и судебной экспертизы Бакинского государственного университета, bsu.kamil.salimov@mail.ru

Самедова Шахла Тофик кызы – доктор юридических наук, профессор кафедры Уголовного права и криминологии Бакинского государственного университета, shahlats@mail.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Ahmetzade Nazreddin M. – Doktorand am Institut für Recht und Menschenrechte der Nationalen Akademie der Wissenschaften von Aserbaidschan, nazraddin.ahmadzade@asco.az

Akbarov Rahib A. – Kandidat der Geschichtswissenschaften, Dozent des Lehrstuhls für Recht an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, rahibekberli@gmail.com

Aliyev Bakhtiyar A. – Doktor der Rechtsphilosophie, Dozent, Doktorand am Zentrum für Forensische Gutachten des Justizministeriums der Republik Aserbaidschan, antiterror-baku@mail.ru

Aliyev Etibar A. – Vollmitglied der International Transport Academy, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor des Lehrstuhls für Menschenrechte und Informationsrecht der UNESCO der Rechtsfakultät an der Staatlichen Universität Baku, a-etibar@rambler.ru

Aliyev Namig H. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhls für Öffentliches Recht an der Akademie der Öffentlichen Verwaltung beim Präsidenten der Republik Aserbaidschan, namikamall@gmail.com

Aliyev Nazim K. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Leitender Forscher am Institut für Recht und Menschenrechte der Nationalen Akademie der Wissenschaften von Aserbaidschan, aliyev-1973@list.ru

Barkov Alexey V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor der Abteilung für rechtliche Regulierung wirtschaftlicher Aktivitäten der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation, barkov_a_v@mail.ru

Bartsits Igor N. – Doktor der Rechtswissenschaften, Direktor des Instituts für Staatsdienst und Verwaltung an der Russischen Akademie für Volkswirtschaft und Öffentlichen Dienst beim Präsidenten der Russischen Föderation, in.bartsits@igsu.ru; ibarcic@gmail.com

Brazhin Yuri Yu. – Adjunkt an der Akademie von Nischni Nowgorod des Innenministeriums Russlands, brazhin.yura@bk.ru

Gulaliyeva Romella A. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Führende Wissenschaftlerin des Instituts für Recht und Menschenrechte der Nationalen Akademie der Wissenschaften von Aserbaidschan, Romella.gul@mail.ru

Guliyev Emin R. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent der Fakultät für Rechtswissenschaft an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, guliyev.emin.r@gmail.com

Gurbanov Habil S. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vorsitzender der Unabhängigen Gewerkschaft der Arbeitnehmer der Nationalen Akademie der Wissenschaften Aserbaidschans, professorqurbanov@yandex.com

Korchagin Oleg N. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Programmdirektor der Fakultät für Humanressourcen und Öffentliche Verwaltung am Institut für Öffentliche Verwaltung und Management an der Russischen Akademie für Volkswirtschaft und Öffentlichen Dienst beim Präsidenten der Russischen Föderation, on.korchagin@igsu.ru

Krakovsky Konstantin P. – Professor der Rechtswissenschaften des Instituts für Staatsdienst und Verwaltung an der Russischen Akademie für Volkswirtschaft und Öffentlichen Dienst beim Präsidenten der Russischen Föderation, kp.krakovskiy@igsu.ru

Kravchenko Oleg A. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Dozent des Lehrstuhls für Staatrechtliche Disziplinen der Abteilung «Hochschule für Recht» an der Russischen Akademie für Volkswirtschaft und Öffentlichen Dienst beim Präsidenten der Russischen Föderation, oa.kravchenko@igsu.ru

Maslakova Elena A. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin für Strafrecht an der Juristische I. S. Turgenev-Institut der Orel State University, goldencit@bk.ru

Matskevich Igor M. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler Russlands, Lehrstuhlleiter für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, Professor an der Moskauer Staatlichen M.V. Lomonosov-Universität, Leiter des Labors für kriminalpolizeiliche Forschung auf dem Gebiet der Energiesicherheit an der Russischen Staatlichen I.M. Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Nationale Forschungsuniversität), Vorsitzender des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, Vorsitzender der Internationalen Stiftung für rechtliche Initiative, mackevich2004@mail.ru

Milić Ivan D. – Doktor der Rechtswissenschaften, Assistent der Juristischen Fakultät an der Universität Novi Sad, i.milic@pf.uns.ac.rs

Mirzoev Aga Kerim A. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent des Lehrstuhls für Rechtswissenschaft an der Nationalen Luftfahrt-Akademie der Republik Aserbaidtschan, agakerim47@mail.ru

Mustafayev Chingiz F. – Doktor der Rechtswissenschaften, mustafayev.chingiz01@gmail.com

Petryakova Antonina V. – Leitende Lehrerin des Lehrstuhls für Strafrechtliche Disziplinen an der Moskauer Finanz- und Juristischen Universität, antonina_moscow@mail.ru

Prikhodko Natalia Yu. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitender Lehrerin des Lehrstuhls für die Ausbildung der Leitung der Organe für Inneren Angelegenheiten in der Filiale der Akademie des Innenministeriums Russlands «Bolshevo», Mitglied des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, nnnatasha2009@yandex.ru

Ragimov Ilham M. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Republik Aserbaidtschan, Präsident der Vereinigung der Rechtsanwälte der Länder des Schwarzen Meeres-Kaspian Region, elmir_eminov@hotmail.com

Salimov Kamil N. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Kriminalistik und Forensik an der Baku Staatlichen Universität, bsu.kamil.salimov@mail.ru

Samadova Shahla T. – Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie an der Baku Staatlichen Universität, shahlats@mail.ru

Veliyev Isakhan V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor der Akademie der Öffentlichen Verwaltung beim Präsidenten der Republik Aserbaidtschan, Senior Researcher des Instituts für Recht und Menschenrechte der Nationalen Akademie der Wissenschaften von Aserbaidtschan (NAWA), veliev.i@inbox.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ahmetzade Nazreddin M. – Doctoral student of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, nazraddin.ahmadzade@asco.az

Akbarov Rahib A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of Law of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, rahibekberli@gmail.com

Aliyev Bakhtiyar A. – Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor, Doctoral student of the Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan, antiterror-baku@mail.ru

Aliyev Etibar A. – Full Member of the International Transport Academy, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Human Rights and Information Law of UNESCO of the Law Faculty at the Baku State University, a-etibar@rambler.ru

Aliyev Namig H. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Law at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, namikamal1@gmail.com

Aliyev Nazim K. – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, aliyev-1973@list.ru

Barkov Alexey V. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities at the Financial University under the Government of the Russian Federation, barkov_a_v@mail.ru

Bartsits Igor N. – Doctor of Legal Sciences, Director of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, in.bartsits@igsu.ru, ibarcic@gmail.com

Brazhin Yuri Yu. – Adjunct of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, brazhin.yura@bk.ru

Gulaliyeva Romella A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Criminal Law, Leading Researcher of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Romella.gul@mail.ru

Guliyev Emin R. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Law at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, guliyev.emin.r@gmail.com

Gurbanov Habil S. – Doctor of Legal Sciences, Professor, The Chairman of the Free Trade Union of the ANAS, professorqurbanov@yandex.com

Korchagin Oleg N. – Candidate of Legal Sciences, Director of the Program of the Faculty of Human Resources and Public Service of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, on.korchagin@igsu.ru

Krakovsky Konstantin P. – Professor of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, kp.krakovskiy@igsu.ru

Kravchenko Oleg A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of State and Legal Disciplines of the Department «Higher School of Law» of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, oa.kravchenko@igsu.ru

Maslakova Elena A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Criminal Law at the Law Institute of Oryol State University named after I. S. Turgenev, goldencit@bk.ru

Matskevich Igor M. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Professor of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Head of the Laboratory for Anticriminal Research in the Field of Energy Security of the Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I.M. Gubkin, President of the Union of Criminalists and Criminologists, President of the International Foundation for Legal Initiatives, mackevich2004@mail.ru

Milić Ivan D. – Doctor of Legal Sciences, Assistant of the Faculty of Law at the University of Novi Sad, i.milic@pf.uns.ac.rs

Mirzoev Aga Kerim A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Jurisprudence at the National Aviation Academy of the Republic of Azerbaijan, agakerim47@mail.ru

Mustafayev Chingiz F. – Doctor of Legal Sciences, mustafayev.chingiz01@gmail.com

Petryakova Antonina V. – Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law Disciplines at the Moscow University of Finance and Law, antonina_moscow@mail.ru

Prikhodko Natalia Yu. – Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Training the Management Staff of Internal Affairs Bodies in the Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Bolshevo», Member of the Union of Criminalists and Criminologists, nnnatasha2009@yandex.ru

Ragimov Ilham M. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Azerbaijan, President of Association of Lawyers of the Countries of Black Sea – Caspian Region, elmir_eminov@hotmail.com

Salimov Kamil N. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Forensics at the Baku State University, bsu.kamil.salimov@mail.ru

Samadova Shahla T. – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at the Baku State University, shahlats@mail.ru

Veliyev Isakhan V. – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Academy of Public Administration under The President of Azerbaijan, Senior Researcher of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (ANAS), veliev.i@inbox.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Die Probleme der Bildung der nationalen Rechtsquellen während der Aserbaidchanischen Demokratischen Republik (1918–1920)

Akbarov R.A.

Ziel: die Bestimmung der Bildung und die Entwicklung nationaler Rechtsquellen des rechtlichen Rahmens und der rechtlichen Natur.

Methodologie: historische Methode, Systemanalysemethode, logische Methode, formell-rechtliche Methode, vergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Infolge der unersetzlichen Tätigkeit der Aserbaidchanischen Demokratischen Republik (ADR) konnten die wissenschaftlichen Grundlagen der nationalen Rechtsquellen entdeckt werden. Die Rechtsakte, die von der Aserbaidchanischen Demokratischen Republik angenommen wurden, stärkten die Bildung des nationalen Rechts und der Rechtsgrundsätze und sicherten ihre Weiterentwicklung. Sie bestimmten auch die Rechtsnachfolge für empirische Forschungen. Die Prinzipien der rechtlichen Tätigkeit des Staates, der Mechanismus der Macht und die Grundlagen des modernen nationalen Rechtssystems wurden bestimmt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Im Artikel wurde zum ersten Mal spezifische Merkmale der Bildung und der Entwicklung des nationalen Rechtssystems in der Aserbaidchanischen Demokratischen Republik untersucht.

Es ist bekannt, dass in der Unabhängigkeitserklärung der ADR die grundlegende rechtliche Rahmen des nationalen staatlichen Systems und des Rechtssystems ermittelt wurde.

Unter Berücksichtigung der nationalen Besonderheiten entwickelte sich das nationale ADR-Recht zu einem unabhängigen nationalen Rechtssystem, das spezifische Formen, Methoden und Mechanismen der Rechtsetzung und Strafverfolgung aufweist.

Gleichzeitig wurde das nationale Rechtssystem mit Hilfe von Formen und Bestandteilen des europäischen Kontinentalrechts gebildet und weiterentwickelt. Das aserbaidchanische Recht ist aufgrund seiner Rechtsnatur ein parlamentarisches und delegiertes Recht. Weil das aserbaidchanische Rechtssystem im Prozess der Tätigkeit des regierungsdelegierten Rechts und der parlamentarischen Gesetzgebung entstand. Das Parlaments- und Delegationsrecht sind die wichtigsten Rechtsquellen des Demokratischen Republik Aserbaidchans. Das aserbaidchanische Parlament berücksichtigt das Delegationsgesetz bei der Ausarbeitung und Annahme von Rechtsakten.

Das Delegationsrecht schuf seinerseits Voraussetzungen für die Stärkung des Verwaltungsrechts. Während der Zeit der Demokratischen Republik Aserbaidchan hatte das Parlaments- und Delegationsrecht eine dominante, vorrangige Position gegenüber anderen Rechtsquellen. Flexible Reformen waren in politischen und wirtschaftlichen Bereichen einer der Hauptfaktoren, die eine Zunahme der Zahl der delegierten und parlamentarischen Akte verursachten.

Das nationale Rechtssystem der Demokratischen Republik Aserbaidchan ist im delegierten Recht und im parlamentarischen Recht verankert und durch die Prinzipien, Doktrinen und Institutionen des Rechts gestärkt. So gewährleistet es die weitere Rechtsnachfolge.

Stichwörter: Parlamentsrecht, Delegationsrecht, nationales Rechtssystem, Rechtsquellen, Kontinentalrecht, Rechtsstruktur, Rechtsordnung, Rechtsnachfolge.

Taktische Merkmale der Anti-Terror-Tätigkeiten auf Gegenständen der Meeresinfrastruktur

Aliyev B.A., Ahmetzade N.M.

Ziel: die Bestimmung des Aktionsalgorithmus von den Anti-Terror-Einheiten der Sicherheitskräfte bei einer Bedrohung durch Seeraub (Terroranschlag) in Bezug auf die Meeresinfrastruktur (Seeschiff, Seeschelf, Seehafen usw.).

Methodologie: Deduktion, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen: bei der Organisation der Kommunikation im vorgeschlagenen Bereich einer Anti-Terror-Operation, um den schnellen Einsatz von Kommunikationseinrichtungen zu gewährleisten, wird empfohlen, den Standort des Einsatzes im Voraus zu bestimmen und alle notwendigen Bedingungen dafür vorzubereiten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: die Autoren untersuchten zunächst detailliert die Frage nach dem Algorithmus der Aktionen von den Anti-Terror-Einheiten der Sicherheitskräfte bei einer Bedrohung durch Seeraub (Terroranschlag) in Bezug auf die Meeresinfrastruktur (Seeschiff, Schelfmeer, Seehafen usw.).

Stichwörter: Raub, Geiselnahme, Terroranschlag, emotionale Spannung, Verhandlungsführer, Identität des Terroristen.

Differenzierung der Verantwortung für die Berufskriminalität von Medizinern nach der Gesetzgebung der Aserbaidzhanischen Republik

Aliyev N.K.

Ziel: die Forschung der Probleme der Klassifizierung von Berufsverbrechen von Medizinern, die Analyse der gesetzlichen Regelung der Differenzierung der Verantwortlichkeit für diese Handlungen im Strafgesetzbuch der Aserbaidzhanischen Republik.

Methodologie: formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode, Synthese, historische Rechtsprechung, systematischer Ansatz.

Schlussfolgerungen. Eine faire und ordnungsgemäße Forschung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit ist eine der besten Möglichkeiten zur erfolgreichen Verbrechensbekämpfung. Daher hat die erfolgreiche Differenzierung der Verantwortlichkeit für alle Arten von Straftaten für den Gesetzgeber stets Priorität. In den Normen des geltenden Strafrechts wird die Unterscheidung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für Straftaten von Medizinern in allgemeiner Form getroffen, und dieser Prozess ist nicht regelmäßig und vollständig. Anhand verschiedener Kriterien präsentiert der Autor verschiedene Möglichkeiten zur Klassifizierung von Berufsverbrechen von Medizinern nach der Gesetzgebung der Aserbaidzhanischen Republik. Es wird darauf hingewiesen, dass die Forschung der Verantwortlichkeiten die Hauptrichtung des nationalen Strafrechts sein sollte, da die Gerechtigkeit der Bestrafung und deren Angemessenheit an die begangene Handlung in erster Linie davon abhängt. Daher sind die Festlegung von Kriterien und Mitteln zur Unterscheidung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für Berufsverbrechen von Medizinern und die Ausarbeitung konkreter Vorschläge für deren Formulierung im Strafrecht moderne strafrechtliche Aufgaben.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Forschung leistet einen Beitrag zur Vertiefung wissenschaftlicher und theoretischer Kenntnisse in Fragen der Berufskriminalität von Medizinern sowie zur Unterscheidung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für als sozial gefährlich eingestufte Handlungen. Der vorgestellte Artikel kann die Voraussetzungen für den Fortgang des Rechtsdenkens in diese Richtung schaffen.

Stichwörter: Leben und menschliche Gesundheit, Strafrecht, Berufskriminalität, Patient, medizinisches Personal, Differenzierung der Verantwortung.

Einige Überlegungen zur "Legitimität nicht anerkannter Staaten"

Aliyev N.H.

Ziel: am Beispiel des Armenisch-aserbaidzhanischen Bergkarabachkonflikts die Illegitimität der staatlichen Einheiten zeigen, die infolge der Ethno-territorialen Konflikte im postsowjetischen Raum geschaffen wurden.

Methodologie: Deduktion, formalrechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. 1) Die Entstehung neuer Staaten ist ein Prozess und ein Phänomen, die von der Weltgemeinschaft nicht gefördert werden, deshalb anwendet man sie ziemlich selten in der Praxis. 2) die Grundlage von Bildung neuer Unabhängiger Staaten war ein Rechtsvertrag (in der einen oder anderen legitimen Form), d.h. Vereinbarungen über die Schaffung dieser Staaten, die von der Weltgemeinschaft anerkannt wurden. Dies ermöglichte es, von den staatlichen Einheiten, geschaffenen durch Gewalt, Eroberung und Versklavung (UdSSR, SFRJ, CSSR), zu unabhängigen Staaten zu wechseln, die auf einen Freiwilligen Vertrag gegründet waren und deswegen von anderen demokratischen Staaten anerkannt. 3) Die moderne Weltgemeinschaft betrachtet Gewalt nicht als ein Mittel oder eine Methode zur Schaffung eines neuen Staates. Die Schaffung eines neuen Staates ist in der heutigen demokratischen Welt nur mit einem Rechtsvertrag möglich, wenn alle interessierte Parteien zur freiwilligen Zustimmung der Grenzberichtigung kommen. 4) Das *Uti-possidetis*-Prinzip stellt eine äußerst wichtige Doktrin dar, die dem Prozess des Erwerbs der Staatlichkeit von einer neuen Einheit laut des Völkerrechts zugrunde liegt. 5) Die internationale Anerkennung eines Staates, der durch die Besetzung der Gebiete anderes Staates geschaffen wurde, kann in der Welt als Präzedenzfall angesehen werden, und wird unvorhersehbare Folgen für die Weltgemeinschaft nach sich ziehen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Wege zur Lösung von aktuellen Konflikten finden, die in einer Reihe von den GUS-Ländern entstanden.

Stichwörter: Republik Aserbaidschan, Republik Armenien, Armenisch-aserbaidschanischer Bergkarabachkonflikt, Legitimität, Besetzung, Grundsätze der Anerkennung neuer Staaten, Prinzip der territorialen Integrität, Uti-possidetis-Prinzip.

Verkehrssicherheit im internationalen Verkehr

Aliyev E.A.

Ziel: Vergleich und Analyse der Fragen der Verkehrssicherheit im internationalen Verkehr in der Praxis Aserbaidschans und einiger anderer Länder.

Methodologie: Abzug, formell-logische, historische und rechtsvergleichende Methoden.

Schlussfolgerungen. Auf der Grundlage von regulatorischen und doktrinären Quellen werden die Merkmale der Gewährleistung der Verkehrssicherheit im internationalen Verkehr behandelt.

Das moderne internationale Verkehrsrecht im Zeitalter der Globalisierung ist eine der Hauptrichtungen der multilateralen Regulierung der zwischenstaatlichen Wirtschaftsbeziehungen.

Es ist kein Zufall, dass dieses wachsende Beziehungsspektrum eine entscheidende Rolle bei der Bildung und Entwicklung des Zweigs des modernen Völkerrechts spielt – das internationale Verkehrsrecht. Unter modernen Bedingungen ist die Verkehrstätigkeit von Staaten, der direkte Verkehr, spielen eine exklusive Rolle in internationalen Integrationsprozessen. Darüber hinaus ist der internationale Verkehr eines der Bindeglieder zwischen den Volkswirtschaften von Staaten, einzelnen Regionen und Kontinenten und gewährleistet die aktive Entwicklung des internationalen Handels und ihrer außenwirtschaftlichen Beziehungen.

Unter diesen Bedingungen ist das Problem der Entwicklung und Stärkung des normativen und rechtlichen Inhalts des Konzepts der wirtschaftlichen Superregierung, besonders wichtig, vor allem für postsowjetische Staaten. Für Staaten wie die Republik Aserbaidschan sind nicht nur der Inhalt des souveränen Rechts, über seine natürlichen Ressourcen und Reichtum frei zu verfügen und alle Aspekte der Wirtschaftstätigkeit auszuüben, sondern auch die Verwirklichung dieses Rechts auf einer für alle Seiten vorteilhaften und zivilisierten Basis von größter Bedeutung, in Übereinstimmung mit den Anforderungen des modernen Völkerrechts.

Der Autor stellt fest, dass internationale Verkehrsbeziehungen im Wesentlichen Beziehungen sind, die im Zusammenhang mit der Wirtschaftstätigkeit von Staaten entstehen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Durch die Untersuchung der Erfahrungen des Auslandes auf dem Gebiet der Gewährleistung der Verkehrssicherheit im internationalen Verkehr können wir eine Reihe von Problemen lösen, die mit der Verbesserung der Verkehrsgesetzgebung der Republik Aserbaidschan verbunden sind.

Stichwörter: Verkehrssicherheit, internationaler Verkehr, Verkehrsgesetzgebung, internationale Zusammenarbeit, internationale Verkehrsbeziehungen.

Über die völkerrechtliche Regelung von Schutz der Menschenrechte und Freiheiten

Valiyev I.V.

Ziel: Berücksichtigung der Geschichte des Schutzes der Menschenrechte und Grundfreiheiten, Analyse der logischen Verbindung dieser Geschichte mit dem modernen Völkerrecht, Bestimmung ihrer Rolle bei der Entwicklung der nationalen Gesetzgebung.

Methodologie: Ableitung, historische Analyse, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen: die Mehrzahl der internationalen Normen ist nicht verbindlich und die Funktionsmechanismen sind nicht für verbindliche Normen definiert. Zu diesem Zweck müssen neue internationale Strukturen geschaffen werden, die die Mitgliedstaaten der betreffenden Strukturen zur Einhaltung der Bestimmungen internationaler Übereinkommen zwingen können, oder bestehende internationale Gremien sollten in der Lage sein, Staaten, die sich nicht an internationale Vorschriften halten, zur Disziplinierung heranzuziehen, einschließlich der Anwendung von Gewalt gegen sie.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: ein Exkurs wird in die Geschichte der Menschenrechtsgesetzgebung gemacht. Die Analyse der in diesem Bereich in verschiedenen Phasen der Geschichte erlassenen Rechtsakte durchgeführt wird. Auch werden die positiven Aspekte der einschlägigen Gesetze auf die nationalen anzuwenden Gesetzgebung vorgeschlagen.

Stichwörter: Menschenrechte, Völkerrecht, Magna Carta Grundgesetz, Unabhängigkeitserklärung der Vereinigten Staaten, Wirtschafts- und Sozialrat der Vereinten Nationen, Menschenrechtskommission, Fakultativprotokoll.

Das Hauptmerkmal und die Klassifizierung von Straftaten der Demokratischen Republik Aserbaidshan (1918–1920)

Guliyev E.R.

Ziel: In diesem Artikel werden die wichtigsten Merkmale und die Einstufung der Rechtsakte untersucht, die in das Strafrecht der Demokratischen Republik Aserbaidshan (DRA) aufgenommen wurden. Der Schwerpunkt liegt hier auf dem Vergleich mit ähnlichen Akten aus der Zeit des zaristischen Russlands und der provisorischen Regierung. Darüber hinaus wurde ein Überblick über den Inhalt des Strafrechts von der DRA gegeben, indem die wichtigsten Merkmale der Bestimmungen und Sanktionen ihres Artikels angegeben wurden.

Methodologie: Deduktion, formell-juristische und rechtvergleichende Methoden.

Schlussfolgerungen. Das Strafrecht der Demokratischen Republik Aserbaidshan (1918–1920) bestand aus Akten, die sich in Form, Inhalt und Zweck unterschieden. Dadurch können sie nach verschiedenen Kriterien klassifiziert werden. Das DRA-Strafrecht war durch Nachfolge gekennzeichnet, als der Gesetzgeber die in der Februarrevolution von 1917 festgelegte Tendenz zur Demokratisierung und Liberalisierung fortsetzte, jedoch im Rahmen des neuen politischen und rechtlichen Systems der Demokratischen Republik Aserbaidshan.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung der Merkmale und der Klassifizierung des Strafrechts der Demokratischen Republik Aserbaidshan wird die Geschichts- und Rechtswissenschaft bereichern, die Probleme der politischen und rechtlichen Entwicklung auf dem Gebiet des ehemaligen russischen Reiches nach der Revolution von 1917 eingehender und umfassender behandeln, bestimmte Merkmale des Rechtssystems und den Zweig des Strafrechts im Übergang ermitteln. Es kann auch als verlässliche historische und theoretische Hilfe bei der Verbesserung und weiteren Demokratisierung des Strafrechts des Landes dienen.

Stichwörter: Strafrecht, Straftatbestand, Sanktionen, Dekret, Demokratische Republik, Konstituierende Versammlung, Wahlen, Klassifizierung von Akten, Nachfolge, politische Entwicklung.

Kriminologische Aspekte der Gewährleistung der Ernährungssicherheit in Aserbaidshan

Gulaliyeva R.A.

Ziel: den Zustand der Ernährungssicherheit in der Aserbaidshanischen Republik zu analysieren und zu gewährleisten, nicht nur durch die allgemeine und spezielle Warnung von Verbrechen im Bereich der wirtschaftlichen und ökologischen Sicherheit, sondern auch durch die Verbesserung der Lebensmittelkompetenz der Bevölkerung.

Methodologie: interdisziplinäre Rechtsforschung, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-rechtliche, dialektische, systemische Methoden.

Schlussfolgerungen. Das Strafrecht von Aserbaidshan über Verbrechen im Bereich der wirtschaftlichen Aktivitäten und Umweltverbrechen muss nach Ansicht des Autors verbessert werden. Weitere Untersuchungen und dauerhafte Aufmerksamkeit erfordern die in der Republik geleistete Lebensmittelpolitik sowie die Erziehung in der Bevölkerung der Lebensmittelkompetenz.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor untersucht die Entscheidungen der obersten Behörden und der Verwaltung über das aktuelle Problem, einzelne normative Rechtsakte. Mängel in der Lebensmittelpolitik werden festgestellt. Mögliche Methoden zur Beseitigung werden vorgeschlagen, die Ernährungssicherheit in der Aserbaidshanischen Republik erhöhen könnten.

Stichwörter: Sicherheit, Lebensmittel, Kriminologie, Gewährleistung.

Verantwortung und Strafe für internationale Verbrechen in der Strafgesetzgebung der Republik Aserbaidshan

Gurbanov H.S.

Ziel: Bearbeitung der internationalen Rechtsakte und Analyse der Besonderheiten der Gesetzgebungsregelung gegen Frieden und Sicherheit der Menschheit in der Strafgesetzgebung der Republik Aserbaidshan.

Methodologie: Deduktion, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen: In Kapiteln 16 und 17 des Strafgesetzbuches 1999 der Republik Aserbaidshan waren zwanzig Verbrechen vorgesehen, die im Völkerrecht und internationalen humanitären Recht erläutert waren. Vierzehn Verbrechen von denen waren gegen Frieden und Sicherheit der Menschheit, sechs Verbrechen für Kriegsverbrechen vorgesehen. Autor ist der Meinung, dass die Rechtsnormen über diese Verbrechen im Anfang des Sonderteiles jeweils begründet dargestellt, denn diese den Vorschriften des Art. 12 des Grundgesetzbuches der Republik Aserbaidshan über

die Anwendung des internationalen Rechtes für inländische, gesellschaftliche Gefahr der internationalen Verbrechen (Kriterium der Klassifikation der Sonderteile des Gesetzbuches) ebenso langzeitige Aussichten der Entwicklung des internationalen Strafgesetzbuches entsprechen. Strafe für Verbrechen gegen Frieden im Strafgesetzbuch der Republik Aserbaidschan war in Form der Freiheitsstrafe vorgesehen, aber in einem Fall kann zusätzliche Strafe in Form der Nichtausübung der bestimmten Tätigkeiten oder der Amtsfähigkeit (Art. 101.2) angewandt werden. Der Meinung des Autos nach kann zusätzliche Strafe ist in Sanktion des Art. 114.2 des Strafgesetzbuches der Republik Aserbaidschan vorgesehen, denn diese Straftaten werden durch die Personen mit Missbrauch ihrer Befugnisse begehen werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Studie der Fragen betreffend der Differenzierung der Verantwortung und Strafe für begangene Straftaten erlaubt uns, die Vorschläge über Feststellung der gesetzlichen Vorschriften, bzw. Merkmale und Sanktionen dieser Bestimmungen zu erarbeiten.

Stichwörter: Verantwortung, Welt, Menschheit, Sicherheit, Bestrafung, Völkerrecht, Kriminalität.

Heydar Aliyevs kriminologische Ansichten

Matskevich I.M.

Ziel: Heydar Alyevs Ideen zum Kampf gegen das Verbrechen zu analysieren. Sie mit den praktischen Maßnahmen, die er in diese Richtung seiner praktischen Tätigkeit umgesetzt hat, zu vergleichen.

Methodologie: Methoden der historischen, dialektischen und vergleichenden Analyse.

Schlussfolgerungen. Heydar Aliyev hat dem Kampf gegen das Verbrechen viel Aufmerksamkeit geschenkt.

Die Umsetzung von Heydar Aliyevs Ideen zum Kampf gegen das Verbrechen kann als Praktische Kriminologie bezeichnet werden.

Heydar Alyevs Ideen im Bereich der Jugendpolitik erfordern eine separate Studie.

Das Entwicklungsmodell von Strafverfolgungsbehörden in Aserbaidschan kann in anderen Ländern, einschließlich Russland, verwendet werden.

Heydar Aliyev hat der internationalen Zusammenarbeit im Kampf gegen das Verbrechen große Aufmerksamkeit geschenkt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Dieser Artikel sollte für diejenigen von Interesse sein, die versuchen, die positiven Erfahrungen bei der Bekämpfung der Kriminalität in anderen Ländern zu studieren.

Die Studie erlaubt es, die Möglichkeiten der präventiven Arbeit in Russland unparteiisch zu betrachten, basierend darauf, wie diese Aktivität in Aserbaidschan aufgebaut ist. Die Erfahrung der praktischen Reduzierung der Kriminalität und die de facto Beseitigung der Straßenkriminalität können niemanden gleichgültig lassen.

Stichwörter: Präsident, Politik, Religion, Jugend, Strafverfolgung, Kriminalität, Praktische Kriminologie, Prävention, Kontrolle, Korruption, organisiertes Verbrechen.

Einzelne Aspekte der Kriminologischen Untersuchung der organisierten Kriminalität

Mirzoev A.K.

Ziel: der Vergleich und die Analyse der Erfahrung der gesetzlichen Regelung des Instituts für die Qualifikation von Verbrechen, die von einer Gruppe von Personen nach vorläufiger Verabredung oder von einer organisierten kriminellen Gruppe begangen wurden und die in den Strafgesetzbüchern von Aserbaidschan, Russland, der Ukraine vorgesehenen, sowie die vorhandenen Begriffe Korruption, Bestechung und Probleme in diesem Bereich.

Methodologie: Deduktion, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Nach Artikel 34 des StGB AR wird Verbrechen von einer organisierten Gruppe begangen, wenn es von einer stabilen Gruppe, bestehend aus zwei oder mehr Personen, die sich im Voraus für die Begehung eines oder mehrerer Verbrechen vereinigt, begangen wird. Es ist die Begehung eines Verbrechens, das Zweifel an der Realität seiner Qualifikation als eine organisierte kriminelle Gruppe erzeugt, weil dabei die ursprüngliche Bestimmung der organisierten kriminellen Gruppe fehlt, nämlich der Mangel an Stabilität. Nach Meinung des Autors des Artikels ist die festgelegte Position des Gesetzgebers ganz fraglich.

Das Konzept der Korruption wird gesetzlich verankert (Artikel 1 des AR-Gesetzes «Über den Kampf gegen die Korruption»). Diese Definition ist jedoch vage Natur des Inhalts und offenbart nicht das wirkliche Wesen der Korruption. Tatsächlich zeigt sie nur mehrere Dispositionen von Artikeln des Strafgesetzbuches (Bestechung, Machtmissbrauch, Amtsmissbrauch, etc.). Der Autor des Artikels behandelt einige der bestehenden Probleme in diesem Bereich und unter Berücksichtigung der kriminologischen und strafrechtlichen Besonderheiten, schlägt Änderungen des AR-Gesetzes und eine neue Definition der Korruption vor.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Forschung der gesetzlichen Regelung der Qualifikation eines Verbrechens durch eine Gruppe von Personen nach vorläufiger Verabredung oder von einer organisierten kriminellen Gruppe wird das Strafrecht verbessern und die Komplexität im Prozess des Beweises der Handlung neutralisieren. Letztlich wird es eine positive Wirkung auf die gerechte Auswahl der Strafmaßnahmen und die Wirksamkeit der Bekämpfung von Verbrechen dieser Kategorie haben.

Stichwörter: vorläufige Verabredung, organisierte Kriminalität, Korruption, Qualifikation von Korruptionsverbrechen, kriminelle Verbindungen, Schirmherrschaft.

Fragen des Aufbaus des Sozialstaates

Mustafayev C.F.

Ziel: die Erfahrungen aus dem Ausland auf dem Gebiet des Aufbaus des Sozialstaates zu analysieren. Konkrete Vorschläge für den Aufbau des Sozialstaates im postsowjetischen Raum zu formulieren.

Methodologie: historische und rechtsvergleichende Methoden.

Schlussfolgerungen: der Autor glaubt, dass die Länder des postsowjetischen Raums auf dem Weg des Aufbaus des Sozialstaates entwickeln sollten. Unter den Bedingungen des Kapitalismus werden soziale Projekte in erster Linie umgesetzt, um die Sicherheit des Eigentums der Eigentümer zu gewährleisten und revolutionäre Situationen zu verhindern. Die akzeptabelste Gesellschaft für den Aufbau eines Sozialstaates ist die sozialistische Gesellschaft. Die Zukunft nicht nur der Länder des postsozialistischen Raums, sondern der ganzen Menschheit hängt von der Entwicklung der Ideen des Sozialstaates im Kontext der sozialistischen Gesellschaft ab. Was die Besonderheiten des Aufbaus des Sozialstaates in den GUS-Staaten angeht, glaubt der Autor, dass es notwendig ist, einige historische Ereignisse und Prozesse in der Geschichte der UdSSR objektiv zu bewerten. Laut dem Autor müssen sich die Länder des postsozialistischen Raums außerdem auf dem Weg des Aufbaus von sozialen Staaten und der Schaffung ihrer Freiwilligen Union zu entwickeln, um den weltweiten Imperialismus zu widerstehen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: die Analyse verschiedener Modelle, Merkmale und Funktionen des Sozialstaates, die Ermittlung der Ursachen von Fehlern im Aufbau des Sozialismus in der UdSSR, geopolitische Merkmale des Prozesses der Globalisierung, die Bestimmung von Bedrohungen in der Zukunft usw. sind für den wirksamen Aufbau des Sozialstaates von grundlegender Bedeutung.

Stichwörter: Sozialstaat, Modelle des Staates, Funktionen des Staates, Merkmale des Staates.

Strafe in den Heiligen Schriften

Ragimov I.M.

Ziel: den Ursprung und die Entwicklung der Tradition der Wahrnehmung krimineller Bestrafung als Erfüllung Strafe Gottes zu zeigen. Die Einstellung der Vorfahren zu diesem Thema mithilfe von der Analyse von Fragmenten der Heiligen Schriften zu verstehen. Die Verbindung von religiösen, nationalen und sozialen einflussquellen auf die Bildung der rechtlichen Institution der Strafvollstreckung zu identifizieren. Dazu überlegen, welche Rolle der Sinn für Gerechtigkeit, Pflicht und Angst in diesem Prozess spielte.

Methodologie: historisch-vergleichende Methode, Analyse.

Schlussfolgerungen. 1) Die Entstehung des Konzepts der Strafe ist vor allem mit dem Biblischen Gebot verbunden. 2) Das Konzept wird vom Schöpfer bestimmt. 3) Bestrafung ist das ausschließliche Recht Gottes, das Er der Zivilgesellschaft überträgt. 4) Die Grundlage für die Bestrafung des Menschen ist seine Willensfreiheit. 5) Bestrafung wird gegeben, um die Schuld zu büßen. 6) Religionen haben praktische Bedeutung in der physischen Welt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Artikel ermöglicht es, die Dynamik der historischen Entwicklung des philosophisch-rechtlichen Konzepts der Bestrafung zu verfolgen. Es gibt die Periodisierung des Werdens der Bestrafung als die Rechtsinstitution gegeben. Es wurde festgestellt, dass verschiedene Völker sahen in der Notwendigkeit des Strafvollzugs den Willen Gottes, was sich in ihren religiösen Ansichten widerspiegelte. Insbesondere behandelt die Arbeit bestimmte Aspekte der christlichen, muslimischen und jüdischen Lehren, die die Tradition einer solchen Interpretation begründeten. Mit dem Wechsel der Epochen änderte sich die Einstellung der Menschen zu den Motiven und Mitteln der Bestrafung. Dieser Prozess wurde jedoch immer als eine Art Vergeltung verstanden, die der Mensch seine religiöse, menschliche und bürgerliche Pflicht sowohl vor Gott als auch vor anderen Menschen erfüllt.

Stichwörter: theologisches Konzept, Bestrafung, Religion, Heilige Schrift, Gesetzgebung, Traditionalismus, Rechtsphilosophie, Volksweisheit, Strafmaßnahmen, Strafrecht.

Globale Anti-Terror-Strategie der Vereinten Nationen und die Notwendigkeit der Verbesserung der Arbeit zur Korrektur und Umerziehung von Personen, die wegen religiösen Terrorismus verurteilt wurden

Salimov K.N.

Ziel: die Analyse der Hauptrichtungen der Umsetzung der Globalen Anti-Terror-Strategie der Vereinten Nationen, die das Hauptdokument der internationalen Gemeinschaft zur Bekämpfung des Terrorismus darstellt. Die Behandlung der internationalen Praxis, Terroristen an Haftanstalten zu halten, und Ermittlung ihrer Hauptmängel.

Methodologie: Analyse, Synthese, Deduktion, logische, allgemeinwissenschaftliche, privatwissenschaftliche, rechtliche und interdisziplinäre Methoden.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie gelangt der Autor zu dem Schluss, dass zur wirksamen Verhinderung neuer terroristischer Handlungen von Personen, die aus Haftanstalten entlassen wurden, auf der Grundlage einer Verallgemeinerung der internationalen Erfahrung allgemeine Empfehlungen zur Korrektur und Umerziehung von Personen ausgearbeitet werden müssen, die aus religiösen Gründen Terrorismus begangen haben. Zu diesem Zweck wird die Einsetzung der 12 thematischen Facharbeitsgruppen des Büros der Vereinten Nationen für Drogen- und Verbrechensbekämpfung (UNODC) vorgeschlagen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor beschreibt ausführlich die Persönlichkeitsmerkmale von Verurteilten, die aus religiösen Gründen Terrorakte begangen haben. Die Statistik der Kommission wiederholt Terrorakte nach der Entlassung aus der Strafe. Einer der Nachteile der Arbeit in dieser Richtung ist nach Ansicht des Autors das Fehlen von Empfehlungen zur Korrektur und Umerziehung von Verurteilten dieser Kategorie unter Berücksichtigung der psychologischen Merkmale ihres Verhaltens und der Wahrnehmung der umgebenden Realität. Die Programme ihrer Umerziehung sind gegeben, dank denen es möglich war, signifikante Fortschritte in diese Richtung zu erzielen. Die grundlegenden methodischen Ansätze sowie die Arbeitsorganisation an Haftanstalten werden aufgezeigt.

Stichwörter: Terrorismus, UNO, verurteilt, Korrektur, religiös.

Strafbarkeit wegen Hochverrats im Strafrecht der Republik Aserbaidshans

Samadova S.T.

Ziel: die Verantwortlichkeiten für Hochverrat im Strafgesetzbuch von Aserbaidshans und einigen anderen Ländern zu vergleichen und analysieren.

Methodologie: Abzug, formell-logische, historische und rechtsvergleichende Methoden.

Schlussfolgerungen. Basierend auf normativen und doktrinären Quellen werden die Merkmale des Hochverrats im Strafrecht Aserbaidshans berücksichtigt. Der Hochverrat als eigenständige Straftat war erstmals im Strafgesetzbuch der SSR Aserbaidshans von 1927 vorgesehen. Das nachfolgende Strafrecht Aserbaidshans als Ganzes hat die Kontinuität bei der Bestimmung der objektiven und subjektiven Anzeichen der betreffenden Straftat aufrechterhalten. Die Anordnung von Artikel 274 des Strafgesetzbuches bis 1999 die Bestandteile des Tatgegenstands sind angegeben: Souveränität, territoriale Integrität, staatliche Sicherheit oder Verteidigungsfähigkeit der Republik Aserbaidshans. Solche Formen des Verrats des Staates wie die Flucht ins Ausland und die Weigerung, aus dem Ausland zurückzukehren, wurden unter vollständiger Einhaltung der internationalen Standards im Bereich des Schutzes der Menschenrechte und Freiheiten entkriminalisiert. Die Normen der Staatengesetze im postsowjetischen Raum, die die strafrechtliche Verantwortlichkeit für dieses Verbrechen vorsehen, weisen keine grundsätzlichen Unterschiede auf. Leichte Unstimmigkeiten bestehen im Namen der Straftat selbst, bei der Bestimmung des unmittelbaren Gegenstands der Straftat, bei der Festlegung der besonderen Voraussetzungen für die Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit. Der Autor hält es für angemessen, die strafrechtliche Verantwortlichkeit für Verrat im Falle der Begehung dieses Verbrechens durch den Armeeeingehöriger zu differenzieren.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Wenn wir die Erfahrungen des Auslandes im Bereich der Ermittlung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für Hochverrat studieren, können wir eine Reihe von Problemen lösen, die mit der Verbesserung des Strafrechts der Republik Aserbaidshans verbunden sind.

Stichwörter: Hochverrat, Strafrecht, äußere Sicherheit, Staatssicherheit, Souveränität, territoriale Integrität, Kriminalität, Staatsgeheimnis, Spionage.

Korruptionsstrafrecht in Russland in den 18.–19. Jahrhunderten

Bartsits I.N., Krakovsky K.P.

Ziel: bei der Förderung der Werte von administrativen Transformationen stößt das Verwaltungssystem Russlands auf dieselben Schwierigkeiten, wie die meisten anderen Länder. Das Hauptproblem ist dabei die Korruption. Die

Korruption wird in Russland als ein Systemproblem angesehen, das der Staatsverwaltung, wirtschaftlicher Entwicklung des Landes und nationaler Sicherheit droht. Im angegebenen Artikel wird die Entwicklung der Gesetzgebung gegen Bestechlichkeit und Bestechungsdelikt im System der Staatsverwaltung des Russischen Reiches im Laufe von den 18. und 19. Jahrhunderten behandelt, sowie Versuche, diese Gesetzgebung zu kodifizieren, und Realien des 19. Jh. Außerdem werden statistische Angaben zur Korruptionsbekämpfung für die erste und die zweite Hälfte des 19. Jahrhunderts analysiert. Das Ziel der Forschung war es, ein Bild sowohl von der Evolution der nationalen Gesetzgebung im Verlauf der 18. und 19. Jahrhunderte im Bereich der Korruptionsbekämpfung zu geben, als auch von derer Inhalt und Rolle in der Theorie des Staatsaufbaus und in der Praxis verwaltungsbezogener Transformationen aufgrund der Analyse von wissenschaftlichen Quellen, historischen Angaben, Texten von Rechtsakten und anderen Rechtsnormen.

Methodologie: bei der vorhandenen Forschung greift der Autor zu Methoden der historischen und vergleichenden Rechtswissenschaft, ordnet und interpretiert historische Rechtsangaben aus juristischen und nichtjuristischen Quelle, zieht dank dem Systemvorgehen Schlussfolgerungen, die zum Verständnis der Bedeutung und der Rolle der Gesetzgebung gegen Bestechung und gegen gesetzwidrige Geldstrafen im System der Staatsverwaltung des Russischen Reiches im Verlauf der 18. und 19. Jahrhunderte beitragen.

Schlussfolgerungen. Die Entwicklungsphasen des Korruptionsstrafrechts in Russland im Laufe von den 18.–19. Jahrhunderten wurden ausgesondert und systematisiert. Es wurde vom Autor bemerkt, dass neben den bestimmten Ursachen des Korruptionsbekämpfungsproblems (wie das „Abfütterungssystem“, die Bildung des Mitgliedsbestandes von Zivilbediensteten meist aus den finanziell schwachen und bildungsfernen Volksschichten, geringe Löhne, uneingeschränkte Macht und rechtlicher Nihilismus der Reichen und Adligen, was für eine strengeregelte Ständegesellschaft typisch ist, usw.) allgemeine, tiefe Ursachen vertreten waren, und nämlich Bestechungsdelikt in Russland aus historischer Sicht als Ergebnis der „Teamarbeit“ des Staates, der Verwaltung und der Gesellschaft.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Evolution der gesetzlichen Regelung zur Korruptionsbekämpfung von inkonsequenten und regellosen Ansätzen bis zu den kodifizierten Akten wurde erörtert, indem viele Aspekte eines Tatbestandes der mit Bestechung verbundenen Verbrechen sowie deren Einwirkung auf die Staatsverwaltung und administrative Transformationen durchgearbeitet wurden, was als eine grundlegende theoretische und praktische Basis für die Entwicklung neuer effizienter Maßnahmen und Korruptionsbekämpfungsaktionen im heutigen Russland dient.

Stichwörter: Bestechlichkeit, Bestechungsdelikt, Korruption, Korruptionsstrafrecht, gesetzwidrige Geldstrafen, Erpressung, Staatsverwaltung, Korruptionsbekämpfung, verwaltungsbezogene Transformation, Beamter.

Soziale und rechtliche Konditionalität des strafrechtlichen Schutzes der Öffentlichkeitsarbeit bei der Durchführung des nationalen Projekts „Gesundheitswesen“

Brazhin Yu. Yu.

Ziel: Untersuchung des sozio-rechtlichen Zustands des strafrechtlichen Schutzes der Öffentlichkeitsarbeit bei der Durchführung des nationalen Projekts „Health Care“.

Methodologie: Abzug, formell-rechtliche, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die durch kriminelle Übergriffe verursachten destruktiven Auswirkungen auf die Umsetzung des nationalen Projekts „Gesundheitswesen“ schaden nicht nur den wirtschaftlichen Interessen des Staates, sondern gefährden auch das Leben und die Gesundheit jedes Menschen. Das wiederholte rechtswidrige Verhalten und seine ausreichende Verbreitung in der Gesellschaft ist eine Folge des fehlenden strafrechtlichen Schutzes der Haushaltsbeziehungen, zu denen auch das etablierte Verfahren für das Ausgeben von Geld gehört. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass bei der Umsetzung des nationalen Projekts „Gesundheitswesen“ strafrechtliche Instrumente zum Schutz der Öffentlichkeitsarbeit entwickelt werden müssen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie über die soziale Konditionierung der Kriminalisierung von Handlungen bei der Umsetzung des nationalen Projekts „Gesundheitswesen“ ergab, dass das Strafrecht die entsprechenden Standards im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation verbessern muss.

Stichwörter: soziale Konditionierung, nationales Projekt, strafrechtlicher Kurs, Budget.

Probleme bei der Standortbestimmung der Durchführung eines Voruntersuchungsverfahrens

Kravchenko O.A.

Ziel: die Richtigkeit der Standortbestimmung der Durchführung eines Voruntersuchungsverfahrens zeigt die Einhaltung des Grundsatzes der Rechtmäßigkeit in Strafverfahren und die Erreichung von Zielen zum Schutz der Rechte und legitimen Interessen von Einzelpersonen und Organisationen, die Opfer von Straftaten wurden, und zum

Schutz Einzelpersonen vor rechtswidrigen und unbegründeten Anschuldigungen, Verurteilungen, Beschränkungen ihrer Rechte und Freiheiten. Die Wissenschaft befasst sich mit den allgemeinen Fragen der Bestimmung des Ortes der Durchführung eines Voruntersuchungsverfahrens. Der Berücksichtigung von Fragen im Zusammenhang mit der Umsetzung der Ermessenbefugnisse einer höheren Untersuchungsbehörde zur Bestimmung des Ortes der Voruntersuchung wird aber wenig Aufmerksamkeit geschenkt. Der Artikel nennt die notwendigen Bedingungen für die Nutzung dieser Ermessenbefugnisse durch die Untersuchungsbehörde und untersucht die Rechtspraxis auf die Einhaltung dieser Bedingungen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-rechtliche Methode, systemische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschungsmethode.

Schlussfolgerungen: Das Gesetz unterscheidet nicht klar zwischen «dem Standort der Durchführung eines Voruntersuchungsverfahrens» und «dem Standort der Behörde der Voruntersuchung», wodurch Strafverfolgungsbehörden und Gerichte der Allgemeinen Gerichtsbarkeit diese Konzepte gleichsetzen können.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Aufdeckung der Mängel der gesetzlichen Regelung, die mit der Möglichkeit der verwaltungsmäßige Bestimmung des Gerichtsstands des Falles mittels der Durchsetzungsentscheidung bis zum Erscheinen der Rechtssituation verbunden sind (zum Beispiel vor Antragstellung des Ermittlers an das Gericht auf die Wahl oder Verlängerung der Sicherheitsmaßregel in Form von Haft) durch die Änderung der Untersuchungsbehörde auf eine nicht-übergeordnete, einschließlich einer anderen gleichen, zum Beispiel, Bezirksebene. Aus praktischer Sicht sollte die Beseitigung dieser Mängel dazu dienen, die einschlägige Rechtsnorm richtig anzuwenden und den Standort der Durchführung eines Voruntersuchungsverfahrens korrekt zu bestimmen.

Stichwörter: Standort, Voruntersuchung, Standort der Behörde, subjektive Diskretion, Bedingungen der Anwendung, Rechtspraxis, Rechtspositionen, Verfassungsbestimmungen, Zuständigkeit der Ermittlungsorgane, Gerichtsstand, Entzug von Rechten, Gerichtsschutz.

Ein Blick auf einige Elemente des Kriminalpräventionssystems in der Russischen Föderation durch das Prisma sozialer und unternehmerischer Erfahrung

Barkov A.V.

Ziel: der vorgestellten Studie ist es, die Möglichkeiten zu bewerten, das Potenzial sozialer und unternehmerischer Instrumente zu nutzen und gleichzeitig den Mechanismus der rechtlichen Unterstützung für die Resozialisierung nach dem Gefängnis als Element des Kriminalpräventionssystems in der Russischen Föderation zu verbessern.

Methodologie: die Forschungsmethodik basiert auf der Entwicklung eines Ansatzes für das hohe methodische Potenzial der sozio-unternehmerischen Ideologie als methodische Grundlage für die Lösung einer Vielzahl sozialer Probleme. Sie bietet die Möglichkeit, die Bemühungen von Instrumenten der Polyindustrie in vielversprechenden wissenschaftlichen, sozial orientierten Studien auf einem breiten Arsenal wissenschaftlicher Methoden zu kombinieren, darunter die beliebtesten: empirische (Vergleich, Messung, Beschreibung, Interpretation) und theoretisch-formale und dialektische Logik.

Schlussfolgerungen. Die Legalisierung des sozialen Unternehmertums in Russland hat der Entwicklung des Mechanismus der post-strafrechtlichen Resozialisierung neue Impulse gegeben, als Garant für die staatliche Unterstützung von Arbeitgebern, aus Gefängnissen entlassenen Arbeitgebern, die soziale Anpassung und Rehabilitation benötigen, und möglicherweise erfolgreiche soziale und unternehmerische Erfahrung im Ausland erforderlich sein kann während das System der Kriminalprävention in der Russischen Föderation verbessert wird. Zur Untermauerung dieser Schlussfolgerung wurden wissenschaftliche und praktische Empfehlungen entwickelt, die darin bestehen, den russischen Ansatz zur Festlegung des Mindestlohns unter Berücksichtigung der Strafverfolgungserfahrungen französischer Sozialunternehmen zu verbessern, um dieser Personengruppe ein menschenwürdiges Leben zu garantieren und eine frühzeitige soziale Anpassung zu gewährleisten. In Frankreich ist nicht wie in Russland der Mindestlohn garantiert, sondern auf gesetzlicher Ebene wird der maximal akzeptable Lohnunterschied zwischen der Direktion des Arbeitgebers und den Arbeitnehmern festgelegt, was fairer erscheint. Die nächste Empfehlung ist die Notwendigkeit, die Liste der sozial gefährdeten Kategorien von Bürgern in Artikel 24.1 Absatz 1.1 des Gesetzes über soziales Unternehmertum zu erweitern, indem auf die Daten von Bürgern verwiesen wird, die wegen psychischer Erkrankungen, Drogenabhängigkeit, Alkoholismus und Drogenmissbrauch rehabilitiert und behandelt wurden in Italien reguliert. Die Umsetzung dieser Empfehlung wird es ermöglichen, ein breiteres Spektrum potenzieller Straftäter, die noch nicht den kriminellen Weg eingeschlagen haben, aber gefährdet sind, sowie solche mit einer kriminellen Vergangenheit neu zu sozialisieren und anzupassen und daher die Wirksamkeit des Systems zur Verhütung von Straftaten in der Russischen Föderation allgemein zu verbessern.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung der Studie scheint darin zu liegen, dass soziale und unternehmerische Erfahrungen als empirische Grundlage für die Verbesserung des Systems der Kriminalprävention in der Russischen Föderation herangezogen werden.

Stichwörter: Kriminalprävention, Resozialisierung nach dem Gefängnis, soziale Rehabilitation, soziale Anpassung, soziales Unternehmertum.

Russische und ausländische Erfahrung von Widerstand gegen kriminelle Konkurse

Maslakova Elena A., Prihodko Natalia Yu.

Ziel: den historischen Hintergrund und die soziale Bedingtheit der Kriminalisierung von Straftaten im Bereich des Bankrottes zu betrachten; Auslandserfahrung strafrechtliche Regelung der Verantwortlichkeit für kriminelle Insolvenzen auf der Grundlage der von Deutschland, England, Frankreich, Spanien, Italien und den USA zu analysieren; die wichtigsten kriminologischen Faktoren kriminellen Insolvenzen, wie z. B.: die Komplexität der kriminellen Methoden, hohe Latenz, spezifische Merkmale und Eigenschaften der Persönlichkeit des Täters, eine stabile Position unter den übrigen Amtsdelikten, zu erkunden.

Methodologie: wird durch die allgemeinwissenschaftlichen Methoden vorgestellt: Synthese, Systemanalyse, dialektische Methode, wurden auch speziell-wissenschaftliche Methoden verwendet: rechtshistorische, rechtsvergleichende, rechtstheoretische Methoden. Alle oben genannten Methoden in der Anwendung in einem einzigen Komplex erlaubt, eine komplexe Systemanalyse des Instituts für kriminelle Konkurse zu machen.

Schlussfolgerungen. Die Mitgliedschaft der Länder zu einer bestimmten Familie der Rechtsordnung bestimmt zwar die Besonderheiten der nationalen Gesetzgebung, verursacht aber keine grundlegenden und wesentlichen Unterschiede in der Bildung der Rechtsinstitutionen und der Methoden der rechtlichen Regulierung. Der Haupteinfluss auf die Entwicklung des Instituts für kriminelle Insolvenz, dessen Grad der Regelung und Regulierung durch eine Reihe von kulturellen, historischen, und in einem größeren Ausmaß politischen und wirtschaftlichen Besonderheiten eines bestimmten Landes zu sein scheint. In diesem Zusammenhang kann eine verallgemeinernde Analyse helfen, den richtigen Weg der Verbesserung der inländischen Gesetzgebung zu identifizieren, um ihre Wirksamkeit zu erhöhen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Im Laufe der durchgeführten Forschung wurden einige Unvollkommenheiten von Gesetzen ausländischer Staaten, die kriminelle Insolvenzen regeln, aufgedeckt, was die Notwendigkeit einer tieferen Untersuchung der einzelnen Probleme durch Rechtswissenschaftler bestätigt. Das beseitigt in Zukunft Lücken der Gesetzgebung, einschließlich der nationalen, die für die richtige Qualifikation von Verbrechen wichtig sind. Das Erreichen dieses Ergebnisses bestimmt die praktische und wissenschaftliche Bedeutung der Forschung. Die Ergebnisse können die Grundlage für neue Untersuchungen sein und von der Strafverfolgungsbehörde als Hilfsquelle für eine genauere und korrekte Qualifikation von Insolvenzkriminalität genutzt werden.

Stichwörter: kriminelle Insolvenzen, Straftatbestand, Widersprüche, fiktive Insolvenz, kriminelle Insolvenz, Edikt, Insolvent, Zahlungsunfähigkeit.

Bekämpfung der Apologie des Terrorismus im globalen Internet im europäischen Rechtsraum

Petryakova A.V.

Ziel: die Forschung ist ausgerichtet auf die Probleme der Kriminalisierung des Terrorismus-propaganda über das Internet in der EU. Die Apologie, die Verherrlichung des Terrorismus, die Missachtung der Opfer des Terrorismus im Internet müssen ebenso geregelt werden wie innerhalb der Länder, auf regionaler und internationaler Ebene. Die Übertragung dieser Beziehungen aus dem informationsrechtlichen Bereich auf den strafrechtlichen Bereich ist ebenfalls erforderlich.

Methodologie: rechtsvergleichende Analyse, Synthese, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen: die Idee, den Terrorismus auf supranationaler Ebene in der Europäischen Union zu bekämpfen, hat einen neuen Inhalt bekommen. Die Richtlinie 2017/541 wurde durch Novellen ergänzt, darunter die Kriminalisierung öffentlicher Provokationen gegen Terrorismus. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass die Umsetzung der Richtlinien des Europäischen Parlaments und des Rates der Europäischen Union (insbesondere der Richtlinie 2017/541) durch die Mitgliedstaaten heterogen ist, was ein absolutes Hindernis für die Vereinigung und Harmonisierung der Rechtsvorschriften der Europäischen Union darstellt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: es ist interessant, die Richtlinie 2017/541 zu studieren, weil sie erstens ein Rechtsdokument branchenübergreifender Natur ist. Sie enthält Normen des Strafrechts,

des Strafprozessrechts und des Verwaltungsrechts. Zweitens ist die Untersuchung des Prozesses der Umsetzung supranationaler (regionaler) EU-Rechtsvorschriften in den Rechtsvorschriften der Mitgliedstaaten von praktischem Wert. Obwohl die Richtlinie 2017/541 obligatorisch ist, weil sie sich der Terrorismusbekämpfung widmet, haben nicht alle Mitgliedstaaten ihre Normen vollständig und rechtzeitig in die nationalen Rechtsvorschriften umgesetzt. Drittens hat die Untersuchung der Richtlinie 2017/541 und des nationalen Rechts der EU-Mitgliedstaaten zur Regelung der Terrorismusbekämpfung wissenschaftliche und praktische Bedeutung für die gemeinsamen Anstrengungen im europäischen Raum zur Bekämpfung von Terrorismus und Extremismus, einschließlich im Internetbereich, die Entwicklung neuer universeller Methoden und Instrumente, Verwaltungsvorschriften und Verfahren.

Stichwörter: Internet, Terrorismus, Glorifizierung des Terrorismus, Propaganda des Terrorismus, Aufrufe zum Terrorismus, Richtlinie 2017/541, Provokation, Anstiftung, Lob, Apologie des Terrorismus, Sperrung, Entfernung von Inhalten, supranationale Regulierung, Völkerrecht, Cyberterrorismus.

Wo werden Gefängnisstrafen in der Republik Serbien vollzogen?

Milić I.D.

Ziel: in der Republik Serbien existieren mehr als dreißig Strafanstalten, in denen Gefängnisstrafen vollzogen werden. Das Ziel dieser Arbeit ist die Kriterien zu präsentieren, anhand von denen entschieden wird, in welcher Strafanstalt ein Häftling seine Gefängnisstrafe verbüßt, und darauf hinzuweisen, in welchen anderen Strafanstalten strafrechtliche Sanktionen in Form von Freiheitsstrafe vollzogen werden.

Methodologie: in der Arbeit werden die positiv-rechtliche Lösungen betrachtet. In diesem Zusammenhang wird die Analyse von relevanten Vorschriften genutzt. Auch werden hier bestimmte Informationen über die Zahl der Häftlinge in Strafanstalten präsentiert, die als Ergebnis der statistischen Analyse erhalten wurden.

Schlussfolgerungen: alle Strafanstalten in Serbien sind größtenteils überbevölkert, was die Resozialisierung von Häftlingen erschwert. In welche Strafanstalt ein Häftling eingewiesen wird, hängt von mehreren Kriterien ab, aber in den existierenden Gesetzen gibt es einige Widersprüche, die auf die Rechtssicherheit Einfluss haben. In der Zukunft ist es nötig, bei Änderungen und Korrekturen von Gesetzen über den Vollzug von Strafen diese Widersprüche zu korrigieren.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: es ist wichtig, die aktuellen Vorschriften über Strafanstalten und andere Anstalten zu präsentieren, in denen kriminalrechtliche Sanktionen vollzogen werden, mit dem Ziel, einige Mängel aufzudecken und mögliche Wege zur Verbesserung von diesem Bereich zu identifizieren.

Stichwörter: Strafanstalt, Einweisung von Häftlingen, Häftlinge, weibliche Häftlinge, Ausländer, organisiertes Verbrechen, spezielle Division.

Zur Frage der Wirksamkeit der staatsanwaltschaftlichen Aufsicht über die Umsetzung der Antikorruptionsgesetze durch Handelsorganisationen

Korchagin O.N.

Ziel: ist es besteht darin, den Grad der Wirksamkeit der staatsanwaltschaftlichen Aufsicht über die Umsetzung der Antikorruptionsgesetze durch Handelsorganisationen zu bestimmen. Gegenstand der Studie sind die widersprüchlichen Aspekte der gesetzlichen Regelung von Fragen, die auf die eine oder andere Weise mit dem Problem der staatlichen Aufsicht über die Umsetzung der Antikorruptionsgesetze durch Handelsorganisationen zusammenhängen.

Methodologie: dialektische Methode, logische Analysemethoden, Synthese, Ableitung, Induktion, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode, historische Methode, statistische Methode, Systemmethode.

Schlussfolgerungen. Die mit der Korruptionsbekämpfung im Unternehmenssektor verbundenen Probleme sind globaler Natur und gefährden die Entwicklung der Wirtschaft, die Stabilität des staatlichen Systems und die öffentliche Sicherheit aller Staaten. Das lässt sich insbesondere dadurch erklären, dass Korruption auch global wird und alle staatlichen Stellen aufgrund der Entwicklung des Marktumfelds und der Bildung vieler Kontakte im Geschäftsbereich umfasst. In der gegenwärtigen Phase der Entwicklung der Antikorruptionsregulierung und der Ausübung von Antikorruptionsmaßnahmen müssen die vorhandenen Erfahrungen bei der Umsetzung der Funktion der Aufsicht des Staatsanwalts als einer der wichtigsten Bereiche der staatlichen Antikorruptionspolitik überdacht werden. Die Analyse der problematischen Aspekte des Regulierungsrahmens der staatsanwaltschaftlichen Aufsicht über die Umsetzung der Antikorruptionsgesetze durch Handelsorganisationen sowie die Strafverfolgungspraxis der Strafverfolgungsbehörden und einige Statistiken im Bereich der Umsetzung der Funktion der staatsanwaltschaftlichen Aufsicht, die in dem Artikel durchgeführt wurden, führten zu der Schlussfolgerung über die bestehenden Voraussetzungen für die

Verbesserung der Aufsichtsmaßnahmen. Derzeit macht die Strategie der Korruptionsbekämpfung selbst politische und rechtliche Veränderungen durch. Auch verändern sich die sozioökonomische Entwicklung des Landes und die Sicherheitsprozesse. Unter diesen Umständen ist es wichtig, die Bemühungen auf die Aufrechterhaltung eines wirksamen Modells für die Entwicklung von Antikorruptionsaktivitäten zu konzentrieren, das in erster Linie auf dem rigorosen Vollzug der geltenden Rechtsvorschriften durch alle Subjekte von Antikorruptionsaktivitäten, einschließlich Handelsorganisationen, beruht.

Es ist notwendig, die zwingende Liste von Präventionsmaßnahmen korrupter Art für Handelsorganisationen zu konsolidieren, die je nach Organisationskategorie unterschiedlich ist; eine direkte und differenzierte Haftung für Korruptionsdelikte festzulegen, abhängig von einer ganzen Reihe von Faktoren, die Vertreter der Strafverfolgungsbehörden bei ihrer Arbeit berücksichtigen sollten; detaillierte methodische Empfehlungen zu den Fragen der Aufsicht der Staatsanwaltschaft zu entwickeln; die Transparenz des Einstellungsverfahrens in den Strafverfolgungsbehörden zu gewährleisten und die Kompetenz der Arbeitnehmer systematisch zu erhöhen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Es besteht in der Entwicklung einer Reihe von methodischen und konzeptionellen Empfehlungen und Vorschlägen zur Verbesserung der Funktion der staatlichen Aufsicht über die Einhaltung der Antikorruptionsgesetze durch Handelsorganisationen und zur Stärkung der Rechtsstaatlichkeit in diesem Bereich.*

Stichwörter: *Korruption in Unternehmen, Korruption im Wirtschaftssektor, Korruptionsbekämpfung, Gesetzgebung, gesetzliche Regelung, Korruptionsbekämpfungspolitik, staatsanwaltschaftlichen Aufsicht, Legalität, Einhaltung-Programm.*

Methodology: formal legal method, comparative legal method, synthesis, historical jurisprudence, systematic approach.

Conclusions: a fair and proper differentiation of criminal responsibility is one of the best ways in a successful fight against crime. Therefore, a successful differentiation of responsibility for all types of crimes always stands as a priority for the legislature. In the norms of the current criminal law, the differentiation of criminal liability for crimes of medical workers is made in a general form. This process is not regular and complete. Using various criteria, the author presents several options for the classification of professional crimes of medical workers according to the legislation of the Azerbaijan Republic. It is noted that the differentiation of responsibility should act as the main direction of the national criminal law, since the justice of the punishment and its adequacy to the committed act primarily depends on this. Therefore, the definition of criteria and means of differentiating criminal liability for professional crimes of medical workers, preparation of specific proposals for their formulation in the criminal law are modern tasks of criminal law.

Scientific and practical significance: Research contributes to the deepening of scientific and theoretical knowledge in matters related to professional crimes of medical workers, as well as the differentiation of criminal liability for considered socially dangerous acts. The presented article can create the conditions for the progression of legal thinking in this direction.

Keywords: life and human health, criminal law, professional crimes, patient, medical workers, differentiation of responsibility.

Some views concerning the “Legitimacy of the unrecognized states”

Aliyev N.H.

Mission: By drawing attention as an example to the Armenian-Azerbaijani Nagorny Karabakh conflict to demonstrate an illegitimacy of the state entities created as a result of ethnic and territorial conflicts in the post-Soviet space.

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. 1) In the modern world the establishment of the new states is process and phenomenon not encouraged by the International community and hence are not frequent in practice. 2) The formation of the new independent states is based the legal treaty (in any particular legitimate form), i.e. agreement to establish the states, acknowledged by the International community. This enabled in a civilized manner to step from the state entities created by means of weapons, violence, conquest and subjugation (USSR, SFRY and CSSR) to the independent states established on the basis of freely agreements and thus acknowledged and recognized by other democratic states. 3) Modern World community do not consider a violence as a way or method (approach) in a creation of the new state. The establishment of the new state in current democratic world is possible unless there is a legal treaty on the basis of free consent of redrawing the boundaries by all parties concerned. 4) Uti possidetis is a principle that constitutes a very important doctrine underlying the process of statehood acquisition by the new establishment according the international law. 5) The fact of the international recognition of the state, established in a way of the occupation of the territory of another state, can be considered as a precedent and will entail unpredictable consequences for the world community.

Scientific and practical significance. To seek ways of solving the conflicts, to overcome the current situation arisen in a number of CIS states.

Keywords: Azerbaijan Republic, Republic of Armenia, Armenian-Azerbaijani Nagorny Karabakh conflict, Legitimacy, occupation, Guidelines on the recognition of new states, the principle of the territorial integrity, the principle of uti possidetis.

Transport safety in international transportation

Aliyev E.A.

Mission: to compare and analyze the issues of transport security in international transport in the practice of Azerbaijan and some foreign countries.

Methodology: deduction, formal logical, historical legal and comparative legal methods.

Conclusions. On the basis of regulatory and doctrinal sources, the features of ensuring transport safety in international transport are considered.

Modern international transport law in the era of globalization is one of the main directions of multilateral regulation of intergovernmental economic relations.

It is no coincidence that it is this expanding range of relations that plays a decisive role in the formation and development of the branch of modern international law – international transport law. In modern conditions, the transport activity of states, directly transport, play an exclusive role in international integration processes. In addition, international transport is one of the connecting links between the economies of states, individual regions and continents, ensuring the active development of international trade and their external economic ties.

Under these conditions, the problem of the development and strengthening of the normative and legal content of the concept of economic super-government is particularly important, especially for the post-Soviet states. For such states as the Republic of Azerbaijan, not only the content of the sovereign right to freely dispose of its natural resources and endowments, exercise all aspects of economic activity, but also the realization of this right on a mutually beneficial and civilized basis are of paramount importance, in accordance with the requirements of modern international law.

The author notes that international transport relations, in essence, are relations arising in connection with the economic activity of states.

Scientific and practical significance. *Studying the experience of foreign countries in the field of ensuring transport security in international transport allows us to solve a number of problems associated with improving the transport legislation of the Republic of Azerbaijan.*

Keywords: *transport safety, international transport, transport legislation, international cooperation, international transport relations.*

About international legal regulation of protecting human rights and freedoms

Valiyev I.V.

Mission: *to review the history of the protection of human rights and freedoms, to analyze the logical connection of this history with modern international law, to identify its role in the formation of national legislation.*

Methodology: *deduction, historical analysis, comparative law.*

Conclusion: *the majority of international norms are not imperative. The mechanisms of their functioning are not defined for norms of an imperative nature. To do this, new international structures must be created, empowered to force the member states of the relevant structures to comply with the provisions of international instruments, or existing international bodies should be able to urge states that do not comply with international rules to discipline, including the use of force against them.*

Scientific and practical significance: *an excursion is made into the history of human rights legislation. An analysis of legal acts adopted in this area at various stages of history is carried out. It is also proposed to apply the positive aspects of the relevant acts to national legislation.*

Keywords: *human rights, international legal regulation, Magna Carta, Bill of Rights, United States Declaration of Independence, United Nations Economic and Social Council, Human Rights Commission, Optional Protocol.*

The main characteristic and classification of criminal legislation acts of the Democratic Republic of Azerbaijan (1918–1920)

Guliyev E.R.

Mission: *to research issues of main characteristics and classification of the legal acts, included in the criminal legislation of the Azerbaijan Democratic Republic (ADR). The focus here is on comparing them with similar acts of the period of Tsarist Russia and the Provisional Government. In addition, there was provided an overview of the content of the criminal laws of the ADR by specifying the most important features of their article's dispositions and sanctions.*

Methodology: *deduction, formal legal comparative legal methods.*

Conclusions. *The criminal legislation of the Azerbaijan Democratic Republic (1918–1920) consisted of acts that were diverse in form, content and purposes. This allows them to be classified according to various criteria. The ADR criminal law was characterized by succession when the legislator continued the tendency towards democratization and liberalization, laid down by the 1917 Revolution, but now within the framework of the new political and legal system of the Azerbaijan Democratic Republic.*

Scientific and practical significance. *The study of the experience of foreign countries, including the legislative regulation of the institution of conditional conviction, allows the Russian legislator to solve a number of problems related to the improvement of the relevant legal norms in the Criminal Code of the Russian Federation.*

Keywords: *criminal legislation, corpus delicti, sanctions, decree, Democratic Republic, Constituent Assembly, elections, classification of acts, succession, political development.*

Criminological aspects of ensuring food security in Azerbaijan

Gulaliyeva R.A.

Mission: the article is devoted to the analysis the situation of food security in the Republic of Azerbaijan and to ensure it not only through the general and special prevention of crimes in the sphere of economic activity and environmental security, but also because of the improvement of food literacy of the population.

Methodology: interdisciplinary legal research, analysis, synthesis, deduction, formal legal, dialectical, systemic methods.

Conclusions. According to the author, Azerbaijan's criminal legislation on economic and environmental crimes needs to be improved. The food policy of the Republic, as well as the education of food literacy among the population, requires further study and constant attention.

Scientific and practical significance. The author studies the decisions of the higher state authorities and administration on the problem under consideration, individual normative acts. Shortcomings in the sphere of food policy are identified. The author also proposes possible ways to eliminate them, which can contribute to improving food security in the Republic of Azerbaijan.

Keywords: security, food, criminology, ensuring.

Responsibility and punishment for international crimes in the penal legislation of Azerbaijan

Gurbanov H.S.

Mission: to consider international legal acts and analyze the features of the legislative regulation of crimes against peace and human security in the penal legislation of the Republic of Azerbaijan

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. Chapters 16 and 17 of the 1999 Criminal Code of Azerbaijan provide for twenty crimes that infringe on international and international humanitarian law. Of these, fourteen are against the peace and security of humanity and six are about war crimes. The author considers it quite reasonable to place the norms on these crimes at the beginning of the Special Part, since this corresponds to the provisions of Article 12 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan on the primacy of international law over domestic, public danger of international crimes (it acts as a criterion for the classification of the Special Part of the Code), the long-term perspective of the development of international criminal rights. For all crimes against peace, the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan provides for punishment in the form of imprisonment, but in one case it is possible to apply additional punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities (Article 101.2). According to the author, such an additional punishment should be provided for in the sanctions of article 114.2 of the Criminal Code of the Azerbaijan Republic, since this crime is committed by a person using his official position.

Scientific and practical significance. Studying the issues of differentiation of responsibility and punishments for their commission also allows us to make separate proposals aimed at clarifying their legislative features and the sanctions provided for them.

Keywords: responsibility, world, humanity, safety, punishment, international law, crime.

Heydar Aliyev's criminological views

Matskevich I.M.

Mission: to analyze Heydar Alyev's ideas on the fight against crime. To compare them with the practical measures that he implemented in this direction of his practical activities.

Methodology: methods of historical, dialectical and comparative analysis.

Conclusions.

Heydar Aliyev paid much attention to the fight against crime.

The implementation of Heydar Aliyev's ideas on the fight against crime can be called Practical Criminology.

Heydar Alyev's ideas in the field of youth policy require a separate study.

The development model of law enforcement agencies in Azerbaijan can be used in other countries, including Russia.

Heydar Aliyev paid great attention to international cooperation in the fight against crime.

Scientific and practical significance. This article should be of interest to those who seek to study the positive experience of combating crime in other countries.

The study will allow to look at the possibilities of preventive work in Russia impartially, based on how this activity is built in Azerbaijan. The experience of practical reduction of crime several times and the de facto elimination of street crime cannot leave anyone indifferent.

Keywords: *president, politics, religion, youth, law enforcement agencies, crime, Practical Criminology, prevention, control, corruption, organized crime.*

Some aspects of criminological research of organized crime

Mirzoev A.K.

Mission: *to compare and analyze the experience of legislative regulation of the institution of qualification of crimes committed by a group of persons by prior conspiracy or organized criminal group provided for in the criminal codes of Azerbaijan, Russia, Ukraine, as well as the existing terms corruption, bribery and problems in this area.*

Methodology: *deduction, formal legal method, comparative legal method.*

Conclusions: *in accordance with Art. 34 of the Criminal Code of the AR, a crime is recognized as committed by an organized group if it is committed by a stable group of two or more persons who united in advance to commit one or more crimes. It is the commission of one crime that raises doubts about the reality of its qualification as perfect by an organized criminal group, since there is no initial purpose of an organized criminal group, namely the lack of stability. According to the author of the article, the stated position of the legislator is very controversial.*

The concept of corruption is enshrined in law (Article 1 of the Law of the Republic of Azerbaijan "On Combating Corruption"), however, this definition is vague in content and does not reveal the real essence of corruption, but only actually displays several dispositions of articles of the Criminal Code (bribe, abuse of authority, abuse of office authority, etc.). The author of the article discusses some of the existing problems in this area and, taking into account criminological and criminal legal features, it is proposed to amend the Law of the Republic of Azerbaijan and a new definition of corruption is proposed.

Scientific and practical significance: *the study of the legislative regulation of the qualification of a crime by a group of persons by prior conspiracy or by an organized criminal group will improve criminal law and neutralize difficulties in the process of proving an act, which ultimately will have a beneficial effect on the fair selection of punitive measures and the effectiveness of the fight against crimes of this category.*

The investigation of corruption crimes, the identification of the maximum number of participants and their criminal prosecution will be one of the main directions for the prevention of corruption crimes.

Keywords: *preliminary conspiracy, organized crime, corruption, qualification of corruption crimes, criminal relations, patronage.*

Issues of social state building

Mustafayev C.F.

Mission: *to analyze the experience of foreign countries regarding the social state building. To formulate the specific proposals on building a social state in the post-Soviet territory.*

Methodology: *historical and comparative legal methods.*

Conclusions: *the author believes that the countries of the post-Soviet territory must develop on the path of social state building. In capitalism, social projects are primarily carried out to ensure the safety of property of wealthy people and prevent revolutionary situations. A socialist society is the most acceptable to build a social state. Not only the future of post-socialist countries, but of the humanity as a whole depends upon the development of the ideas of social state in the context of a socialist society. As to the particulars of social state building in CIS countries, the author think that some historical events and processes in the history of USSR should be objectively evaluated to this effect. Moreover, the post-socialist countries must follow the path of social state building and creation of their voluntary union in order to confront the global imperialism.*

Scientific and practical significance. *The analysis of various models, features and functions of a social state and identification of sources of errors in building socialism in USSR and geopolitical features of globalization, as well as threats in future, etc. are fundamentally important for the building of a social state.*

Keywords: *social state, state models, state functions, state characteristics.*

Punishment in the Scriptures

Ragimov I.M.

Mission: *to reveal the origin and development of the tradition of people's perception of criminal punishment as the fulfillment of Divine Retribution. To understand the ancestors' attitude to this issue by analyzing fragments of the*

Holy Scriptures. To identify the connection of religious, national and social sources of influence on the formation of the legal institution of Execution of Punishment. To consider, what role the sense of justice, duty, and fear played in this process.

Methodology: comparative-historical method, analysis.

Conclusions. 1) The origin of the concept of punishment is connected, first of all, with the Commandment of the Bible. 2) This concept is defined by God the Almighty. 3) Punishment is the exclusive right of God, which He transfers to civil society. 4) The basis for punishing a person is his free will. 5) Punishment is imposed for the purpose of expiation. 6) Religions have practical significance in the physical world.

Scientific and practical significance. The article allows to trace the dynamics of the historical development of the philosophical and legal concept of punishment. The periodization of the formation of punishment as an institution of law is given. It is concluded that different peoples saw in the need to implement punishment the Will of God, which is reflected in their religious views. In particular, the work examines certain aspects of Christian, Muslim and Jewish teachings that gave rise to the tradition of such interpretation. With the change of epochs, the attitude of people to the motives and means of execution of punishment changed. However, this process has always been understood as a kind of retribution, by performing which a person fulfills his religious, human and civic duty both to God and to other people.

Keywords: theological concept, punishment, religion, Holy Scripture, legislation, traditionalism, philosophy of law, folk wisdom, punitive measures, criminal law.

United Nations Global Counter-Terrorism Strategy and the need to improve the work to correct and re-educate persons convicted of religious terrorism

Salimov K.N.

Mission: to analyze the main directions of the implementation of the United Nations Global Counter-Terrorism Strategy, which is the main document of the international community in the fight against terrorism. To examine the international practice of keeping terrorists in places of deprivation of liberty, and identify its main shortcomings.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, logical, general scientific, private scientific, legal and interdisciplinary methods.

Conclusions. As a result of the study, the author comes to the conclusion that for the effective prevention of new terrorist acts among persons released from places of deprivation of liberty, it is necessary, on the basis of generalizing international experience, to develop general recommendations on the correction and re-education of persons who have committed terrorism for religious reasons. To this end, the establishment of 12 specialized thematic working groups under the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) is proposed.

Scientific and practical significance. The author describes in detail the personality characteristics of convicts who have committed acts of terrorism for religious reasons. The statistics of the commission of repeated acts of terrorism after release from punishment. One of the drawbacks of working in this direction, according to the author, is the lack of recommendations for correcting and re-educating convicts of this category, taking into account the psychological characteristics of their behavior and perception of the surrounding reality. The programs of their re-education are given. Thanks to them it was possible to achieve significant progress in this direction. The basic methodological approaches, as well as the organization of work in places of deprivation of liberty are shown.

Keywords: terrorism, UN, convicted, correction, religious.

Criminal Liability for High Treason in the Criminal Law of the Republic of Azerbaijan

Samadova S.T.

Mission: to compare and analyze issues of responsibility for high treason in the criminal codes of Azerbaijan and some foreign countries.

Methodology: deduction, formal logical, historical and comparative legal methods.

Conclusions. Based on normative and doctrinal sources, the features of high treason in the Azerbaijan criminal law are considered. High treason as an independent type of crime was first provided for in the 1927 Criminal Code of the Azerbaijan SSR. Subsequent criminal laws of Azerbaijan as a whole have maintained continuity in determining the objective and subjective signs of this crime. The disposition of Article 274 of the Criminal Code indicates the constituent elements of the object of the crime: sovereignty, territorial integrity, state security or defense capability of the Republic of Azerbaijan. Such forms of high treason as flight abroad and refusal to return from abroad were

decriminalized in full compliance with international standards in the field of protection of human rights and freedoms. The norms of the laws of states in the post-Soviet space, providing for criminal liability for this crime, have no fundamental differences. Slight discrepancies exist in the name of the crime itself, in determining the immediate object of the crime, in determining the special conditions for exemption from criminal liability. The author considers it appropriate to differentiate criminal liability for treason in the event of the commission of this crime by a member of the armed forces.

Scientific and practical significance. *Studying the experience of foreign countries in the field of determining criminal liability for high treason allows us to solve a number of problems associated with improving the criminal law of the Republic of Azerbaijan.*

Keywords: *high treason, criminal law, external security of the state, sovereignty, territorial integrity, object of crime, state secret, espionage.*

Anti-corruption legislation of Russia in the XVIII–XIX centuries

Bartsits I.N., Krakovsky K.P.

Mission: *in advancing the values of administrative reforms, the Russian administration system faces the same difficulties as most other countries. Leading among them is the problem of corruption. Corruption in Russia is a systemic problem and a threat to public administration, the country's economic development and national security. The article examines the development of legislation against extortion, bribery in the public administration system in the Russian Empire during the 18th and 19th centuries, attempts to codify it of the 19th century, and also presents an analysis of statistical data on combating corruption for the first and second half of the 19th century. Mission of this work is to form a presentation of the evolution of domestic legislation during the 18th and 19th centuries in the field of combating corruption, its content and role in the theory of state forming and the practice of administrative reforms based on an analysis of scientific sources, historical data, texts of legislative acts and other legal norms.*

Methodology: *carrying out this study, the author uses the methods of historical and comparative jurisprudence, classifies and interprets historical legal data from legal and non-legal sources, and using a systematic approach, synthesizes conclusions about the significance and role of legislation against bribery for the public administration system in the Russian Empire during the XVIII and XIX centuries.*

Conclusions. *The stages of development of the anti-corruption legislation of Russia in the 18th-19th centuries are highlighted and systematized. The author noted that, along with individual causes of the problem of combating corruption (the system of “feeding”, the formation of the composition of civil servants, mainly from low-income and low-educated sectors of the population, low wages, permissiveness and legal nihilism of rich and noble people, characteristic of a strictly regulated estate society, etc.) there were common, deep reasons, in particular, bribery in Russia in a historical perspective – is a result of the “joint efforts” of the state, administration and society.*

Scientific and practical significance. *The evolution of anti-corruption legislation of Russia in the 18th–19th centuries from inconsistent and unsystematic approaches to codified acts, with the elaboration of many aspects of the elements of crimes related to bribery, as well as their impact on public administration and administrative transformations, which serves as a good theoretical and practical foundation for the development of new more effective measures and measures to combat corruption in modern Russia.*

Keywords: *bribery, corruption, anti-corruption legislation, unlawful extortion, extortion, public administration, anti-corruption, administrative reforms, official.*

Social and legal conditionality of the criminal law protection of public relations in the implementation of the national project “Healthcare”

Brazhin Yu. Yu.

Mission: *study of the socio-legal conditionality of the criminal law protection of public relations in the implementation of the national project “Healthcare”.*

Methodology: *deduction, formal legal, comparative legal method.*

Conclusions. *The destructive impact on the implementation of the national project “Healthcare” as a result of criminal attacks entails damage not only to the economic interests of the state, but also poses a threat to life and health for every person. The repeated unlawful behavior and its sufficient prevalence in society are a consequence of the lack of criminal law protection of budget relations, part of which is the established procedure for spending*

money. The author comes to the conclusion that there is a need to develop criminal legal instruments to protect public relations in the implementation of the national project "Healthcare".

Scientific and practical significance. The study of the social conditioning of the criminalization of acts in the implementation of the national project "Healthcare" revealed a criminal law need to improve the relevant standards in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: social conditioning, national project, criminal law policy course, budget.

Problems in determining the location of the conduct of a preliminary investigation

Kravchenko O.A.

Mission: the correctness of determination of the location of the conduct of a preliminary investigation indicates compliance with the principle of legality in criminal proceedings. It also illustrates the achievement of goals to protect the rights and legitimate interests of individuals and organizations that have become crime victims and to protect individuals from unlawful and unfounded charges, convictions, restrictions on their rights and freedoms. Science addresses the general issues of determining the place of the conduct of a preliminary investigation. However, little attention is paid to the consideration of issues related to the implementation of the discretionary powers of a higher investigative body to determine the place of preliminary investigation. The article identifies the necessary conditions for the use of these powers by the investigative body and examines judicial practice for compliance with these conditions.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.

Conclusions. The law does not clearly distinguish between «the location of the conduct of a preliminary investigation» and «the location of the preliminary investigation body», which allows law enforcement agencies and courts of General jurisdiction to equate these concepts.

Scientific and practical significance. Detection of shortcomings of legal regulation related to the possibility of determining the jurisdiction of the case administratively by means of a law enforcement decision before a legal situation arises (for example, before the investigator submits an application to the court for the election or extension of a preventive measure in the form of detention) by changing the investigative body to a non-higher one, including another of the same, for example, the district level. From a practical point of view, the elimination of these shortcomings should facilitate the proper application of the relevant rule of law and the correct determination of the location of the conduct of a preliminary investigation.

Keywords: location, preliminary investigation, location of the body, subjective discretion, conditions of application, judicial practice, legal positions, competence, jurisdiction, constitutional provisions, deprivation of rights, judicial protection.

A look at some elements of the crime prevention system in the Russian Federation through the prism of social and entrepreneurial experience

Barkov A.V.

Mission: of the presented study is to assess the possibilities of using the potential of social and entrepreneurial tools while improving the mechanism of legal support for post-prison resocialization as an element of the crime prevention system in the Russian Federation.

Methodology: of the research is based on the development of an approach on the high methodological potential of socio-entrepreneurial ideology, as a methodological basis for solving a wide range of social problems, providing the opportunity to combine the efforts of poly industry tools in promising scientific socially oriented studies, on a wide arsenal of scientific methods, among which the most popular: empirical (comparison, measurement, description, interpretation) and theoretical-formal and dialectical logic.

Conclusions. The legalization of social entrepreneurship in Russia has given a new impetus to the development of the mechanism of post-penitentiary re-socialization, has acted as a guarantor of state support for employers, employers released from prisons, in need of social adaptation and rehabilitation, and successful foreign social and entrepreneurial experience may be required while improving the system of crime prevention in the Russian Federation. In support of the conclusion, scientific and practical recommendations have been developed that consist in the need to improve the Russian approach to determining the minimum wage, taking into account the law enforcement experience of French social enterprises, designed to guarantee this category of people a dignified existence and ensure speedy social adaptation. In France, not the minimum wage is guaranteed, as in Russia, but at the legislative level, the

maximum acceptable difference in wages of the directorate of the employer and the workers is determined, which seems fairer. The next recommendation is the need to expand the list of socially vulnerable categories of citizens recorded in clause 1.1 of article 24.1 of the Law on Social Entrepreneurship by referring to the data of citizens who have undergone rehabilitation and treatment for mental illness, drug addiction, alcoholism and substance abuse, as regulated in Italy. The implementation of this recommendation will make it possible to re-socialize and adapt a wider range of potential offenders who have not yet taken the criminal road, but who are at risk, and those with a criminal past and, therefore, generally improve the effectiveness of the offense prevention system in the Russian Federation.

Scientific and practical significance. Of the study seems to be the validity of using social and entrepreneurial experience as an empirical basis for improving the system of crime prevention in the Russian Federation.

Keywords: crime prevention, post-penitentiary re-socialization, social rehabilitation, social adaptation, social entrepreneurship.

Russian and foreign experience of counteraction to criminal bankruptcies

Maslakova Elena A.,

Prihodko Natalia Yu.

Mission: to examine the historical background and social conditionality of criminalization of crimes in the field of bankruptcy; to analyze foreign experience of criminal legal regulation of criminal bankruptcy liability based on Germany, England, France, Spain, Italy and the United States; to investigate important criminological factors of criminal bankruptcies, such as: complexity of criminal methods, high level of latency, specific features and properties of the person of the subject of the crime, stable position among other official crimes.

Methodology: presented by general scientific methods: synthesis, system analysis, dialectical method, also used special scientific methods: historical and legal method, legal comparison, theoretical and legal method. All the above methods used in a single complex allowed for a comprehensive system analysis of the institute of criminal bankruptcies.

Conclusions. It should be recognized that the belonging of countries to a particular legal family, although it determines certain specifics of national legislation, does not cause fundamental and significant differences in the formation of legal institutions and methods of legal regulation. The main influence on the development of the institution of criminal bankruptcy, the degree of its settlement and regulation, seems to be due to the combination of cultural, historical, and to a greater extent, political and economic characteristics of a particular country. In this regard, a generalizing analysis can help identify the right way to improve domestic legislation in order to increase its effectiveness.

Scientific and practical significance. In the course of the research, some imperfections in the legislation of foreign states regulating criminal bankruptcies were identified, which confirms the need for a deeper study of individual problems by legal experts. This will make it possible to eliminate further gaps in legislation, including national legislation, which is important for the correct qualification of crimes committed. The achievement of this result determines the practical and scientific significance of the study. The results obtained in this work can become the basis for new research, as well as be used by law enforcement as an auxiliary source for more accurate and correct qualification of crimes in the field of bankruptcy.

Keywords: criminal bankruptcies, crime structure, contradictions, fictitious bankruptcy, criminal bankruptcy, edict, bankruptcy, insolvency.

Countering the apology of terrorism on the global Internet in the European legal space

Petryakova A.V.

Mission: the research is oriented on the problems of the criminalization of terrorism propaganda via Internet in the EU. Apology, glorification of terrorism, showing disrespect for the victims of terrorism on the Internet need to be regulated equally both inside the countries and on the regional and international levels. The transfer of these relations from the informational-legal sphere to the criminal-law sphere is also required.

Methodology: comparative legal analysis, synthesis, method of interbranch legal research.

Conclusions. The idea of combating terrorism at the supranational level in the European Union has received a new content. Directive 2017/541 has been supplemented with novelties, including the criminalization of public provocation to terrorism. The author concludes that there is a heterogeneous approach to the implementation of the directives of the European Parliament and the Council of the European Union (in particular, Directive 2017/541) by the Member States, which is an absolute obstacle to the unification and harmonization of European Union legislation.

Scientific and practical significance. Studying the Directive 2017/541 is interesting firstly because it is a legal document of interbranch nature, containing norms of criminal law, criminal procedure law, and administrative law. Secondly, the study of the process of the implementation of supranational (regional) EU legislation in the legislation of the Member States is of practical value. Even though Directive 2017/541 is mandatory because it is dedicated to the combating terrorism, not all Member States have fully and timely implemented its norms into the national legislation. Thirdly, the study of Directive 2017/541 and the national law of the EU Member States regulating the combating terrorism has scientific and practical significance for the purposes of joining efforts in the European space to combat terrorism and extremism, including in the Internet sphere, the development of new universal methods and tools, administrative regulations and procedures.

Keywords: Internet, terrorism, glorification, propaganda, calls for terrorism, Directive 2017/541, provocation, incitement, praise, apology, blocking, removal of content, supranational regulation, international law, cyberterrorism.

Where are prison sentences executed in the Republic of Serbia?

Milić I.D.

Mission: in the Republic of Serbia there are more than thirty penal institutions in which prison sentences are carried out. The goal of this work is to present the criteria used to decide in which specific penal institution a convict will serve his sentence, as well as to highlight in which institutions other criminal sanctions are executed which require confinement.

Methodology: considering that existing positive law solutions are the subject of the work, an analysis of relevant legal acts will be used. Certain information regarding the number of convicts in penal institutions will also be used in the work, as statistical data.

Conclusions. All penal institutions in Serbia are overpopulated, which interferes with the resocialization of convicts. Which penal institution a prison sentence will be served in depends on several criteria, but there are certain contradictions in existing laws, which affect legal certainty. In future changes and amendments to laws regarding the execution of sentences it will be necessary to rectify the conflicting provisions.

Scientific and practical significance. It is important to present current solutions regarding penal institutions and other institutions in which criminal sanctions are executed, with the goal to identify certain shortcomings and the possibilities for introducing improvements in this area.

Keywords: penal institution, assigning convicts, minor, convict, female convict, foreigners, organized crime, special division.

On the issue of the effectiveness of prosecutorial supervision of the implementation of anti-corruption legislation by commercial organizations

Korchagin O.N.

Mission: the purpose of this article is to determine the level of effectiveness of prosecutorial supervision in the implementation of anti-corruption legislation by commercial organizations. The subject of the study is the contradictory aspects of the legal regulation of issues related in one way or another to the problem of state supervision of the implementation of anti-corruption legislation by commercial organizations.

Methodology: dialectical method, logical methods of analysis, synthesis, deduction, induction, formal legal method, comparative legal method, historical method, statistical method, system method.

Conclusions. The problems associated with combating corruption in the business sector are global in nature and threaten the development of the economy, the stability of the state system and public safety of all states. This can be explained, in particular, by the fact that corruption also becomes global, encompasses all state entities due to the development of the market environment, the formation of many contacts in the business sphere. At the present stage of the development of anti-corruption regulation and the practice of anti-corruption activities, there is a need to rethink the existing experience in the implementation of the function of prosecutorial supervision, as one of the most important areas of state anti-corruption policy. The analysis of the problematic aspects of the regulatory framework of prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption legislation by commercial organizations, as well as the law enforcement practice of the prosecution authorities and some statistics in the field of the implementation of the function of prosecutorial supervision conducted in the article led to the conclusion about the existing prerequisites for improving supervisory measures. Currently, the strategy of anti-corruption activity itself is undergoing political and legal changes, the country's socio-economic development is changing, and security processes are transforming.

In such circumstances, it is important to concentrate efforts on maintaining an effective model for the development of anti-corruption activities, based, first of all, on the rigorous implementation of existing legislation by all subjects of anti-corruption activities, including commercial organizations.

It is necessary to consolidate the imperative list of preventive measures of a corruption nature for commercial organizations, which varies depending on the category of organization; to establish direct and differentiated liability for a corruption offense, depending on a whole set of factors that representatives of the prosecution authorities should take into account in their work; to develop detailed methodological recommendations outlining the issues of prosecutorial supervision; to ensure the transparency of the recruitment procedure in the prosecution authorities and to systematically increase the competence of employees.

Scientific and practical significance. *It consists in the development of a set of methodological and conceptual recommendations and proposals for improving the function of state supervision of compliance with anti-corruption legislation by commercial organizations and strengthening the rule of law in this area.*

Keywords: *business corruption, corruption in the commercial sector of the economy, anti-corruption, legislation, legal regulation, anti-corruption policy, prosecutorial supervision, legality, compliance program.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1 500 до 3 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
<i>Scientific and practical significance.</i>	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на английском языке:

Качалов В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V. V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], LexRussica, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)